РАЗДЕЛ АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ

ПО СЕКРЕТНЫМ ДОКУМЕНТАМ
б. Министерства Иностранных Дел

ИЗДАНИЕ ЛИТИЗДАТА НКИД
МОСКВА—1924.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РАЗДЕЛ АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ

по секретным документам б. министерства иностранных дел

Под редакцией Е. А. Адамова

Издание Литиздата НКИД
Москва 1924

ПЕЧАТАНО ПО ПОРУЧЕНИЮ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ.

Главлит № 16.600. Тираж 1500 экз.

6-я типо-литография „ТРАНСПЕЧАТИ“ НКПС. Большая Переяславская, 46.

Настоящее собрание дипломатических документов по вопросу о разделе Азиатской Турции между державами Антанты продолжает работу, начатую изданием „Европейские державы и Греция“, удостоившимся со стороны французской критики признания его „одним из важнейших источников по истории мировой войны“ [1]). Вопрос о разделе Азиатской Турции приобрел не только вполне самостоятельное политическое значение с момента вступления Турции в войну, но и определяющий политику союзных держав для ближайшего послевоенного периода характер. С вопросом о Константинополе и проливах он связан органически и неразрывно: притязания России сделаны были поводом и основанием для приступа к осуществлению притязаний западных держав в азиатских владениях Турции; поэтому дипломатические документы на тему: „Константинополь и Проливы“ должны составить третье, гораздо более обширное по размерам и по захватываемому периоду времени собрание, завершающее работу, предпринятую нами. Тем не менее, мы сочли необходимым, в виду указанной выше органической и неразрывной связи политических действий в отношении Константинополя, проливов и Азиатской Турции, включить в настоящее издание некоторые документы, относящиеся к соглашению о Константинополе и проливах, составлявшему одну из главных осей в системе дипломатических переговоров о разделе Азиатской Турции.

---

[1]) „Mercure de France“, 15 août 1923, стр. 258.

Дипломатическая переписка о разделе Турции за первые три года войны в главной своей части представляет дело, специально подобранное в русском министерстве иностранных дел, хранившееся до революции в секретном архиве министерства иностранных дел, а в настоящее время находящееся во втором отделении Государственного архива центрального архивного ведомства (Центрархив). Дело это состоит в большей части из министерских копий (литографированных оттисков), заключенных в кожаную папку крупного формата, с общим заголовком: „Раздел Азиатской Турции“, надписанным, повидимому, рукою вице-директора канцелярии мин. ин. дел Н. А. Базили.

При изучении этих материалов выяснилось, что дело было подобрано в министерстве иностранных дел далеко неполно, в виду чего публикуемое нами собрание документов было значительно дополнено по другим источникам, частью из того же фонда,—из папок „Константинополь и Проливы“ (1915 г.), „Россия и Союзники“, „Италия“, а также из папок входящих и исходящих телеграмм министерства иностранных дел за 1914—1917 г.г. (Общий архив Н. К. И. Д.). Сверх того, мы имели счастливую возможность использовать для этого издания часть архива б. французского посольства в Петрограде. Дальнейшие указания даны в подстрочных примечаниях.

Некоторые из печатаемых здесь документов были использованы нами, в другой связи, в издании „Европейские державы и Греция“ [1]), ссылкой на которое можно было ограничиться в других случаях. Указания на русские и иностранные издания дипломатических документов, относящихся к данному вопросу, а также общие библиографические указания даны также в подстрочных примечаниях.

---

[1]) №№ CXCIV, CXCIX, CCLXXXVI, CCXC, CCCII нашего издания.

Раздел Азиатской Турции

I. Экономические предпосылки

§ 1. Проникновение в Турцию европейского капитала.

Начиная с 30—40 г.г., Турция, будучи по преимуществу страной натурального хозяйства, попадает в орбиту западного капитала, сначала торгового, потом финансово-промышленного. Правда, уже значительно раньше Оттоманская империя вступила в коммерческие сношения с Европой. Уже в конце XVI века была образована в Англии знаменитая «Левантинская торговая компания» (Company of Merchants of the Levant). С давних пор Франция капитуляциями обеспечила своим купцам привилегии в портовых городах Турции. Аналогичные права были приобретены по договорам — или вырваны силой — и другими странами.

Однако, в XIX веке резко меняется и масштаб, и характер этой торговли. Вплоть до половины XIX века вывоз из Турции собственных и транзитных товаров значительно превышал европейский ввоз. При этом значительная часть турецкого вывоза состояла из продуктов туземной промышленности: тканей, сукон, пряжи и т. п. В 40-х годах прошлого столетия европейские страны заключают с Турцией договоры о свободной торговле, предоставляющие им исключительные выгоды. Ввозные пошлины определяются этими договорами всего в 3%, транзитные в 1%; при низкой же турецкой валюте ввозная пошлина в действительности никогда не превышала 1%. Вооруженный политическими, юридическими и экономическими привилегиями, крепнущий европейский капитал производит переворот в хозяйственной жизни Турции. Турецкий вывоз, который в 1851 году еще почти равнялся европейскому ввозу (47,5% всего товарооборота), спустя 60 лет падает до одной трети общего торгового оборота (36% в 1911 г.) [1].

[1] Цыфры для 1851 г. взяты у A. Ubicini—Lettres sur la Turquie. P. 1853 v. I. Цыфры для 1901 г. и последующих годов—из Statesman's Year Book.

Европейские страны ввозят фабрикаты и, в первую очередь, всевозможные текстильные изделия. Туземная кустарная промышленность не может выдержать натиска западного капитала и стремительно исчезает. В Скутари и в Тырнове в 1812 г. насчитывалось около 2000 ткацких станков, на которых выделывалась кисея, в 1846 году их осталось едва 200. В начале XIX в. Алеппо на 100 милл. фр. вывозил всевозможных тканей, спустя же 50 лет эта цыфра упала до 7—8 милл. фр. Цветущая промышленность Ангоры (выделка сукон и шелка) была целиком убита европейской конкуренцией.

Импортируя фабрикаты, западные страны взамен вывозили из Турции сырье: шерсть, шелк-сырец, хлопок и т. д. «Лишенная собственной индустрии, Турция принуждена ввозить западные товары; в обмен она дает свои сельскохозяйственные продукты, выражающиеся в низкопробной валюте, которая постоянно теряет свою ценность, понижая в том же размере доходы государства» [1]).

Работа иноземного коммерческого капитала произвела глубокие изменения в народной жизни Турции. С середины прошлого столетия начинается расцвет ее портовых городов. Оживленная торговля стягивает туда население, привлекаемое, кроме того, сравнительной легкостью податного бремени. Нарождается многочисленный класс туземных скупщиков, коммерческих агентов, мелочных торговцев и т. п. В 70-х годах в Трапезонде на 33.000 жит. приходилось 1232 лавки, т.-е. одна лавка на каждые 27 жителей; в Кастамуни одна лавка приходилась даже на каждые 16 жителей [2]). Эта гипертрофия внутренней торговли объясняется, с одной стороны, крайне мелочным характером, а с другой,—большим масштабом коммерческих сношений с Западом.

Вслед за коммерческими успехами западного капитала, начиная с 60-х годов, мы наблюдаем финансовое завоевание Оттоманской империи. Работу европейцев облегчала финансовая разруха, продолжающаяся в Турции почти двести лет. Внутри страны царило поголовное взяточничество, откупная система взимания налогов (ильтизам) и административный произвол. Вся страна была перегорожена таможенными рогатками. Внутренние таможни взыскивали от 15—50% со всех перевозимых продуктов. Зерно, идущее на помол из Бруссы в Константинополь, облагалось 8%; перевозимое обратно в виде муки, оно вновь оплачивалось 8%. Го-

---

[1]) Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. P. 1892. v. I.

[2]) Дж. Пальгрев. Отчет о провинциях Анатолии. 1867 – 1872. Изд. Кавк. отд. Р. Геогр. Об-ва. Тифл. 1872.

сударственные поступления расходовались самым непроизводительным образом; в 1856 г. доходы были исчислены в 168 милл. фр.; из них 65% шло на цивильный лист султану и царствующему дому, на армию и флот и на выкуп феодальных повинностей. На остальные государственные нужды шло, таким образом, лишь 35%. Ежегодный дефицит правительство восполняло выпуском бумажных денег («кайме»), которые неудержимо обесценивались, доходя до $^2/_5$ номинальной стоимости.

Несмотря на этот финансовый хаос, вплоть до 60-х г.г. Оттоманская империя не имела государственного долга, если не считать сравнительно незначительных обязательств казны по отношению к армянским банкирам Галаты.

Это положение вещей круто изменилось после Крымской кампании. Огромные расходы на войну вызвали небывалый дефицит (около 80 милл. фр.). К этому присоединились расходы на представительство и на внешнюю европеизацию страны, так как Турция после Парижского конгресса, как известно, была принята в европейский концерт держав. Препятствием для получения иностранных кредитов являлось отсутствие бюджетных росписей. В 1862 году был составлен первый оттоманский бюджет, согласно которому доходы, якобы, превышали расходы на 29 милл. франков. Чтобы завоевать доверие европейских финансистов, был также образован «высший финансовый совет» с 3-мя европейскими советниками.

После того, как в 1854—62 г.г. удалось заключить первые государственные займы, они множились с необычайной быстротой. Сначала они шли на покрытие дефицита, затем почти исключительно на уплату процентов по прежним обязательствам. К 1863 г. было заключено уже 10 займов, на 1 миллиард франков. Через два-три года наступил полный финансовый кризис, и векселя казначейства перестали оплачиваться. Воспользовавшись франко-прусской войной, Турция отказалась платить проценты французским держателям бумаг.

В 1875 году государственный консолидированный долг достиг $5^1/_2$ миллиардов франков, государственных доходов едва хватало на покрытие процентов. Европейским кредиторам пришлось пойти на уступки: было заключено соглашение с Портой, по которому она в течение пяти лет оплачивала проценты лишь в половинном размере. Русско-турецкая война (1877—78 г.г.) нанесла решительный удар турецким финансам. Помимо займов и выпуска бумажных денег, вызванных военными нуждами, Оттоманская империя должна была нести бремя контрибуции, достигавшей 800 милл. фр. Последовало полное финансовое банкротство.

Чем же объясняется та необычайная легкость, с которой Турция получала деньги на европейских биржах? В 60—70 г.г. развилась бешеная спекуляция турецкими бумагами. Порта платила от 7—13% по своим обязательствам, и немудрено, что европейские рантье на них подписывались на-перерыв.

Но помимо этой волны ажиотажа и спекуляции, европейские державы проводили при этом продуманный план: путем финансового завоевания Турции—добиться ее политического подчинения. Уже в 1861 году, в момент острого финансового кризиса, английский посол в Константинополе предлагал Высокой Порте 1) консолидировать все государственные долги и обеспечить их специальными доходами и 2) установить смешанный интернациональный контроль над финансами империи.

§ 2. Оттоманский долг.

На Берлинском конгрессе великими державами была сделана попытка формально подчинить Турцию своему финансовому контролю. Они заявили о своем решении учредить в Константинополе финансовую комиссию из делегатов, назначенных заинтересованными державами, которая должна была рассмотреть претензии кредиторов и выработать действительные меры к удовлетворению их.

Турецкое правительство, считая это предложение несовместимым с политической независимостью Турции [1]), пыталось добиться непосредственного соглашения с кредиторами. В 1881 году ему удалось заключить это соглашение (дополненное в 1903 г.) с синдикатами турецких кредиторов на следующих условиях: 1) государственный долг Турции уменьшался на половину, т.-е. с 5,2 миллиард. фр.—до 2,5 м. фр., (каковую сумму она в действительности и получила); 2) для уплаты процентов и амортизации государственный долг обеспечивался доходами с акциза на соль, спиртные напитки, табак, шелк, рыбные промыслы, гербовый сбор. На погашение долга шли и другие второстепенные поступления, так, напр., трибуты с балканских вассальных стран.

Для заведывания государственным долгом была создана администрация оттоманского долга, превратившаяся в своего рода

---

[1]) Ответ турецкого представителя: „Турция не может принять заявления уполномоченных Франции, Великобритании и Италии в выражениях, в которых оно сделано... кредиторы Порты должны прийти к соглашению между собою и с турецким правительством, которое, со своей стороны, постарается их удовлетворить в меру своих рессурсов".

государство в государстве. Эта администрация[1]) создала огромную организацию, охватывающую всю империю: 720 агентур при 5000 чиновников. Вся страна делилась на назареты (дирекции) и мудирии (суб-дирекции), во главе которых стояли административные советы, назначаемые центральным правлением. Тысячи директоров, инженеров, контролеров и других чиновников следили за правильным поступлением доходов, закрепленных за администрацией долга. Доходы последней систематически увеличивались: в 1882/3 г.г. они равнялись 2,2 милл. тур. лир, спустя 25 лет, в 1908 г., они достигали уже—3,9 милл. т. ф., т.-е. почти удвоились. Не менее одной трети всех доходов Турции поступает в распоряжение администрации.

Различные державы были перед войной не одинаково заинтересованы в оттоманском долге, как показывает нижеследующая таблица:

Франция	60,3%	— ок.	$2^1/_2$	миллиардов фр.
Германия	21,3%	— „	850	миллионов „
Англия	14,2%	— „	600	„ „
Италия	3%	— „	120	„ „

Для осуществления табачной монополии была создана в 1881 году особая организация также общеимперского характера, т. наз. «Управление табаководством» (Régie cointéressée des tabacs de l'Empire Ottoman). Управление дает разрешение на производство табака, контролирует урожай и имеет преимущественное право на закупку его. В случае разногласия в оценке, производитель табака имеет право продать его другим экспортерам, но право это осуществляется чрезвычайно редко, так как агенты Régie дают крестьянам авансы под урожай и таким путем скупают его на корню. Наконец, эта же организация имеет исключительное право на производство всех табачных изделий (папиросы, сигары и т. п.) и взимает таможенные пошлины за ввозимый или вывозимый реза-

---

[1]) Состав ее совета: англичанин, представлявший одновременно интересы голландцев и бельгийцев, француз, германец, итальянец, австро-венгерский и турецкий представители. Избрание производилось особыми комитетами, в действительности, крупнейшими банками. Отсутствие представителя России объясняется тем, что ни один турецкий заем не был размещен в России, включить же военную контрибуцию в число долгов, контролируемых администрацией оттоманского долга, не желали по понятным соображениям представители турецких кредиторов. Но и само русское правительство уклонялось от участия в совете администрации о. д., желая сохранить свободу действий в турецких делах. Это не мешало, однако, тому, что (под давлением Франции) русское правительство выступало в защиту чуждых ему интересов, как, например, в ноте Нелидова 23 декабря 1896 г. о неприкосновенности прав совета администрации и держателей турецких обязательств. См. также прим. 1-е на стр. 185.

ный табак. Благодаря этим огромным правам, Régie действительно удалось почти монополизировать все турецкое табаководство. Доходы ее за пятилетие с 1887/8—1894 увеличились в 6½ раз. Главное участие в этом крупном предприятии опять-таки принадлежит французам, владеющим половиной всего основного капитала (20 милл. фр.) [1].

Сотни отделений администрации государственного долга представляли из себя как бы блокгаузы европейского капитала, рассеянные по всей Турции. Цитаделью же его стало центральное финансовое учреждение империи—Оттоманский банк. Он был основан в 1863 г. двумя финансовыми группами: французской и английской, заменив собой существовавший до того (с 1856 г.) английский константинопольский банк. Оттоманский банк одновременно являлся: 1) главным государственным казначейством (Trésorier payeur général), т.-е. получал государственные доходы и производил все платежи, получая за это комиссионный процент, 2) эмиссионным (выпуск банкнот) и 3) коммерческим (кредит, учет векселей, ссуды под товары и т. п.). Недаром в официальном отчете Оттоманского банка его правление заявило, что привилегии его «не имеют себе примера во всем мире в истории независимых компаний или финансовых институтов». Неудивительно, что банк уплачивал огромные дивиденды, достигавшие 12%.

Около ста отделений его были рассеяны по всей империи; не ограничиваясь своими прямыми функциями, он участвовал в целом ряде финансово-промышленных предприятий: в администрации долга, в ж.-д. концессиях, в управлении табаководством и т. д., и т. д.

§ 3. Железные дороги, промышленность и торговля.

Оттоманский банк и администрация государственного долга проложили широкую дорогу европейскому капиталу. Вся экономическая жизнь империи переходит в руки европейцев. Особенное значение приобретают в этом отношении железные дороги. Уже в 80-х г.г. прошлого века один балканский политический деятель заметил: «Железные дороги победят Турцию. Они сделают больше для разрешения восточного вопроса, нежели нарезные пушки». В 60-х годах европейцы получают первые ж.-д. концессии, а к 1881 г.—было в эксплуатации уже 1500 километров. Первые ж. д. вызвали в Анатолии спекуляцию и грюндерство. Быстро плю-

[1]) Представитель французских интересов в Régie—Оттоманский банк, германских—Bleichröder und Co, австрийских—венский Credit Anstalt.

дятся предприятия: по скупке зерна, по эксплуатации леса и т. п. Спустя 3—4 года разражаются крахи и банкротства.

Европейский капитал работал в Азиатской Турции в двух направлениях. С одной стороны, полем его деятельности являлась вся империя, которую он стремился покрыть сетью железных дорог, банков, экспортно-импортных контор и т. д. На существовании англо-французских интересов, охватывающих всю страну, основывалась в известной мере догма «целости Турецкой империи» («Integrity of Turkey»). С другой стороны, европейские державы издавна стремились утвердить свое преобладающее экономическое влияние в той или иной зоне, избранной по соображениям не только чисто экономическим, но и общеполитическим и стратегическим. Так, Франция, начиная с 40-х годов, систематически развивает свои финансово-экономические интересы в Сирии, Англия, приблизительно с того же времени,—в Месопотамии и, наконец, Россия пытается сделать то же самое в Армении и Курдистане. Эта тенденция западного капитала логически приводила к программе расчленения Оттоманской империи, на которую она, в свою очередь, была рассчитана.

Участие отдельных держав в контроле над железными дорогами Азиатской Турции до мировой войны определялось следующими цыфрами [1]):

Турецкое правительство	31%
Германия	36,8%
Франция	21%
Англия	10,5%
Бельгия	0,7%

Приблизительно половина ж.-д. сети (55,5%), контролируемой Францией, находится на территории Сирии и будет нами рассмотрена позже.

В Анатолии Франция контролирует ж. д. Смирна-Кассаба [2]), проходящую по плодородной долине Гермуса (Гедис-чай) в богатейшем Айдинском вилайете. Эта жел. дорога (ок. 600 кил.) дает несколько отростков (на сев. к Мраморному морю до Сомы, на вост. от Смирны к Бурнабаду) и в Афиум-Карахиссаре смыкается с Багдадской ж. д. В Брусском вилайете французские капиталы участвуют в небольшой ж.-д. ветке Мудания — Бруса (42 кил.).

[1]) The Statesman's Year Book. 1919.

[2]) Концессия на эту дорогу раньше принадлежала английской компании, но в 1893 г. была выкуплена французским синдикатом Société Ottomane du chemin de fer Smyrna-Cassaba et Prolongements. Дорога эта имеет километрическую гарантию, обеспеченную десятиной Айдинского вилайета и некоторыми другими доходами.

Не ограничиваясь этими, сравнительно небольшими концессиями, Франция как раз накануне войны разрабатывает планы обширного ж.-д. строительства, главным образом, в восточной Анатолии. Уже в 1911 г. она заставила Турцию подписать предварительный проект ж.-д. концессий в восточной Анатолии, несмотря на ожесточенное противодействие со стороны России, которая вовсе не желала иметь у себя под боком «дружественную» Францию. В 1914 году Думерг подписывает с Портой договор о концессиях, предоставляющий Франции постройку 5-ти ж.-д. линий. Основной магистралью являлась линия Самсун-Сивас (440 кил.) с многочисленными ответвлениями на Токат, Чорум и т. д. Лишь в том случае, если бы Оттоманское правительство предприняло постройку черноморских ж. д., не прибегая к помощи иностранного капитала,—права Франции на эти концессии аннулировались бы. Необходимо указать, что с целью добиться этих ж.-д. концессий Франция подписала с Турцией предварительное соглашение по финансовым вопросам, дававшее Турции, между прочим, право повысить таможенные пошлины до 15%. С тою же целью за несколько месяцев до войны Франция предоставила Турции заем, часть которого младотурки успели реализовать.

Уже построив порты и набережные в Смирне и в Бейруте, т.-е. в двух главнейших приморских городах Азиатской Турции, Франция стремилась монополизировать эти работы [1]. В 1911 г. был учрежден консорциум для постройки оттоманских портов, в который вошли: фирма Крезо, Батиньольское о-во сооружений, Оттоманский банк и др. Консорциум получил концессии на постройку следующих портов: Самсун, Трапезонд, Инеболи, Гераклея, Яффа, Триполи, Кайфа. Вполне понятно, что французские капиталы до войны принимали главное участие в постройке портов и набережных Турции, как показывают следующие цыфры, опубликованные во французской прессе в 1921 г. [2]):

Франция.	53.942.000 фр.
Англия	10.000.000 фр.
Германия	16.000.000 фр.

Четвертой крупной сферой приложения французских капиталов является эксплуатация рудников. Наиболее значительными предприятиями были: об-во Гераклеи, добывавшее уголь на бе-

[1]) Концессия на оборудование Смирнского порта была получена Société des Quais de Smyrne (сроком до 1952 г.). Эксплуатация порта дает до 6% дивиденда. L. Vannutelli. Anatolia meridionale e Mesopotamia. Roma, 1911, стр. 386—7.

[2]) Заимствуем из статьи о французских интересах в Турции, напечатанной в „Clarté“.

регу Черного моря, в районе Зунгулдака, и об-во рудников Балиа-Карайдин, добывавшее серебристый свинец и лигнит в богатейших рудниках Айдинского вилайета. Об-во Гераклеи добыло в 1912 г. 565.000 тонн угля, об-во Балиа-Карайдин получило в 1904 г. 70.887 тонн свинца и лигнита, что дало ему возможность уплатить огромный дивиденд в 20%.

Кроме этих предприятий, французские капиталисты имели концессии на эксплуатацию ряда богатейших рудников: медных, цинковых и др. [1]).

Общая сумма французских капиталов, вложенных в турецкие предприятия, равнялась 3½ миллиардов фр., так что и здесь, покрывая 60% всех иностранных капиталов, Франция занимала первое место.

Во всех этих французских предприятиях участвовали крупнейшие французские банки: Société Générale, Лионский Кредит, банк Перье, парижский Юнион и др., десятки отделений которых разбросаны по всей Оттоманской империи.

Таким образом французские капиталы инфильтрировали весь хозяйственный организм Азиатской Турции: жел. дороги, порты, рудники, коммерческие компании, муниципальные предприятия [2]).

Участие Англии в хозяйственной жизни Азиатской Турции имело более узкий характер. Выше отмечалась незначительная роль английского капитала в финансировании Турции, сравнительно с французским или, даже, немецким.

Лишь одна жел. дорога Анатолии, т. наз. Айдинская линия, находится в руках английской компании: The Ottoman Railway from Smyrna to Aidin. Эта дорога проходит по одному из плодороднейших районов Анатолии, а именно по долине реки Мендерес-чай (Меандр), и поэтому имеет первостепенное экономическое значение. Магистраль ее доведена до Динеира; многочисленные ответвления (в Одемиш, Тирех, Сокиу, Денизли, Чивриль) создают довольно большую сеть, всего в 320 миль (512 кил.).

Очень характерно, что в противоположность французам и немцам, а в последнее время американцам, англичане никогда не разрабатывали обширных ж.-д. планов в Турции.

Накануне мировой войны Англия сохраняла первенствующее значение лишь в турецкой внешней торговле. Сопоставив уча-

---

[1]) Марганец, свинец, медь рудников Кассандры, медь—Арганы, Маадена, цинк Ак-Дага и др.

[2]) Французские имущества в Азиатской Турции оцениваются в 354 милл. фр. (торг. фирмы—30 милл. фр., недвижимые имущества—54 милл. фр., жел. дор.—202 милл. фр., портовые сооружения—20 милл. фр., местные банки—8 милл. фр., копи и промышленные предприятия—40 милл. фр.).

стие отдельных стран в морской торговле Турции, мы получим следующую таблицу [1]).

СТРАНЫ	Общая торговля с Турцией в 1913/14 г.		Торговля Смирны в 1906 г.	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Англия . . .	20,0%	21,4%	32,3%	54,7%
Франция . . .	8,8%	20,1%	9,6%	6,8%
Россия. . . .	8,5%	3,8%	2,7%	1,2%
Италия. . . .	6,5%	4,3%	9,9%	2,0%
Всего.	40.809.680 ф. ст.	21.436.120 ф. ст.	3.448.516 ф. ст.	5.603.188 ф. ст.

Как мы видим, и в экспорте, и в импорте Англия везде занимает первое место; вслед за нею на значительном отдалении идет Франция, а затем уже Россия и Италия. Лишь в XX веке английская торговля с Турцией начала чувствительно страдать от конкуренции Германии и Австрии; но, уменьшившись в абсолютных цыфрах, она все же вплоть до мировой войны сохранила первенствующее место.

Британских предприятий, торговых и промышленных, в Азиатской Турции имеется чрезвычайно незначительное количество— не более трех десятков [2]). Несмотря на малочисленность, некоторые из них имеют за то характер настоящих трестов, охватывающих целые отрасли народного хозяйства. Эта прививка на весьма отсталом социально-экономическом базисе самых усовершенствованных методов капиталистической эксплуатации является характерной чертой экономического процесса, переживаемого Турцией. Наиболее крупные британские предприятия следующие: 1) Восточная ковровая компания, The Oriental Carpet Manufacturers Ltd. Основанная на английские капиталы, она сумела объединить турецкие, немецкие и русские фирмы и трестировала всю ковровую промышленность Анатолии. Компания основала ткацкую фабрику в Пандерме и ковровые—в Смирне, Ушаке (2), Керасунде и Афиум-Карахиссаре; 2) По образцу ковровой компании, в 1912 г. в Смирне был основан фиговый трест (The Smyrna Fig Packers Ltd.), успешно стремившийся монополизировать весь вывоз фиг

[1]) Statesman's Year Book. 1919, стр. 1316. L. Vannutelli, ук. соч., стр. 138.

[2]) H. Bannig. Englische und Amerikanische Unternehmungen in der Türkei. „Der Neue Orient", 1917, B. 2, H. 5.

из Турции; 3) Аптечный трест (Droguerie Centrale), пытавшийся с 1913 года монополизировать снабжение Турции медикаментами; 4) Фирма I. W. Whittal Co, ведущая огромные операции с зерном и всякого рода продуктами питания. Чрезвычайно любопытно, что эта иностранная фирма играет роль посредника между анатолийским крестьянством и турецким правительством. Накануне войны было сконструировано очень важное об-во доков, арсеналов и морских сооружений (Société Impériale Ottomane cointéressée des Docks, Arsenaux et Constructions Navales), в котором главное участие принимала знаменитая фирма Армстронг и Виккерс. По соглашению, заключенному с Портой, это общество брало на себя постройку арсеналов, доков для военных и коммерческих судов (в Константинополе, Исмиде) и т. д.

Из горнозаводских предприятий необходимо отметить: компанию по добыче наждака (Abbots Emery Mines Ltd.), которая сосредоточила в своих руках $^2/_3$ добычи этого минерала в Айдинском вилайете (20.000 тонн в среднем в год) и 2) компанию по добыче буры (The Borax Cons. Ltd.), добившуюся полной монополии в Турции. Ежегодная добыча этой компании равняется 8.000 тонн и составляет одну треть мировой продукции. Остальные английские предприятия являются уже более мелкими и имеющими по большей части узко-местное значение.

Таким образом, до войны английский капитал не развертывал большой работы на всей территории Турции и создал лишь несколько крупных предприятий, имеющих, главным образом, экспортный характер (фиговый и ковровый трест и др.), в связи с преобладающими интересами британской торговли в Турции.

Россия, как известно, играла весьма незначительную роль в общей хозяйственной жизни Оттоманской империи. Ни в государственном долге, ни в Оттоманском банке русские капиталы не участвовали. Ни один километр турецких жел. дорог не контролировался Россией. Царская Россия стремилась лишь забаррикадировать Восточную Анатолию от европейских концессионеров.

В турецкой торговле Россия принимала также очень малое участие. Накануне войны в турецком ввозе она занимала пятое место (3.516.620 ф. ст. в 1913/14 г.), в вывозе—даже 8-е место (831.040 ф. ст.).

Лишь накануне войны в русских правительственных и финансовых кругах возник план активной борьбы против австро-германского экономического влияния в Турции и на Балканах. Была снаряжена специальная экспедиция для обследования Ближ-

него Востока[1]); проектировалось создать в Константинополе русско-турецкий банк, аналогичное учреждение было даже основано в Салониках. Однако, при отсутствии свободных капиталов и значительных экономических интересов России в Турции, все эти планы не увенчались положительными результатами.

§ 4. Итальянские интересы в Турции.

Приблизительно такое же место, как и Россия, занимала в хозяйственной жизни Турции Италия. Ее доля в оттоманском долге была ничтожна (5%), ни одна жел. дорога Анатолии не принадлежала ей; наконец, итальянский капитал не участвовал ни в одном из тех крупных международных предприятий, которые были перечислены выше. Любопытно, что, несмотря на исключительные удобства морской связи с портами Анатолии, итальянцы играли весьма скромную роль и в турецкой торговле. В обще-оттоманском ввозе они занимали (в 1913/14 г.) лишь шестое место, в вывозе—седьмое, т. е. шли почти рядом с Россией. Очень слабо было развито и каботажное итальянское плавание. Италия всегда ссылалась на особые интересы, существующие у нее на Эгейском и Средиземноморском побережьи Анатолии. Однако, нижеследующие данные[2]) об участии различных стран в коммерческих оборотах главнейших портов этих районов показывают, насколько преувеличены были эти притязания.

Название портов	Французы	Греки	Итальянцы	Турки
Айвали	0,8%	49,3%	0,2%	49,2%
Дикили	3%	13,8%	—	30%
Смирна	15,6%	12,8%	4%	9%
Скала-Нуова	—	20%	—	26,6%
Адалия	1,2%	21,6%	—	77%
Мерсина	5,6%	9,4%	9,9%	5%

[1]) Результатом работ ее явился труд: „Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров", изданный, под редакцией В. Й. Лисенко, мин-ством торговли и промышленности. П. 1913.

[2]) L. Vannutelli, ук. соч.

Как показывают эти цыфры, относящиеся к периоду 1905—7 годов, итальянское морское движение в западных и южных портах Анатолии за 7 лет до мировой войны или совершенно отсутствовало (Дикили, Скала-Нуова, Адалия), или же было очень незначительно. То же следует сказать и об участии итальянского капитала в экономической жизни этих богатейших районов. Хлопковые плантации Айдинского вилайета, рудники, залежи лигнита, небольшие текстильные фабрики—все это составляло собственность или греческих предпринимателей, или англо-французских компаний.

Общие цыфры торговли Италии с Турцией в последующие годы показывают абсолютный рост итальянских коммерческих интересов.

1908 год		1913/14 г.г.	
Ввоз в Турцию	Вывоз из Турции	Ввоз в Турцию	Вывоз из Турции
1.187.786 ф. ст.	704.070 ф. ст.	2.699.000 ф. ст.	927.260 ф. ст.

Как мы видим из этих цыфр, итальянский ввоз значительно увеличился, при крайне незначительном приращении вывоза. Однако, если мы перейдем от этих абсолютных цыфр к относительным, мы увидим, что доля участия итальянцев в общетурецкой торговле за указанный период не только не увеличилась, но, наоборот, уменьшилась. Если в 1908 г. Италия занимала 4-е место в обще-оттоманском ввозе и 7-е в вывозе, то в 1913/14 г.г.—ей принадлежало уже 6-е место в ввозе, при том же месте в вывозе, что и пять лет назад.

Автор известного экономического описания южной Анатолии, Л. Ваннутелли, делает откровенный вывод: «Среди указанных больших предприятий нет ни одного итальянского. Однако, страна, которая имеет рудники, гидравлическую силу, уголь, хлопок, шерсть и т. п., должна привлечь инициативу итальянцев». В 1913—1914 г.г. между итальянским и турецким правительствами шли переговоры, в результате которых Италия получила две крупные железнодорожные концессии в районе Средиземного моря (линии: Макри—Мугла, Макри—долина реки Эчен-чай, Адалия — Кизиль — Кайа, Адалия—Алайя). Это вовлекло ее в конфликт с Англией, имеющей значительные интересы в области Смирны (Смирна-Айдинская ж. д.).

§ 5. Французские интересы в Сирии и Киликии.

Франция давно избрала Сирию базой для своего влияния на Ближнем Востоке. Страна эта не представляется особенно богатой естественными ресурсами. Сельское хозяйство не может здесь значительно развиваться, вследствие незначительности пригодной для обработки площади. Наиболее ценные промышленные культуры, которыми ранее славилась Сирия, хлопководство и шелководство, за последнее пятидесятилетие вымирают. «Что имеется в Сирии в пределах французского мандата?»—задает вопрос французский профессор-патриот, проповедующий максимальное развитие производительных сил этой страны; «очень мало вещей: немного железа, немного хрома, немного лигнита, немного асфальта, немного соли. О нефти не приходится и говорить»[1])...

Эта бедность естественными ресурсами объясняет неудачу попыток развить промышленность Сирии, предпринимавшихся сионистами, немцами и французами. Туземная индустрия не выходит из стадии домашней мануфактуры. С другой стороны, в Сирии насчитываются уже десятки «неудачных промышленных опытов», «провалившихся промышленных экспериментов», по терминологии знатока Сирии А. Руппина[2]).

Что же, главным образом, влекло французов в Сирию? Прилегая к Средиземному морю и являясь географическим центром четырех соприкасающихся территорий: Египта, Аравии, М. Азии и Месопотамии, Сирия самой природой предназначена для роли торгового посредника между этими странами. В древности и в течение средних веков Сирия играла крупную посредническую роль между Европой, Азией и Африкой. Открытие морского пути в Индию и прорытие Суэзского канала нанесли, однако, смертельный удар ее сухопутной торговле. Начиная с XVII века глохнут великие караванные пути, некогда соединявшие Левант с Персией и Индией. Но в конце XIX в., в связи с оживленным ж.-д. строительством, главным образом с великой Багдадской дорогой, отчасти восстанавливается прежнее значение Сирии, как перекрестка первостепенных международных путей. Кроме большого значения торгово-посреднического, Сирия приобретает интерес чисто стратегический; одного взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться, что обладание этой страной дает возможность

[1]) P. Huvelin. Que vaut la Syrie? (Supplément à „l'Asie Française". 1921, № 1, стр. 19).

[2]) А. Руппин. Современная Сирия и Палестина (Syrien als Wirtschaftsgebiet). П. 1919, стр. 155—158.

перерезать пути, соединяющие великие державы с их восточными колониями и полуколониями.

Именно это двойное коммерчески-стратегическое значение Сирии и привлекало к ней Францию, начиная с 40-х годов прошлого столетия.

Чуть ли не главной отраслью сирийской промышленности, как уже указывалось, издавна являлось шелководство. В 1840 г. в Ливане, главном центре шелководства, учреждается первая шелкопрядильная мастерская с механическим двигателем. После этого, в течение некоторого времени наблюдалось довольно значительное развитие культуры шелка; французские фирмы, главным образом лионские, снабжали ливанских шелководов механическими прялками и станками, выдавали им задатки и, благодаря этому, монопольно скупали всю пряжу и коконы. Однако, вся эта промышленность носила чрезвычайно миниатюрный характер, и, когда в конце XIX в. усилилась японско-китайская конкуренция, сирийское шелководство начало быстро падать. Накануне войны в Сирии вырабатывалось около 6 милл. кил. свежих коконов, что давало не более 500.000 клгр. пряжи [1]. Производство шелковых тканей было ничтожно и обслуживало исключительно местный рынок. Во всяком случае, все сирийское шелководство было монополизировано лионскими фирмами, и это сильно увеличивало влияние Франции, в особенности в Ливане.

Целый ряд шагов был предпринят Францией с целью усиления торговых связей с Сирией. С этой целью она учредила в важнейших портовых городах: Бейруте, Яффе и др. отделения своих банков (главным образом, Лионского Кредита), которые занимались коммерческими и кредитными операциями. Благодаря этому, Франция занимала в сирийской торговле второе место среди европейских держав, как показывают нижеследующие цыфры (для 1910 нормального года) [2]:

Англия	46.950.000 фр.	— 25,7%.
Турция.	33.744.000 „	— 18,5%.
Франция	32.673.000 „	— 17,8%.
Египет.	18.379.000 „	— 10%.
Австрия	11.122.000 „	— 6%.
Италия.	10.357.000 „	— 5,6%.
Германия.	8.115.000 „	— 4,4%.

В отношении экспорта Франция занимала первое место (32%), значительно превосходя Англию (9,7%).

[1]) Berial. La sériculture en Liban. (Suppl. à „l'Asie Française". 1922, № 5, стр. 119).

[2]) P. Huvelin. Указ. статья, стр. 41.

Наиболее действительным орудием французского проникновения в Сирию являлось железно-дорожное строительство.

Накануне войны Франция владела в Сирии ж.-д. сетью в 788 километров, что составляло почти 40% всех ж. д. страны. Почти вся эта сеть принадлежит обществу Société Ottomane du chemin de fer Damas-Hama et Prolongements, за спиной которого стоит, в качестве финансиста, парижская Régie Générale des chemins de fer. Французские линии соединяют главные пункты страны, а именно: Алеппо, Хомс, Хама и Дамаск; в Бейруте и Триполи они получают выход к морю. Особенное значение их заключается, кроме того, в том, что они составляют звено, соединяющее багдадскую колею с ж. д. Египта. Какое значение придавало французское правительство этой стороне вопроса, видно из того, что оно перед войной, в феврале 1914 г., заключило соглашение с Германией, по которому Франция отказалась от ж.-д. строительства в Киликии и продала Deutsche Bank свои акции Багдадской дороги, составлявшие 30% основного капитала (взамен отказа Германии от ж.-д. строительства в Сирии).

Параллельно с ж.-д. деятельностью, Франция предпринимала в Сирии целый ряд крупных муниципальных работ: оборудование Бейрутского порта, проведение трамваев[1]), электрического освещения, установка телефонов и т. п.

Как мы видим из этого беглого обзора, французский капитал в Сирии сумел глубоко проникнуть в хозяйственную жизнь страны и в нескольких областях добился даже преобладающего положения: в экспорте, шелководстве и ж.-д. строительстве.

Совершенно иной была экономическая позиция Франции в близлежащей Киликии (Аданском вилайете). В противоположность Сирии, эта область представляет совершенно исключительные возможности в смысле развития высоких с.-х. культур. Огражденная с севера Тавром, обильно орошенная, наконец, обладающая слоем чернозема в 3 метра,—Киликия весьма удобна для хлопководства. Первые обратили внимание на киликийское хлопководство немцы. В 1903 г. они учредили германо-левантинское хлопковое общество (Deutsche Levantinische Baumwollgesellschaft), которое в короткий срок монополизировало весь вывоз хлопка и приступило к оборудованию нескольких больших хлопкоочистительных заводов.

---

[1]) Compagnie du Port, des Quais et Entrepôts de Beyrouth и Société des tramways Libanais находились в финансовой зависимости от Société Ottomane des chemins de fer.

Французская текстильная промышленность, как известно, испытывает хронический хлопковый голод. Мировая добыча этого продукта сосредоточена в Соединенных Штатах (70%) и в Британской империи: 15%—в Индии и 5%—в Египте. Благодаря этому, французские текстильные фабрики находятся в полной зависимости от этих стран, поставляющих 92,6% всего хлопка, потребляемого ими. На долю остальных стран-поставщиков (в том числе и французских колоний) приходится всего каких-нибудь 7,4%. Стремясь избавиться от этой зависимости, Франция обратила внимание на Киликию, которая теоретически могла бы покрыть всю ее нужду в этом продукте. Однако, до мировой войны ей не удалось сколько-нибудь прочно экономически утвердиться в Киликии. Все крупные хлопковые предприятия последней принадлежали немцам, англичанам, а больше всего—грекам. В киликийской торговле Франция играла совершенно ничтожную роль. Ее ввоз в 1913 г. в Мерсину (главн. порт Киликии) равнялся 2,7% общего импорта; вывоз из Аданского вилайета достигал всего 5,3% общего экспорта[1]). Однако, не взирая на эти факты и цыфры, Франция продолжала считать Киликию входящей в сферу ее влияния на Ближнем Востоке. Чтобы обосновать свои притязания на нее, французы объявили ее северною частью Сирии, неразрывно связанной с последней географически и экономически.

Параллельно с экономическим внедрением в Сирию, Франция расширяет свой протекторат над восточными католиками, составляющими значительный процент населения Сирии, в особенности Ливана (марониты). Она берет под свою защиту 6 церквей (латинскую, армяно-католическую, мелкитскую, маронитскую, несторианскую и объединенную сирийскую). Многочисленные французские школы и благотворительные учреждения становятся центрами пропаганды французского языка и культуры. Над учреждениями латинской епархии реяло трехцветное республиканское знамя, и консул Французской республики играл почетную роль во всех церковных церемониях.

Воспользовавшись в 1860 г. борьбой в Сирии друзов и христиан-маронитов, Франция оккупировала Ливан своими войсками и добилась для него автономного управления. В 1864 г. Ливан стал самостоятельным пашалыком, управляемым христианином-губернатором, под контролем великих держав, в первую очередь,

---

[1]) Ed. C. Achard. Le coton en Cilicie et en Syrie (Suppl. à „l'Asie Française", 1922, № 3, стр. 23).

конечно, Франции. С этих пор французские империалисты всегда считали совершенно бесспорным, что Сирия составляет «историческую» зону влияния Франции.

§ 6. Английские интересы в Месопотамии.

Крупное экономическое и политическое значение Месопотамии обусловливается тремя факторами: 1) необычайным плодородием страны, 2) наличностью богатейших залежей нефти и 3) пересекающими ее путями, приводящими в связь Персидский залив с Персией.

Высокое плодородие Месопотамии объясняется тем, что значительные участки ее состоят из чернозема, образовавшегося, как и в Египте, из отложений речного ила. Благодаря этому, Месопотамия в древности являлась житницей для всей Передней Азии, и лишь разрушения оросительных сооружений, происходившие в течение 9 веков, низвели ее до состояния упадка, в котором она теперь находится. Но даже и теперь она производит такое количество зерна, что его хватает на экспорт в Аравию, Индию и в другие страны. Восстановление оросительной сети может в полной мере возродить хозяйственное значение этой страны, и тогда она опять начнет снабжать хлебом не только соседние народы, но и Европу.

Те же почвенные условия Месопотамии (как и Египта) исключительно благоприятны для культуры хлопка.

Еще более крупным представляется значение Месопотамии, как связующего территориального звена. Основную водную магистраль страны образует течение великих рек Тигра и Ефрата, судоходных до Багдада. Из последнего, по течению р. Диалы, пересекающей малодоступные хребты Загроша, открывается легчайший путь на Иранское плоскогорье; с древнейших времен именно по этому пути происходили культурные, политические и торговые сношения между Ираном и Месопотамиею. Благодаря этому обстоятельству, открытие Суэзского канала не только не нанесло ущерба торговле Багдада и Бассоры, но, наоборот, значительно увеличило ее, приведя в оживленную связь с европейско-американской морской торговлей.

Коммерческие обороты Багдада растут поэтому с необычайной быстротой: за 13 последних лет экспорт и импорт Багдада увеличились в $2\frac{1}{2}$ раза, при чем это увеличение произошло, главным образом, за счет торговли с Персией.

Экономическое утверждение англичан в Месопотамии происходило по течению великих рек. В 1861 г. Линч образовал компанию пароходства по Тигру и Ефрату, и с тех пор англичане фактически монополизировали все речное плавание. Целый ряд англо-турецких соглашений (важнейшие в 1913 г.) расширили права компании Линча, распространивши сферу деятельности ее по Шат-эль-Арабу. Так как все коммерческое плавание по Персидскому заливу также было монополизировано англичанами, то они оказались хозяевами всей внешней торговли Месопотамии. В 1912 г. 90% всех морских судов, посетивших Персидский залив, плавало под британским флагом. Лишь стремительное проникновение Германии поколебало эту давнишнюю гегемонию Англии. Ее тоннаж в Персидском заливе начал падать, что же касается до компании Линча, то она принуждена была заключить с Deutsche Bank соглашение (1912 г.) об образовании совместного «Общества речного транспорта на Востоке» (Société des transports fluviaux en Orient), акции которого были поровну между ними поделены.

Несмотря на это, Англия вплоть до мировой войны сохраняла первенствующее место во внешней торговле Месопотамии, как это показывают цыфры торговых оборотов Багдада за 1909—13 г.г. [1]).

	Экспорт		Импорт	
	1909	1913	1909	1913
Великобритания	33,4%	32,6%	55,8%	45,1%
Соединенн. Штаты	17,7%	18,4%	0,01%	0,3%
Франция	15,3%	19,4%	5,6%	2,8%
Германия	3,7%	6,2%	1,7%	5%
Другие страны	29,9%	23,4%	36,8%	46,2%

Как мы видим, Англия сохраняла первое место и в экспорте, и в импорте, хотя ее участие в месопотамской торговле за 4 довоенных года неуклонно падало.

Проводниками английских торговых и финансовых интересов являлись Восточный банк (Eastern Bank Ltd.), имеющий свой филиал в Багдаде, а также 6 торговых фирм в том же городе (из общего числа 8-ми иностранных фирм).

[1]) Mesopotamia. (Изд. Hist. Section of Foreign Office), стр. 128—9.

На-ряду с торговлей, нефть Месопотамии в необычайной степени привлекала внимание английского капитала. В конце XIX в. немецкие и английские геологи и путешественники обнаружили мощную нефтяную зону, простирающуюся от Мосула на юго-восток до Бендер-Абасса, т. е. до Персидского залива. Важнейшими нефтяными участками являются: Гайара, Керкук, Мендели, Каср-и-Ширин и Майдан-и-Нафтун.

Эта зона, расположенная, таким образом, на территории Турции и Персии, тотчас стала объектом домогательства концессионеров. Первые победы были одержаны англичанами в Персии, нефтяными богатствами которой овладела известная «Англо-персидская компания».

Гораздо труднее оказалось получить нефтяные концессии в сев. Месопотамии. Начиная с XX в., мы видим, как здесь конкурируют немцы, англичане и американцы. После длительной борьбы, между немецкой и английской группами было заключено компромиссное соглашение. Предполагалось создать общество Turkish Petroleum, $^3/_4$ акций которого принадлежали бы англичанам и $^1/_4$—немцам. Война помешала ратификации этого соглашения турецким правительством.

Однако, уже в тот период ясно обозначилось соперничество в борьбе за нефть со стороны Соединенных Штатов. Представитель американских нефтяных групп, адмирал Честер, хлопотал перед правительством Абдула Гамида и сменившим его младотурецким правительством о получении нефтяных концессий в Месопотамии и Армении, а также о концессии на проведение железной дороги через Мосул. Проект концессии Честера также был представлен на ратификацию турецкому правительству, но начавшаяся война временно парализовала американские домогательства.

Борьба за политическое и экономическое господство в Месопотамии являлась для Великобритании лишь частью общего плана, проводимого ею с пол. XIX в., а именно, политического подчинения всех арабских территорий, от Египта до Персидского залива. Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться, что два мировых пути огибают Аравию: один соединяет Индийский океан, через Красное море и Суэзский канал, с Средиземным морем, другой соединяет Индийский океан, через Персидский залив и Шат-эль-Араб, с Ираном и Месопотамией.

Не надо думать, что Великобритания интересовалась лишь коммерческим значением этих путей. Если так было в течение XVII и XVIII веков, то, несомненно, что в XIX в. эти пути при-

обрели для Англии, прежде всего, стратегическое значение, как дороги, ведущие в Индию.

В 1839 году англичане захватывают полуостров Аден, затем аннексируют островок Перим, лежащий, как раз в середине Баб-эль-Мандэбского пролива и, таким образом, создают между Средиземным морем и Индийским океаном новый Гибралтар.

Создав базу на юго-западе и уже раньше приобретя точку опоры на юго-востоке—в Омане, Англия соединяет их попросту прямой линией и объявляет, что вся южная часть полуострова, (так наз. Хадрамаут) находится в сфере ее влияния. Действительно, благодаря ряду интриг и умелой агитации среди полунезависимых эмиров, Великобритания, без всякого договора, укрепила свое влияние в этой области.

Одновременно с утверждением в южной Аравии, Англия совершила огромную военно-дипломатическую работу для полного подчинения себе Персидского залива.

Заметим, что англичане очень распространенно понимают термин Персидский залив (Persian Gulf): они включают сюда не только арабское и персидское побережье залива, но и нижнее течение Шат-эль-Араба, оба берега Оманского залива и, наконец, персидское побережье Аравийского моря.

Установление полной гегемонии над этой огромной территорией, населенной, главным образом, арабами, и составляло цель британской политики. Первым попадает в орбиту английского влияния Маскатский султанат, господствующий на Омане, при самом входе в залив. В результате нескольких договоров (1841—1891) султан Маската, взамен союзных отношений, начал получать субсидию от индийского правительства и вообще попал в полную зависимость от английского резидента, являющегося настоящим правителем Омана.

Британия начинает, затем, прибирать к рукам мелких независимых шейхов, промышлявших пиратством и работорговлей. После нескольких карательных экспедиций она заставляет этих шейхов «пиратского берега» Омана подписать договор о мире, а затем признать ее протекторат (1892 г.), конечно, взамен субсидий.

Следующим этапом было установление протектората над Бахрейнскими островами, известными своим жемчужным промыслом. Правителем Бахрейнского архипелага становится, не «независимый» шейх, а британский политический агент, руководящий и внешней, и внутренней политикой.

С такой же энергией и железной последовательностью англичане подчиняли своему влиянию и северный берег Персидского залива,—входящий в территорию Персии. Опорный пункт они создали себе в Мохамере, важнейшем пункте побережья (на слиянии р.р. Каруна и Шат-эль-Араба), и взяли тамошнего шейха под свое «особое покровительство».

В результате этой сложной и продолжительной работы, где золото играло такую же роль, как и оружие, Англия целиком контролировала плавание по Персидскому заливу. Полицейский надзор, устройство маяков и буев, санитарный контроль,—все это составляло никем не оспариваемые функции британского флота.

Мы видим, таким образом, как к началу XX в. смыкается круг английского влияния вокруг берегов Аравии. Оба мировых морских пути, идущих через Красное море и Персидский залив, попадают целиком в руки Англии.

Ту же политику Англия проводила и в западной, и в центральной Аравии. В этом ей помогала шовинистическая политика младотурок, которая привела к открытому разрыву между арабами и турками.

Пользуясь этой смутой и энергично организуя ее, англичане сумели приобрести в Аравии ряд новых опорных пунктов для своей ближневосточной политики: в Иемене, Геджасе и Неджде.

Мировая война необычайно ярко продемонстрировала, насколько дальновидна была политика Англии и какую огромную пользу она сумела извлечь из арабского сепаратизма.

Аналогичная дипломатическая и финансовая работа производится и в Геджасе. Знаменитый восточный делец, полковник Лоуренс, прозванный самими же англичанами «некоронованным королем Аравии» (Uncrown King of Arabia), обрабатывает великого шерифа Хуссейна, золото льется рекой и, вдобавок, перед честолюбивым Хуссейном раскрывается заманчивая перспектива: избавиться от протектората Турции, стать королем Геджаса, а потом, может быть, и всех вообще арабских земель.

§ 7. Интересы России в турецкой Армении.

Гораздо более медленным темпом происходило экономическое внедрение России в Армению,—область, издавна избранную ею в качестве своей доли наследства «больного человека».

Армения, эта исключительно горная страна, пересеченная по всем направлениям высочайшими хребтами: Ала-Дага, Бингель-Дага, Понтийского и Армянского Тавра,—имеет довольно

незначительную хозяйственную ценность. Вследствие суровости климата и ограниченной культурной площади, здесь нельзя развить крупного сельского хозяйства. Минеральные богатства Армении мало изучены и, при почти полном отсутствии удобных дорог, разработка их сопряжена с огромными трудностями. И русское правительство, по военным соображениям, и правительство Абдула Гамида, исходя из тех же соображений, тормозили дорожное строительство и хозяйственное развитие Армении.

Благодаря этим обстоятельствам, от центра страны—Эрзерума—до русской границы, вплоть до войны, отсутствовала даже хорошая шоссейная дорога. Эрзерум не был соединен телеграфом с Карсом. Отделение Оттоманского банка в Эрзеруме не принимало переводов на Россию и, наконец, почтовая контора не принимала на Россию ни денежной, ни заказной корреспонденции, так же, как и посылок.

При таких условиях наладить сколько-нибудь значительные торговые связи с Арменией почти не представлялось возможным. Все же, накануне войны торговля России с турецкой Арменией обнаружила некоторый прогресс. В 1911 г. в Ванский вилайет было ввезено товаров на 1,144 тыс. руб., из которых на долю России приходилось около 30%.

Во все вилайеты турецкой Армении в том же году было из России ввезено всего 695 пуд. товаров против 639 пуд. 1910 года, при чем ценность ввоза, хотя и незначительно, но понизилась [1]. Главными продуктами русского ввоза были: сахар, спирт, железо и керосин; вывоза—скот, хлопок, невыделанные кожи.

Как бы то ни было, вопрос о развитии торговых связей с Арменией был поставлен русскими промышленниками. Крупный купец Д. И. Давидов следующим образом высказался в записке, представленной съезду представителей промышленности и торговли:

«Россия, находясь в столь близком соседстве с Турцией, сильно отстала в сбыте своих товаров по сравнению с европейцами, которые, несмотря на несколько тысяч верст, отделяющих их от Эрзерумского вилайета, торгуют ежегодно, только в пределах названного вилайета, не менее, чем на 20 миллионов рублей. Турецкая Армения легко могла бы стать русским рынком, если бы такие учреждения, как совет съездов и министерство торговли обратили на нее должное внимание».

---

[1] „Вестник Финансов“, 1913 г., № 5.

Что касается до черноморской торговли России с портами Самсуном, Трапезондом, Керасундом, Орду, Ризе и Тиреболи, то она также накануне войны обнаружила некоторый рост, при чем Россия занимала здесь первое место (4.373.900 ф. ст. в 1909 г. и 4.469.100 ф. ст. в 1910 г.) [1]).

II. Политические предпосылки.

§ 1. Европейские державы и Оттоманская империя в XIX в.

К началу XIX века центральная турецкая власть еще не утвердилась ни в Сирии, ни в Египте, ни в Аравии. В Малой Азии управление страной формально принадлежало валиям, но фактически господствовали феодальные владыки,—«беки» и «деребеки»,—местные князьки и крупнопоместное дворянство. В начале XIX века, как раз в тот момент, когда в Сирии и Египте намечается столкновение франко-английских интересов, а русские войска продвигаются к границам Армении, на путь собирания власти становится сначала султан Селим III, вскоре убитый янычарами, а затем Махмуд II.

Главный враг последнего—Чапван-Оглу, паша Ускатский, и деребеки. В 1818 г. Махмуд создает крепкий административный центр в Сивасе, избавляется от угрозы арабских вагабитов и в Европе управляется с непокорной Боснией. Сирия к этому времени фактически перешла в сферу влияния Мехмет-Али Египетского. У султана остаются два крупных врага: в Янине—Али-паша Тепеленский, а в Египте—Мехмет-Али. Кроме них есть и еще один опасный враг—янычары; от них Махмуд II освобождается при первом удобном случае (в 1826 г.). Дальнейшей консолидации империи мешает греческое восстание и иностранное вмешательство.

Русско-турецкая война 1828—1829 г. еще более осложняет создавшуюся обстановку. Только что усмиренные и подчиненные центральной власти провинции снова стремятся к независимости: восстанием одновременно охвачены Албания, Босния, Македония, Курдистан и Триполитания. В 1831 г. поднимает оружие Мехмет-Али. Центральной власти опять нет на всем протяжении империи. Перед Крымской войной лишь Малая Азия представляет государственную провинцию, а не частную собственность отдельных враждующих между собою семейств.

---

[1]) Глава эта, с небольшими редакционными изменениями, написана В. А. Гурко-Кряжиным.

Та же роль собирателя власти, которую Махмуд II сыграл в Малой Азии,—в Сирии и Палестине выпала на долю его счастливого соперника, Мехмета-Али, точнее—сына последнего, Ибрагима-паши. Оккупация Сирии египетскими войсками, продолжавшаяся без малого 10 лет, не могла не отразиться на ее административном устройстве. Когда в 1841 г. войска Ибрагима были вынуждены очистить Сирию и Ливан, эти области оказались до известной степени избавленными от многовластия враждующих между собой владетельных родов и пашей. Преемники Махмуда II, Абдул Меджид и Абдул-Азис испытывали не только сопротивление центробежных сил внутри страны, но и давление извне. В 1864 г. под таким давлением (французов и англичан) султан предоставил автономию Ливану; еще ранее ему пришлось признать особые права египетского хедива и арабских шейхов. Ст. 61 Берлинского трактата 1878 г. обязала султана выработать и провести в жизнь проект реформ в сев. Анатолии (Армении). Таким образом, вместо укрепления государственной власти, происходило распыление ее в пользу чужеземного влияния. Абдул-Гамид, сменивший на престоле Мурада V, уже не пробует утверждать свою власть в долине Нила и южной Сирии. Его внимание привлекает западная Аравия, св. мусульманские места и Армения. Избиение армян в 1894—1895 г. является не чем иным, как испытанным приемом укрепления центральной власти. Но на территориях, непосредственно прилегающих к Сирии и Персидскому заливу, труднее пользоваться им. Когда в конце первого десятилетия XX века, шейх Ковейта Мубарак не пожелал признать над собой власти султана, Константинополь фактически не мог направить на побережье Персидского залива военной экспедиции, так как у непокорного шейха оказался слишком сильный и властный покровитель в лице Англии.

Таким образом, борьба центральной власти с феодальной олигархией и, одновременно, с национально-религиозной оппозицией в XIX веке встречает на своем пути систематическое противодействие со стороны иностранных государств. Последним состояние хаоса, в котором в течение всего XIX века находилась большая часть Азиатской Турции, представлялось крайне выгодным, так как позволяло им, при помощи то центральной власти, то врагов ее, со сравнительно малой затратой сил достигать своих целей. Но в XIX столетии у Турции еще слишком много владений в самой Европе, из-за которых и возникает прежде всего борьба. Балканская война 1912—1913 г., временно лишившая Турцию Адрианополя и вынудившая ее уступить Салоники, была

только последним отголоском событий, наполнявших XIX столетие. По одному этому, в XIX столетии мало-азиатским делам великие державы уделяли несравненно меньше внимания, чем в эпоху, предшествовавшую мировой войне. Самое число европейских держав, заинтересованных будущей судьбой азиатских владений Турции, пока еще невелико. Борьба идет между тремя государствами: Францией, Англией и Россией, и сфера борьбы их сравнительно узка. Только с конца Николаевского царствования, когда Россия вспоминает о своих «правах в Св. Земле», возникает прямое столкновение русских и западно-европейских вожделений в Азиатской Турции.

Иначе рисуется положение вещей в Сирии и Палестине. Когда египетский поход Наполеона I поставил здесь лицом к лицу английские и французские интересы, ясно обозначился в этой сфере и будущий антагонизм обеих держав. В средине XIX века центром борьбы являются турецкие владения в Африке, Египет и Сирия. Кульминационным пунктом ее был момент восстания Мехмета-Али против султана. Известно, как различно отнеслись к этому движению парижский и лондонский кабинеты. Столь же явным был антагонизм обеих держав в Ливане, где англичане помогали друзам, а французы маронитам. Но здесь успех склонялся на сторону Франции. Активная политика Николая I помирила на время соперников, но, как только Парижский трактат 1856 г. отбросил Россию к северу, прежняя англо-французская борьба на берегах Средиземного моря разгорается с новой силой [illegible]риобретает более законченную форму. Предметом стремлений теперь являются не отдельные пункты, разбросанные по побережью, а целые области, которые в дальнейшем могут послужить экономической и стратегической базой для продвижения вглубь материка.

Англия избирает Египет, Франция стремится укрепить свое влияние в сев.-западной Африке, в Сирии и Ливане. Права, захватным путем приобретенные обеими державами, закрепляются в 1858 г. высадкой французского корпуса в Ливане и действиями англичан в Египте в 80-х, 90-х г.г., а впоследствии и политическими соглашениями между соперниками.

К факторам политическим и стратегическим во второй половине столетия присоединяется фактор экономический. В 1856 г. английская Смирна-Айдинская железнодорожная компания получает первую железнодорожную концессию на побережьи Малой Азии. За ней следует Франция, первая концессия которой относится к 1863 г. Появление иностранного капитала на террито-

рии Малой Азии привело в соприкосновение местные политические интересы Франции, Англии и России. Результат не замедлил сказаться. По так назыв. Кипрской конвенции 1878 г., Англия обязалась охранять неприкосновенность турецкой границы на Кавказе. Систематическое давление России на Персию должно было только усилить англо-русские противоречия. К 80-ым годам следует отнести и первое появление на Мало-Азиатском полуострове германского капитала, сначала преследующего весьма скромную цель—сооружение небольшой железной дороги в районе самого Константинополя, но затем постепенно расширяющего поле своей деятельности.

К 90-ым годам можно приурочить «предвоенное» возникновение «мало-азиатского вопроса». В 1895 г. с предложением поделить Турцию на сферы влияния между Англией и Германией обращается к Вильгельму II лорд Сольсбери. В 1898 г. лондонское правительство почти одновременно ведет переговоры с берлинским и петроградским кабинетами, при чем последнему предлагает принять схему возможного раздела сфер влияния в Азиатской Турции: к северу от Багдада—русские, к югу—англичане. С 1898 г. до 1901 г.—новый ряд переговоров, на этот раз с Германией, так как Россия в начале 90-х г.г. проявляет активность на Памире и в направлении Персидского залива, и рассматривается в Лондоне, как самый опасный конкурент.

С другой стороны, экономические рамки, в которых протекает политический процесс, к этому времени приобретают исключительно грандиозные размеры. Прокладываю[illegible] великие железнодорожные пути: в южной Африке—линия транс-африканской ж. д., в сев. Азии—великий Сибирский путь, в передней Азии в направлении к Персидскому заливу проектируется знаменитая Багдадская дорога. Часть этих ж.-д. путей (сибирский и транс-африканский) создается на территории, вполне подчиненной прокладывающему их государству, или же там, где влияние его представляется настолько очевидным, что исключает возможность постороннего вмешательства. Тем не менее, и сибирский, и транс-африканский пути создали почву для двух местных войн—русско-японской 1904—1905 г.г. и англо-бурской 1899—1900 г.г. Еще сложнее было положение в Азиатской Турции, где сталкивались интересы большинства великих европейских держав. Здесь всякое решение спора военным путем должно было повлечь за собой мировую катастрофу. Войну предвидели и к ней готовились, но так как все ее пока откладывали, то средством разрешения спорных вопросов оставался путь дипломатический. Положение в Азиат-

ской Турции к началу XX века определялось двумя факторами: враждебностью Англии и России и активностью Германии.

Стратегические интересы Англии в Азиатской Турции определялись прежде всего месопотамской дорогой в Индию. Англичанам почти монопольно принадлежало право судоходства по рекам Тигру и Ефрату. С момента захвата ими Адена южная часть Мало-Азиатского полуострова являлась для них стратегической базой не только на случай борьбы с Россией, но и для защиты Суэза и Египта. Когда в конце XIX века Франция стала проявлять усиленную деятельность в Маскате, Россия стремилась захватить угольную станцию на берегу Персидского залива, а Германия сооружением Багдадского пути приобретала широкие интересы в Азиатской Турции,—Англии пришлось считаться с новой неблагоприятной обстановкой. С Францией она добивается сближения, предлагая ей признать ее специальные права в Марокко, за счет отказа Франции от своего преимущественного положения в Маскате. За то упорным и все усиливающимся в конце XIX века является страх, испытываемый Англией перед Россией. В ноябре 1899 г. русская канонерка появляется в Персидском заливе. В ответ англичане посылают туда свой крейсер. Тогда к первой канонерке присоединяется вторая. Одновременно в английской прессе с большим волнением обсуждается вопрос о русской железнодорожной концессии в Персии, срок которой истекает в ноябре 1900 г. и которую Россия, по английским сведениям, собирается продлить на 10 лет.

Деятельность Германии в Малой Азии также не могла не смущать английских политиков. Действительно, расчитывая в скором времени приобрести железнодорожную концессию Багдад—Кония, Германия всеми способами склоняла на свою сторону Турцию. В октябре—ноябре 1898 г. император Вильгельм II посетил Константинополь, Сирию и Палестину и, хотя германская печать и отрицала политическое значение этой поездки, однако, в Лондоне ее ставили в прямую связь с предоставлением обществу анатолийской ж. д. турецким правительством концессии на оборудование порта в Хайдар-Паше. В сентябре 1899 г. Германия, пользуясь безденежьем турецкого правительства, обратилась к нему с определенным предложением, обещая свою поддержку в случае признания ее специальных ж.-д. прав в районе Багдада. 26-го ноября турецкий совет министров высказался в пользу предоставления Германии интересующей ее концессии от Конии до Багдада. 22 декабря было подписано предварительное соглашение между турецким правительством и представителем Deutsche

Bank Сименсом: им предусматривалась постройка дороги Кония-Багдад-Бассора в 8-милетний срок, при чем анатолийское общество обязывалось не уступать другой ж.-д. компании линий Хайдар-Паша-Ангора-Кония и Кония-Бассора.

Новый 1900 г. не принес для Англии успокоения. Тем более, что старый оставил ей тяжелое наследство—бурскую войну. При этих условиях лондонское правительство, естественно, не могло в должной мере противиться усилению русской и германской активности в Азиатской Турции. В Петербурге прекрасно учитывали то тяжелое положение, в которое попала Англия, и предприняли ряд последовательных попыток проникнуть в южную часть Месопотамии. С этой целью в Тегеране были начаты переговоры о передаче в русские руки Бендер-Аббаса и, вместе с тем, возбуждено ходатайство о концессии на постройку ж. д. от Тегерана к побережью Персидского залива. Испуганное ростом иностранной предприимчивости в Малой Азии, русское правительство вместе с тем потребовало от турецкого султана ограничения права ж.-д. строительства в полосе, непосредственно примыкающей к кавказской границе. В этой зоне жел. дороги могли строиться только Россиею и Турциею. (В Петербурге считались с возможностью постройки в ближайшее время ж. д.: Карс—Эрзерум, Эрзерум—Трапезонд). Соглашение было заключено в марте 1900 г. и вполне отвечало желаниям петербургского кабинета. С другой стороны, в апреле между турецким правительством и французскими концессионерами были начаты переговоры о передаче французским строительным компаниям линии Дамаск-Хомс, а 7-го сентября того же 1900 г. состоялось англо-французское соглашение, в силу которого Франция отказывалась в пользу Англии от своих «прав» на побережье Персидского залива (Маскат).

§ 2. Багдадский путь и железные дороги в Анатолии.

Получение германской строительной компанией концессии на сооружение Багдадского пути [1]), как ни был сам по себе важен этот факт, не вызвало особой тревоги в английских правительственных кругах. И пресса, и министерство иностранных дел от-

[1]) Германия в 1914 г. имела в Аз. Турции 4.800 кил. жел. дорог (в концессиях и эксплуатации) против 4.500 кил. ж. д., принадлежавших Франции; в эксплуатации у Германии—1.800 кил., у Франции—1.500 кил. Концессия Хайдар-Паша-Ангора была получена германской группой еще в 1888 г., продолжение до Эрегли—в январе 1902 г.

неслись скорее дружелюбно, чем враждебно к новому предприятию. Это благосклонное отношение Англии к германскому продвижению в общем направлении к Персидскому заливу объяснялось для данного момента двумя обстоятельствами: 1) тем, что как раз в начале XX столетия между английским и германским правительством шли переговоры о заключении союзного договора и 2) усилением трений между Россией и Англией в Афганистане и Персии.

Не только в Персидский залив заходили военные русские суда, но в Петербурге интересовались вопросом, нельзя ли получить от турецкого правительства концессию, предоставляющую России исключительные права судоходства по Шат-эль-Арабу, как известно, уже принадлежавшие английскому обществу «Линч и Компания». Одновременно с этим русские финансовые круги выдвинули проект сооружения железной дороги Тифлис—Персидский залив и требовали установления постоянного торгового сообщения между Одессой и главными пунктами побережья. Багдадская железнодорожная концессия была, конечно, весьма неприятна для русского правительства, настолько неприятна, что тотчас же был поднят вопрос о соединении железнодорожной линией Ангоры с Карсом через Эрзерум, в качестве определенного противовеса новой линии. Когда встревоженное русское правительство весной 1899 г. запросило Берлин, не имеет ли Германия каких-нибудь особых видов на Константинополь и не преследует ли она сооружением Багдадской дороги тайных, враждебных России целей, император Вильгельм II в беседе с русским послом в Берлине гр. Н. Д. Остен-Сакеном указал, что Германия, верная своей исконной политике, не имеет специальных политических интересов на Ближнем Востоке. Багдадская дорога, конечно, предприятие мирового значения, но исключительно торгового. Если бы, однако, она и приобрела с течением времени политический характер, то, в первую очередь, была бы использована для непосредственной борьбы против английского влияния на Ближнем и Среднем Востоке.

Как раз в эту эпоху между английской компанией Смирна-Айдинской ж. д. и французской «Смирна-Кассаба» было заключено соглашение, устанавливавшее условия франко-английского сотрудничества по оборудованию Смирнской гавани. Этому сближению англо-французских частных интересов соответствовала и полоса взаимной политической поддержки. Когда между оттоманским правительством, сильно нуждавшимся в деньгах, и анатолийской ж.-д. компанией были определены окончательные пункты

договора об учреждении багдадской компании, и Франция высказалась в пользу участия в последней своими капиталами, то и в Англии стали серьезно задумываться, не следует ли присоединиться к Франции и войти участником в новое предприятие. Условия, на которых компании была предоставлена Турцией концессия, были весьма выгодны для Германии. Это объяснялось, с одной стороны, тем тяжелым финансовым положением, в котором пребывала Порта, а с другой—политическими осложнениями, которые создались у нее с Англией в Аравии и с Италией на Красном море; в то же время Македония, этот постоянный источник внутренних турецких кризисов в 1901—1905 г.г., являлась центром крупного повстанческого движения.

Переговоры, шедшие в течение почти 2-х лет, закончились в марте 1903 г. подписанием соглашения, по которому анатолийская железнодорожная компания (ответвление Deutsche Bank) обеспечивала Турции заем в 43.200.000 марок и взамен получала право отстроить дорогу от Эрегли до Мосула и Багдада, с линиями на Кесарию-Сивас, на Диарбекир и к Мерсине и Александретте. Выгодные условия, на которых Германии была предоставлена концессия, возбудили живое внимание в английских финансовых кругах. В палате общин статс-секретарю по иностранным делам, Бальфуру, был предложен запрос, в какой мере английское правительство намерено принять участие в сооружении Багдадской дороги. Признавая исключительно важное значение новой линии, соединяющей Европу с Персидским заливом и с Индией, Бальфур в своей ответной декларации высказался за интернационализацию предприятия и сообщил, что на этот счет уже идут переговоры с германским правительством. Франция в это время уже вела переговоры с Англией о заключении с ней союза и, естественно, старалась привести линию своего политического поведения в соответствие с английской. 23 октября 1903 г. в Брюсселе между представителями французских и германских финансовых групп было подписано соглашение. Однако, ратификация его зависела от французского правительства, а последнее всячески ее затягивало.

Считаясь с возможностью русско-английского конфликта (особенно после начала русско-японской войны), Англия боялась втягиваться в резкое несогласие с Германией из-за Багдадской дороги. В Лондоне, конечно, сознавали, что всякое ухудшение обще-европейского положения могло улучшить положение России, дав ей необходимых союзников. Это, в первую очередь, сказалось на поведении Англии в Азиатской Турции. В это время английское

правительство не чинило особых препятствий Германии. Последней удалось не только начать работы по прокладке Багдадского пути[1]), но и получить крайне важную для нее нефтяную концессию, распространявшуюся на Багдадский и Мосульский районы (12 сентября 1904 г.).

Когда после цусимской катастрофы Россия перестала существовать в качестве великой морской державы, совершенно неожиданно для русских дипломатов, еще до момента заключения мира, из Лондона пришло известие о последовавшем со стороны Англии предложении заключить политическое соглашение с Россией.

Сообща с французами, англичане открывали новую эру стратегического окружения Германии. Россия, укрощенная на море японцами, нужна была для будущей войны на европейском континенте. 23-го сентября 1907 г. между Россией и Англией подписано было соглашение о Персии, Афганистане и Тибете. Приблизительно в это же время состоялось заключение и русско-японской конвенции, устанавливавшей новые начала для мирного сотрудничества обеих стран на Дальнем Востоке. Эти соглашения произвели, разумеется, крайне неблагоприятное впечатление в Германии. Впечатление это усилилось, когда Англия в районе Месопотамии и Персидского залива перешла в решительное наступление, имевшее двоякий характер: с одной стороны, оно ставило своей задачей нейтрализовать Багдадский путь и всецело подчинить область, прилегающую к Персидскому заливу, английскому влиянию; с другой, — предусматривало возможность вооруженного вмешательства, под предлогом споров между Портой и Египтом. Первой задаче должны были служить выдвинутые в это время английским правительством проекты англо-арабского железнодорожного пути (Багдад — Бейрут — Дамаск) и ирригационных работ в вилайете Багдада и Бассоры (проекты инженера Вилькокса)[2]).

1904-1908 г.г., годы финансовой борьбы великих держав за господство в Азиатской Турции, были для Оттоманской империи тяжелыми годами почти полного безденежья. И Франция, и Англия не отказывали Турции в денежной помощи, но предъ-

[1]) До 1908 г. было проложено не более 200 км.

[2]) „Английская ж.-д. политика, как правильно говорили, имела центробежные тенденции, в противоположность центростремительной жел.-дор. политике, которой придерживалась Турция... Англия стремилась провести ж.-д. путь возможно ближе к побережью, т.-е. в сфере действия военных судов, турецкие же интересы требовали проведения ее в гористых внутренних областях“. — V. Valentin, Deutschlands Aussenpolitik, B. 1921, S. 142.

являли ей крайне тяжелые требования. Так, Франция предоставляла Турции довольно крупный заем, но осуществление его обуславливала уплатой возмещений за убытки французско-сирийского железнодорожного общества, концессией на сооружение константинопольской набережной и сдачей военных заказов французским заводам. Когда франко-турецкие и англо-турецкие переговоры о заключении займа кончились ничем, Германия через анатолийское общество предложила турецкому правительству гарантировать ему заем в 100.000.000 франков; в то же время германские финансисты выдвинули проект использования в своих интересах линии Дамаск-Кайфа, а на Тигре и Ефрате, при негласном участии германского капитала, была учреждена турецкая компания, угрожавшая конкуренцией английскому обществу Линча. К этому прибавилось сообщение о выезде германской комиссии для обследования района предоставленной турецким правительством обществу Анатолийской железной дороги нефтяной концессии. Когда в 1907 г. распространились слухи о покупке Германией островов в Персидском заливе, беспокойство и раздражение в Англии достигли высшей меры.

Осенью того же 1907 г. лондонский кабинет, только - что добившийся крупного политического успеха, каким являлось для него соглашение с Россией, решил начать активные действия против Германии. В палате общин новый статс-секретарь по иностранным делам, сэр Эдуард Грей, повторил заявление, сделанное его предшественником, маркизом Лансдоуном. Всякое стремление изменить положение в районе Персидского залива было бы признано Англией поводом для войны. Направленная в 1903 г. против России, теперь эта угроза имела в виду Германию. В ноябре, во время пребывания Вильгельма II в Лондоне, сэр Эдуард Грей, снесясь предварительно с парижским и петербургским кабинетами, предложил Германии согласиться на интернационализацию Багдадской дороги. Германия отклонила это предложение и лихорадочно усилила свою деятельность в Азиатской Турции. Она не только добилась в июне 1908 г. подписания соглашения с турецким правительством о продолжении багдадского пути до Мардина, с веткой на Алеппо (этим она фактически вторгалась в зону французского, а отчасти,—и английского влияния), но и распространила свою заинтересованность на путь к мусульманским святым местам (Геджасскую дорогу). Это усиление активности Германии способствовало сближению между Россией и Англией. Обе эти державы в 1908 г. после ревельского свидания, решили выступить совместно в Константинополе, потребовавши от оттоманского

правительства осуществления македонских реформ. Таким образом, Россия на Балканах окончательно порывала с союзницей Германии, Австро-Венгрией. Политическая обстановка становилась тем более сложной, что к вопросу о реформах на Балканском полуострове и в Армении в 1907—1908 г. присоединилась довольно резко выраженная противоположность русских и австрийских интересов в деле железнодорожного строительства на Балканах.

В сентябре 1909 г. младо-турецкое правительство подняло вопрос о 4% таможенной надбавке. Из Берлина дали знать, что Англия не согласна, так как не желает, чтобы новый доход шел на покрытие километрической гарантии для предположенных к постройке участков Багдадской дороги, а ее примеру, несомненно, последуют и другие державы Тройственного Согласия. Несколько недель спустя в германской прессе появились сведения о решении Англии использовать в своих интересах затруднения Турции на Крите, чтобы этим путем добиться новых привилегий в Месопотамии, на Тигре и Ефрате. В Константинополе крепло убеждение, что у Турции один друг—Германия, систематически уклонявшаяся от вмешательства во внутренние ее дела. Младотурки потребовали смены великого визиря. Новый глава правительства, Хакки-паша, проявил себя несомненным германофилом. Эта кампания против Англии имела и обратную сторону: в то же время Германия стремилась сама добиться соглашения с Англией. Личный друг короля Эдуарда VII, сэр Эрнест Кассель, ездил в конце 1909 г. со специальной миссией в Германию; правда, он не добился практических результатов в Берлине. Помимо основного вопроса о морских вооружениях, усиление газетной кампании против Англии, в связи с восстанием шейха Ковейта (в феврале 1910 г.) и английским проектом соединительной железнодорожной ветки между Тигром и Ефратом, а также планом ирригационных работ в Месопотамии, конечно, не могло способствовать англо-германскому сближению.

В то же время младо-турки энергично взялись за соглашение с Россией 1900 г. Еще в 1909 г., несмотря на косвенные протесты России, был поднят вопрос о предоставлении американскому синдикату концессии на постройку жел. дор. Сивас-Самсун в запретной, по русско-турецкому соглашению 1900 г., зоне. 16 февраля в турецком официозе появилось сообщение о намерении турецкого правительства самостоятельно отстроить железнодорожную сеть: Трапезонд - Эрзерум - Самсун - Сивас - Ангора - Энфаат. Другим претендентом на концессию Самсун - Сивас яви-

лась Франция, незадолго до этого потерпевшая две неудачи (ей было отказано в концессии Триполи-Хомс и в новом выпуске акций Гераклейской компании), но расчитывавшая предоставлением краткосрочного займа Турции добиться новых с ее стороны железнодорожных концессий. Из этой финансовой конкуренции победительницей вышла Германия. Турецкий министр финансов Джавид-бей, ездивший в Париж и Лондон, «по дороге» заехал в Берлин; в октябре—ноябре 1910 г. между Deutsche Bank и Джавидом начались окончательные переговоры о заключении займа, и одновременно германской печатью был поднят вопрос о допущении Турции в Тройственный Союз. Турецкий флот усилился покупкой двух старых немецких броненосцев; турецкая армия, под руководством фон-дер-Гольц-паши, деятельно реорганизовывалась.

Если потсдамское свидание в ноябре 1910 г. породило боязнь сближения между Россией и Германией, то проект соглашения между обеими странами по ближневосточным делам должен был представиться и в Лондоне, и особенно в Париже более, чем неприятным. Действительно, Россия своим обещанием связать железно-дорожную линию Хадидже-Ханекин с багдадской магистралью полагала начало новой эре в отношении держав к багдадской дороге. Основным принципом политики держав Тройственного Согласия и в этом вопросе был принцип изоляции Германии. Теперь у Германии неожиданно нашлась попутчица, в лице России.

В появившейся около этого времени статье в либеральной английской газете «Daily News» отразился успех предпринятого Германией шага. Автор этой статьи утверждал, что Тройственное Согласие прекратило свое существование, и советовал заключить союз с Берлином. Правда, мысль эта не встретила сочувствия в остальных органах английской прессы: «Times» и «Standard» выступили защитниками антигерманской группировки; «Morning Post» пошла дальше, требуя превращения англо-французского соглашения в союз. Как бы то ни было, идея англо-германского сближения была пущена в оборот. Франция была еще больше встревожена и разочарована, чем Англия: в начале января 1911 г. распространилось известие об уводе русских войск с германской границы. В середине месяца тревога во французских политических кругах настолько усилилась, что министр иностранных дел Пишон счел себя вынужденным произнести большую успокоительную речь в палате депутатов. Он заявил, что отношения между Россией и Францией не оставляют желать ничего лучшего и недавние потсдамские переговоры ничем не угрожают Фран-

ции, так как дело сводилось к простому соглашению по персидским делам, аналогичному тому, которое было заключено самой Францией с Германией относительно Марокко в 1909 г. К тому же, именно в передней Азии за последнее время Франция добилась многого. Нельзя, конечно, отрицать, что Турция в 1909—1910 г. занимала деньги у других держав, но за то во французские руки перешли три новых железнодорожных концессии в районе Смирны, Триполи и Ходейды (Смирна—Мраморное море; Хомс—Триполи и Ходейда—Сенаа). Таким образом, Пишон в своей речи старался обойти багдадский вопрос,—истинную причину всех волнений. Однако, когда Жорес прямо поставил вопрос о багдадской дороге. Пишон в ответной речи заявил, что ему, вообще говоря, тяжело касаться поднятой Жоресом темы, хотя вопрос об участии иностранного капитала в сооружении багдадского пути не новый,—уже в 1907 г. Россия вела на этот счет переговоры с Германией (линия Багдад-Ханекин) и, даже при современной его постановке, в поведении русского правительства нельзя усмотреть никаких тревожных симптомов. Договоры незыблемы, и бессмысленно говорить об изоляции Франции, соединенной союзными или дружественными узами с большинством государств Европы. Речь Пишона никого не убедила; было ясно, что министр сам не вполне верит в свои слова. Истинный взгляд Пишона выразил Тардье в угрожающей статье, появившейся в «Temps», где заявлялось, что сепаратное выступление России открывает путь Франции в сторону сближения с Германией в вопросе железнодорожного строительства в Азиатской Турции. Более спокойный тон лондонской печати, объяснявшийся тем обстоятельством, что Англия уже с 1910 г. вела негласные переговоры с турецким правительством об интернационализации участка Багдад—Персидский залив, а также и тем, что общественное мнение страны было поглощено борьбой палат и вопросом о «Гомруле», был принят в Германии, как новое доказательство полного триумфа. В скором времени, однако, Берлину пришлось разочароваться. Прежде всего оказалось, что между Россией и Францией намечается соглашение по вопросу о железнодорожном строительстве в сев. Анатолии. А затем Россия решительно уклонялась от подписания соглашения с Германией. С другой стороны, во французской печати появились прямые указания, где лучше всего было бы употребить свободные французские капиталы. Прежде до известной степени этому мешала Россия, противившаяся участию Франции в багдадской железнодорожной компании; теперь же потсдамским актом Россия аннулировала свое запрещение. Указывалось, что же-

лательнее всего было бы вложить капиталы в постройку двух железнодорожных сетей в Армении и на Адриатике, (Дунайско-Адриат. ж. д.); в Сирии необходимо стремиться к сохранению уже приобретенных с 1863 г. концессий, тем более, что багдадская дорога, доходя до Алеппо, с веткой на Анатолию и Александретту, вторглась в фактическую сферу французского влияния. Но ставился вопрос: следует ли для этого добиваться сближения с Германией? Ответ давался отрицательный, на том основании, что есть гораздо более верный и надежный путь: заключить соглашение с Турцией.

В феврале месяце во Франции произошла смена кабинета, но и новое министерство Мониса в области азиатского вопроса придерживалось линии поведения, принятой кабинетом Бриана. Незадолго до своего ухода Бриан и Пишон созвали в Париже совещание французских послов (П. Камбона, Ж. Камбона и Ж. Луи) для выяснения создавшейся обстановки. В марте месяце с тою же целью новый министр иностранных дел, Крюппи, вызвал из Константинополя Бомпара. В то же время агентство Габаса стало распространять сведения о близком заключении соглашения между Францией и Турцией, предусматривавшего предоставление оттоманскому правительству займа на парижском рынке, взамен концессии на сооружение железных дорог в европейской и азиатской Турции. Таким образом, сторонники франко-турецкого соглашения одерживали верх. Точка зрения Бомпара торжествовала над взглядами Баррера, считавшего, что усиление французской политики в Албании и сев. Анатолии повлечет за собой ухудшение отношений с Италией и Россией. Слухи о всех этих переменах, естественно, должны были обеспокоить Россию. Извольский в беседе с Пишоном, а после его ухода—с Крюппи, пробовал установить точность сообщения «Гаваса». Оба министра говорили послу, что Франция не имеет в виду постройки железных дорог, могущих нанести ущерб русским интересам. Из сношений министерства с посольством, однако, выяснилось, что Франция действительно добивается сужения запретной зоны. Извольский в беседе с французскими дипломатами старался подчеркнуть, что Россия ни в коем случае не признает невыгодных для себя железнодорожных концессий в северной Анатолии. Но скоро русской дипломатии пришлось пойти на уступки, так как, по всем признакам, Турция фактически аннулировала соглашение 1900 г., и, таким образом, русскому правительству оставалось лишь выбирать между американскими и французскими предприятиями в северной Анатолии. В конце

марта и начале апреля наметился путь к соглашению. Россия была готова уступить полосу к западу от линии Самсун-Сивас, но требовала к востоку от этой линии строгого выполнения соглашения 1900 г. С этого момента переговоры между Парижем и Константинополем быстро двинулись вперед.

Настойчивость французских дипломатов связана была с тем, что багдадской компанией был поднят вопрос об изменении первоначального направления дороги; по новому проекту, она связывалась с Александреттой (хотя против этого протестовал турецкий штаб, в виду того, что, в случае возникновения войны, главная магистраль в районе Средиземного моря, оказалась бы под обстрелом флота воюющей с Турцией державы). Таким образом, северный угол сирийской ж.-д. сети переходил в руки немцев, что могло бы привести к вытеснению Франции из Сирии. В марте месяце 1911 г. в союзных и враждебных Англии государствах сделалось известным, что Лондон ведет переговоры с Константинополем. На запрос Бальфура в палате общин сэр Эдуард Грей ответил, что английское министерство иностранных дел вполне отдает себе отчет в важности для английских торговых интересов района Персидского залива. Что касается Багдадской ж. д., то английскому правительству трудно, конечно, оспаривать у Германии уже полученные ею концессионные права, но не следует думать, что правительство отказывается от борьбы. Наоборот, оно не соглашается на новую таможенную 4% надбавку, проектируемую турецким правительством, в виду имеющихся в его распоряжении сведений, что полученная от этой надбавки сумма пойдет на покрытие километрической гарантии для нового участка Эль-Хелиф—Багдад. Общество Багдадской ж. д.—бесспорно немецкое общество, а территория, по которой в настоящее время прокладывается дорога, принадлежит оттоманской империи. Но если общество желает продолжить железнодорожную линию на юг, Англия считает себя вынужденной оградить «status quo» на Персидском заливе, тем более, что она связана в этом отношении обязательством с шейхом Ковейта. По вопросу о переговорах Грей ограничился туманной фразой, давши, однако, понять, что переговоры действительно идут. Через несколько дней в иностранной и русской прессе появились слухи, что Турция согласна интернационализировать участок Багдад-Персидский залив, но при условии, что будут признаны права ее на Ковейт. Германия поторопилась с заключением окончательного соглашения. 16 марта турецкий совет министров утвердил предложенный на его рассмотрение проект конвенции о предоставле-

нии компании права на постройку участка Эль-Хелиф—Багдад. 13-го особым ирадэ были обнародованы 3 новых концессии: 1) вышеупомянутая Эль-Хелиф—Багдад (600 килом.); 2) на сооружение и эксплуатацию ветви Османиэ—Александретта (70 килом.) и 3) передающая компании права на сооружение Александреттского порта. Вместе с тем, компания отказывалась от участка Багдад-Бассора, при условии постройки его самой Турцией, а в случае уступки этой концессии иностранной компании,—предоставления в ней Германии участия в равной с другими державами доле.

Центром внимания продолжал оставаться, с одной стороны, Ковейт, с другой—треугольник Самсун-Сивас-Ван-Диарбекир-Харпут. И по тому, и по другому вопросу в течение весны и лета 1911 г. переговоры с Турцией, хотя и подвинулись вперед, но не привели к положительным результатам. 22 марта 1911 г. сэр Эдуард Грей выступил с новым заявлением в палате общин. Он указал, что английское правительство примет все зависящие от него меры, чтобы добиться участия в Багдадской дороге. Вместе с тем Грей подчеркнул, что на самое предприятие Англия смотрит исключительно, как на коммерческое, и отказывается признать за ним политическое значение. Условия предстоящего англо-турецкого соглашения сильно занимали печать. Оба министерства иностранных дел—турецкое и английское—хранили абсолютное молчание. Однако, в Германии было известно, что Англия настаивает на образовании особой турецкой компании, которой должна быть предоставлена концессия на сооружение участка ж. д. Багдад-Персидский залив. По одной версии, в компании должны были принять участие, кроме Турции, Германия, Франция и Англия, при чем доля Турции определялась в 40%, а остальных держав—по 20%. Другая из циркулировавших версий утверждала, что Англия требует себе 30% или уравнения прав участниц, т. е. предоставления им по 25%. Большой интерес возбуждал в печати также и вопрос о Ковейте. Утверждали, что Турция соглашалась уравнять права участников (25%) в случае, если Ковейт перейдет в ее руки, но что Англия никогда на это не согласится. В апреле сделалось известно, что переговоры действительно достигли мертвой точки: английское правительство, будто бы, не только отказывалось участвовать в постройке, но не соглашалось и на испрашиваемую Турцией 4% таможенную надбавку и собиралось построить железную дорогу на Хармозэ и Харамабад, с ясной целью конкурировать с Багдадской. Большую активность проявляли в Константинополе и французские дипломаты. Но хотя в апреле французская пресса и со-

общила, что между Рифаатом-пашей и Бомпаром ведутся успешные переговоры, вскоре сделалось известным, что и здесь договаривающиеся стороны натолкнулись на непреодолимые препятствия. Выражением создавшегося политического равновесия явилось, с одной стороны, предоставление Германии в июне 1911 г. концессии на сооружение ветки Адабазар-Боли, от Гераклейских угольных копей к пристани Хайдар-Паша, с другой—передача первой «Честерской» концессии французскому обществу Régie générale des chemins de fer et des travaux publics, состоявшаяся 25-го июля и явившаяся результатом уступки со стороны России. (Концессия в первую очередь предусматривала постройку двух дорог: Самсун—Сивас и Харпут—Эрзерум—Трапезонд).

1912, 1913 и начало 1914 годов—годы постоянных мировых кризисов и являются периодом попыток закрепить фактическое равновесие в передней Азии. В мае 1911 г., непосредственно вслед за неудачей франко-турецких переговоров, во Франкфурте состоялось свидание представителей французских и германских финансовых групп, заинтересованных в Азиатской Турции. Ни к каким положительным результатам оно не привело. Неуступчивость германских делегатов французы объясняли тем, что Германия вела одновременно негласные переговоры с Англией. Но и эти переговоры кончились ничем. Единственным достигнутым Германией соглашением явилось русско-германское о Ханекин-Багдадской дороге, подписанное 19 августа 1911 г.: Германия признавала сферой русского влияния сев. Персию и обязывалась не добиваться железнодорожных концессий к северу от линии Казри—Ширин—Исфагань—Иезд, а Россия обещала выстроить железную дорогу Тегеран—Ханекин и, таким образом, связать персидские дороги с Багдадской. Кроме того, Россия гарантировала компании благожелательное отношение ко всем новым ее концессионным планам [1]).

В конце июля 1911 г. английское министерство иностранных дел сочло нужным познакомить Францию с положением англо-турецких переговоров. Французскому послу была вручена копия меморандума, адресованного Порте: в нем указывалось, что еще в июне 1910 г., во время пребывания Джавида-бея в Лондоне, между английским министерством иностранных дел и турецким министром финансов были начаты переговоры о создании новой

[1]) О впечатлении во Франции см. „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 г.г.“. (М. 1922), стр. 105 и след.—отзыв Извольского и французской прессы. Текст соглашения см. „Красный Архив“ № 3, где он напечатан под видом приложения к докладу Сазонова от 4 ноября 1910 г.

компании, получающей концессию на постройку участка Багдад-Персидский залив. В основном капитале этого общества английская доля исчислялась в 50% всей суммы. В 1911 г., по словам меморандума, турецкое правительство предложило поделить основной капитал на 4 равные доли так, чтобы доля Турции была равна 40%, доли же остальных участников (Франции, Англии и Германии) по 20%. Но это предложение оказалось мало приемлемым для Англии. В свою очередь, последняя выдвинула проект, в силу которого все доли должны были бы быть равны (в 20%), но число членов консорциума увеличивалось Россией. Кроме того, англичане настаивали на Ковейте, в качестве конечного пункта дороги, или же на интернационализации участка Багдад-Бассора. В дирекцию компании должны были войти англичане.

Взамен всего этого, Англия соглашалась признать до 1914 г. 4% таможенную надбавку. Но это предложение Англии было обречено на неудачу. Турки упорно отказывались ввести в управление компании английского представителя и для противодействия английскому капиталу выдвигали американский, настаивая на допущении в консорциум Америки.

В сентябре 1911 г. началась итало-турецкая война, в значительной степени отразившаяся на ходе переговоров. В связи с нею в настроении турецких политических и общественных кругов произошел определенный сдвиг и, на этот раз, не в пользу Германии и Австрии. С турецкой точки зрения, берлинский покровитель Турции обязан был вмешаться в конфликт и заставить итальянское правительство отказаться от его намерений. Младотурки пытались обратиться за помощью к Англии. Но и с этой стороны Турции не приходилось расчитывать на помощь. Франция и Англия спешили увеличить свою территорию за счет той же Турции, первая,—захватив оазис Джанет, пограничный с Тунисом, а вторая—лежащую у египетского побережья бухту Солум. Военные расходы вызывали острую нужду в деньгах, тем более, что заключенное Турцией в марте 1911 г. дополнительное железнодорожное соглашение с багдадской компанией предусматривало уплату крупной километрической гарантии. Необходимо было заключить заем в Париже и в Лондоне, так как немцы с большой неохотой соглашались на заем, предназначенный на ведение войны с одним из членов Тройственного Союза. Державы Согласия не спешили с ответом. Англия стремилась закрепить за собой Ковейт, в Париже царило, в связи с войной, крайне нервное настроение.

С другой стороны, как раз итало-турецкий кризис и вызванная им угроза общей катастрофы,—в виду полной неподготовленности большинства европейских держав к войне,—способствовали всякого рода мирным переговорам. Именно к этому времени относится ряд статей, появившихся в английской и германской прессе, о возможности объединения в случае, если Англия проявит уступчивость в вопросе об африканских колониях Португалии, а Германия—в отношении Багдадской дороги. Пошатнувшееся, вследствие итальянской агрессивности, положение Германии на Ближнем Востоке поощряло попытки прийти к общему соглашению. Миссия лорда Холдэна в Берлине в феврале 1912 г. и переговоры с сэром Эрнестом Касселем по поводу железнодорожного строительства в Азиатской Турции и были попытками такого рода. Если даже общее соглашение и было невозможным, то вполне приемлемым было частное, на выгодных для всех держав условиях, за счет третьей стороны, т.-е. Турции. Россия отказывалась от железнодорожного строительства, но требовала для себя решения вопроса о пропуске русских военных судов через проливы. Франция и Англия были заинтересованы в получении новых железнодорожных концессий.

Когда в 1912 г. германский посол в Константинополе, барон Маршаль фон-Биберштейн, был переведен в Лондон, то в Германии открыто заговорили о близости англо-германских переговоров. Однако, барону Маршалю не пришлось их вести (он вскоре умер); они начались только в 1913 г., и им предшествовал долгий период переговоров английского правительства с турецким. Официально последние начались в феврале 1912 г., сначала в Константинополе, а с марта 1912 г.—в Лондоне. Окруженные большою таинственностью, англо-турецкие переговоры в течение первых месяцев своего развития крайне интриговали западно-европейскую печать. Сэр Эдуард Грей на запросы в палате общин давал короткие и неясные ответы: так, напр., 21-го марта он заявил, что переговоры касаются, главным образом, вопросов судоходства между Багдадом и Персидским заливом; 2-го мая,—что цель их предоставить Англии участие в постройке конечной линии Багдад—Бассора. 9-го мая он ограничился простым заявлением, что никаких положительных результатов еще не достигнуто; то же самое повторил он и в своей декларации 6-го июня; 10-го июля он сообщил, что в переговорах был затронут вопрос о предоставлении Турции займа на постройку железной дороги к югу от Багдада, а также о признании Англией новой 4% таможенной надбавки, проектируемой турецким министерством финан-

сов. В печати, между тем, снова появлялись самые разнообразные и противоречивые сведения: газеты попрежнему утверждали, что Англия намерена создать строительный четверной консорциум (Турция, Франция, Германия и Англия). В действительности, Англия, однако, вовсе не стремилась создавать враждебное своим интересам международное предприятие в районе, непосредственно граничащем с ее аденским протекторатом. Турция, как утверждали в британском министерстве иностранных дел, ни за что не согласится на интернационализацию спорного участка. Она решительно против допущения в проектируемый консорциум России, а без последней, по заявлению английских дипломатов, создать международную строительную компанию невозможно. Но как же в таком случае поступить? Не проще ли всего вопрос решится, если от участия откажется и Франция, так как это помогло бы смягчить неблагоприятное впечатление, которое произведет недопущение России в Петербурге. Создалась бы англотурецкая компания, в которой англичанам будет принадлежать руководящая роль, а они, конечно, сумеют защитить в районе Персидского залива интересы и Франции, и России... Это предложение английского правительства не встретило сочувствия со стороны Франции. Здесь указывали, что англо-турецкой компании в действительности не будет, так как в ней примут негласное участие немцы, ссужая турок необходимыми для основного вклада средствами. Проект Англии оказался тем более неприемлемым в Константинополе и Париже, что Deutsche Bank в это время обратился к Оттоманскому банку (как известно, предприятию французскому) с предложением выкупить находившиеся в руках последнего акции Багдадской ж. д. (Оттоманский банк на 30% участвовал во 2-м и 3-м багдадском займе) и взамен этого просил Оттоманский банк предоставить ему краткосрочный заем для скорейшего покрытия расходов по постройке участка Эль-Хелиф—Багдад. Банку эта сделка была выгодна, но французское правительство ее отклонило. Тогда Англия стала грозить туркам разрывом переговоров. В лондонской печати появились сведения о проектируемой английским правительством Транс-Иранской линии. Был возбужден вопрос о получении соответственной концессии от персидского правительства. Одновременно обсуждался проект дороги от Порт-Саида через Бассору к афганской границе. В районе Персидского залива сосредоточивались английские войска. Вместе с тем, Англия соблазняла турецкое правительство мирно уладить дело, предлагая заем на сравнительно выгодных для турецкого правительства условиях.

Новая катастрофа, обрушившаяся на Турцию в 1912 г.,—столкновение с балканским союзом,—принудившая Порту заключить с Италией Лозаннский мир, проложивший путь к разделу ее внеевропейских владений, заставила турецкое правительство пойти на уступки. Теперь Турция уже соглашалась предоставить концессию на сооружение участка Багдад-Персидский залив Англии, но требовала сохранения за собой Адрианополя. В Лондоне, однако, учли затруднительное положение Турции и ответом не торопились. Чем дальше продвигались армии балканского союза вглубь Оттоманской империи, тем казалось легче добиться от нее новых, еще более выгодных предложений. Английское правительство тем временем вело переговоры в Тегеране о признании его специальных прав в районе Персидского залива (за что обещало Персии крупный заем). Одновременно с этим, между тегеранским правительством и английским синдикатом были начаты переговоры о постройке южной персидской ж. д. от Мохамеры на Хорамабад, приведшие 5-го марта 1913 г. к положительным результатам. В английских финансовых кругах снова заговорили об организации ирригационных работ в южной Месопотамии. Чтобы ослабить натиск Англии, Германия, с своей стороны, решила предложить Турции финансовую помощь. Последняя Турцией была принята, и ею был заключен в марте 1913 г. заем в 300.000 турецких фунтов. Но и этой суммы хватило ненадолго. Переговоры с Англией продолжались. Для Германии не оставалось ничего лучшего, как принять в них участие.

Первоначально германское правительство ограничивалось ролью наблюдателя, хотя сведения о начавшемся между обеими сторонами сближении относятся уже к весне 1913 г. Только когда проект англо-турецкого соглашения был окончательно выработан и стал известен из турецких официозных сообщений, а также из заявления сэра Эдуарда Грея в палате общин, Германия пошла дальше. Проект соглашения представлялся крайне выгодным для Тройственного Согласия и показывал, что Англия в полной мере использовала политическую обстановку. По соглашению [1]), турецкое правительство признавало протекторат Англии над Ковейтом,

---

[1]) Сведения о нем: „Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 гг.“, М. 1922 г. (сообщение из Парижа), стр. 380; Siebert, Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre (Berlin, 1921), SS. 362—365 (сообщения росс. послов из Парижа, Константинополя и, в особенности, из Лондона, со слов Грея).

Англия же гарантировала Турции необходимый ей заем в 3 миллиона фунтов стерлингов; кроме того, Турции была обещана финансовая помощь и в будущем. Конечным пунктом Багдадской ж. д. должна была явиться Бассора. Участок Бассора-Ковейт Англия бралась отстроить собственными средствами. Содержание соглашения, как только оно стало известным, произвело крайне тяжелое впечатление в Германии и вызвало некоторую тревогу даже во Франции. В Германии это настроение в мае отразилось в запросе в рейхстаге. В своем ответе статс-секретарь по иностранным делам фон-Ягов повторил объяснения Грея: соглашение признавало конечной точкой Багдадской дороги Бассору; к югу от Бассоры железнодорожный путь мог строиться только с разрешения английского правительства; от участия в постройке Багдад-Бассора Англия отказывалась, но настаивала на включении в администрацию компании 2-х своих представителей для наблюдения за точным проведением в жизнь тарифного уложения; турецкий сюзеренитет над Ковейтом будто-бы признавался, но Англия брала на себя «охрану интересов» шейха Ковейта. За все это Англия готова была разрешить и 4% таможенную надбавку.

7-го февраля 1914 г. англо-турецкое соглашение было ратифицировано, после чего ускорился темп англо-германских переговоров, которые шли и раньше, но сводились к простому обмену мнений. Искусно защищая свою позицию, Англия в июле 1914 г. добилась от Германии согласия на заключение конвенции, в силу которой багдадская компания принимала за конечный пункт дороги Бассору и отказывалась от продолжения ее к Персидскому заливу и от приморской гавани; Англия-же обязалась не чинить препятствий окончанию дороги и не добиваться конкурирующих концессий в Багдадском и Мосульском вилайетах; далее, багдадская компания обязалась принять английский капитал и двух англичан-директоров; в Багдаде и Бассоре сооружение гаваней должно было быть передано той-же компании (ее филиалу), при участии в 40% английского капитала; Германия обязалась не чинить препятствий англичанам в получении концессии на речное судоходство в Месопотамии, при участии в 20% германского капитала. Одновременно заключено было соглашение и по вопросу о месопотамской нефти, в эксплуатации которой Германия получала 25%-ную долю. Эта конвенция, подписанная 15 июля 1914 г., т.-е. за две недели до мировой войны, ратификована не была, и, таким образом, длительному периоду переговоров и

сношений не суждено было привести ни к каким положительным результатам [1]).

Рядом с напряженной деятельностью английских дипломатов шел определенный натиск и со стороны французских политических и финансовых кругов на Турцию для получения от нее железнодорожных концессий в Сирии и северной Анатолии. Честерский проект, выдвинутый еще в 1909 г., к 1912 г., несмотря на заинтересованность в нем американской финансовой группы Моргана и деятельную поддержку, оказанную ему американским поверенным в делах в Константинополе Картером, был окончательно оставлен турецким правительством, вступившим по этому вопросу в переговоры с Францией. Нуждаясь в деньгах в эпоху итало-турецкого кризиса, оттоманское правительство согласилось на довольно невыгодные для него условия краткосрочного займа в 10.000.000 турецких фунтов, который ему обещал устроить и действительно устроил Оттоманский банк. Из этой суммы $2\frac{1}{2}$ миллиона фунтов должны были пойти на покрытие расходов по постройке железной дороги Самсун-Сивас. Одновременно с этими переговорами, во время поездки Пуанкарэ в Петербург, между ним и Сазоновым был затронут вопрос о железнодорожном строительстве в северной Анатолии, представлявшейся, в силу русско-турецкого соглашения 1900 г., запретной зоной для иностранного капитала. Пуанкарэ, напомнив Сазонову, что Франция уже раз понесла и моральный, и денежный ущерб, вследствие несговорчивости России, помешавшей ей принять участие в багдадской компании, подчеркнул, что в северной Анатолии может совершенно неожиданно явиться американский конкурент. Из слов Пуанкарэ в Петрограде поняли, что постройка железных дорог в северной Анатолии—вопрос решенный в Париже, и стали изыскивать способы ослабить стратегическую угрозу, которую представляла новая железнодорожная сеть для кавказской границы. Россия соглашалась поделить запретную зону на два сектора к западу и к востоку от Эрзерума, при чем хлопотала о сохранении строгого «status quo» в восточной полосе. Франция пошла навстречу этому пожеланию. 6 июня 1912 г. между турецким министром общественных работ и представителем Оттоманского банка был подписан предваритель-

---

[1]) Высокая оценка этого соглашения с точки зрения предотвращения войны между Англией и Германией и сохранения общего мира у Helfferich, Der Weltkrieg, I, S. 154. Этот-же автор говорит о тяжелых жертвах, принесенных для заключения соглашения Германией; не менее тяжелыми казались и Англии уступки, на которые она согласилась. Таким образом, обе стороны тяготились этим вынужденным сотрудничеством, при продолжавшемся соперничестве в морских вооружениях.

ный контракт, по которому французской группе предоставлялась концессия на постройку сети железных дорог, при чем намечались железнодорожные линии Самсун-Сивас, Сивас-Тихалта-Эрзинджан и Эрзинджан-Эрзерум. Контракт предусматривал очень высокую километрическую гарантию; компания получала право эксплуатации на 25 лет. Уступая настоянию России, группа отказывалась строить линию Трапезонд-Эрзерум, а также не слишком настаивала на сооружении линии Эрзинджан-Эрзерум. Впечатление от достигнутого французами успеха в значительной степени было ослаблено известием о германо-турецких переговорах относительно предоставления немецкой финансовой группе концессии на постройку двух железных дорог Бульгурлу-Сивас и Диарбекир-Аргана. Вместе с тем, турки стали угрожать, что в случае, если усилия Джавида-бея в Париже не приведут к благоприятному решению вопроса, концессия на постройку железных дорог в северной Анатолии будет передана Честеру.

В связи с англо-германским сближением, в мае 1913 г. во французской печати был поднят вопрос о возможных компенсациях Франции в Азиатской Турции, при чем, с одной стороны, указывались линии Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир, Диарбекир—Эрзерум—Трапезонд, а с другой, — сирийский узел (продолжение линии Дамаск-Хама и Геджасской дороги). В виду этого не только Германия, но и Австрия с Италией оказались заинтересованными в железнодорожном строительстве в Малой Азии. Италия вступила даже в непосредственные сношения с оттоманским правительством и получила осенью 1913 г. концессию на постройку двух линий с центрами в Адалии и Макри. Со своей стороны, Франция спешила заключить соглашение с Портой; 2-го июня 1913 г. представитель Турции в парижской финансовой комиссии по урегулированию вопросов, связанных с ликвидацией балканской войны, заявил о готовности оттоманского правительства пойти навстречу французским пожеланиям. Одновременно с этим, и особенно в связи с началом англо-германских переговоров, во Франции намечалось течение в пользу соглашения и с Германией. Французская печать в качестве возможной программы соглашения предлагала два пункта: Оттоманский банк отказывается в пользу Deutsche Bank от имеющихся в его распоряжении акций Багдадской дороги; Deutsche Bank передает французской финансовой группе концессию на сооружение железнодорожной сети в районе побережья Черного моря и в Сирии. В сентябре 1913 г. франко-турецкие переговоры уже настолько подвинулись вперед, что 12 числа в Париже был подписан предварительный проект

Джавидом-беем о предоставлении концессии французской группе, а также о 4% таможенной надбавке и о займе в 700.000.000 франков. Русское правительство соглашалось на этот проект, но выговаривало себе концессию на постройку железной дороги к востоку от Эрзерума—от Пекериджа до кавказской границы, а также линии Трапезонд-Эрзерум. 29 октября франко-турецкое соглашение было подписано. Франция получала в постройку линии Самсун—Сивас (400 к.), Сивас—Тихалта—Бикридж и Тихалта—Харпут (612 к.), Хардацо—Боли (400 к.) и Райак-Рамле (200 к.). Главная трудность заключалась в нежелании Deutsche Bank поступиться в пользу французов своими правами в районе Сивас-Диарбекир. В ноябре, наконец, состоялось первое после 1911 г. совещание французских и германских финансовых деятелей об урегулировании вопроса о железнодорожном строительстве в Азиатской Турции. В совещаниях этих приняли участие французский посол в Берлине Ж. Камбон и германский помощник статс-секретаря по иностранным делам Циммерман. Проект соединения Багдадской дороги с будущей черноморской сетью являлся официальным поводом к переговорам, открывшимся в момент, когда общеполитическое положение значительно ухудшилось, вследствие возникших между Россией и Германией трений из-за посылки в Турцию военной германской миссии Лимана ф.-Сандерса. Хотя во Франции и были встревожены слишком резкой позицией, занятой Петроградом в вопросе о германской военной миссии, тем не менее французское правительство сочло необходимым произвести финансовое давление на Турцию. В январе вопрос можно было считать разрешенным в благоприятном смысле; 26 января было подписано и предварительное соглашение между турецким и русским правительствами о проведении в жизнь намеченных реформ в северной Анатолии (Армении).

С этого момента франко-германские переговоры быстро двинулись вперед. В январе месяце турецкое правительство предоставило французской группе Перье, обеспечившей Турции заем в 100 миллионов франков, разрешение на постройку железнодорожной линии Смирна-Дарданеллы. Однако, из бесед Джавида-бея с французскими политическими и финансовыми деятелями выяснилось, что непременным условием заключения займа является, с одной стороны, принятие ноты великих держав относительно решения греко-турецкого спора об Эгейских островах, а с другой—передача наблюдения за турецкими финансами Оттоманскому банку. Турции условия эти показались мало приемлемыми, а в то же время выяснилось, что американцы соглашаются предоставить оттоманскому правительству необходимый заем, взамен концессий

по эксплуатации лесных и горных богатств в районе Эрзерума. И это предложение не имело в Константинополе успеха. Наконец, состоявшееся 15 февраля 1914 г. подписание франко-германского соглашения убедило турецкое правительство в необходимости согласиться на французские условия. Франко-германское соглашение было встречено несочувственно и в Германии, и во Франции, так как ни одна сторона не могла признать его за полный успех: 1) Франция отказывалась от своей доли участия в Багдадской дороге, 2) было предрешено соединение обеих железнодорожных сетей—германской и французской и 3) Германия признавала себя незаинтересованной в центральной и южной Сирии. Что касается северной ее части, то, сохраняя за собой район Алеппо-Александретта, Германия в то же время соглашалась связать часть багдадской магистрали с сирийской сетью. 13 апреля 1914 г., наконец, Думергом и Джавидом-беем была подписана и окончательная конвенция, предоставлявшая французскому обществу «Régie générale des chemins de fer et des travaux publics», концессию на постройку железнодорожной Черноморской сети и оборудование портов Кайфы, Александретты и Инеболи. Но этим соглашениям, как и соглашениям с Англией, не суждено было осуществиться. Всеми ожидавшаяся и всеми откладывавшаяся со дня на день война оказалась все же ближе, чем предполагали прилежные участники всех этих дипломатических и финансовых соглашений и переговоров. То, чего «более всего опасался» в июле 1913 г. Пишон: «постановки нового вопроса о разделе Азиатской Турции, к разрешению коего Европа не подготовлена»[1])—не замедлило перейти из области предположений в действительность.

III. Европейские державы и Турция во время мировой войны.

§ 1. До вступления Турции в войну.

«Исходя из убеждения,—телеграфировал в Берлин германский посол в Константинополе, фон-Вангенхейм,—что политика Германии искренно и серьезно стремится к укреплению Азиатской Турции, великий визирь просит меня передать е. в. императору просьбу прислать, в качестве руководителя турецкой армии, германского генерала»[2]). Военная миссия ген. Лимана ф.-Сандерса, прибывшая в Константинополь 14 декабря 1913 г., оставалась главным предметом политических интересов и хло-

---

[1]) Телеграмма Извольского Сазонову от 12/25 июля 1913 г. № 362. „Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 г." (М. 1922 г., стр. 393).

[2]) „Fünf Jahre Türkei" von Gen. d. Kav. Liman von Sanders, стр. 9.

пот в Константинополе и в европейских столицах, в особенности в Петербурге, вплоть до австро-сербского конфликта. Но и после начала обще-европейской войны, вплоть до вступления в нее Турции, вопрос о пребывании этой миссии в Турции является центральным пунктом дипломатической борьбы в Константинополе. Ярко выраженное и закрепленное миссией тесное сближение Турции с Германией в значительной мере предопределяло дальнейшую политику турецкого правительства; действительным убеждением последнего, оправданным и предшествующим, и последующим опытом, было, что одна Германия «aufrichtig und ernst» (искренно и серьезно), т.-е. в собственных интересах, стремилась к укреплению Азиатской Турции.

Состояние турецких военных сил, известное во всех деталях германскому ген. штабу, было таково, что возбужденный гр. Берхтольдом 14 июля в Берлине вопрос о привлечении Турции не встретил сочувствия у Ягова. 18 июля Вангенхейм телеграфировал германскому министру иностранных дел: «Несомненно, Турция пока еще совершенно не способна к роли союзника (bündnisunfähig). Она увеличила бы лишь бремя своих союзников, не давши им ни малейших преимуществ» [1]). В Берлине опасались требования со стороны Турции военной помощи против русских войск в Армении. С другой стороны, весьма существенным преимуществом для центральных держав было бы (как оно и обнаружилось впоследствии) закрытие проливов, т.-е. перерыв сообщений между Россией и ее союзниками. При продлении войны и при развитии военных приготовлений в Азиатской Турции (шедших лихорадочным темпом с начала кризиса), германская дипломатия должна была изменить и действительно изменила свою тактику.

Тезис, защищавшийся ею в Константинополе, развит Гельферихом во втором томе его книги о мировой войне:

«Когда разразилась война, ни один государственный деятель Стамбула не мог сомневаться, что, в случае победы Антанты, Россия захватит Константинополь и что никто ей не помешает в этом. Слишком часто и слишком ясно в последние года Россией заявлялось, что путь к Константинополю лежит через Берлин и Вену. Война, следовательно, с самого начала, независимо от участия или неучастия в ней Турции, была войною за существование Турецкой империи. Турция должна была выбирать между

---

[1]) Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Nr. 71.

выступлением на стороне центральных держав, которое присоединило бы ее силы к борьбе против опасности ее уничтожения, и безвольным, пассивным ожиданием решения своей участи» [1]. Такова же была и точка зрения той части младотурецких государственных деятелей, которые с начала кризиса стояли за выступление Турции на стороне центральных держав.

Основательность этой концепции подтверждалась заявлениями и признаниями, исходившими из лагеря противников в первые же дни после начала военных действий между Турцией и Россией.

«Нельзя отрицать безвыходности положения Турции»—жирным шрифтом напечатано было в официальном органе русского морского генерального штаба: «Не будем осуждать турок и за их политику, и за военные приготовления. Не будем осуждать и немцев за их энергичную помощь туркам. Это естественно со стороны наших противников. Ведь, действительно, туркам некуда было податься, кроме как к немцам, несмотря на всю вероятность проигрыша их дела. Ведь, только немцам, обратившим Турцию в свою колонию, выгодно, чтобы она оставалась в Европе и, главное, владела проливами, и турки очень хорошо понимают, что единственная надежда сохранить свои европейские владения и проливы— это решиться стать германской колонией. *Станемте на место турок, и тогда мы, пожалуй, поймем, что не может быть у них особенно твердой веры в «неприкосновенность» их территории в этой огромной мировой войне, если они останутся строго нейтральными в ней»* [2].

Уже 28 июля Турция предложила Германии тайный оборонительный и наступательный союз исключительно против России. Предложение было принято, но выступление Турции замедлилось впечатлением, произведенным вступлением в войну Англии, и для того, чтобы победить колебания в среде правящих турецких кругов, «понадобилось самое энергичное давление со стороны центральных держав» [3].

Обращаясь к русским дипломатическим документам за период до вступления Турции в войну (не вошедшим в число публикуемых нами в настоящем издании), мы видим, что

---

[1]) K. Helfferich, Der Weltkrieg, B. II, S. 53.

[2]) „Морской Сборник", № 11, ноябрь, 1914 г. Отдел неофициальный, статья Н. Кладо, „Очерки мировой войны", стр. 258. (Курсив наш).

[3]) V. Valentin, Deutschlands Aussenpolitik von Bismarks Abgang bis zum Ende des Weltkrieges, S. 228; Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, №№ 117, 141, 149, 285, 508, 836.

глава турецкого правительства и некоторые другие члены его до последнего момента не порывают «доверительных» сношений с русским послом в Константинополе, Гирсом.

19 июля / 1 августа Гирс телеграфирует за № 604 министру ин. дел Сазонову: «Вчера великий визирь доверительно сообщил мне, что, действительно, австрийский посол стремился привлечь Турцию к общности действий с Австрией . . . и добавил, что убежден в необходимости для Турции держаться в стороне от конфликта». Тем не менее, несмотря на успокоительные объяснения, Гирс не сомневается, «что, опасаясь нас и подозревая нас, вследствие наветов наших недоброжелателей, в намерении захватить ныне же Босфор, она (т.-е. Турция) в душе желает успеха наших врагов» (20 июля / 2 августа 1914 г. за № 612),—уверенность, разделявшаяся всюду и повлекшая за собой (в тот же день) задержание в Англии двух заказанных там Турцией военных судов.

23 июля / 5 августа Энвер не только уверял военного атташе, ген. Леонтьева, в том, что «Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно со своими интересами», но и указывал на возможность использования Россией турецкой армии «как для нейтрализации армии того или иного балканского государства, которое намеревалось бы выступить против России, так и для содействия армиям балканских государств против Австрии, если бы России удалось примирить балканские государства между собой (и) с Турцией на условии взаимных уступок. На вопрос ген. Леонтьева, какие именно могли бы быть уступки, Энвер ответил, что они могли бы выразиться для Турции в Эгейских островах и в области западной Фракии, при чем Греция могла бы получить компенсацию в Эпире, Болгария—в Македонии, Сербия—в Боснии и Герцеговине. На ряд сомнений, выраженных ген. Леонтьевым, Энвер ответил утверждением, что он убежден в возможности такой комбинации с турецкой стороны; к ней с радостью примкнут и правительство, и турецкий народ, раз только будут знать, что она может принести реальные результаты». (Гирс, № 628). «Если только состоится комбинация,—продолжает излагать заявления Энвера Гирс в телеграмме от 23 июля / 5 августа (№ 629),—то он в тот-же день скажет немцам:[1] «Теперь вы—наши враги, и я прошу вас удалиться». Аналогичные заявления сделал Гирсу одновременно и болгарский посланник Тошев. «Полагаю,—коммен-

[1]) Т.-е. офицерам германской военной миссии.

тировал Гирс эти заявления 23 июля / 5 августа (№ 631),—что опасения немецкой неудачи и страстное желание все же получить какую-либо реальную пользу от нынешней войны и побуждают Турцию, а, может быть, и Болгарию, заигрывать ныне с нами. Нисколько не доверяя их искренности, я все же полагаю, что нам не следовало бы их отталкивать, так как этим мы бросили бы их в объятия наших противников... Поэтому позволяю себе высказать предположение о желательности вовлечь Порту в дальнейшие разговоры с нами на тему возможного между нами соглашения».

Болгарский дипломат, повторявший Гирсу соображения Энвера, при этом «довольно прозрачно намекал, что, по его сведениям, между Турцией и Германией состоялось будто бы уже соглашение об общности действий против нас, но Турция сохранила будто бы за собой право выступить лишь, когда обстоятельства ей позволят. Не отрицаю возможности такого соглашения»,— замечает Гирс. Тем не менее, через четыре дня Леонтьев отправляется к Энверу (по распоряжению из Петрограда) для возобновления беседы.

«Военный министр (Энвер) заявил, что он стоит на прежней точке зрения, т.-е. за союз с Россией.... Вопреки существующему мнению, Турция еще не связана с Тройственным Союзом; он знает, что на правительство оказывается сильнейшее давление со стороны немецкого и австрийского (послов).... Военный министр ставит вопрос ясно и коротко: турки убирают с кавказской границы все, что у них есть, с целью дать русским полную гарантию своих добрых намерений и [возможность] возвратить с Кавказа большую часть войск на западную границу. Вместе с тем они собирают в ближайший срок сильную армию во Фракии и ставят ее в наше распоряжение, с готовностью двинуть ее против любого из балканских государств, в том числе против Болгарии, или совместно с ними против Австрии. В день, когда будет установлено соглашение, он обязуется удалить с турецкой службы всех немецких офицеров. В заключение Энвер-паша ставит условие: возвращение Турции западной Фракии и Эгейских островов и заключение с Россией оборонительного союза на срок от 5 до 10 лет, дабы Турция могла быть обеспечена от мести своих соседей на Балканском полуострове. Энвер-паша все время говорил в спокойном и доброжелательном тоне и с большой искренностью, совершенно правильно нарисовав ген. Леонтьеву картину общего политического положения с точки зрения турецких интересов. Вызванный Леонтьевым, он ответил, что он отлично понимает, что Тур-

ции и Болгарии придется считаться с ненавистью немцев, но, как он выразился, это обстоятельство не испугает, ибо даже в случае победы немцев, им трудно будет причинить ей (Турции) серьезный вред, так как у них нет общих границ... Ген. Леонтьев вынес убеждение, что дело может быть сделано, если только решение будет принято немедленно». (Гирс—Сазонову, 27 июля / 9 августа, № 650). «Почитаю долгом высказать,—срочно телеграфирует Гирс в тот же день, в 6 час. утра (за № 652),—что нам надлежит немедленно принять предложение Энвера, не входя ни с кем в какие-либо предварительные объяснения, так как время не терпит. Если победа останется за нами, мы всегда сумеем вознаградить и Болгарию, и Грецию. Между тем наш отказ несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия наших врагов. Если даже Энвер не вполне искренен, наше согласие выяснит положение, которое в настоящем обостренном фазисе не может не привести к кризису и разрыву». На другой день он просит «срочных распоряжений», указывая: «Цель, к которой нам необходимо стремиться, заключается в совершенном устранении всегда враждебного нам господства Германии в Турции. К достижению этой цели представляется теперь крайне благоприятный случай... Великий визирь доверительно высказал мне, что он сочувствует стремлению Энвера сблизиться с нами и готов оказать свое полное содействие быстрому заключению соглашения..... Я глубоко убежден, что настал исторический момент, когда мы имеем возможность окончательно подчинить себе Турцию и через нее парализовать готовящиеся выступить против нас враждебные нам силы на Балканском полуострове» (№ 658, 28 июля / 10 августа).

На следующий день—просьба и Леонтьева «о срочных указаниях». Леонтьев допускает, что «висящее в воздухе военное соглашение с Германией еще не подписано, вопреки общему здесь убеждению». Но, «это может случиться с минуты на минуту». По его «глубокому убеждению, только наше немедленное решение может спасти положение». Со своей стороны, Гирс добавляет, что «после нашего объяснения касательно прихода «Гебена» и «Бреслау» [1]) великий визирь вновь подтвердил мне, что он искренно надеется прийти к соглашению с нами».

Через день он отмечает, что приход и покупка «Гебена» и «Бреслау» «сильно подняли дух турок и могут придать им смелость прибегнуть к самым решительным выступлениям. Следуя Вашим указаниям, буду стараться выиграть время, но должен

[1]) Вечером 20-го августа.

сказать, что необходимо немедленно принять решение, если с нашей стороны допускается возможность общности действий с Турцией, так как завтра будет уже, быть может, поздно» (30 июля /12 августа, № 674).

Выиграть время, конечно, стремились обе стороны, и потому это было самым легким делом. В Петербурге турецкий поверенный в делах неофициальным образом также ставит вопрос о союзе с Россией: «Турция не домогается никаких территориальных приращений, но желает обеспечения своей территориальной неприкосновенности. Она предоставляет свою армию в распоряжение России, если в этом встретится надобность в этой войне. Вознаграждение, которого желает Турция, состояло бы в присвоении всех концессий, железнодорожных и пр. [принадлежащих] Германии в Малой Азии. Кроме того, Порте было бы дано обещание, что Россия обязуется не поддерживать националистических армянских течений, ибо Турция опасается вожделений России на армянские области». Сообщая Гирсу об этих предложениях, Сазонов добавляет: «Если бы они могли расчитывать на сочувствие в Константинополе, то со своей стороны (мы) считали бы приемлемыми все пункты, кроме отказа от армянских реформ, при чем, однако, гарантия территориальной неприкосновенности могла бы служить достаточным обеспечением туркам». (30 июля/ 12 августа, № 1855). Гирс, однако, разъясняет, что мнение турецкого поверенного в делах «соответствовало настроению Порты до войны,—теперь же оно отстало, и он, видимо, не в курсе дела. Великому визирю и Энверу нужно именно территориальное приобретение, чтобы поднять дух армии и народа, (и) сознание, что Турция что то такое приобрела. Полагаю, что, главным образом, необходимо приобретение островов.... Здесь все упорнее утверждается мнение, что турецко-германское соглашение уже состоялось. Посылка войск в Анатолию как бы подтверждает это мнение. Тем не менее, я убежден, что нам до того важно вырвать Турцию из рук Германии, что необходимо добиваться этого, пока есть малейшая надежда на успех» (31 июля / 13 августа, № 690).

1/14 августа в совершенно доверительном разговоре с Гирсом великий визирь коснулся вопроса о соглашении. Гирс «усиленно советовал немедленно выслать команду и морских офицеров («Гебена» и «Бреслау») в Германию». Великий визирь весьма дипломатично ответил, «что он обдумает способ их высылки—сухим или путем или на нейтральном судне». «Я высказал ему,—замечает, Гирс, который отнесся к этому ответу, видимо, серьезно,—что не уполномочен еще официально входить с ним в объяснения, но что

имею сведения, что мы были бы готовы принять основанием соглашения гарантирование нами территориальной неприкосновенности Турции. На его вопрос, каким образом возможно было бы оформить эту гарантию, я заметил, что следует обсудить эту форму во время переговоров, но что, конечно, многое зависит от той пользы, которую готова принести нам Турция. Он спросил, какое предъявим мы требование к ней и к ее армии. Я ответил, что при развитии переговоров это будет выяснено, но что, несомненно, мы потребуем прежде всего удаления германской военной миссии».... (1/14 августа, № 695).

В то время, как константинопольские переговоры Гирса принимали, как видно из предыдущих строк, несколько странный и, во всяком случае, явно несерьезный характер, в Петербурге какие-то таинственные лица посредничали между Сазоновым и Фахр-Эддином (турецким поверенным в делах), при чем выяснялось, что они никем не уполномочены на это. Выясняя эти недоразумения с Фахр-Эддином, Сазонов 31 июля объявил ему, что, «если Турция искренно желает соглашения с нами, мы готовы пойти к ней навстречу... Фахр-Эддин, лично придерживающийся, повидимому, разумных и примирительных видов, обещал донести изложенное своему правительству». (Сазонов—Гирсу, 1 августа, № 1876).

Хотя великий визирь каким-то образом не получил донесения Фахр-Эддина, но Гирс объяснился с ним 2/15 августа: «Лично он вполне удовлетворился бы обеспечением территориальной неприкосновенности Турции и передачей ей немецких концессий в Малой Азии. Он будет влиять в этом смысле.... на своих товарищей. Он возвратился к вопросу о той форме, в которую эта гарантия могла бы вылиться. Он надеется, что срок ее будет не годовой, а возможно продолжительный».... (№ 705).

Тем временем, и «вероятность болгаро-турецкого соглашения с каждым днем» (по сообщению Леонтьева от 2/15 августа) усиливалась. Германии «важно именно в данный момент собрать все, что только можно против России, с тем, чтобы отвлечь ее силы и внимание от главного театра. И надо опасаться, что эта цель в тех или иных размерах будет достигнута, если только нашей дипломатии не удастся вывести Турцию из заколдованного германского круга и поставить ее, если уже (не) поздно, на русские рельсы».... (Гирс—Сазонову, 2/15 августа, № 717). Только тогда в Петрограде нашли своевременным приступить к серьезному выяснению положения, но и то лишь «согласно предложения фран-

цузского правительства»; этими словами начинается телеграмма Сазонова в Лондон Бенкендорфу от 2-го августа за № 1896:

«Согласно предложения французского правительства, благоволите вместе с Греем и Камбоном обсудить необходимые меры, в связи с создавшимся положением, благодаря покупке Турцией «Гебена». Со своей стороны, полагал бы возможными следующие предложения:

1) В доказательство искренности своего нейтралитета Турция приступает к демобилизации своей армии; 2) Взамен этого три державы гарантируют территориальную неприкосновенность Турции и готовы для этого на обсуждение любой комбинации; 3) Турция вступает в обладание всеми экономическими, железнодорожными и иными концессиями и предприятиями Германии в Малой Азии, и таковое завладение будет обеспечено в мирном договоре. Считаем желательным, чтобы трем послам в Константинополе были даны срочные инструкции. Вместе с тем готовы обсудить всякие иные комбинации, равно и меры принуждения, если бы обстоятельства того потребовали. Сазонов». Мысль о территориальных компенсациях Турции в Петрограде безусловно отвергалась (№ 1914 Сазонова: «со стороны Турции нас действительно запрашивали о возможности соглашения на этой почве, но мы уклонились от ответа»...); вопрос ставился здесь также коротко и ясно: или демобилизация, взамен «гарантии неприкосновенности», или—«меры принуждения».

Английская точка зрения высказана была Греем Бенкендорфу (телеграмма последнего Сазонову от 2/15 августа, № 328): «Напряжение сил против Германии требует, по его мнению, уклонения от конфликта с Турцией; со своей стороны, он ограничивался исключительно требованием полного удаления немецких экипажей» («Гебена» и «Бреслау»)... Я сказал, что турки считают Россию постоянным своим врагом и обстоятельства могут показаться им благоприятными для предотвращения роковых для их империи успехов русского оружия. Грей мне ответил, что в Константинополе должны понимать, что, если Турция начнет теперь войну и если Германия потерпит неудачи, ее опасения осуществятся; с другой стороны, нейтралитет мог бы гарантировать Турецкую империю в ее теперешних границах».

Гирс, между тем, настаивал: влияние великого визиря слабеет, Энвер на пути к диктатуре, «при этих условиях, единственною гарантией невыступления Турции против нас может быть соглашение с нею на основаниях, более или менее соответствующих предложениям Энвера» (3/16 августа, № 718). Одновременно вели-

кий визирь обратился к английскому послу в Константинополе с вопросом: «могут ли Англия и Франция гарантировать, что Россия не имеет враждебных намерений против Турции», о чем Бьюкенен сообщил 3-го августа Сазонову. «В виду этого,—телеграфировал (№ 1924) в тот же день Сазонов Бенкендорфу,—представляется желательным скорейшее заявление в Константинополе тремя державами о готовности их совместно дать гарантии территориальной неприкосновенности Турции, в случае ее нейтралитета».... На этот раз Сазонов идет и дальше:

«В виду неоднократно высказывавшегося нашим послом в Константинополе мнения о том, что без территориальных приобретений турки едва ли удовлетворятся, нельзя (ли) доверительно обсудить возможность следующего компромисса: Турция получает Лемнос и отказывается от всяких видов на другие острова... Взамен Лемноса Греции может быть обещан Эпир. Что касается Лемноса, то возвращение этого острова Турции отвечало бы жизненным ее интересам, а также держав Тройственного Согласия, ибо все *значение Лемноса сводится к обеспечению безопасности проливов*».... [1]).

Французская точка зрения требовала большой осторожности в отношении Турции. Тогда как в Греции французская дипломатия не останавливалась ни перед чем и демобилизация греческой армии была одним из минимальных ее требований, в Турции она опасалась и отказывалась итти по этому пути:

«Министр иностранных дел сказал мне, — пишет Извольский 4/17 августа (№ 290), — что французскому послу в Константинополе поручено сделать заявления, касательно гарантии территориальной неприкосновенности Турции и обеспечения ей обладания всеми концессиями и предприятиями Германии в Малой Азии, но что, по мнению как французского, так и английского правительств, было бы опасно требовать от Турции демобилизации, ибо это будет истолковано, как угроза, и усилит германофильскую партию». (Именно такая точка зрения английской дипломатии в отношении Греции гораздо решительнее отвергалась французской дипломатией, чем русской— в отношении Турции). 4/17 августа Грей, в присутствии Камбона, сказал Бенкендорфу, что предложение гарантировать территориальную неприкосновенность, взамен нейтралитета, уже передано в Константинополь с инструкцией британскому послу предупредить, что, в случае союза с Германией, Турцию ожидают «абсолютно неисчислимые последствия» (les résultats abso-

[1]) Курсив наш.

lument incalculables, — в передаче Бенкендорфа). «Грей, продолжая, заявил, что не торг по поводу того или иного пункта территориального приращения или будущих выгод приведет Турцию к решению, но что только боязнь германского поражения имеет над нею силу; вот почему он перешел на этот раз к угрозам. Грей положительно против мысли предложить какое-либо территориальное увеличение, в роде предложения Лемноса... Грей твердо держится взгляда на Грецию, в случае разрыва с Турцией, как на непосредственного и солидного союзника. Французский посол сказал, что вполне разделяет мнение Грея». (Бенкендорф—Сазонову, 4/17 августа, № 331). Таким образом, политическая линия английской дипломатии совпадала с первоначальным направлением петроградской политики, исходя из собственных соображений и стремясь к противоположным целям. Русский же посол в Константинополе ясно видел, что если еще возможно и если желательно «поставить Турцию на русские рельсы», то необходимо спешить и нельзя обойтись без территориальных компенсаций. «Может настать время, когда власть ускользнет из рук самого Энвера, на которого сильно налегают военные шовинисты, подстрекаемые немцами». Великий визирь, «не желая крупных территориальных приобретений, не считает таковыми то, что по праву должно принадлежать Турции; он указал на острова и часть Зап. Фракии, населенную мусульманами». «Принципиальное согласие на некоторые территориальные приобретения и обещание содействовать ему дает нам возможность расчитывать на устранение кризиса» (телеграммы Гирса от 5/18 августа, № 751 и № 753).

Между тем, оказалось невозможным сделать даже коллективное предложение о гарантии территориальной неприкосновенности: французский посол ссылался на неполучение им соответствующей инструкции от своего правительства. «В виду необходимости не терять времени,—пишет Гирс,—мы решили сделать совместное заявление Порте в пределах, возможных для французского посла без специальных инструкций. Мы поочереди были у великого визиря в Порте и заявили, что, в случае сохранения Турцией строгого нейтралитета, мы гарантируем территориальную неприкосновенность Турции и защитим ее от посягательств. При этом я добавил, что Порта должна будет дать нам гарантию в действительности своего намерения сохранить нейтралитет. Слово «демобилизация» не было произнесено, так как великий визирь не в состоянии в данный момент провести ее и она лишь ускорила бы (кризис), ибо военные не допустили бы ее» (№ 753). Не подле-

жит сомнению, что такие предложения и без слова «демобилизация» могли привести лишь к «ускорению кризиса», ибо державы Антанты не могли и после этого (из-за уклончивости французского правительства) сделать формальное письменное предложение о гарантии территориальной неприкосновенности. Если же сопоставить выгоды этого предложения с теми существенными территориальными приобретениями, которые сулил Турции союз с Германией, в случае победы, а также с теми, которые допускались союзниками в отношении балканских государств, то приходится признать, что Турция должна была изо дня в день убеждаться в том, что единственным «искренним и серьезным» другом ее продолжает оставаться Германия, уже связавшая себя с нею союзным договором. Гирс поражается явным несоответствием между официальной целью переговоров (сохранение Турцией нейтралитета) и предлагаемыми для достижения ее средствами. «По поводу сообщения, что предложения Энвера не имеют шансов быть принятыми и что взамен территориальных приобретений предполагается гарантировать неприкосновенность Турции на условии немедленной демобилизации, считаю (срочно телеграфирует он 6/19 августа за № 762) необходимым с полной откровенностью доложить: убежден, что мы могли (бы) купить Турцию в данный момент только принципиальным согласием на предложения Энвера, при чем лишь размеры приобретений могли бы послужить предлогом дальнейшего обсуждения... Вполне уверен, что Турция на демобилизацию не согласится, а если бы и дала нам при таких условиях новые заверения о своем нейтралитете, то они не имели бы никакой цены».

Гирс знает, что «Турция делает сейчас чрезвычайные усилия, чтобы поднять на ноги,—как он выражается,—все свои вооруженные силы»; необходимо, следовательно, предложить ей такие условия, которые «принесут реальные плоды», т.-е. оправдают эти «чрезвычайные усилия». Он начинает даже думать, что если Турция, при переходе на «русские рельсы», сделает Россию хозяином на Балканском полуострове, то переходом на сторону врагов России она может создать серьезную опасность, которая «получит чрезвычайные размеры, если Турция выступит, согласившись с Болгарией»... Ген. Леонтьев, говорящий все это «с согласия посла», добавляет, что турецкую армию «нужно считать не менее как в 400.000 человек, а по некоторым расчетам и больше». Оценку предложения послов трех держав сделал вполне откровенно Джавид-бей, посетивший специально для этого русское посольство: «предложение это не дает умеренным чле-

нам кабинета достаточно сильного оружия, чтобы бороться с воинственно настроенными, под влиянием немцев, товарищами. Немцы за последние дни все более расточают обещания, столь соблазнительные, что противостоять им весьма трудно». По мнению Джавида, сделанное послами заявление «должно было бы быть повторено на письме и иметь силу на срок не менее 15—20 лет. Тем же актом Турции должна была бы быть предоставлена полная экономическая независимость и им должен был бы быть уничтожен капитуляционный режим» (6/19 авг., № 780). Гирс добавляет, со своей стороны, что «положение здесь в высшей степени серьезно в том отношении, что все дела в руках военных, позволяющих себе всякий произвол и открыто стремящихся под напором немцев втянуть Турцию в войну с нами. Джавид, великий визирь и Джемаль противятся этому, но я далеко не убежден, что последнее слово останется за ними. Во всяком случае, нам следует сделать все возможное, чтобы поддержать их. Я считал бы даже приемлемым, если нам необходимо избежать войны с Турцией, условие об отмене капитуляций. Я не возражал бы против письменного заявления о гарантии неприкосновенности территории, но я стремился бы сократить срок гарантии до пяти или десяти лет, так как не считал бы удобным, в виду вероятного продолжения процесса разложения Турции, связывать себя на более продолжительное время» (7/20 авг., № 781).

Затем Джавид посетил английского и французского послов, от которых не скрыл (так же, как Джемаль, тоже посетивший английского посла), что турки, «главным образом, опасаются нас и не доверяют нам». Однако, ни Бомпар, ни Маллет не сочли возможным предлагать своим правительствам то, что предлагал Гирс Сазонову: «По вопросу о капитуляциях,—дополнительно телеграфировал Гирс в тот же день,—мои коллеги находят затруднительным их уничтожение» (7/20 авг., № 791).

На «процесс разложения Турции» рассчитывали и в Париже, и в Лондоне, в связи с предстоящим ослаблением самой России, которое должно было создать самые благоприятные условия в Малой Азии для западных держав. Соображение об экономических возможностях, очевидно, преобладало в Париже, тогда как в Лондоне предвидели возможность разрешения в пользу Англии интересовавших ее перед войной вопросов территориальных. Во всяком случае, отказ от капитуляций и предоставление Турции «полной экономической независимости» были, конечно, неприемлемы как в Париже, так и в Лондоне, где экономическая и политическая независимость Турции рассматривалась бы сама по

себе, как крупнейшее экономическое и политическое поражение. Нейтралитет Турции на таких условиях был совершенно неприемлем. Даже экономические компенсации за счет Германии, допустимые с точки зрения Сазонова, были недопустимы с точки зрения непосредственных претендентов на германское наследство. Это положение отразилось в телеграмме Сазонова Извольскому от 7-го августа (№ 2028):

«Прошу Вас доверительно и в дружеской форме обратить внимание министра иностранных дел на то обстоятельство, что совместное заявление трех послов в Константинополе не было сделано в предложенной нами форме, т.-е. с упоминанием о возможных экономических компенсациях в Малой Азии, благодаря тому, что французский посол уклонился, ссылаясь на неполучение инструкций. Со своей стороны, мы придавали бы самое серьезное значение полной солидарности наших действий в Константинополе и надеемся, что французское правительство не откажет дать соответствующие указания своему послу для дальнейших переговоров. Сазонов».

8-го августа Сазонов телеграфировал Извольскому и Бенкендорфу (№ 2051):

«Сообщив содержание этой телеграммы (Гирса, № 780) французскому и английскому послам, я просил их рекомендовать их правительствам не отвергать целиком оснований, предлагаемых Джавидом. Хотя возможность соглашения с Турцией сомнительна, однако, мы полагаем, что не следует отталкивать более умеренные элементы. Если правительство, при коем Вы аккредитованы, согласно с нашей точкой зрения, мы могли (бы) в вопросе капитуляций предложить туркам формулу, которая дала бы более кажущееся, чем по существу, удовлетворение их самолюбия. Сазонов».

Извольский, по обыкновению, проникнувшись всецело французской точкой зрения и направляя Сазонова на «французские рельсы», отвечал телеграммой, возбудившей негодование Гирса так же точно, как впоследствии русское посольство в Париже выводило подобными приемами из душевного равновесия Демидова в Афинах:

«8/21 августа 1914 г. № 300. Переговорил с министром иностранных дел, который сказал мне, что в Константинополе задерживают телеграммы французскому послу и что Бомпар присоединился к заявлению русского и английского послов о гарантии неприкосновенности Турции еще до получения на этот счет инструкций. Что касается вопроса об экономических ком-

пенсациях в Малой Азии, то, по моему мнению (и) Думерга, разделяемому и лондонским кабинетом, было бы опасно ныне же в(ы)ступить с формальным заявлением по этому поводу, ибо *это может дать оружие против нас немецкой партии в Константинополе* (!). *Сообщение трех послов, по имеющимся здесь сведениям, произвело очень хорошее впечатление и укрепило сторонников Тройственного Согласия в кабинете* [1]). Вслед за сим можно будет осторожно коснуться в разговорах и вопроса о компенсациях в Малой Азии. Извольский».

«Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 300. Полученные в Париже сведения,—отзывается Гирс (10/23 августа, № 826),—грешат оптимизмом. Сторонников Тройственного Согласия в кабинете нет вовсе. Имеются умеренные элементы, сознающие опасность в случае поражения немцев»...

При столь резком расхождении между Петроградом и Парижем, Лондон берет на себя руководящую роль по линии кажущегося компромисса; 10/23 августа (№ 2090) Сазонов телеграфирует Гирсу:

«Английский посол передал памятную записку, в коей говорится, что его правительство, находя запросы турок чрезмерными, считает желательным не отвергать их, рассматривая, как материал для переговоров. Англия готова вместе с нами и Францией дать письменную гарантию в том, что неприкосновенность и независимость Турции будет уважаться тремя державами и что в мирный договор не будут включены условия, противоречащие этим началам. Возвращение Турции германских ж.-д. концессий может быть также обеспечено. Далее, как только будет установлена схема, обеспечивающая отправление правосудия, способная удовлетворить современным условиям, Англия согласится отказаться от (экс)территориальной юрисдикции, осуществляемой в силу капитуляций. Взамен этого турецкое правительство обязуется дать письменное обязательство соблюдать в течение нынешней войны все обязательства, вытекающие из нейтралитета, и всемерно облегчать безостановочный и беспрепятственный проход торговых судов через проливы. Равным образом, Турция немедленно приступит к возвращению на родину германских офицеров и всего экипажа «Бреслау» и «Гебена». Приняв указанные предложения Англии, прошу Вас, сговорившись втроем, руководиться ими в дальнейших переговорах с Портою. Если бы пе-

[1]) Курсив наш.

реговоры эти приняли благоприятный оборот, мы считаем, что единственной надежной гарантией дальнейшего образа действий Турции будет удаление всех вообще германских офицеров из Турции.—Сазонов».

Гирс на это отвечает 14/27 августа (№ 855), что, в виду успехов Германии на французском театре, турки не проявляют «особенного нетерпения связать себя с нами». Тем не менее он считает, что «нам надлежит, не теряя времени, продолжать переговоры и усилия привлечь турок на нашу сторону». Между тем, французский посол «не имеет еще указаний касательно письменных гарантий»...

Следствием этого сообщения явилась телеграмма Сазонова Извольскому от 15/28 августа (№ 2209):

«Срочно. Доверительно. Прошу Вас передать Делькассе, что я рассчитываю на его дружеское немедленное воздействие на представителей Франции за границею, дабы в такую серьезную и ответственную минуту не могло возникать и тени сомнений в полной согласованности наших действий. Между тем, на возможность недоразумений указывают телеграммы как из Константинополя, так и из балканских столиц. В Константинополе до сих пор послы не могут сделать совместных предложений о письменных гарантиях Турции в случае ее нейтралитета, вследствие того, что французский посол ссылается на неполучение инструкций. За № 2 Вам передается проект тождественного письменного сообщения трех послов в Константинополе Порте. Этот текст составлен мною совместно с французским и английским послами. Благоволите сообщить его Делькассе с убедительной просьбой не менять его, во избежание задержки, и немедленно снабдить посла в Константинополе соответствующими инструкциями.—Сазонов».

«№ 2: Три державы заявляют Высокой Порте, что они готовы гарантировать неприкосновенность Оттоманской территории и дружески обсудить пожелания, которые им заявит Высокая Порта в области экономической и юридической. Со своей стороны, Высокая Порта обязуется соблюдать строгий нейтралитет в течение конфликта, разделяющего в настоящее время Европу» [1]).

Чрезвычайный интерес представляет поправка, предложенная тотчас же, и при том не из Парижа, а из Лондона:

«Послу Англии в Константинополе,—телеграфирует Бенкендорф Сазонову 16/29 авг. за № 390,—поручено присоединиться к своим коллегам, русскому и французскому, если они получат

[1]) Перев. с франц.

полномочия, (и) прибавить к пункту, касающемуся территориальной неприкосновенности, что эта «неприкосновенность была бы гарантирована против всякого неприятеля, который покусился бы извлечь пользу из нынешней войны». Иначе турецкое правительство, по мнению Грея, поспешило бы истолковать Вашу формулу, как обещание гарантии неограниченной и бессрочной. Бенкендорф»[1]).

Поправка была принята Сазоновым (и одновременно Гирсом и Бомпаром) без возражений. Гирс мотивировал необходимость этого невозможностью терять время. Отдавал ли Сазонов себе отчет в значении этой поправки, лишавшей «гарантию» всякого интереса с турецкой точки зрения,—трудно сказать, но, во всяком случае, русская дипломатия, которую турки и без того считали своим главным и опаснейшим врагом, отдавалась на волю дипломатов английских и французских (поправка, без сомнения, была предварительно согласована с Парижем), одинаково распоряжавшихся, как мы видим, в эти дни судьбою Турции и России.

17/30 августа «французский, английский послы и я (телеграфирует в тот же день Гирс за № 901) передали великому визирю, посетив его поочереди, проект нашего заявления касательно гарантии территориальной неприкосновенности Турции, оговорив, что мы передадим это заявление официально, как только Порта выразит со своей стороны готовность дать письменное заявление о том, что она будет сохранять строжайший нейтралитет в течение этой войны».

19 августа / 1 сентября Гирс мог сообщить лишь следующее: «Великий визирь и Джавид вновь заявили мне вчера, что, пока они у власти, Турция останется нейтральной и что они ожидают возвращения Талаата из Бухареста, имеющего состояться не позже как через два дня, для представления нам проекта ответа Порты на наше заявление о гарантии территориальной неприкосновенности. При этом Джавид высказал, как личное мнение, что последнее изменение, введенное в первую редакцию нашего заявления по предложению Англии, может вызвать некоторые опасения, подчеркивая то обстоятельство, что *гарантия строго ограничена исключительно сроком нынешней войны*[2]). В миролюбивых намерениях обоих министров не сомневаюсь, но их влияние в кабинете поколеблено военною партиею. Гирс» (№ 912).

---

[1]) Перев. с франц. Курсив наш.
[2]) Курсив наш.

21 авг. / 3 сент. Гирсу приходится уже давать заключение по вопросу о «блокаде Босфора» и об «одновременном прорыве англичан через Дарданеллы»; он допускает еще наличность «некоторых шансов избегнуть войны» и опасается, что этим «мы сразу их порываем» (№ 940).

24 авг. / 6 сент. Джавид ему «жаловался на выступления представителей держав Согласия, затрудняющие деятельность умеренных членов кабинета, стремящихся удержать Турцию от войны. Он будто бы скрыл от сочленов по кабинету телеграмму Рифаата, в которой последний передает разговор с Делькассе, в коем *французский министр иностранных дел заявил, что «неприкосновенность Оттоманской империи не является более догматом для Франции»* [1]. Неприятно поразили будто бы также утверждения посланника в Софии о необходимости образования на Балканах блока из «христианских» держав и заявления Радева относительно приписываемого нашим дипломатам обещания предоставить Болгарии область на север от линии Энос-Мидия» (№ 977, от 24 авг. / 6 сент.).

Вслед за тем разыгрывается эпизод с отменою капитуляций, особенный интерес которого обусловливается соединением послов воюющих держав обоих лагерей в общем протесте против «одностороннего акта» отмены капитуляций Турцией. Организатором этого общего протеста явился итальянский посол Гаррони. Текст ноты был установлен представителями воюющих держав через посредство того же итальянского посла. «Нота была передана великому визирю,—по сообщению Гирса,—решительно всеми послами великих держав, в том числе и австрийским, и германским». Великий визирь и Джавид объяснили Гирсу, «что, для избежания войны, им необходимо было дать какое-либо удовлетворение общественному мнению и военной партии... По их словам, этим они вызвали, будто бы, негодование германского посла» (28 августа / 10 сентября, № 1039). Однако, 31 августа / 13 сентября (№ 1068) Гирс имеет возможность сообщить Сазонову: «Узнаю из доверительного источника, что германский и австрийский послы, присоединившись к идентичной ноте правительств, ныне уже отстраняют себя [2]) от дальнейших возражений против них». Во всяком случае, турки всесторонне выяснили для себя положение и, в дальнейшем, очевидно, могли возлагать какие-либо надежды лишь на союз с Германией и на ее успехи. Дальнейшие

---

[1]) Курсив наш.

[2]) Вместо „отстраняются",—особенность стиля М. Н. Гирса.

переговоры об аннулировании акта отмены капитуляций и об условном согласии на замену их «режимом, более соответствующим общим принципам международного права», несмотря на некоторое оживление надежд Гирса на сохранение мира, приходится рассматривать, как последний период нерешительности военной турецкой партии и, может быть, сознательного стремления выиграть время для необходимых военных приготовлений. (Лиман ф.-Сандерс удостоверяет, что одним из главных дефектов в этой области была незавершенность багдадского жел.-дор. пути в горном его участке, законченном лишь ко времени военного краха Турции, в сентябре 1918 г.).

В этих переговорах, сопровождавшихся лихорадочными передвижениями воинских частей и снаряжения, Гирс еще настаивает на уступках в экономической области, «принимая во внимание малозначительность наших торговых здесь интересов». Делькассе отказывается предпринимать какие-либо дальнейшие шаги после протеста против акта об отмене капитуляций, считая, что «следующий дипломатический шаг должен быть сделан Турцией». Лидер «умеренных» Джавид заявляет, что «державы Тройственного Согласия могли бы добиться демобилизации Турции, если бы они обусловили таковую согласием на отмену капитуляций как экономических, так и юридических». Английский посол «не считает себя уполномоченным включить в ноту упоминание о нейтралитете», на чем безусловно настаивал Сазонов. Несмотря на то, что «французский посол не получил никаких указаний касательно коллективной ноты», он согласен «адресовать идентичные ноты с английской оговоркою», при чем Гирс полагает, что «по содержанию своему, нота не произведет здесь особенного впечатления, потому что здесь ожидают конкретного приступления к обсуждению вопроса о капитуляциях».

Начало сентября нового стиля было днями огромных успехов Германии на западном и восточном фронтах. 31 августа немцы заняли Амьен, 4 сентября — Реймс, через три дня — Мобеж. Французское правительство было в Бордо. В то же время Гинденбург вытеснил русские войска из Восточной Пруссии. 9 сентября немцы, правда, очистили Реймс, перешли обратно Марну, и фронт установился по реке Эн, однако, положение оставалось грозным. При таких условиях Сазонов 6/19 сентября телеграфировал Гирсу (№ 2743, с копиями в Бордо и Лондон):

«Если турецкое правительство сделает предложение о безусловном нейтралитете Турции, обеспечением коего была бы де-

мобилизация и удаление всех немецких моряков, мы готовы были бы согласиться на отмену капитуляций при оговорке, что новый режим применялся бы лишь по выработке новых норм, дающих достаточные обеспечения». 8/21 сентября он вновь настаивает через послов в Бордо и Лондоне на том, чтобы оговорка о нейтралитете была включена в ноту турецкому правительству. 10/23 сентября французский посол в Константинополе еще не имеет инструкций, и Гирс уведомляет (№ 1178): «В случае не получения своевременно указаний моим французским сотоварищем, отдельная нота, устанавливающая, что наше согласие в вопросе о капитуляциях обусловливается соблюдением Турцией безусловного нейтралитета, будет подписана мною единолично и поддержана словесно обоими моими коллегами». Наконец, 11/24 сентября Сазонов узнает, что соглашаясь на финансовые уступки Турции, при условии нейтралитета, «Франция намерена требовать признания Портою условий, договоренных в соглашении с Джавидом», и поручает послам в Лондоне и Бордо добиваться отсрочки этого требования до переговоров по заключению новых торговых договоров, «иначе уступки держав Турции не были бы даже кажущимися и не оказали бы на нее желательного воздействия» (№ 2883). В ответ на это Делькассе начинает добиваться прекращения каких-либо переговоров об экономических уступках Турции и, вообще, «перемены фронта», на том основании, что «Турция играет нами». Сообщая об этом, Бенкендорф добавляет, что Грей склоняется к этой же точке зрения (12/25 сентября, № 512). Немедленно Сазонов телеграфирует Гирсу для передачи Порте, сообща с Бомпаром и Маллетом, угрожающего предостережения (по поводу той же отмены капитуляций) «против последствий политики, повидимому, принимаемой ею» (13/26 сентября, № 2918).

Тем временем, говоря словами Гирса, «Турция наводнялась немецкими офицерами, нижними чинами, орудиями и снарядами». Правда, «ухудшение положения немцев на театре военных действий до некоторой степени отрезвило более умеренных министров», и «в Совете идет борьба между умеренной партией и Энвером, часто поддерживаемым Талаатом,—борьба, постоянно колеблющаяся в зависимости от получаемых известий с театра военных действий. Но война может возникнуть и помимо решения кабинета—от самовольных распоряжений немцев, имеющих флот в руках. Последний может выйти в море и напасть на нас...».

«Мои сотоварищи и я,—пишет Гирс,—руководствуемся убеждением, что в настоящий момент нет выгоды итти на войну с Турцией, раз таковой добивается Германия, и потому всеми мерами

сдерживаем Порту, стараясь лишь, насколько возможно, не вызывая крупного конфликта, обеспечить интересы наших подданных. При другой политической конъюнктуре отношение наше было бы несомненно более требовательным, ныне же оно только бы сыграло в руку немцам и вызвало бы немедленно войну. Последняя, вероятнее всего, неизбежна, но вашему превосходительству принадлежит указать мне, когда возможно будет ее допустить.—Положению нашему здесь будет, однако, нанесен тяжелый удар, если война начнется хотя бы частичной неудачей нашего флота». (20 сентября / 3 октября, № 1314).

Для оценки предвиденных Гирсом «самовольных распоряжений немцев, имеющих флот в своих руках», существенный интерес представляет рассказ Лимана фон-Сандерса о проекте германского посла ф.-Вангенхейма «выслать «Гебен» и «Бреслау» под германским флагом в Черное море», против чего Лиман фон-Сандерс, по его словам, «настойчиво предостерегал посла»,— легко понять, с какой точки зрения. «Столкновение произошло под турецким флагом,—подчеркивает Л. фон-Сандерс,—следовательно, турецкий морской министр, Джемаль-паша, должен был дать свое согласие на выход в море» [1]).

Две папки (№ 8, 9) последних телеграмм Гирса, от 19 сентября / 2 октября по 17/30 октября, представляют сообщения о передвижениях войск и боевого снаряжения, о получении золотых запасов из Германии и о всевозможных иных военных приготовлениях на турецкой территории.

16/29 октября, во время прогулки [2]), Гирс узнал от драгомана великого визиря о происшедшем на Черном море «бое». Английский посол «отнесся к известию довольно весело». «Г. Бомпар отнесся к известиям довольно равнодушно». Он «ушел, но снова через четверть часа вернулся с Маллетом и предложил, чтобы мы втроем телеграфировали нашим правительствам совет не объявлять Турции немедленно войны» и «чтобы предоставить Турции выбор (между) безотлагательным удалением из Оттоманской империи всех военных немцев и войною. Соответственные телеграммы были посланы, хотя мы не сомневались, что турки не примут предложения, не будучи в состоянии удалить вполне овладевших флотом немецких моряков». Около трех часов ночи была получена секретная телеграмма министра иностр. дел с пред-

---

[1]) „Fünf Jahre Türkei", стр. 45—46.

[2]) Докладная записка Гирса от 31 октября/13 ноября, представленная Сазоновым царю и „заключающая в себе подробности отбытия посольства из Константинополя" (пометка Сазонова).

писанием покинуть Турцию со всеми чинами посольства. На другой день Гирс и его сотоварищи были приняты принцем Саид-Халимом. Великий визирь был, по словам Гирса, сильно расстроен и «начал уверять в том, что ни он, ни правительство не желает войны». Он «выразил намерение немедленно телеграфировать Фахр-Эддину, дабы он передал императорскому правительству глубокое сожаление о случившемся. При этом великий визирь добавил, что он не верит утверждениям адмирала Сушона, будто бы на него напало русское судно... Он добавил, что действительно не ожидал, чтобы немцы могли обмануть его таким образом. Основанием уверенности его, повидимому, служило собственноручное письмо Вангенхейма, в котором последний ручался от имени своего правительства, что без разрешения Порты турецкий флот под начальством Сушона не нападет на Россию».

«После меня,—рассказывает далее Гирс,—к великому визирю вновь вошел Маллет». Когда он объявил Саид-Халиму, что «он получил предписание потребовать паспорта, великий визирь заплакал». Слезы Саид-Халима свидетельствовали о том, что он не хуже понимал создавшееся положение, чем «веселый» английский дипломат и «равнодушный» сотоварищ последнего, г. Бомпар. Русская же дипломатия, так легко давшая втянуть себя в войну, явно не отдавала себе отчета в том, что война с Турцией была хорошо обдуманным средством неразрывно,—до могилы царской России,—связать ее с анти-германской коалицией.

§ 2. Военные действия 1914—1918 г.г.

Военные события первых 3-х лет мировой войны, когда в ней принимала фактическое участие Россия, были отмечены на Ближнем Востоке рядом крупных операций, инициатива которых принадлежала, главным образом, державам Тройственного Согласия. Операции эти, за исключением действий русских войск в районе, непосредственно прилегающем к Кавказской границе в 1915 и 1916 г.г., были не удачны по своим результатам. Это обстоятельство, в течение мировой войны старательно скрывавшееся или становившееся известным только в том случае, когда размеры неудачи утаить не представлялось возможным (например, при ликвидации Галлиполийской операции), обычно оправдывалось невозможностью согласовать действия союзных войск в различных областях Азиатской Турции. Однако эта причина разрозненности наступательных движений на Ближнем Востоке отнюдь не являлась естественной и главной. Неудачный исход

большинства союзных операций в Азиатской Турции зависел не столько от недостатка внимания к ним, сколько от стремления отмежеваться от союзной помощи. Именно Азиатская Турция была единственным фронтом, где непосредственно согласованное движение союзных армий было возможным. Особенность положения в данном случае заключалась в том, что, тогда как в Европе действия руководящих штабов преследовали, в первую очередь, решение определенной стратегической и тактической задачи,—«уничтожение живой силы противника»,—в Азиатской Турции, где еще до войны резко столкнулись интересы большинства великих европейских держав,—удачные операции одной стороны представляли иногда политические неудобства для другой—в среде самих союзников. Первым стремлением руководящих штабов было сохранить здесь наметившиеся до войны зоны специальных интересов. Каждая держава ревниво охраняла от чужого вторжения зону своего влияния. В Армении, таким образом, направление операций принадлежало России, в Месопотамии — Англии, у Сирийского и Палестинского побережья—французскому флоту. Этот скрытый антагонизм держав Согласия на ближнем Востоке, в конечном счете, приводил к тому, что единая военная воля Германии, не имевшая на Малоазиатском полуострове конкурентов среди своих союзников, вместе с большим упорством, проявленным турецкой армией, позволила центральным державам, со сравнительно небольшой затратой энергии и сил, отбивать многократные и разрозненные попытки Тройственного Согласия покончить с турецким господством в Малой Азии.

Сначала конкурирующими союзными сторонами являются три державы—Россия, Франция и Англия, затем четыре (те же и Италия), потом снова три (с выходом из строя в 1917—1918 г. России) и, наконец, две—Франция и Англия. Первым внешним проявлением этого соперничества была дарданелльская операция 1915 г., которая преследовала в большей степени политическую, чем стратегическую цель. Ни английское, ни французское командование, конечно, не расчитывало эвакуировать Константинополь, по крайней мере, до окончания войны, а если верить неосторожным словам английского генерала, сэра А. Пэджета, вырвавшимся у него во время беседы его с царем Фердинандом Болгарским, вопрос о Константинополе, по существу, мог подвергнуться в будущем пересмотру. России в операции предоставлялось самое скромное участие: операция первоначально была задумана морская, и естественно, что слабый черноморский флот, еще не-

усилившийся строившимися в Николаеве дредноутами, не мог оказать союзникам большого содействия: ему предлагалось отрезать путь отступления турецким судам в румынские и болгарские порты. В русском штабе, правда, подготовляли десант, а царь даже совершил путешествие на юг, чтобы напутствовать экспедиционные части, но было ясно, что в лучшем случае предстояло получение Константинополя из рук союзников [1]).

Лондонский кабинет произвел новое дипломатическое давление на Петроград. Сначала он получил от русского правительства, взамен условного признания прав России на Константинополь, согласие на присоединение к Англии Египта и уступку нейтральной зоны в Персии. Теперь он пытается урезать преимущества России в Константинополе. Возникают переговоры о том, нельзя ли применить к Константинополю режим Суэзского канала и учредить международную комиссию для наблюдения за торговлей в проливах. Указывая на желательность использовать для операции греческие миноносцы, Лондон всячески настаивает на привлечении к военным действиям Греции, выдвигая тем самым хотя бы и незначительного, но несомненного конкурента России.

Морская операция у Дарданелл, как известно, окончилась довольно эффектной неудачей союзного флота, потерявшего при попытке прорыва 3 броненосца. Представлялось абсурдным повторять ошибку Черчиля и лорда Китченера, а между тем, эту ошибку союзники повторили, но только придали ей еще более грандиозные размеры. Операция—теперь уже сухопутная или, точнее, комбинированная на суше и на море—была, как и в марте 1915 года, вызвана соображениями политического характера, но не теми, о которых говорили в современной прессе официальные обозреватели. Если мы вспомним, как протекали военные операции союзников за указанный период, то поймем, почему англичане спешили захватить Константинополь. Действительно, ранняя весна 1915 г. была временем эфемерных, но крупных успехов России: армии ее , перевалив местами за Карпаты, стояли в

---

[1]) Английский военный атташе, ген. Нокс, в своих записках рассказывает со слов очевидца, английского-же офицера, о следующем происшествии в Царском Селе на офицерском обеде: „в. кн. Борис, бывший в числе гостей, сделал удивительные заявления. Он высказал убеждение, что ближайшая война произойдет между Англией и Россией, вследствие алчности нашего правительства, что наше нападение на Дарданеллы—блёф, что он знает фактически, что Россия предлагала взять Багдад но что британское мин. ин. дел отклонило это предложение, „потому, что Англии надо взять его самой“. M.-general A. Knox, With the Russian Army 1914—1917, vol. II' p. 429—430.

предверьи Венгрии: только-что сдался со стотысячным гарнизоном Перемышль. Положение под Варшавой казалось прочным. На Кавказе турецкая армия, после декабрьского разгрома у Саракамыша, была принуждена к пассивности.

На море русский флот вел борьбу с излишне осторожным противником. Создавалось впечатление, что не сегодня—завтра русская армия предпримет поход на Будапешт, а оттуда пересечет коммуникационные пути между центральными державами и Турцией, предрешая тем самым будущую судьбу Константинополя. При этих условиях десантная операция на проливах была сочтена англичанами актом политической необходимости. Англичане и французы 25 апреля высадили свой десант в 5-ти пунктах европейского и 1-м пункте азиатского побережья и, после упорного боя, овладели ими. Таким образом, операция была задумана широко: но и в ней главная роль должна была достаться английским войскам. Французы действовали на азиатском берегу, где сопротивление было менее сильным и где была предпринята простая демонстрация. В течение всей весны и лета в районе Дарданелл шли кровопролитные бои с переменным успехом.

Через две недели после высадки союзных войск на галлиполийском берегу германские войска прорвали фронт 3-й русской армии; началось постепенное вытеснение русских армий из Галиции. Случись эти события на месяц раньше, англичане, конечно, не предприняли бы десанта на Галлиполийский полуостров. Но теперь борьба была начата: были израсходованы громадные суммы на перевозку войск. К Дарданеллам были сконцентрированы союзные флоты, в состав которых уже входили не только старые боевые единицы,—в роде тех обреченных на гибель судов, которые на девять десятых составляли эскадру Кардэна и его преемника де-Робекка,—но и дредноуты. Десант был окружен такою торжественностью, в английских и французских газетах столько писалось об исключительной важности предпринятой операции, что об отступлении не приходилось и думать. Это было бы равносильно тягчайшему политическому поражению союзных и, в первую очередь, ответственного за исход дарданелльской экспедиции, английского правительств. Таким образом началась беспримерная по своему кровопролитию и стратегической бесполезности борьба.

Между тем, события на русском театре войны приобретали характер несомненной катастрофы. Несмотря на вступление в войну Италии, от линии Дунайца русские войска постепенно откати-

лись до линии Сана, очистив Перемышль. Затем последовала сдача Львова и целого ряда других важных в стратегическом отношении пунктов. Судьба Привислинского и Галицийского фронтов была решена. В августе пала Варшава и была занята цепь крепостей, и тогда же произошла перемена в верховном командовании. В сентябре и октябре русские войска, обескровленные и измученные непрекращавшимся преследованием, наконец, остановились; Ново-Георгиевск и Вильна были последними успехами германских войск в России. Но если положение в России казалось упрочившимся, то на западе на дело смотрели иначе. На политическом и военном будущем России ставили крест. Политическая цель операции—захват Константинополя союзными войсками раньше России—отпадала. Французы выдвинули проект создания специальной ближне-восточной армии, возглавляемой французским генералом. У англичан как будто пропадает всякий интерес к Ближнему Востоку. Только в районе южной Месопотамии и у Адена английские войска ведут частичные операции, но и здесь инициатива принадлежит скорее туркам и арабам, чем английскому командованию. Но за этим внешним равнодушием скрывается новый широкий проект—поднять Аравию, то-есть решить судьбу Азиатской Турции путем внутреннего взрыва, организатором которого, а следовательно, и хозяевами положения, были бы сами англичане. Именно к этой эпохе относится соглашение между Англией и шейхом Мекки Хуссейном-бен-Али о включении в будущие его владения всей территории распространения арабского языка, т.-е. не только собственно Аравии, но и побережья Сирии. Россия осторожно выдвигает встречный проект создания «автономной» Армении с выходом в Средиземное море в одном из портов Киликии. Франция спешит в письменной форме зафиксировать согласие на включение в будущие ее владения в Азиатской Турции Сирии и Киликии. Когда автономной Армении создать не удается, хотя бы и на бумаге, так как армяне требуют слишком многого, Россия выступает с новым предложением: образовать «независимое» мусульманское государство под главенством, будто бы согласного поднять восстание против султана, Джемаля-паши. Наконец, в январе-феврале 1916 г. полоса закулисных интриг кончается: союзники приступают к переговорам сначала в Лондоне, а затем и Петрограде.

Если Англия в период, непосредственно следовавший за сербской катастрофой, внешне проявляла сравнительно малый интерес к военному положению в Азиатской Турции, то нельзя сказать того же самого о двух ее союзницах—Франции и, особенно, Рос-

сии. Когда возник проект создания отдельной ближне-восточной армии и командование ею было предложено ген. Саррайлю, то последний предложил в качестве лучшего пункта для ведения будущих операций Смирну и—уже во вторую очередь—Салоники. С еще более широким планом действий в Азиатской Турции несколько позднее выступил ген. Алексеев. Он прямо предложил ликвидировать Салоникский фронт и, высадив десант на азиатском берегу, совместным ударом русских войск со стороны кавказского фронта и англо-французских—от Смирны, уничтожить турецкую армию и захватить Малую Азию. Проект ген. Саррайля был отвергнут франко-английским штабом; по тем же политическим расчетам Франция предпочла борьбу с мирной Грецией; что же касается плана ген. Алексеева, то он был встречен с крайним недоброжелательством английским верховным командованием и понятно почему: заключив соглашение с Хусейном-бен-Али, англичане разсчитывали захватить центральную часть Азиатской Турции чужими руками. При этих условиях, руководящая роль, которая принадлежала бы русским войскам при широкой наступательной операции в Малой Азии, явилась бы для англичан тяжелым политическим ударом. Проект ген. Алексеева был отклонен. В январе 1916 года союзные армии окончательно покинули район Дарданелл и были сосредоточены в салоникском лагере. В феврале месяце, как раз в ту эпоху, когда в Лондоне шли англо-французские переговоры о создании независимого арабского государства и разделе Азиатской Турции, русская армия совершенно неожиданно для союзников, которые хотя и были уведомлены официально, но не верили в возможность успеха, перешла в наступление на важнейшем участке кавказского фронта и, после 5-тидневного штурма, при чрезвычайно тяжелых условиях овладела единственною (не считая Баязета) крупной крепостью этого района—Эрзерумом (2/15 февраля 1916 г.). От Эрзерума расходятся дороги на Константинополь, Трапезонд и Багдад. Удачным маневром русское командование разделило отступающих турок на три части: северную, отошедшую в район Трапезонда, центральную, совершенно отколовшуюся и отходившую на Эрзинджан и Сивас, и, наконец, южную, наиболее значительную, отброшенную к Мосулу, т.-е. в общем направлении к Месопотамии, к сфере английского влияния, где в районе Персидского залива был сосредоточен 10-титысячный отряд английского генерала Эльмера.

Этот отряд, еще в начале войны высадившийся в устье Шат-эль-Араба и первоначально продвинувшийся через Бассору до

Ктезифона, в расстоянии нескольких десятков верст от Багдада, был вынужден, под натиском выделенных из состава 3-й турецкой армии двух корпусов, отойти в район Кут-эль-Амара, где часть его была окружена турками. Таким образом, начавшееся продвижение русских войск в сторону Персидского залива застало англичан в критическую минуту, тем более, что развернувшаяся на западном фронте верденская операция не позволяла англичанам перебросить сколько-нибудь значительные силы в пределы Месопотамии. Между тем, русская армия не только продвигалась на юг, но и предприняла фланговое движение через Персию, мотивируя его необходимостью очистить персидскую территорию от шаек, нападавших на обозы и тыловые части. В Персии были последовательно заняты города: Керманшах (15/28 февраля, Биджар (20 февраля / 4 марта) и Исфагань (10/23 марта). В свою очередь, на южном месопотамском направлении 19 февраля/3 марта был взят город Битлис. В середине марта и в апреле месяце к этому прибавился русский успех на центральном эрзинджанском и северном приморском направлениях: 5/18 марта турки очистили Мамахатун, а ровно через месяц русские войска 5/18 апреля вступили в важнейший прибрежный порт и морскую базу района Трапезонд.

Наоборот, английские операции складывались крайне неудачно: шедшие на выручку осажденному в Кут-эль-Амаре англо-индийскому генералу Таунсенду английские части генерала Эльмера принуждены были отступить, пользуясь речной флотилией. В результате изнуренный длительным голодом отряд генерала Таунсенда капитулировал. Это нанесло сильный удар престижу англичан и как раз в том районе, которым англичане дорожили больше всего и где их интересы непосредственно сталкивались с русскими. Впечатление от английской неудачи особенно усиливалось тем обстоятельством, что русские войска теперь уже открыто шли в Месопотамию, продвигаясь со стороны Битлиса и Муша на Диарбекир, от Ревандуза на Мосул и из Казри-Ширина на Багдад. Этому движению турки пытались противопоставить в апреле месяце 1916 г. контр-маневр, направленный на Мамахатун и Эрзерум.

Именно этому периоду военных успехов России на армянском и месопотамском фронтах, в области дипломатической, соответствовала эпоха англо-французских переговоров (Сайкс-Пико), стремившихся установить основы будущего устройства Азиатской Турции. Начавшиеся под гром эрзерумских пушек, переговоры эти несомненной целью своей ставили не только раздел ту-

рецких областей между союзниками, но и определенно стремились ввести в известные рамки слишком широко развернувшееся наступление русских войск. Русская армия все ближе и ближе продвигалась к Мосульскому району, а, следовательно, и к знаменитым нефтяным источникам. В связи с этим у французских и английских политиков возникало опасение, что кавказская армия ворвется на плечах у бегущих турок в Мосул, и тогда Россия вряд ли откажется от занятой ею территории, прилегающей к Багдаду и к области Персидского залива. Надо было поспешить с заключением соглашения, устанавливающего будущие приобретения России в Малой Азии. В результате мы имеем договор Сайкс-Пико, являющийся дипломатическим выражением тайного соперничества союзников. В военном отношении это скрытое недоверие к России выразилось в создании Англией специальной багдадской армии, во главе которой был поставлен один из лучших английских генералов, сэр Ф. Ст. Мод.

Считая причиной своей предшествующей неудачи плохое оборудование ближайшего тыла (для Месопотамии им являлся район Персидского залива, а для Сирии и Палестины—Египет), летом 1916 г. англичане деятельно принялись за организацию базы для нового наступления. Это представлялось для них тем более возможным, что захват Эрзинджана и Байбурта русскими войсками заставил турок обратить серьезное внимание на Кавказский фронт. В июле и августе 1916 г. турецкое верховное командование решило обходным движением с юга вбить клин между кавказской армией и английским экспедиционным отрядом и, в случае успеха операции, захватить Эрзерум. Бои сосредоточились на участке Муш-Битлис, но благодаря тому, что русские владели шоссе Трапезонд—Байбурт—Эрзерум и Эрзинджан—Эрзерум, а также сумели использовать сеть железных дорог в своем ближайшем тылу, турецкие атаки особого успеха не имели. Наоборот, остановив турок, кавказская армия сама перешла в наступление и сильно потеснила их по всему фронту. Удачнее сложились для турецких войск операции в Персидском районе. Здесь им удалось занять целый ряд пунктов, в том числе Хамадан (11 августа), но и это продвижение было остановлено верстах в 300 от Тегерана. В свое время на эту операцию в союзных военных кругах были склонны смотреть, как на простую диверсию. Последующие события, однако, показали, что центр тяжести на малоазиатском фронте действительно передвинулся к югу. Теперь основным решением стратегической задачи явилась борьба не на Кавказе, а в Месопотамии, так как само по себе было очевидно, что после захвата и за-

крепления за собою района Эрзинджана и Байбурта русские войска не смогут вести дальнейших наступательных операций, не имея перед собою ближайшего объекта, общее же продвижение в направлении Сиваса было не только физически трудным, но и стратегически опасным, слишком удаляя кавказскую армию от ее главной базы.

Тяжелая обстановка, сложившаяся в июле и августе на кавказском фронте, а также вынужденная приостановка наступления русских войск к Мосулу и Багдаду дали англичанам возможность изменить политическое положение в Малой Азии в свою пользу. Россия, несколько месяцев тому назад безостановочно продвигавшаяся к Персидскому заливу, была, казалось, остановлена в своем движении. С другой стороны, в Аравии выступил против турок меккский шейх Хуссейн-бен-Али, уже в октябре 1915 г. заключивший секретное соглашение с англичанами, в силу которого ему была обещана обширная территория между Индийским океаном на юге, Александреттским заливом на севере, Средиземным и Красным морем на западе и Персидским заливом на востоке. Это еще более усиливало положение англичан и, хотя первые шаги нового правителя и не были особенно успешны (захватив Мекку 10-го июня, он никак не мог овладеть Мединой), но это оттягивало турецкие силы от Месопотамии и развязывало руки английскому командованию. Неудачный исход операции, предпринятой турками против Суэзского канала (турецкие генералы приписывали его самуму, а английские—действиям сосредоточенных в этом районе войск), позволил англичанам не беспокоиться об Египте, по крайней мере, в течение ближайших месяцев. Таким образом все складывалось в пользу отряда, действовавшего в Месопотамии. Поставленный после Кут-эль-Амарской неудачи во главе месопотамских экспедиционных сил, ген. сэр Ф. С. Мод с большой энергией и последовательностью принялся за оборудование стратегической базы на побережьи Персидского залива. Всю осень и первую половину зимы 1916—1917 г. он посвятил трудному делу организации. Построив доки в Бассоре и проложив железнодорожную сеть, Мод потребовал подкреплений для своего корпуса. На помощь ему были двинуты индийские войска. В феврале 1917 г. англичане перешли в решительное наступление по всему Багдадскому фронту. Операция явилась до известной степени вынужденной, так как русский отряд ген. Баратова в это время вел удачное наступление в Месопотамском направлении, при чем исходной базой для его операций была Персия. Как бы то ни было, движение англичан привело к крупному

успеху, которым фактически и была решена судьба кампании на этом участке войны. 23 февраля войска ген. Мода захватили Кут-эль-Амару, взяв 20.000 пл. и много орудий, а 11 марта турки в поспешном отступлении, превратившемся в бегство, очистили Багдад, и 10 апреля—Самарру. В свою очередь, генерал Баратов овладел Керманшахом и Хамаданом. 20 марта/2 апреля произошло соединение обоих отрядов в Кизиль-Рабате. Это был последний успех русского оружия на кавказском фронте; в мае месяце турки не только перешли от обороны к нападению, но и отбили у разложившихся частей кавказской армии г. Муш. Моду удалось в сентябре (28-го) одержать новый успех в Рамадже, в 100 верстах к северо-западу от Багдада, но с этого момента и английские операции на Месопотамском фронте утратили свою интенсивность. Конец 1918 г. застал враждующих приблизительно в том же положении, в каком они оказались осенью 1917 года, и одним из требований Мудросского перемирия был пункт о передаче Мосула союзникам. Эту неподвижность английских войск приходится объяснять не только недостаточностью английских сил для самостоятельного наступления, но и тем, что англичане теперь не имели побудительных причин к ведению операций, так как главный политический соперник Англии—Россия явно отказывалась от завоевательных планов на Ближнем Востоке.

Упрочив свое положение на юге Малой Азии, англичане задумали добиться той же цели и на ближайших подступах к Египту, т.-е. в Сирии и Палестине. Здесь их интересы сталкивались с французскими, и потому англичане спешили захватить инициативу действий в свои руки. Опыт операций 1915—16 г.г. показал, что без хорошо оборудованного тыла и здесь нельзя было рассчитывать на успех, а потому широкому наступлению 1917—1918 г. предшествовала прокладка железнодорожных путей от Канары на Суэзский канал, а также в общем направлении к Газе.

Только в марте и апреле 1917 года египетская армия, под начальством генерала Муррея, смогла перейти в наступление. Операция велась исключительно английскими войсками. Французы, запутавшиеся в греческих делах, смогли прислать на Сирийский фронт только три батальона, хотя и понимали, что предоставление главенствующей роли англичанам грозит ослабить их политическое положение в будущем. Турецкая группа армий Джемаля-паши (IV, VII и VIII), усиленная австрийской тяжелой артиллерией, оказала на первых порах удачное сопротивление движению английских войск. Бои 26-27 марта и 17 апреля в районе Газы, хотя и были провозглашены союзной печатью англий-

ской победой, однако, по существу не привели ни к каким определенным результатам. Истинное положение вещей в скором времени сделалось известным и повлекло за собой смену главнокомандующего. Генерал Муррей был удален в почетную ссылку, и на его место был назначен выдвинувшийся во время мировой войны генерал Аленби. Он оказался счастливее своего предшественника. Несмотря на большое упорство, проявленное армиями Джемаля-паши, войска генерала Аленби 31-го октября взяли Бирсэс-Себа, 7-го ноября—Газу, 10-го—Аскалон, 18—Яффу. Удачным маневром они сумели окружить Иерусалим, сделав невозможной его дальнейшую защиту. 8-го декабря им удалось захватить один из его кварталов, а затем 11-го—и весь город. Контр-маневр турок в районе Наклина кончился неудачно. Прорыв Палестинского фронта, обозначившийся еще 21-го ноября, становился все шире и опаснее.

Одновременные передвижения турецких войск на кавказском фронте, начавшиеся с занятия русских форпостов 8-го ноября и приведшие 27-го февраля 1918 года к занятию Трапезонда и 12-го марта—Эрзерума, не могли смягчить размеров Палестинской неудачи, тем более, что и на Ефрате англичане одержали успех, захватив город Хит (9-го марта). Впрочем, овладев Иерихоном 20-го февраля и достигнув течения Иордана, англичане принуждены были временно прекратить свое наступление, так как новый натиск германских армий на Париж, сопровождавшийся крупным тактическим успехом, не только не позволял рассчитывать на присылку новых подкреплений, но и чуть было не привел к ликвидации второстепенных фронтов (салоникского и азиатского) и переброске войск во Францию. На Иордане, однако, в течение весенних месяцев 1918 г. шла упорная борьба с переменным успехом. Когда в августе—сентябре сделалось очевидным, что война для центральных держав окончательно проиграна, и деморализация, в первую очередь, отразилась на боеспособности двух слабейших армий, турецкой и болгарской, генерал Аленби перешел в новое наступление. 20-го сентября была произведена общая атака как со стороны побережья, так и по линии Иерусалим—Наблус (Сихем). 21-го англичане заняли Назарет, где захватили 18 тысяч пленных и 120 орудий. Туркам был отрезан путь отступления к Иордану. 7-го и 8-го октября число пленных увеличилось до 50-ти тысяч. Была взята Кайфа. Бедуины Хуссейна-бен-Али, до того времени действовавшие довольно неудачно и оперировавшие, главным образом, в районе Маана, нападением со стороны Дамаска еще более ухудшили положение турецкой армии. 1-го—

2-го октября конницей эмира Фейсаля был оккупирован Дамаск, 6-го Бейрут—французским десантом, 19-го Хомс, 26-го Алеппо, 24—30-го октября произошла сдача месопотамских войск. Вслед за этим между новым кабинетом Изета-паши, сменившим Талаата-Энвера, и союзниками начались переговоры, приведшие 30-го октября к заключению Мудросского перемирия. В силу его турки, между прочим, обязались открыть союзным эскадрам доступ в проливы и сдать форты, выдать флот и демобилизовать армию. Союзникам предоставлялось право занимать любые стратегические пункты побережья в случае крайней необходимости, а также передавались железные дороги и гавани; Сербия и Кавказ очищались от турецких войск; гарнизоны в Геджасе и Иемене, Сирии и Месопотамии, не захваченные еще союзниками, подлежали сдаче. Союзники занимали Армению, и до 15-го ноября район Мосула должен был быть очищен от турецкой армии и передан союзникам, а в Киликии турки обязывались отойти до Бозанти. 10—13-го ноября союзные войска, наконец, вступили в Константинополь. Таким образом, кампания 1914—18 г.г. была кончена, а вместе с тем, казалось, был решен вопрос и о турецком владычестве не только в Европе, но и в Азии.

Октябрьская революция и выход России из числа воюющих держав в корне нарушили схему будущего устройства Турции, которую выработали союзные министерства. По договору Сайкс—Пико—Сазонов, Россия получала значительную часть Восточной Анатолии, с преобладающим турецким населением. Таково было желание царя и царского правительства, но союзники охотно шли на эту уступку, соглашаясь признать за Армению чисто турецкую территорию. Это представлялось для них черезвычайно выгодным, так как, владея областями со смешанным населением, Россия тем самым брала на себя роль жандарма в М. Азии и освобождала союзные правительства от излишних расходов по содержанию оккупационных армий. С другой стороны, договор Сайкс—Пико—Сазонов, по существу, предусматривал полный раздел Турции. Действительно, хотя ей и давалась возможность дальнейшей жизни, в виде небольшого государства, урезанного даже в своих этнических границах, но она должна была в будущем представлять область чьего-либо протектората. По крайней мере, по русскому проекту, выходило так, что сохранить жизнеспособную Турцию прежде всего было необходимо, как буферное государство, но государство слабое и не имеющее самостоятельного значения. Повидимому, в Петрограде полагали, что Россия, овладев Константинополем, со временем сумеет превратить Турцию в своего вассала,

а султан станет чем-то в роде бухарского эмира. В этом отношении крайне характерным представляется стремление русского правительства обеспечить будущему турецкому государству выход к морю в Смирне. Захватив последнюю или введя ее в сферу своего влияния, Россия приобрела бы на Средиземном море опорный пункт, имеющий первостепенное экономическое и военное значение. Союзники это обстоятельство прекрасно учитывали, и в споре о Смирне, разгоревшемся между Италией и Россией, негласно держали сторону итальянского правительства.

Выход России из числа воюющих держав избавлял ее бывших друзей от угрозы ее распространения в Малой Азии. Но за то он уничтожал в корне и самую возможность раздела Турции. Только в середине 1919 г., когда в сохранившейся за турками Анатолии началось националистическое движение, англичане и французы поняли, каким опасным являлось для них изменение политического положения, явившееся результатом новой политики России. Между тем уже события 1918 г. могли бы убедить их в чрезвычайной искусственности схемы Сайкс—Пико—Сазонов. Когда вслед за уходившими русскими войсками турки занимали восточную и северную Анатолию, их встречало сочувственно и с реальною помощью местное мусульманское население. Тот принцип деления, который был признан проектом Сайкс—Пико—Сазонов за истину для северной и восточной Анатолии, явно не выдерживал критики. Он исчезал, как скоро скрывались русские штыки, он уступал место революционному восстанию против завоевателей, по мере утверждения революции на равнинах восточной Европы и северной Азии.

§ 3. Союзная дипломатия до выхода России из войны.

Дипломатические переговоры союзников по вопросу о судьбе Азиатской Турции открываются почти на другой день после разрыва между тремя союзными державами и Турцией. Говоря о нем с Извольским, Делькассе «высказал, что было бы желательно установить между Петроградом, Парижем и Лондоном общий план по отношению к Турецкой империи. В виду громадной сложности интересов европейских держав в Азиатской Турции, по мнению Делькассе, покуда Турция воздержится от каких-либо наступательных действий, союзные державы могли бы со своей стороны не принимать инициативы подобных действий в сказанном районе»[1].

[1]) Документы, цитируемые и упоминаемые в дальнейшем изложении, напечатаны в настоящем издании.

Делькассе допускал операции русских войск лишь «на кавказской границе» и считал, что «бомбардирование фортов Дарданелл имело характер демонстрации» и что нет «указаний на намерения английского флота продолжать эту атаку». Лишь в начале января 1915 г. со стороны англичан выдвигается (неофициально, Н. Бекстоном) проект привлечения балканских государств на сторону держав Согласия, включающий эвентуальное обещание грекам «части побережья Малой Азии, со Смирной». Бекстон зондирует почву в разговорах с Извольским и Делькассе; последний отвечает «довольно уклончиво», ссылаясь на то, что французам было бы во всяком случае мало Сирии и Палестины. Затем, английское правительство выступает прямо и настойчиво с предложением обещать Греции за участие в войне против Турции «земельные вознаграждения в Малой Азии», на что Сазонов немедленно соглашается, инструктируя в этом смысле русского посланника в Афинах. Делькассе же решительно восстает против обещания грекам Смирны, заявляя, что «судьба Смирны тесно связана с общим вопросом о разделе Азиатской Турции, и прежде, нежели присудить эту местность Греции, Россия, Франция и Англия должны вообще сговориться об этом разделе».

В начале марта 1915 г. ожидался прорыв союзного флота через Дарданеллы, «совместная» оккупация Константинополя и капитуляция Турции. По мнению Делькассе, это означало бы «конец существования Европейской Турции, но этим еще не разрешалась дальнейшая судьба азиатских владений Турции». Делькассе, заявивший себя противником территориальных приобретений для Франции в Азиатской Турции, снова приглашает союзников «заранее сговориться». Дарданелльская операция, наперекор его надежде на отказ англичан от наступательных действий, требовала дипломатических гарантий интересов Франции. Английский метод «прямого действия» с предрешенной уступкой Смирны грекам не внушал ему доверия. В Петрограде еще острее встал основной вопрос—о судьбе Константинополя и проливов, лишь обладание которыми казалось уже там единственно возможным оправданием и основанием продолжения войны, начатой в надежде на весьма короткую продолжительность ее. На представление по этому вопросу Грей отвечает Бенкендорфу, в свою очередь, довольно уклончиво; после различных оговорок, он заявляет, как бы пародируя Делькассе, что «Англия не имеет никаких видов на какую-либо часть Малой Азии или Сирии» (однако, «за исключением некоторых пунктов в районе Персидского залива»), но «территориальное приращение России вызвало бы

вопрос о разделе всей Турции, что пробудило бы аппетиты многих держав». По вопросу о Константинополе, он не может выступить в палате с новой декларацией (чего добивался Петроград, в виду уклончивости прежней), «потому что Турция еще не побеждена». Тем не менее профессиональный оптимизм Бенкендорфа побуждает его заявить, «что, если бы и встретились препятствия нашим видам на Константинополь, они скорее исходили бы из Парижа, чем из Лондона, и что именно эта сторона вопроса весьма осложняет положение Грея».

Не более утешительны были результаты разговора Извольского с Делькассе: «едва ли можно ожидать, чтобы здешнее правительство ныне же повлияло на общественное мнение в направлении, вполне согласном с нашими пожеланиями». Но, в свою очередь, Извольский заявляет, что «слова, сказанные (ему) Делькассе, являются отголоском его недавнего разговора с английскими министрами» и что, «несомненно, что узел вопроса находится не здесь, а в Лондоне». Из того, что оба дипломата уступали друг другу честь предстоявшего решения вопроса, ясно, насколько обезкуражили их первые шаги в этом направлении. Ожидавшийся в Париже и в Лондоне успех Дарданелльской операции побуждал одинаково англичан и французов к величайшей сдержанности, русских—к вящшей торопливости. Делькассе (без сомнения, в согласии с лондонским коллегою) ставит даже прямо вопрос о международном управлении проливами.

Все это побуждает Сазонова 4-го марта (н. ст.) 1915 г. прямо поставить вопрос от имени Николая II в памятной записке, обещающей союзным правительствам, что, в случае сочувственного отношения к петроградским притязаниям на Константинополь и проливы, «союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие к осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам».

«Иные места» выходят за пределы темы настоящего издания, о других же областях Оттоманской империи Делькассе напоминал Извольскому в тот же день в Париже. Не этим петроградское правительство надеялось завоевать «сочувствие» союзников. Ответный меморандум английского посольства в Петрограде, от 6 марта, заключает абзац, не оставляющий сомнений в том, что русское правительство обусловливало дальнейшие жертвы России на пользу союзников немедленным решением вопроса о Константинополе и о проливах:

«В настоящих условиях королевское правительство не должно быть лишено помощи в той части операции, где последняя (помощь) могла бы быть полезной. Само собою разумеется, что всякая помощь, которая могла бы быть оказана, не должна зависеть от какого-либо условия или устанавливать какие-либо притязания, за исключением тех, на которые могли бы согласиться три союзные правительства».

Все, чего добился Сазонов, это было неопределенное подтверждение сказанного им в государственной думе, с оговоркой о предстоящем обсуждении с Францией и с тем, что формальное соглашение не может быть заключено ранее окончательных мирных условий, а также заявления, что английское правительство «никогда не рассматривало вопроса об аннексии в пользу Греции какой-либо части проливов»,—заявления, ставшего необходимым, в виду обозначившейся, довольно странной, конкуренции между Сазоновым и Венизелосом в надеждах на Константинополь.

Записка французского посольства от 8-го марта 1915 г. обещает «доброжелательное отношение правительства республики в деле разрешения вопроса о Константинополе и о проливах, сообразно с пожеланиями России», с оговоркой, что «этот вопрос, а также другие вопросы, которые интересуют Францию и Англию на Востоке и в других местах,... найдут свое окончательное разрешение в мирном договоре»...

Но и после этого, Грей заявляет, что, тогда как у России уже есть готовый проект, «в Англии вопрос об английских интересах (в Азиатской Турции) еще не изучался», и уклоняется от официального ответа на вопрос Бенкендорфа об «обеспечении обоих берегов проливов». Общее военное положение, в котором Россия играла главную роль, и ход Дарданелльской операции, которую Англия не находила возможным продолжать без помощи греческого флота, не позволяли, однако, остаться при заявлениях 6 марта. Записка английского посольства от 12 марта изъявляет согласие лондонского правительства «на изложенное в памятной записке имп. правительства относительно Константинополя и проливов». В дополнительной записке английского посольства разъясняются самым пространным образом чрезвычайное значение этой уступки, а также условия, на которых уступка эта сделана: превращение Константинополя в вольный порт, свобода плавания в проливах, содействие России тому, чтобы сотрудничеству балканских государств придан был «заманчивый для них характер», принятие во внимание вопроса «о будущих интере-

сах Франции и Англии в том, что теперь является Азиатской Турцией», оставление «мусульманских священных мест и Аравии при всех обстоятельствах под независимым мусульманским владычеством» (прикрытие для тайных переговоров с Хуссейном-бен-Али), наконец, признание нынешней нейтральной (по англо-русскому соглашению 1907 г.) сферы в Персии английской сферой.

Через два дня объявляется французская программа: Сирия, включая область Александреттского залива, и Киликия до хребта Тавра. С величайшей осторожностью русское министерство ин. дел выдвигает «мечты» армян о «Мерсине с областью, населенной армянами»; ясно, что «включение этих местностей в зону французских притязаний может вызвать разочарование по отношению к Франции». Между тем Палеолог выразил свое «впечатление», что «в понятие Сирия входит и Палестина». Сирия и Киликия были Сазоновым поспешно обещаны Делькассе, который этим «остался очень доволен», хотя и предупредил, что «будет, может быть, настаивать на обладании теми или иными входящими в состав Палестины местностями».

Английская точка зрения оказалась гораздо более сложной и содержательной. Английское правительство еще 20-го марта «считает преждевременным обсуждать вопрос о возможном разделе между державами Месопотамии, Сирии и Палестины, пока вопрос о (независимом) мусульманском гусударстве не будет разрешен». Причина ясна: с созданием нового «независимого» (фактически—вполне зависимого от Англии) мусульманского государства добыча, подлежащая распределению между союзниками, значительно уменьшается в объеме; из нее Англия выкроит свою часть дополнительно к «независимому государству», не входящему в план общего дележа. В начавшихся уже разговорах с Империали Грей не раскрывает карт: «что касается Азии, то Грей заметил, что вопросы, сюда относящиеся, еще не были рассмотрены державами Согласия и что, поэтому, он не может обсуждать их», а в то же время английская дипломатия напрягала все силы, чтобы и Смирну изъять из общего дележа, предоставивши ее тоже «независимой» Греции Венизелоса и Василия Захарова.

Единственным средством распространить свое влияние к Средиземному морю для петроградского правительства оставалась «независимая» Армения. Организуется миссия Завриева, вновь оживляются армянские мечты о Киликии с портом на Средиземном море. «Эта программа одобрена нашим мин. ин. дел, которое обещало свою помощь ее осуществлению, но во избежание подо-

зрений со стороны Франции и Англии.... армянские делегаты будут действовать без видимого вмешательства русских послов, которое может происходить лишь в затруднительных случаях, и также, когда сами послы нашли бы это возможным». (Извольский Сазонову, 17 мая н. ст. 1915 г.). Извольского это предприятие пугает, и Сазонов вновь спешит отречься от армян. Извольский поддается затем и сам «армянской мечте», и тогда Сазонов еще раз подтверждает, что Петроград «может только сочувствовать исполнению желаний турецких армян». В переписке с Бенкендорфом — та же двойственность, основанная на боязни раздражить союзницу, от которой зависит осуществление «мечты» русских дипломатов о Константинополе. Правда, планы, связанные с Джемалем, развивают «армянскую интригу» в направлении, весьма «интересном», с точки зрения Бриана, отмечающего, что этот план может «чувствительным образом затронуть интересы Англии». При ближайшем рассмотрении он находит, однако, что план этот угрожает и Франции потерей «земель, обеспеченных ей соглашением с нами, т.-е. Сирии, части Палестины и Киликии»; но хотя «Англия имеет в виду образование независимого арабского халифата и ведет уже переговоры об этом с мекккским шерифом», Бриан, «готов приступить к предлагаемым переговорам с Джемалем, лишь бы при этом были вполне определенно оговорены права Франции на части Азиатской Турции, обладание коими обеспечено ей соглашением с нами». Извольский присовокупил к этому предостерегающую телеграмму (16/29 декабря 1915 г.), прямо ставившую под вопрос судьбу «непопулярного» в Париже соглашения о Константинополе и проливах, в случае возбуждения сомнений «в нашей готовности предоставить Франции выговоренные ею компенсации». Грей, со своей стороны, посвятил Бенкендорфа в английский план создания арабского государства и просто отказался, «вести одновременно переговоры с армянами и арабами», предоставивши Франции и России заняться первыми.

В начале 1916 г., с прибытием французского и английского дипломатов-специалистов, Пико и Сайкса, в Петроград, после того, как «арабские» планы английского правительства были доведены до завершения, было приступлено к выработке общего соглашения о разделе Азиатской Турции. Основной проект его изложен в памятной записке английского и французского посольств в Петрограде от 25 февраля/9 марта 1916 г., представлявшей готовые результаты предварительного соглашения между Англией и Францией, к которому предлагалось теперь России присоединиться.

«Франция и Великобритания готовы признать и взять под свое покровительство независимое арабское государство или федерацию арабских государств» с тем, что это «независимое государство» будет разделено на две зоны—французского и английского протектората—(см. прилагаемую карту), а в третьей («коричневой», т.-е. Палестине) «будет учреждено международное управление». Англия, сверх того, получает порты Кайфу и Акру. Ст. 9 предусматривает соглашение между Англией и Францией, гарантирующее Аравию и острова в восточной части Красного моря от вторжения «третьей державы».

Письмо Бьюкенена Сазонову от 11 марта говорит о тех исправлениях, которые были внесены в этот проект по указаниям Сазонова, сводившимся, судя по этому письму, к выделению несторианской[1]) области и Битлисских проходов, а также дополнительной прирезке в районе Эрзерума в пользу России. Письмо Сайкса Бьюкенену, снабжающее последнего аргументацией против «простой передачи» Армении России, с точки зрения охраны русского самодержавия от армянских революционеров, представляет один из интересных образцов дипломатической литературы, в котором попечение об армянских исторических традициях, преданиях и даже песнях служит прикрытием для весьма практической цели: ограждения мосульского нефтяного района от неудобного русского соседства. Наконец, всеподданнейшая записка Сазонова о проекте раздела Малой Азии, «составленном известными знатоками этих местностей» (Пико и Сайксом), считает наилучшим, с русской точки зрения, исправлением проекта соседство на юге «с каким-либо азиатским мусульманским государством, в виде ли арабского халифата или турецкого султаната». «Если бы, однако, нам не удалось отстоять эту точку зрения, то тогда следует, во всяком случае, настаивать на включении в нашу зону Урмийского округа и Битлисских проходов, предоставив французам некоторые вознаграждения в Малой Армении в районе треугольника Сивас—Харпут—Кесария». В качестве южной границы сферы русских интересов, Сазонов предлагает линию Амадия — Джезире-ибн-Омар (мосульский район) — Диарбекир—Самсат—Мараш—Адана. В Палестине же он соглашается ограничиться защитой русских интересов исключительно в Святых Местах.

Относительно Палестины в Лондоне готов был к этому моменту новый проект—свидетельство большой изобретательности

[1]) Приверженцев этой секты считалось 20.000, с патриаршим престолом в Диарбекире.

английской дипломатии; распределив роли между греками и арабами в своей широко задуманной игре, лондонский кабинет вводит теперь в ту же игру евреев, как полезный элемент не только в антигерманской партии, но и в междусоюзной конкуренции. В отношении русской зоны Грей предписывал Бьюкенену добиться обеспечения английских торговых интересов «на всякой турецкой территории, которая может быть включена в русскую сферу», во исполнение чего и вручена была Сазонову памятная записка 20 марта 1916 г. Таким образом, наряду с немедленным принятием французами сазоновских поправок, завязывается дискуссия между Лондоном и Петроградом, отстаивающим будущие суверенные права России в тех самых областях, в которых до сих пор предметом постоянных посягательств были суверенные права Турции.

На этой стадии переговоров ликвидация армянской «комбинации» становится неизбежной, и Бриан действительно отказывается от каких-либо сношений с Джемалем и Завриевым. В то же время Сазонов предоставляет французам столковаться с англичанами в Палестине, не теряя, однако, надежды на установление в Святых Местах международного управления с сохранением свободного доступа к портам Средиземного моря, у которых крейсировала как раз в это время «русская средиземноморская эскадра». Две французские ноты за подписью Пико, 31-го марта и 5 апреля, фиксируют русско-французское соглашение, после чего особому совещанию (под председательством Штюрмера) оставалось еще наметить «западную русскую границу в Малой Азии». Совещание занялось, главным образом, вопросом о включении в русскую зону береговой полосы до Синопа включительно (см. протоколы совещания и записки морского и военного министерств— XCVI, XCVII, XCVIII, XCIX), — к достижению чего Сазонов обещал, в конце концов, приложить усилия.

Франко-русские переговоры не были закончены; темой их явился теперь уже вопрос о признании за французами жел.-дорожных концессий в Малой Азии, в тех областях, которые решено было оставить за Россией. Итоги всех этих обсуждений в законченной форме подведены запиской Сазонова от 13/26 апреля, врученной Палеологу. Западная граница аннексируемых Россией областей (Эрзерума, Трапезонда, Вана и Битлиса) и здесь указана словами «до подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря к западу от Трапезонда»; к этим областям присоединяется «несторианская» область Курдистана, взамен известного «треугольника», присоединяемого к французским владениям. Концессии со-

храняются за французами с несущественной оговоркою; прочие договоры и соглашения с оттоманским правительством остаются также в силе; последний пункт касается участия обоих правительств (что означало привлечение России) в делах и администрации Оттоманского долга. Обмен нотами заключен был Палеологом нотой от 26 апреля; вопрос между Францией и Россией был окончательно решен. На то, что в связи с этим пропаганда автономной Армении с выходом к Средиземному морю, продолжавшаяся в Париже Богосом-Нубар-пашей, подлежала безусловной ликвидации, обратил внимание Сазонова Извольский 1 мая н. ст.

Четвертый соискатель—Италия выступает на сцену к этому моменту. Итальянский посол пожаловался в Париже, «что Италия не приобщена к соглашению между Россией, Францией и Англией в турецком вопросе, что ставит ее в особое и неравное положение среди союзников». Ему было отвечено, что это положение «само собой вытекает из факта необъявления Италией войны Германии». В Лондоне Империали обратился с тем же запросом к Грею, но и Грей ответил, что до объявления Италией войны Германии Италия не может претендовать на осведомление о союзных соглашениях. 9-я статья Лондонского соглашения признавала, что «Италия, в случае полного раздела Азиатской Турции, должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалии», тогда как ст. 2 обязывала Италию использовать все средства для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов. Бриан и Камбон, не упустивши случая посеять в Риме подозрения против Англии и России, решили доверить лондонскому правительству переговоры с Италией, «в виду постоянных просьб, с которыми итальянское правительство обращается к Англии в вопросах финансовых и экономических».

Тем временем, Грей приступает к оформлению англо-русского соглашения о разделе Азиатской Турции нотой, переданной в Петроград Бенкендорфом 30 мая н. ст. 1916 г. Сазонов возражает против предложенных Греем изменений текста франко-русского соглашения, имеющих целью закрепить за англичанами привилегии в вопросах судоходства и особенно подчеркнуть необходимость согласия Англии на какие-либо перемены, касающиеся прежних концессий британских подданных в русской зоне. Царь пытался фиксировать в качестве западного пограничного пункта этой зоны Синоп, отчего Сазонов отделался ответом, что редакция соглашений не исключает и такой возможности, так

как и Синоп—западнее Трапезонда. Задача Бенкендорфа оказалась труднее. Англичане теперь уже торопили с ответом, в виду начавшегося, наконец, «англо-арабского» восстания. Бенкендорфу была предъявлена французская нота, выражавшая согласие французского правительства утвердить британские концессии во французской зоне. Бенкендорф, невполне понимавший, о чем идет речь, раздражался и впадал в отчаяние, стараясь убедить Сазонова не оттягивать положительного ответа на проект Грея. Однако, Петроград упорствовал в непринятии пункта, касавшегося судоходства.

Обмен письмами между Сазоновым и б. вел. кн. Николаем Николаевичем в июле окончательно установил решение в традиционном духе армянского вопроса.

Эпизодическим переговорам с «турецкой оппозицией», поощрявшимся Сазоновым, упоенный военными и дипломатическими успехами в Турции Николай II решил положить конец на том основании, что «с Турцией надо покончить».

Вопрос же о 4 пункте английского проекта оставался в том же положении, и Штюрмер, взявший портфель министра иностранных дел, 4/17 августа возобновляет прежние инструкции Бенкендорфу по этому вопросу. Лишь 3/16 сентября Бенкендорф получил возможность вручить Грею ноту, принимавшую английскую ноту и все же с оговоркой в отношении 4-го пункта.

С этого времени центральным вопросом является требование итальянского правительства, объявившего 15/28 августа войну Германии, сообщения ему всех соглашений о разделе Турции. Оживленная переписка по этому поводу между Парижем, Лондоном и Петроградом затянулась настолько, что в начале сентября Соннино решил прибегнуть к крайним мерам давления на союзников; при фактическом отказе в «новых жертвах» со стороны Италии (посылка войск в Салоники), до включения Италии в соглашение о Малой Азии, он напомнил, что при переговорах в Лондоне о вступлении в войну Италии на его вопрос о планах союзников в отношении Малой Азии, ему было отвечено, что «никакого соглашения между державами по этому вопросу еще не существует». Главная трудность заключалась в том, что от Италии требовалось принятие к сведению союзных соглашений без какого-либо обсуждения. Когда итальянское правительство ознакомилось с этим условием, Соннино заявил, что он вынужден будет подать в отставку, так как «общественное мнение Италии ни в каком случае не примирится с навязываемым ей таким образом унизительным положением». Письмо

Баррера Бриану от 30 сентября ярко характеризует положение дела в Риме и тактику Соннино, выразительно мотивируя необходимость какими-либо уступками укрепить престиж Соннино в интересах Франции и ее союзников. Лишь 12 октября н. ст. состоялась передача копий документов соглашения об Азиатской Турции Греем Империали.

Соннино вынес тяжелое впечатление «как от их содержания, так и от формы» и сознался Гирсу, что «сильно охладел к тому периоду, который наступит после войны» (тел-ма Гирса № 699). В тот момент, когда «преждевременное» выступление меккского шерифа с просьбой о признании за ним королевского титула поставило Грея, по его признанию, в затруднительное положение (Бенкендорф, 4-го ноября, № 659), итальянское правительство поразило одинаково всех союзников своим ответом на информацию о соглашениях по турецкому вопросу (Бенкендорф, 4-го ноября, № 660).

Италия обусловливала свое согласие на основное пожелание русского правительства, «в смысле циркулярной русской телеграммы от 4 марта 1915 г.», теми же оговорками в пользу Италии, какие были сделаны в свое время в пользу Англии и Франции; то же самое она заявила и в отношении территориальных разграничений по проекту 17 марта 1916 г., изъявивши надежду на согласие России оставить за Италией область Аданы. Сверх аданского вилайета, Италия потребовала от союзников Смирны, вилайетов Конии и Айдина и о. Кастелорицо. В случае неудовлетворения этих пожеланий, Соннино снова угрожал своей отставкой.

Тем не менее, Бриан без колебаний высказался против итальянских притязаний и предложил союзникам сговориться о приемлемых уступках, считая, что итальянская программа расчитана на дальнейшие переговоры и заведомо преувеличена. Памятная записка итальянского министерства иностранных дел, врученная в Петрограде Штюрмеру, бюрократически - красноречиво излагала и обосновывала итальянские требования, дополненные всеми теми условиями в пользу Италии, какие союзники оговорили в свою пользу при предыдущих соглашениях между собою; наконец, Италия требовала для себя равенства и участия во всех остальных вопросах, вплоть до взаимоотношений с арабским государством и обсуждения режима на Красном море, установленного англо-французским соглашением.

Непосредственно задетая сторона, французское правительство легко согласилось с русским правительством (опасавшимся

продвижения Италии к проливам и русским владениям) о совместном ответе всех трех союзников Италии. Но английское правительство, некоторое время воздерживавшееся от определения своей позиции, сделало решительный маневр в сторону Италии, предложивши, вместо сговора трех правительств против Италии, конференцию всех четырех правительств. Грей высказал при этом в весьма двусмысленной форме опасение за судьбу и жизнеспособность остатка Турции, лишаемой выхода к морю. Нератов повторил и развил эти опасения в разговоре с союзными послами, пригрозивши итальянскому послу неизбежным, в случае «захирения» ампутированной Турции, новым разделом и «пересмотром всей схемы устройства Малой Азии». Тем не менее, петроградское правительство первое уступает Соннино, потребовавшему двух изменений в тексте при обмене нотами между Россией и Италией о Константинополе и проливах, в смысле уравнения прав Италии в проливах и в Константинополе с правами Франции и Англии. 19 ноября н. ст. Соннино вручил Гирсу памятную записку о согласии итальянского правительства на переход в руки России Константинополя и проливов. Вслед за тем началось обсуждение тремя правительствами вопроса о предстоящей конференции, о месте созыва ее и о том, не надлежит ли предварительно сговориться трем правительствам между собою, т. е. втроем предрешить результаты конференции. При этом выясняется, что Р. Сесиль вполне разделяет желание Франции и России заранее сговориться, хотя и высказывает опасение, что итальянское правительство, узнавши об этих закулисных переговорах, «встревожится».

Инструкция русского министра ин. дел. Н. Н. Покровского Бенкендорфу (8/21 декабря 1916 г.) исходит из желательности для России сохранить жизнеспособную (с выходом к морю) Турцию, «тяготеющую экономически и политически к нам»; расширение итальянских владений в сторону Смирны (и проливов) признается нежелательным, и лишь на «крайний случай» предлагается включение в итальянскую зону Скала-Нуова; в остальном надлежит поддерживать точку зрения Франции и Англии. Обо всем этом Бенкендорф «негласно» должен был сговориться с Бальфуром и П. Камбоном в ожидании конференции.

Однако, Англия все более охладевает к истощенной войной России, склоняясь к сближению с Италией. Вследствие «упорных настояний Италии», Бальфур срочно назначает днем открытия конференции 29 января 1917 г., не ожидая назначения русского посла, вместо скончавшегося Бенкендорфа; русское пра-

вительство оказалось поэтому представленным лишь поверенным в делах в Лондоне Набоковым.

В заседании 12 февраля заслушан был довольно широкий английский проект удовлетворения территориальных притязаний Италии, исключавший, однако, в согласии с французским и русским правительствами и с тайными видами самой Англии, из итальянской зоны Смирну. Итальянский посол категорически отказался обсуждать этот проект, как неотвечающий пожеланиям Италии, которые ему поручено отстаивать. Несмотря на уговоры, Империали остался при этом решении, и заседание пришлось на этом прекратить. Маркизу Империали вручена была памятная записка для итальянского правительства, защищавшая отвергнутый им проект обильными фактическими и цифровыми данными. Итальянское правительство попыталось в отдельности воздействовать на Бриана и на Бальфура, но успеха не имело. В Париже негодовали по поводу итальянского «шантажа», и Гирса даже пугает «раздражение во взаимных отношениях между Францией и Италией», заставляющее его предвидеть, что после войны «трудно будет сохранить нынешнюю группировку держав».

Соннино заявил Гирсу 10-го марта, что он решил, «в случае нападок на него в парламенте по мало-азиатскому вопросу чистосердечно сознаться, что он действительно виноват перед страной, и подать в отставку. А виноват он в том, что поверил лорду Грею, заверившему его, что со дня подписания Лондонского соглашения Италия станет равноправной союзницей во всех переговорах. Между тем, после соглашения состоялся мало-азиатский дележ, который к тому же в течение многих месяцев тщательно скрывали от Италии. Теперь же Италии предлагают участок, не имеющий ни одного серьезного порта. В Париже заявляют, что на уступку Мерсины не следует рассчитывать и что на отдачу Смирны, которую до того союзники охотно уступали Греции, упорно не согласится Россия». Тому же Гирсу Соннино возмущенно сообщает «слухи» о предстоящей высадке англо-французских войск в Палестине. Не менее велико было возмущение Камбона в Париже по поводу желания Италии участвовать в этой экспедиции и вообще «во всех англо-французских действиях на Востоке, кроме тех, как, напр., в Салониках, где участие ее желательно и полезно для союзников». Горячность Набокова явно отражала скрытое неудовольствие английского правительства и закулисные внушения лорда Гардинга.

Вступление Милюкова в должность министра иностранных дел временного правительства не изменило ни в чем пози-

ции русской дипломатии, озаботившейся после падения царского режима сохранением в силе всех прежних соглашений. Французская дипломатия устремилась к закреплению своих позиций в Сирии и в Палестине, пустивши в ход средства, о которых дает представление замечательная инструкция известному нам Пико, назначенному комиссаром Франции в оккупированных областях Сирии и Палестины. Главная его задача—обеспечить Франции «положение, равное тому, которое займет Англия», не взирая на более чем скромный контингент войск, приданных исполнителю этой ответственной задачи. Пико должен привлекать к Франции симпатии арабов и евреев, на которые претендует Англия. Записка Витали является драгоценнейшим дополнением к этому документу. Оба эти документа, вместе взятые,—неоценимый материал для изучения на классическом примере практики современной европейской дипломатии.

Союзное совещание в Сен-Жан-де-Мориен (6/19 апреля 1917 г.) состоялось уже без представителя России. Гирс узнает post factum лишь программу, да и то «из частного, вполне секретного источника». Извольский информирует Милюкова на основании разговоров не с самим Рибо, а с его сотрудниками. Роль Италии настолько же выросла, насколько понизился удельный вес России. Итальянские требования, заявленные в прежнем объеме, и даже с добавлением к Смирне ее вилайета, в принципе, очевидно, решено было удовлетворить, несмотря на сокрытие этого решения от петроградского правительства. Так как надежды, связанные с Грецией, по необходимости, откладывались до окончания экзекуции над нею и установления в ней правительства Венизелоса, то Ллойд Джордж считал возможным, исключивши из итальянской зоны Конию, включить в нее Смирну. Соннино же соглашался на «линию Бальфура», со включением Смирны. («Линия Бальфура» включала и Конию).

Телеграммы министра ин. дел временного правительства с этого момента представляют непрерывные жалобы на то, что русское правительство не только не приглашают на союзные совещания, но даже не осведомляют о принимаемых (когда это было нужно, то и от его имени) решениях. Правительство, столь преданное интересам союзников, поставившее целью своего существования «верность» союзникам, третируется последними, как совершенно ничтожная величина, как сторона бесправная и безответственная. В свою очередь, временное правительство применяет «итальянские» способы поддержания своего престижа, добиваясь участия русского отряда в оккупации Иерусалима и

Св. Мест, «где у нас имеются интересы первостепенной важности» (Милюков—Набокову 16/29 апр.), в то самое время, когда оно не может справиться с саботажем некоторых дипломатических российских представителей (напр., в Вашингтоне). Несмотря на любезные объяснения, что без согласия России вопрос об итальянских требованиях не будет решен, английское правительство, без ведома русского, формально принимает итальянские пожелания, с оговорками, о которых Гирс узнает от самого Соннино. Когда же Милюков пытается осуществить право на участие в обсуждении этого вопроса, ему разъясняют, что в С.-Жане вопрос этот «был решен», хотя «союзные правительства старались поставить эти переговоры в зависимость от согласия России» (Сесиль—Бьюкенену, 8 мая) и несмотря на то, что Рибо продолжает называть соглашение в С.-Жане «обменом мнений» (Извольский—Милюкову, 10-го мая).

Терещенко продолжает протестовать против несомненного факта, что «Италия сговорилась с Францией и Англией помимо России», выдвигая при этом в качестве аргумента против итальянских вожделений то, что сообщение об удовлетворении их «вызовет в социал-демократических кругах сильное возбуждение и страстные споры об аннексиях». В Париже, однако, знают, что русская революция угрожает пересмотром и прежних соглашений, и если медлят с ответом на домогательства Соннино, то по совершенно иным соображениям. «Бумажные разделы», о которых столь пренебрежительно отзывается Набоков 30 мая, сохраняют там все свое значение и их стремятся сохранить, во что бы то ни стало, хотя бы и без участия России, в прежнем виде.

Беспомощность дипломатии временного правительства сквозит в конфликте между Терещенко и Набоковым, не понимавшим значения происшедших перемен в общих политических условиях. И по вопросу о задачах миссии Пико в Сирии Терещенко может удовлетворить свою любознательность только тогда, когда Пико, потерпевши полную неудачу в конкуренции с англичанами, уже вернулся в Европу. Соннино не придает теперь никакого значения ответу временного правительства на сообщение о соглашении в С.-Жане, изъявляя готовность удовольствоваться «неполучением никакого русского ответа». В Петрограде возникает план выдвинуть против Италии Америку, когда события ставили на очередь вопрос о прежних соглашениях в целом, начиная с соглашений о левом береге Рейна и Константинополе, а между Римом, Парижем и Лондоном состоялся уже обмен нотами о результатах переговоров «в С.-Жане и в последующих конфе-

ренциях касательно Малой Азии». Любезное дополнение,—«при условии согласия русского правительства»,—сохраняло, разумеется, удобство в глазах английских и французских дипломатов, как средство для продолжения прежней игры с Италией, при удобном случае. Лишь только русское правительство вышло из повиновения союзникам, условие это, разумеется, исчезло. «Бумажные разделы» вступили в новую фазу, в ожидании того времени, когда революционные грозы на Востоке осуществили угрозу пересмотра их силою оружия.

Дипломатическая переписка

ПОЯСНЕНИЕ.

Скобки: кривые скобки принадлежат подлиннику, прямые— редакции.

Многоточие соответствует пропуску слова или слов в подлиннике; в тех случаях, когда можно точно установить на основании документа количество пропущенных или неразобранных телеграфных групп (например, в перехваченных телеграммах иностранных правительств и посольств в Петрограде), число отмечается в примечании.

Документам сообщены заголовки, отсутствующие в подлиннике. Вместо стереотипной фразы—„Секретная телеграмма посла...“ или „министра иностранных дел“—указано имя отправителя и адресата. Пункт отправления особо отмечается нами только в том случае, когда он является необычным для отправителя (напр., Ставка и т. д.).

В датах русских документов сохраняем 2 стиля (старый и новый); в датах иностранных — один новый.

В написании географических названий мы придерживаемся официальной карты Ближне-Восточного Отдела Н. К. И. Д.

Прилагаемая нами карта перечерчена с карты раздела Азиатской Турции из дела французского посольства в Петрограде („Orient. Conditions éventuelles de paix“), относящейся к моменту лондонских переговоров с Италией в августе 1917 года. Русская зона на подлинной карте отсутствует, но юго-западная граница ее вполне совпадает с северо-восточными пределами зоны французской и отвечает тексту договора Сайкс—Пико—Сазонов.

I.

Российский посол во Франции А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 572. Бордо, 25 октября / 7 ноября 1914 г.

Говоря со мною о разрыве между тремя союзными державами и Турцией, Делькассе высказал, что было бы желательно установить между Петроградом, Парижем и Лондоном общий план действий по отношению к Турецкой империи. В виду громадной сложности интересов европейских держав в Азиатской Турции, по мнению Делькассе, покуда Турция воздержится от каких-либо наступательных действий, союзные державы могли бы со своей стороны не принимать инициативы подобных действий в сказанном районе. Это, натурально, не относится к нашим операциям на кавказской границе. Бомбардирование фортов Дарданелл имело характер демонстрации, и до сих пор Делькассе не имеет никаких указаний на намерения английского флота продолжать эту атаку. Весьма серьезное значение Делькассе придает попыткам Турции и Германии возбудить религиозный фанатизм мусульманских подданных трех союзных держав. По его мнению, Россия, Англия и Франция могли бы сообща обратиться к мусульманам с воззванием, в котором им обещали бы охрану их религии и исторических святынь.

Извольский.[1])

---

[1]) 8/21 ноября 1914 г. французский посол в Петрограде М. Палеолог был принят в высочайшей аудиенции и имел продолжительную беседу с Николаем II об условиях мира. Между прочим разговор коснулся будущей судьбы Константинополя и проливов, Армении, Сирии и Палестины. В архиве б. министерства иностранных дел имеется особое дело, озаглавленное „Аудиенция французского посла“, составленное из перехваченных и расшифрованных телеграмм иностранных посольств в Петрограде. В виду того, что в этом деле отсутствует дешифрант телеграммы М. Палеолога, воспроизводящий часть его беседы с Николаем II относительно Азиатской Турции, отсылаем к соответствующему месту мемуаров Палеолога: „La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre“. Paris, 5-me éd. 1922, p. 199 — 200; — русский перевод: „Царская Россия во время мировой войны“. Петроград—Москва, 1923 г., стр. 169—170.

II.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 739. 28 декабря 1914 г. / 10 января 1915 г.

Копия в Лондон.

Меня посетил только что вернувшийся из поездки по балканским государствам известный председатель Лондонского Балканского комитета и член парламента Ноэль Бекстон и сообщил мне следующие, резюмируемые мною вкратце, результаты своих наблюдений: 1) Ошибочно думать, что балканские государства могут сговориться между собой о полюбовном размежевании. Будущие границы должны быть определены авторитетным образом державами Согласия. 2) Сделанные в Софии этими державами заявления — недостаточны. Необходимо определенное обещание Болгарии в Македонии, по крайней мере, границы 1912 года [1]). С другой стороны, под влиянием сербских побед болгары уже не настаивают на немедленном занятии македонских территорий. 3) В Сербии он также считает заявления держав Согласия слишком неопределенными. Пашич пойдет на серьезные уступки Болгарии лишь в том случае, если Сербия получит твердое обещание выхода в Адриатическое море с Рагузой и Спалато [2]). Необходимо заранее заручиться согласием на это Италии. 4) В Греции были бы готовы уступить Болгарии даже Каваллу, если грекам будет обещана часть побережья Малой Азии, населенная греками, со Смирной. Особенно интересно мне показалось это последнее сведение, повидимому, полученное Бекстоном из авторитетного источника.

Извольский.

---

[1]) Заявлением от 26 ноября/9 декабря 1914 г. державы Согласия гарантировали Болгарии исправление ее границы в Македонии, а также территориальные приращения во Фракии по линии Энос - Мидия, при условии сохранения ею нейтралитета, в случае вмешательства в войну Греции. (Входящие и исходящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за ноябрь 1914 г.). Границы 1912 года указаны в ст. 2 секретного приложения к сербо-болгарскому договору 1912 г. (опублик. в № 2 „Сборника секретных документов из архива б. министерства иностранных дел". Изд. Наркоминдела 1917 г., стр. 55).

[2]) 17/30 августа 1914 г. союзными представителями в Нише было сделано тождественное заявление сербскому правительству о необходимости для него согласиться на территориальные уступки в пользу Болгарии. В ответной декларации от 19 августа/1 сентября председатель сербского совета министров Н. Пашич указал, что Сербия, конечно, согласна пожертвовать частью своей территории, в случае выступления Болгарии на стороне союзников, но что для этого необходимо гарантировать Сербии присоединение „сербо-кроатских земель с прилегающим к ним побережьем". Выразив Сербии благодарность за проявленную ею готовность, державы Согласия ограничились, однако, неопределенными обещаниями, откладывая решение вопроса до окончания войны. В ноябре 1914 года, в связи с военными неудачами Сербии, союзниками были начаты новые переговоры с сербским правительством о территориальных уступках Болгарии, при чем на этот раз определялась и область уступок—сербская Македония. Пашич решительно отклонил подобное предложение, указав на неприемлемость его для Сербии и Греции. (Входящие и исходящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за август—ноябрь 1914 г.).

III.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 740. 28 декабря 1914 г. / 10 января 1915 г.

Продолжение № 739. Копия в Лондон.

Бекстон виделся с Делькассе и сообщил ему те же сведения. На мой вопрос, как он относится к мысли о предоставлении Греции части мало-азиатского побережья, Делькассе ответил довольно уклончиво. По его словам, лично он отнюдь не сторонник каких бы то ни было территориальных приобретений для Франции за счет Турции, но необходимо считаться с французским общественным мнением. Обычно думают, что интересы Франции ограничиваются Сирией и Палестиной. Необходимо иметь в виду, что в Палестине немыслимо господство какой-либо одной европейской державы. Что касается Сирии, то в материальном отношении она не представляет ценности. Смирна интересует Францию, как узел французской железнодорожной сети. Впрочем, в этом районе заинтересована также и Англия, мнение коей ему, Делькассе, не известно. Из слов Делькассе я мог заключить, что вопрос о будущем разделе Малой Азии им еще не разработан и не обдуман. Если мысль о том, чтобы направить вожделения Греции на мало-азиатское побережье и этим путем отвлечь их от Македонии, показалась бы Вам правильной, следовало бы ныне же выдвинуть ее здесь, при чем можно было бы воспользоваться столь живыми в некоторых здешних кругах грекофильскими тенденциями.

Извольский.

IV.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1].

Правительству его величества представляется наиболее желательным, в виду мнения, высказанного г. Сазоновым в беседе с сэром Дж. Бьюкененом 31 декабря / 13 января, по вопросу о греческом сотрудничестве с союзниками, чтобы греческому правительству тремя посланниками одновременно было сделано предложение следующего содержания:

Учитывая натянутые отношения, существующие в настоящее время между Грецией и Турцией, три союзные державы поручили своим посланникам в Афинах уведомить г. Венизелоса, что соучастие Греции в общем деле будет принято ими весьма сочувственно, и уверить его, что такое соучастие при настоя-

[1] Перев. с англ.

щих обстоятельствах было бы наиболее своевременным и что три державы гарантируют Греции, что по окончании войны она получит соответствующие территориальные компенсации в Малой Азии, отвечающие той существенной помощи, которую она окажет в течение войны.

Представителям трех держав в то же время поручено указать г. Венизелосу, что всякое занятие греческими войсками территории во время войны будет рассматриваться, как временное, и составит предмет общего обсуждения и соглашения при заключении мира.

Если греческое правительство согласно осуществить это сотрудничество с союзниками, последние известят греческое правительство, когда наступит подходящий момент для его вмешательства, и определят размеры и характер военного и морского соучастия, представляющихся им наиболее подходящими и желательными.

Послу его величества поручено сделать вышеприведенное сообщение его превосходительству императорскому министру иностранных дел и запросить, намерено ли его превосходительство отправить необходимые инструкции российскому императорскому посланнику в Афинах. Сэру Дж. Бьюкенену предписано прибавить, что, в случае получения благоприятного ответа от греческого правительства, правительство его величества представит на рассмотрение императорского правительства план морского и военного сотрудничества Греции, предварительно обсудив его с британскими морскими и военными властями.

19 января 1915 г.

V.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 137. 7/20 января 1915 г. (12 ч. ночи).

Сообщается в Париж и в Лондон.

Великобританский посол передал мне памятную записку, в которой указывает на желательность принятия Грецией участия в войне держав Согласия с Турцией. За такое выступление державы предоставят Греции соответственные оказанной ею помощи земельные вознаграждения в Малой Азии. В случае согласия Греции, державы укажут ей цель и характер военных и морских операций, которые на нее будут возложены. Вместе с сим державы предупреждают Грецию, что они будут считать лишь временным, до окончательного общего распределения завоеваний, нахождение греков в какой бы то ни было территории, в которую им пришлось бы вступить. Благоволите сделать изложенное заявление греческому правительству, как только Ваши сотоварищи получат соответственные указания.

Сазонов.

VI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 147. 8/21 января 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

В поправку моей вчерашней телеграммы № 137, я передал великобританскому и французскому послам памятную записку следующего содержания:[1])

«Г. Сазонов считает, что взамен предложения Греции территориальных компенсаций в Малой Азии, исправления ее границы в Эпире, островов Додеканеза (с Родосом или без Родоса) и т. п., союзные державы имеют право требовать от нее уступки порта Каваллы в пользу Болгарии[2]). К тому же г. Ноэль Бекстон заверил г. Извольского, что он знает из вполне достоверного источника, что эллинское правительство склонно уступить Каваллу, если оно будет уверено в предоставлении ему части малоазиатского побережья со Смирной. Значительная помощь, которую Болгария может оказать союзникам, представляет первостепенный интерес и оправдывает жертву, возлагаемую на Грецию в интересах общего дела, жертву, впрочем, вознаграждаемую столь значительными территориальными приобретениями».

Благоволите сделать предписанное Вам заявление греческому правительству в указанной выше измененной форме, согласно первой части памятной записки, когда Ваши коллеги получат такие же инструкции.

Сазонов.

VII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 12. 10/23 января 1915 г.

Ссылаюсь на Ваши телеграммы №№ 137 и 147.

По поводу их содержания Делькассе высказал мне нижеследующее: прежде всего, несмотря на сведения, сообщенные Бекстоном, он сильно сомневается, чтобы Венизелос согласился на уступку Каваллы, даже в обмен на Смирну. Затем следует предвидеть, что Греция не удовольствуется общим обещанием земельного вознаграждения в Малой Азии и потребует точных указаний на те или другие местности. Касательно Смирны Делькассе

---

[1]) В подлиннике текст памятной записки на французском языке.

[2]) В качестве выхода к морю. Вопрос о Кавалле осложнился заинтересованностью французских банков в местных табачных плантациях; болгарское правительство не скрывало намерения обратить их в государственную собственность.

еще раз указал мне на важность ее для Франции, как узла французской железнодорожной сети. Лично он не стремится к земельным приобретениям и готов проявить в этом вопросе величайшую уступчивость. Но, присовокупил он, судьба Смирны тесно связана с общим вопросом о разделе Азиатской Турции и, прежде нежели присудить эту местность Греции, Россия, Франция и Англия должны вообще сговориться об этом разделе. До сих пор он, Делькассе, ничего не знает о видах Англии относительно Смирны, и он поручил Камбону запросить об этом Грея. Из разговора с Делькассе я вынес впечатление, что он еще окончательно не решил своего отношения к вопросу о Смирне и что решение это будет зависеть от того, что именно будет присуждено Франции при разделе Азиатской Турции. Позволяю себе высказать, что, во избежание еще более крупного недоразумения, чем то, которое возникло по поводу Каваллы, весьма желательно ныне же подробно обсудить с Францией и Англией не только судьбу Смирны, но, вообще, вопрос о разделе Азиатской Турции.

Извольский.

VIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Сэр Эдуард Грей отправил посланнику его величества в Афинах телеграмму следующего содержания:

«В виду возможности серьезной попытки со стороны Германии и Австрии раздавить Сербию, существенно важно, чтобы всякая держава, способная к этому, оказала помощь Сербии. Я убежден, что, если Греция согласится принять участие в войне в качестве союзницы Сербии, и Россия, и Франция будут вполне согласны на получение Грецией весьма значительных территориальных уступок на побережьи Малой Азии. Я полагаю, кроме того, что не встретится препятствий к тому, чтобы дать г. Венизелосу определенное обещание на этот счет, если он этого пожелает; в этом случае он должен был бы представить всякое предложение, которое он мог бы сделать, на рассмотрение трех союзников, которые, как я уверен, самым благожелательным образом к нему отнесутся.

«В случае поражения Сербии, прямым результатом этого явилось бы, что, хотя окончательные расчеты на победу союзников над Германией и Австрией не были бы затронуты, на Балканах имелись бы уже «совершившиеся факты» (faits accomplis), которые сделали бы затруднительным или даже, может быть, невозможным обеспечение Греции и Сербии выгод, столь же благоприятных, как те, которые теперь имеются в виду. Таким образом, вопрос представляется срочным.

---

1) Перев. с англ.

«Если, с другой стороны, Румыния и Греция готовы одновременно принять участие в войне, их соучастие обеспечило бы и неудачу попытки раздавить Сербию, и последующее поражение Австрии. В то же время этим будет гарантировано, что стремления Греции, Сербии и Румынии, которые таким образом станут господами положения в этой области, будут осуществлены.

«Однако, крайне желательно, для обеспечения действительного участия Греции и Румынии, чтобы Болгария получила заверение, что ей будут предоставлены удовлетворяющие ее уступки в Македонии, в случае если греческие и сербские стремления будут осуществлены в других местах. Такое заверение должно быть, конечно, обусловлено ее активным сотрудничеством против Турции или, по крайней мере, сохранением ею, если она не может заставить себя сражаться бок-о-бок с Сербией, более или менее дружественного нейтралитета.

«Тем не менее это вопрос, который должен обсуждаться в Нише, так как он прежде всего затрагивает Сербию. Вам только необходимо упомянуть об этом г. Венизелосу, чтобы он не оказывал противодействия всем тем уступкам, которые Сербия, при условии осуществления славянских стремлений в районе Адриатики, готова была бы сделать Болгарии.

«Вы можете сообщить Вашему русскому и французскому коллегам содержание этой телеграммы, а также настаивать, в неофициальной форме, перед г. Венизелосом на этой точке зрения. Вы также должны быть готовы к совместной деятельности с Вашими двумя коллегами; в случае получения ими инструкций сделать какие-либо предложения Греции. Но Вы не должны предлагать Греции ни Родоса, ни какого-либо другого острова, в настоящее время оккупированного Италией».

Из вышеприведенной телеграммы ясно, что сэр Эд. Грей согласен поддержать предложение г. Сазонова, поскольку оно касается обещания Греции части мало-азиатского побережья со Смирной (памятная записка императорского министерства иностранных дел от 8/21 января). Сэр Эд. Грей тем не менее придерживается того мнения, что предложение Греции какого-либо из островов, в настоящее время оккупированных Италией, роковым образом оскорбит Италию. Это особенно относится к Родосу [1]).

---

[1]) Во время итало-турецкой войны 1912 г. Италией были оккупированы острова Родос, Кос и другие острова Додеканеза. По мирному договору в Лозанне от 10 октября 1912 г. Италия обязалась эвакуировать острова, как только Турция уведет свои войска из Триполи, но обязательства этого не выполнила. В марте 1914 г. между Италией и Турцией состоялось соглашение, в силу которого Италия соглашалась очистить „Двенадцатиостровье", но требовала уплаты оккупационных расходов и амнистии местному населению. Турция отказывалась уплатить издержки, но взамен предоставляла Италии железнодорожные концессии в Малой Азии. К моменту вступления Италии в войну в 1915 г. острова ею очищены не были. Ст. 122 Севрского договора 10 августа 1920 г. они были признаны за Италией, но в тот же день по итало-греческому соглашению были переуступлены ею Греции, при чем Италия оставляла за собой острова Родос и Кастелорицо. Взамен этой уступки, в силу англо-франко-итальянского соглашения 10 августа 1920 г., Италия получала исправление северо-западной границы в Малой Азии, с предоставлением ей выхода к морю в Скала-Нуове. По ст. 15 Лозаннского договора от 24 июля 1923 г., острова Додеканеза были предоставлены Италии.

Ссылаясь на замечания, приводимые в памятной записке г. Сазонова, как сделанные г. Извольскому г. Ноэль Бекстоном, сэр Эд. Грей полагает, что последний чрезмерно доверяет греческой готовности уступить Кавиллу, и он опасается, что подобного рода предложение было бы крайне неприятно для Венизелоса. Г. Бекстон сказал сэру Эд. Грею, что, по его мнению, если бы Болгарии была обещана территория Македонии, включающая Монастырь и Охриду, то ее сотрудничество было бы обеспечено без предложения Каваллы. Сэр Эд. Грей надеется, что г. Сазонов даст российскому посланнику в Афинах инструкции действовать в смысле, который представляется ему наилучшим [1].

25 января 1915 г.

IX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 20. 15/28 января 1915 г.

Копия в Лондон.

В разговоре со мною Делькассе следующим образом резюмировал свой взгляд на дальнейший ход переговоров с балканскими правительствами: [2]) 1) Сербия.—При настоящих условиях очевидно, что Пашич не пойдет далее своей декларации 1-го сентября. Державы Согласия могли бы заявить Сербии, что, заботясь о ее защите, они приняли к сведению обязательство, принятое Пашичем 1-го сентября, которое, однако, войдет в силу, лишь когда осуществится программа Великой Сербии до Адриатического моря [3]). 2) Греция.—По всем имеющимся здесь сведениям, Венизелос ни в каком случае не согласится уступить Каваллу, даже в обмен на крупные территориальные приобретения в Малой Азии. Державы Согласия могли бы обещать ей эти приращения и взамен этого потребовать, чтобы она тотчас присоединила свои военные силы к сербской армии, дабы помочь Сербии отразить готовящееся на нее новое нашествие. 3) Болгария.—Единственный способ заручиться содействием болгарского правительства—это

[1]) Соответственные предложения и были сделаны представителями держав Согласия в Афинах председателю греческого совета министров и министру иностранных дел Э. Венизелосу. В ответной декларации греческого правительства, последовавшей 14/27 января 1915 г., Греция принципиально соглашалась выступить на стороне держав Согласия, но указывала на необходимость выяснить позицию Румынии и Болгарии и на желательность дальнейших компенсаций. Переговоры, однако, не были доведены до конца в связи с отставкой Э. Венизелоса (вход. и исх. телеграммы архива б. министерства иностранных дел за январь 1915 г., см. „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны". Изд. Наркоминдела, Москва, 1922 г.).

[2]) Имеются в виду переговоры между державами Согласия о предоставлении Сербии и Греции территориальных компенсаций взамен уступки части сербской Македонии и Каваллы Болгарии. В качестве компенсаций намечались: для Сербии—Босния и Герцеговина, часть Албании, южная часть Далмации до Спалато, часть Баната и Сирмии; для Греции—земельные приобретения в Малой Азии (Смирна). (Входящие и исходящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за январь 1915 г.).

[3]) См. прим. 2 на стр. 106.

обещание, что державы Согласия присудят Болгарии в момент ликвидации Фракию до линии Энос-Мидия и Македонию со включением Монастыря, при чем, однако, Ускюб остался бы за Сербией. Кроме того Болгарии можно обещать финансовую помощь, о которой она ныне хлопочет в Берлине. Со своей стороны, Болгария должна обязаться воздержаться от нападения на Сербию, Грецию и Румынию и энергично атаковать Турцию, заняв обещанные ей турецкие территории. 4) Румыния.—Можно надеяться, что румынское правительство, готовое, повидимому, сделать некоторые уступки Болгарии и. успокоенное на счет возможности нападения со стороны последней, поймет необходимость путем немедленного выступления помочь Сербии отразить австро-германские силы, которые вслед за сим, несомненно, обратились бы против самих румын.—Делькассе телеграфировал в вышеизложенном смысле в Петроград и Лондон, предлагая, в случае одобрения его программы, снабдить соответствующими инструкциями представителей держав Согласия в 4 балканских столицах.

Извольский.

X.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 22. 16/29 января 1915 г.

Личная.—Здесь обратила на себя внимание статья Милюкова об армянском вопросе в «Речи» 5 декабря.—Считаю долгом предупредить Вас, что из разговоров моих с Делькассе я мог заключить, что, в случае раздела азиатских владений Турции, Франция, вероятно, потребует для себя не только Сирийское побережье, но и Александретту, в особенности если Смирна будет присуждена Греции.

Извольский.

XI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 850. 15/28 февраля 1915 г.

Мною выработана совместно с французским и великобританским послами программа действия союзных правительств, на случай обращения Порты с просьбой о мире, под влиянием прорыва союзного флота через Дарданеллы. Союзные правительства ответят, что они не заключат отдельного мира с Турцией, пока Австро-

Венгрия и Германия не положат оружия. Союзники согласятся только на перемирие на нижеследующих условиях:

1) Немедленная сдача германских судов;

2) Немедленная выдача всех германских офицеров, унтер-офицеров, солдат, моряков и инженеров на турецкой службе;

3) Немедленное разоружение всех батарей, которые уцелели бы на берегах Дарданелл и Босфора;

4) Немедленное удаление мин, оставшихся в Дарданеллах, Мраморном море и Босфоре;

5) Согласие Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем;

6) Сдача тех укрепленных пунктов, занятие коих начальниками союзных эскадр было бы сочтено необходимым для безопасности их эскадр и для поддержания порядка в Константинополе.

В случае необходимости может быть заключено отдельное перемирие и для других театров военных действий.

Сазонов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „5-е условие лишнее". Царское Село, 18 февраля 1915 г.

XII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 106. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 850.

Делькассе, не успевший еще обсудить предлагаемую в ней программу действий, сказал мне, что, на первый взгляд, выработанные нами пункты эвентуального перемирия с Турциею не вызывают никаких возражений. Но, по его мнению, необходимо предвидеть еще другие случайности: а именно, весьма возможно, что когда союзники подойдут к Константинополю, они уже не найдут там турецкого правительства, и тогда может возникнуть вопрос о совместной оккупации города и его окрестностей. Это, во всяком случае, положит конец существованию европейской Турции. Но этим еще не разрешится дальнейшая судьба азиатских владений Турции. Делькассе думает, что следовало бы заранее сговориться относительно всех этих вопросов. Он высказал мне также сожаление, что до сих пор ему ничего в точности не известно о наших предположениях на счет участия наших морских и сухопутных сил в общих действиях против проливов и Константинополя.

Извольский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „Весьма возможно". Царское Село, 18 февраля 1915 года.

XIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 151. 18 февраля / 3 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Продолжение моей телеграммы № 147 [2]).

Вчера я получил частную записку Грея, в которой он сообщил мне, до какой степени он был огорчен впечатлением, произведенным в России его ответом, и просил меня зайти сегодня. Я нашел его в отчаянии. Я прочел ему 2 отрывка из моей личной телеграммы № 147, а именно отрывок, в котором я Вам объясняю, как все произошло, включая и мой комментарий к последней фразе его ответа. Грей сказал, что я отлично понял его мысль. Затем я прочел ему отрывок о намерениях, которые он имел, давая ответ, о глубоких изменениях в английской политике, об отказе от устарелых принципов, о намерении его получить одобрение палаты и о значении достигнутого в этом направлении результата. Он ответил, что вполне одобряет мое объяснение и что с начала войны он был поражен совершенно ненормальным явлением, чтобы такая огромная империя, как Россия, могла не иметь выхода к морю, кроме Архангельска и Владивостока; такое явление, по его мнению, не может долее продолжаться, и вопрос о проливах должен быть разрешен сообразно нашим политическим и экономическим интересам, а соответствующая точная форма его решения будет найдена в эпоху мира. Я указал ему на новые и непреодолимые требования нашего общественного мнения. Уже вчера в форме доверительного сообщения я указал ему в общих чертах зону, где утверждение России является необходимым. Сегодня я показал ему на карте линии Энос-Мидия и Сакарии и добавил, что нужно будет найти гарантии на юге Мраморного моря. Я сказал ему, что, по моему, иллюзий строить не приходится и что утверждение России, на мой взгляд, означает аннексию. Я сказал ему, что, как мне представляется, английское общественное мнение к этому подготовлено. Он мне ответил, что он не может высказаться сейчас же, но он согласился, что мало осталось англичан, считающих принципиально невозможным отдать России Константинополь. Он не формулировал определенных возражений, но добавил, что прежде, чем высказаться, английское правительство должно ознакомиться с мнением Франции. Даже в этом случае, немедленное возбуждение этого вопроса в палатах заставило бы прежде всего поднять вопрос об экономических условиях. Территориальное приращение России вызвало бы, кроме

[1]) Перев. с фр.

[2]) Телеграмма гр. А. К. Бенкендорфа от 18 февраля/3 марта 1915 г. о неблагоприятном впечатлении, произведенном в России заявлением великобританского статс-секретаря по иностранным делам сэра Эд. Грея в палате общин по поводу соглашения о Константинополе и проливах (беседа посла с сэром Эд. Греем).

того, вопрос о разделе всей Турции, что пробудило бы аппетиты многих держав. Он сказал мне, что Англия не имеет никаких видов на какую-либо часть Малой Азии или Сирии, за исключением некоторых пунктов в районе Персидского залива, и что он против придания огласки мысли о разделе, так как Турция еще не побеждена; поэтому он не может выступить в палате с новой декларацией, определение которой было бы преждевременным. К этому он мне добавил, что на каком бы театре войны ни действовала каждая держава, в момент мира в соображение будет принята только совокупность прав каждого, при чем местонахождение русских интересов не подлежит сомнению. Я ему сказал, что понимаю трудность выступления с новым заявлением в дополнение к уже сделанному, но что более конкретные заверения относительно нашей программы, о которой я ему сообщил доверительно, становятся все более и более желательными. Не делая прямых возражений, он сказал, что не обменялся еще ни словом по этому вопросу с французским правительством и что, без предварительного обсуждения с Францией, это было бы слишком трудно сделать. Так как я нашел его очень довольным военным положением, как в связи с продвижением в Польше, так и по последним известиям из Дарданелл, я воспользовался случаем, чтобы сказать ему, что, на мой взгляд, не приходится терять времени. Этот разговор носил строго доверительный характер. В результате его окрепли мои впечатления, что, если бы и встретились препятствия нашим видам на Константинополь, они скорее исходили бы из Парижа, чем из Лондона, и что именно эта сторона вопроса весьма осложняет положение Грея. Со стороны Англии следовало бы скорее ожидать требований экономических гарантий.

Бенкендорф.

XIV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 113. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Ваши телеграммы №№ 879 и 887 [1]).

Из телеграммы моей № 107 [2]) Вам уже известно о настроении Делькассе по отношению к вопросу о проливах и Константино-

[1]) Телеграммы российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу, от 17 февраля/2 марта 1915 г.; a) о необходимости добиться присоединения к России островов Мраморного моря и остр. Имброса и Тенедоса „для обеспечения свободы международной торговли через проливы“ (№ 879) и b) о „необходимости подготовить общественное мнение Франции и Великобритании к признанию русских прав на проливы и Константинополь“ (№ 887).

[2]) Телеграмма А. П. Извольского от 17 февраля/2 марта 1915 г. за № 107 передает содержание беседы его с французским министром иностранных дел Т. Делькассе по вопросу о Константинополе и проливах.

поле. При таких условиях едва-ли можно ожидать, чтобы здешнее правительство ныне же повлияло на общественное мнение в направлении, вполне согласном с нашими пожеланиями. Разговору моему с Делькассе я придал вполне частный и общий характер и не коснулся в нем конкретных наших требований; мне кажется, что, покуда я не буду уполномочен вполне точно и подробно изложить ему эти требования, а главное, разъяснить, какие именно гарантии мы намерены предоставить международной торговле, дальнейший обмен мыслей с ним был бы лишь опасен, ибо он может преждевременно вызвать обсуждение этого вопроса в здешнем совете министров и переговоры с Лондоном. Я имею основание думать, что слова, сказанные мне Делькассе, являются отголоском его недавнего разговора с английскими министрами и политическими деятелями, и я более, чем когда-либо сожалею, что до поездки в Лондон [1]) он не имел случая видеться с Вами. Несомненно, что узел вопроса находится не здесь, а в Лондоне. Если, как приходится, увы, заключить из Вашей телеграммы, занятие Константинополя и проливов может совершиться без нашего участия, это создаст крайне неблагоприятные условия для разрешения в нашу пользу столь громадной важности вопроса. При такой обстановке мне кажется, что обыкновенные дипломатические пути могут оказаться недостаточными, и я продолжаю думать, что настоящие чрезвычайные обстоятельства настойчиво требуют непосредственных объяснений между Вами, Делькассе и Греем о будущности не только Константинополя и проливов, но и Малоазиатской Турции. Во всяком случае, до получения от Вас точных указаний я воздержусь от дальнейших разговоров с Делькассе о настоящем предмете.

Извольский.

XV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 115. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Сегодня Делькассе по собственному почину заговорил со мною о Константинополе и проливах. Он сказал мне, что им получена от Палеолога телеграмма, из коей он заключает, что у нас произошла существенная перемена во взглядах на разрешение этого вопроса; еще весьма недавно и здесь, и в Лондоне предполагали на основании весьма определенных сообщений из Петрограда, что мы согласны на международное управление Константинополя и на нейтрализацию проливов. Заявление Грея, что Англия, со своей стороны, согласна на разрешение этих вопросов в смысле наших пожеланий, последовало именно в ответ на сказан-

[1]) В январе-феврале 1915 г.

ные сообщения. Ныне следует ожидать серьезных возражений со стороны лондонского кабинета против наших планов. «Вы не можете сомневаться», присовокупил Делькассе, «в моей искренней готовности сделать все, что от меня зависит, чтобы поддержать Ваше историческое стремление обладать Константинополем, по, по моему убеждению, осуществление этого желания будет зависеть, главным образом, от того, будет ли предварительно разрешен вопрос о проливах в смысле полной их свободы». На мой вопрос, что именно он понимает под выражением «полная свобода», Делькассе ответил, что это означает воспрещение кому бы то ни было укреплять проливы и подчинение их международной организации, на подобие дунайской комиссии. [1]) При этом на сей раз он уже не делал принципиальных возражений против обладания нами обоими берегами проливов и как будто допускал возможность подобного обладания, ограничившись лишь замечанием, что утверждение наше на азиатском их берегу зависит от разрешения уже другого вопроса,—а именно вопроса о разделе азиатских владений Турции. (В разговоре) он выразил между прочим мысль, что если мы будем обладать хотя бы одним берегом проливов, а тем более обоими, то, несмотря на воспрещение укреплять самые проливы, мы, конечно, будем иметь фактическую возможность с помощью наших войск и флота в любую минуту закрыть проливы; против этого не может быть сделано никаких принципиальных возражений. В заключение Делькассе высказал мне еще раз живейшее желание лично обсудить с Вами все эти вопросы и сожалел, что парламентская сессия не позволяет ему съездить в Петроград. Весьма вероятно, что он возобновит Вам через Палеолога предложение съехаться в Париже с ним и Греем.

Извольский.

XVI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 937. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 879 [2]).

Сегодня мною составлена совместно с французским и великобританским послами памятная записка следующего содержания: [3])

---

[1]) „Европейская дунайская комиссия“, учрежденная в силу ст. ст. 15—19 Парижского трактата 1856 г., для наблюдения за судоходством по Дунаю. Особые права и привилегии ее определяются трактатами: парижским 1856 г., лондонским 1871 г., берлинским 1878 г. и лондонским 1883 г., а также дополнительными актами 1865 г. и 1881 г. Представляя собою постоянное международное учреждение с собственной юрисдикцией и собственным бюджетом, „Европейская дунайская комиссия“ имеет задачей обеспечить свободу торговли по Дунаю. Местопребывание комиссии г. Галац. Реорганизована договором в Нельи 27 ноября 1919 г.

[2]) См. прим. 1 на стр. 116.

[3]) Текст памятной записки в подлиннике на французском языке.

Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России.

Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи.

Равным образом и в виду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи.

Специальные интересы Франции и Великобритании в вышеупомянутом районе будут тщательно соблюдаться.

Императорское правительство льстит себя надеждой, что вышеприведенные соображения будут приняты сочувственно обоими союзными правительствами. Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам. [1])

Сазонов.

XVII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

Посол его королевского величества получил инструкции заявить г. Сазонову, что только исходя из соображений пользы общего дела, правительство его величества предприняло операции в Дарданеллах. Великобритания не извлечет из них для себя никакой прямой выгоды: она сама не намерена там обосноваться. Правительство его королевского величества рискует своими солдатами, своими матросами, своими судами, стремясь Турцию сделать бесполезной, в качестве союзницы для Германии, сокрушить ее наступательную силу против России и Великобритании (великий князь верховный главнокомандующий подчеркнул сам важность этой задачи в интересах русских военных операций), а также и для того, чтобы побудить нейтральные балканские государства к сотрудничеству с союзными державами.

Поскольку это касается будущности проливов и Константинополя, сэр Эдуард Грей подтвердил сказанное г. Сазоновым в

---

1) В деле имеется тождественная записка, представленная „на высочайшее утверждение“ 19 февраля/4 марта 1915 г., с пометкой Николая II (черта и две точки) и резолюцией: „Вполне одобряю“. Царское Село 19 февраля 1915 г.

2) Перев. с англ.

государственной думе[1]). И хотя, в соответствии с конвенцией от 5 сентября [2]), всякое окончательное и формальное соглашение должно быть подвергнуто обсуждению с Францией и, вероятно, не может быть заключено ранее окончательных мирных условий, сэр Эдуар Грей не сделал никаких возражений против того, что было сказано по этому поводу г. Сазоновым сэру Джорджу Бьюкенену.

Помощь, и особенно военная помощь Греции, на Галлиполийском полуострове может представиться важный и существенно необходимой для полного успеха операций, и при данных условиях было бы неразумно и невозможно затруднять их, отклонив эту помощь, если бы она была предложена.

Императорское правительство должно принять во внимание, что неудача дарданелльской операции повлекла бы за собой очень тяжелые последствия.

Правительство его королевского величества никогда не рассматривало вопрос об аннексии в пользу Греции какой-либо части проливов. Смирна—как раз та часть турецкой территории, которая рассматривалась, как компенсация Греции. Правительство его королевского величества охотно допускает, что Греция не должна иметь точки опоры на проливах, что противоречило бы русским интересам. Правительство его королевского величества согласно с русским и французским правительствами по этому вопросу, хотя интересы правительства его величества в настоящее время в Малой Азии ограничиваются вопросом о Смирна—Айдинской жел. дороге. В целях побудить Грецию присоединиться к союзникам, правительство его королевского величества готово поступиться каким-либо из своих притязаний.

Посол его королевского величества должен повторно указать, что операции, предпринятые ныне в Дарданеллах, преследуют общую цель самым бескорыстным образом по отношению к притязаниям России в этом районе и с полным сознанием, что непосредственные их результаты будут выгодны не для нас, а для России.

Поэтому в настоящих условиях королевское правительство не должно быть лишено помощи в той части операций, где последняя могла бы быть полезной. Само собой разумеется, что всякая помощь, которая могла бы быть дана, не должна зависеть от какого либо условия или устанавливать какие-либо притязания, за исключением тех, на которые могли бы согласиться три союзных правительства.

Из предшествующих сообщений вполне ясно, что королевское правительство с первой же минуты жаждало деятельного участия русских судов и войск для доведения этих операций до успешного конца.

6 марта 1915 г.

---

[1]) Имеется в виду заявление С. Д. Сазонова в государственной думе от 27 января/9 февраля 1915 г. о целях войны.

[2]) Так называемое Лондонское соглашение между Россией, Францией и Великобританией от 23 августа/5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира.

XVIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 994. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ваша телеграмма № 80 [1]) получена.

Осведомившись из весьма секретного источника, что греческое правительство занято выработкою проекта будущего международного устройства Константинополя на началах, применявшихся на Крите, вполне разделяю Ваш взгляд на необходимость безотлагательного предупреждения Афинского кабинета. Императорское правительство не может допустить, чтобы судьба Константинополя и проливов была решена иначе, как в полном соответствии с жизненными стремлениями русского народа. За свое участие в войне против Турции Греция будет широко вознаграждена в Малой Азии, но отнюдь не в области, безраздельное господство над которой необходимо для обеспечения нашего права на выход к свободному морю. Прошу Вас воспользоваться первым удобным случаем, чтобы откровенно объясниться с министром президентом в таком смысле, независимо от шагов, которые Вы предпримете совместно с Вашими французским и великобританским сотоварищами. Считаю однако неудобным ссылаться при этом на опасность, которая могла бы угрожать Сербии от Болгарии, что могло бы быть истолковано, как возбуждение греков против болгар. Последнее же, как Вам известно, шло бы в разрез с нашей политикой, направленною к примирению всех балканских народов.

Сазонов.

XIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 159. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 887 и телеграмму из Парижа № 113 [3]).

Лично.— Не использовал Вашу телеграмму за № 887, в виду отсутствия прямого влияния правительства на прессу, особенно консервативную. Никакого неприязненного проявления чувств не

[1]) Телеграмма Э. П. Демидова от 18 февраля/3 марта 1915 г. о настроении в Афинах, в связи с успехами союзного флота у Дарданелл.

[2]) Перев. с фр.

[3]) См. стр. 116.

произошло до сих пор, несмотря на благоприятные статьи, появившиеся за последние дни в «XIX Century» и многих распространенных газетах. Вопрос принципиально получил благоприятную оценку, но может оказаться различие в степени ее и по некоторым специальным вопросам. Вопрос о свободе торговли в проливах легко может быть поднят [1]).

Сомневаюсь, чтобы идея Делькассе об учреждении органа, на подобие дунайской комиссии, была встречена здесь благосклонно. Иначе обстоит дело с территориальной нейтрализацией, полной или частичной, хотя бы для Галлиполийского полуострова. Отсутствие гарантий встретит серьезную оппозицию. Я считаю их неизбежными и полагаю предпочтительным опередить события—первое впечатление облегчит все остальное. Я полагаю, что нам не следует более медлить высказываться относительно Армении в смысле автономии. Это важно. Я думаю, что существует антитеза между английской и французской точкой зрения, на будущую судьбу азиатских владений Турции в бассейне Средиземного моря. Грей сказал мне, что Англия не стремится захватить здесь ничего и что он свободен от всякого обязательства по этому поводу, за исключением мусульманских святых мест, Мекки и остальных, которые, по его словам, должны остаться в чисто мусульманских руках. Я даже не думаю, чтобы Англия хотела изменить существующий режим на Суэзском канале, где она уже имеет достаточное преобладание, но мне ясно, что Грей опасается обсуждения вопроса о разделе турецких владений в Азии из-за Франции и Италии, тогда как Делькассе выдвигает его на первый план. Я не знаю, что произошло за последние дни, но до этого времени, по моим сведениям, эти вопросы не обсуждались между Парижем и Лондоном. Камбон особенно настаивает на французских интересах в Малой Азии и Сирии.

Бенкендорф.

XX.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

№ 29.

По распоряжению своего правительства и ссылаясь на требования, формулированные императорским правительством в памятной записке от 4 марта 1915 г. [3]), французский посол имеет честь заявить его превосходительству г. Сазонову, что императорское правительство может всецело рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в деле разрешения вопроса о Константинополе и проливах, сообразно с пожеланиями

---

[1]) В подлиннике: „Liberté commerce détroits serait aisément relevée".
[2]) Перев. с фр.
[3]) Текст памятной записки от 19 февраля/4 марта 1915 г. см. стр. 118—119.

России. Этот вопрос, а также вопросы, которые интересуют Францию и Англию на Востоке и в других местах, и которые императорское правительство, со своей стороны, соглашается разрешить сообразно с пожеланиями Франции и Англии, найдут свое окончательное разрешение в мирном договоре, который, согласно заявлениям 4 сентября 1914 г. [1]), должен быть обсужден сообща и подписан одновременно всеми 3 союзными державами.

8 марта 1915 г.

XXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 170. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Продолжение моего № 167 [3]).

Я запросил Грея в присутствии Камбона, знаком ли он с 4-мя условиями, которые Вы предложили для привлечения Греции к сотрудничеству против Турции [4]). Грей ответил мне, что он с ними знаком, что после падения Венизелоса инициатива Греции пришла к концу и что дело отложено. Не входя в обсуждение условий, Грей нам сказал, что он превосходно знает, как трудно для России судить о своевременности активного выступления новых союзников, прежде чем императорское правительство не обеспечит себя соглашением с Францией и Англией по вопросу о Константинополе и проливах; по его мнению, по заключении соглашения вопрос о новых союзниках упростился бы. Грей нам сказал, что кабинет уже занимался рассмотрением нашего проекта и что есть надежда, что точка зрения Англии будет установлена на заседании кабинета завтра или в четверг; он не желает высказаться до этого времени, но надеется дать ответ в конце этой недели. Грей обратил наше внимание на последнюю фразу Вашей записки, где идет речь об английских и

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 120. В подлиннике, очевидно, ошибка в дате: так называемая Лондонская конвенция о незаключении сепаратного мира была подписана не 4, а 5 сентября 1914 г. (н. ст.)

[2]) Перев. с фр.

[3]) Телеграмма от 25 февраля/7 марта о беседе великобританского статс-секретаря по иностранным делам сэра Эд. Грея с французским послом в Лондоне П. Камбоном и гр. А. К. Бенкендорфом относительно условий вступления Италии в войну, сообщенных Эд. Грею итальянским послом в Лондоне марк. Г. Империали.

[4]) Условия, на которых российское правительство соглашалось допустить Грецию к участию в действиях союзных сил в проливах: a) греческое правительство добровольно предложит свое содействие, b) взамен своего сотрудничества Греция не получит территориальных компенсаций ни в южной Фракии, ни вблизи проливов, c) действия Греции ограничатся местностями, указанными начальниками союзных сил и d) греческая армия ни при каких обстоятельствах не должна вступать в Константинополь. (Тел. С. Д. Сазонова послам в Лондоне и Париже от 22 февраля/7 марта 1915 г. № 990).

французских интересах в Азиатской Турции [1]). Он мне указал, что у России уже есть готовый проект, формулирующий ее интересы, тогда как, по крайней мере в самой Англии, вопрос об английских интересах еще не изучался, и что ему трудно окончательно высказаться относительно наших требований, прежде чем он узнает, какой прием будет оказан стремлениям, которые Англия могла бы формулировать. Он нам сказал, что этот пункт создает для него наибольшее затруднение, но повторил, что в конце недели он надеется дать ответ. Камбон нам заявил, что он все еще ничего не получил из Парижа по этому вопросу. Он спросил Грея, телеграфировал ли он Берти. Он ответил, что он поручил послу запросить мнение французского правительства. Камбон спросил, не высказал ли он какого-либо мнения. Грей ответил, что не входил ни в какие объяснения, ограничиваясь возбуждением вопроса. В виду присутствия Камбона, я не хотел переводить полностью Вашу телеграмму № 993 [2]). Тем не менее я вновь набросал Вашу программу, и я основывал необходимость для нас обеспечить себе оба берега проливов и возможность их укреплять на доводах, высказанных в Вашей вышеупомянутой телеграмме. Я заключил словами, что положение иное, чем в Суэзе. Грей, уклоняясь от официального ответа, заявил нам, что он прекрасно знает, что Россия нуждается в полной свободе проливов, навсегда обеспеченной, и что для того, чтобы эта свобода была гарантирована, необходим фактический контроль, который не могло бы обеспечить нам владение одним берегом. Грей присовокупил, что, как он полагает, кабинет должен быть того же мнения.

Бенкендорф.

XXII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

В случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах, как то указано в нижеупоминаемом русском сообщении, правительство его величества согласится на изложенное в памятной записке императорского правительства относительно Константинополя и проливов, текст коей был сообщен послу его величества его высокопревосходительством г. Сазоновым 19 февраля / 4 марта сего года [4]).

12 марта 1915 г.

---

[1]) Памятная записка от 19 февраля/4 марта 1915 г. см. стр. 118—119.

[2]) Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу, от 22 февраля/7 марта 1915 г. № 993: российское правительство настаивает на присоединении к России азиатского берега Босфора и заявляет, что не может отказаться от права укреплять проливы. Вместе с тем оно выражает готовность предоставить Франции и Великобритании полное обеспечение свободы плавания через проливы.

[3]) Перевод с английского языка, сделанный в министерстве иностранных дел.

[4]) См. стр. 118—119.

XXIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Посол его величества получил инструкцию сделать следующие замечания касательно памятной записки, которую великобританское посольство имело честь препроводить императорскому правительству 27 февраля / 12 марта 1915 года:

Требование, высказанное императорским правительством в памятной записке от 19 февраля / 4 марта 1915 года, значительно превосходит пожелания, предусматривавшиеся г. Сазоновым несколько недель тому назад. Прежде, чем правительство его величества успело выяснить, каковы будут при заключении окончательного мира его собственные пожелания в иных местах, Россия просит определенного обещания, что ее желания будут удовлетворены по отношению того, что собственно является наиболее ценным приобретением всей войны. Вследствие сего сэр Эдуард Грей надеется, что г. Сазонов отдает себе отчет в том, что правительство его величества не имеет возможности дать большего доказательства дружбы, нежели то, которое дается содержанием вышеупомянутой памятной записки. Этот документ свидетельствует о полном перевороте традиционной политики правительства его величества и находится в прямом противоречии взглядам и чувствам, в свое время всецело господствовавшим в Англии и пока еще отнюдь не исчезнувшим. Сэр Эдуард Грей надеется поэтому, что императорское правительство признает, что недавние общие заверения, данные г. Сазонову, выполнены самым лойяльным и полным образом. Ныне, представляя свою памятную записку, правительство его величества верит и надеется, что прочная дружба между Россией и Великобританией будет обеспечена, как только будет достигнуто предположенное соглашение.

Из великобританской памятной записки следует, что пожелания правительства его величества, какое бы они ни имели значение для английских интересов в других частях света, не будут содержать в себе ни одного условия, которое могло бы затронуть русское господство над территориями, описанными в русской памятной записке от 19 февраля / 4 марта 1915 года.

В виду того обстоятельства, что Константинополь всегда останется торговым складом для юго-восточной Европы и Малой Азии, правительство его величества будет просить, чтобы Россия, когда она войдет в обладание им, установила бы свободный порт для транзита товаров, обмениваемых между нерусскими территориями. Правительство его величества будет также просить о том, чтобы была установлена свобода обращения для торговых судов, проходящих через проливы, как было уже обещано г. Сазоновым.

---

[1]) Перевод с английского языка, сделанный в министерстве иностранных дел.

В настоящее время стало совершенно ясным, что—независимо от того значения, которое могут иметь для общего дела союзников предпринятые правительством его величества операции в Дарданеллах—операции эти, как бы успешны они ни были, не могут принести какую-бы то ни было выгоду правительству его величества при заключении мира. Россия одна, если война будет успешна, получит непосредственные плоды этих операций. Россия не должна была-бы поэтому, по мнению правительства его величества, ставить теперь препятствия на пути всякой державы, которая может на разумных условиях предложить союзникам свою помощь. Единственная держава, которая могла бы принять участие в операциях в проливах,—Греция. Адмирал Карден просил адмиралтейство прислать ему еще истребителей, но таковых свободных не имеется. Помощь греческой флотилии, если бы ею возможно было заручиться, была бы, следовательно, чрезвычайно ценной для правительства его величества.

Одной из главных целей, которые имело в виду правительство его величества, когда им были предприняты операции в Дарданеллах, было побудить нейтральные государства присоединиться к союзникам. Правительство его величества надеется, что Россия употребит все усилия, чтобы рассеять опасения Болгарии и Румынии касательно того, будто обладание Россией проливами и Константинополем невыгодно для них. Правительство его величества надеется также, что Россия сделает все, что в ее власти, чтобы придать сотрудничеству этих государств заманчивый для них характер.

Сэр Эдуард Грей отмечает, что будет, очевидно, необходимо принять во внимание весь вопрос о будущих интересах Франции и Англии в том, что теперь является Азиатской Турцией: формулируя пожелания правительства его величества касательно Оттоманской империи, он должен сговориться с французским правительством, также как и с русским. Как только, однако, станет известно, что Россия получит Константинополь при окончании войны, сэр Эдуард Грей хотел бы заявить, что в течение всех переговоров правительство его величества настаивало, чтобы мусульманские священные места и Аравия остались при всех обстоятельствах под независимым мусульманским владычеством.

Сэр Эдуард Грей не в состоянии пока сделать определенного предложения по какому бы то ни было пункту английских пожеланий; но одним из пунктов последних будет пересмотр касающейся Персии части англо-русского соглашения 1907 года[1]), в смысле признания нынешней нейтральной сферы, как сферы английской.

[1]) Англо-русское соглашение 1907 г. о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете (см. в прилож. к Фр. Листу: „Международное право в систематическом изложении“, под ред. проф. В. Э. Грабаря, Юрьев, 1909 г., стр. XXIV, со ссылкой на Собрание Узаконений 1907 г. № 142, стр. 1117, и в № 4 „Сборника секретных документов из архива б. министерства иностранных дел“, изд. Наркоминдела, 1917 г., стр. 157—165).

До тех пор, пока союзники не будут в состоянии дать балканским государствам, и в особенности Болгарии и Румынии, удовлетворительное заверение относительно их общего положения в отношении территорий, соприкасающихся с их границами и к обладанию которых они заведомо стремятся, и до того времени, когда будет достигнуто более определенное соглашение касательно французских и английских пожеланий для окончательных мирных условий, сэр Эдуард Грей также отмечает, что весьма желательно, чтобы соглашение, к которому теперь пришли русское, французское и великобританское правительства, оставалось бы тайным.

12 марта 1915 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

XXIV.

Помощник начальника канцелярии российского министра иностранных дел Н. А. Базили директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма. [1])

№ 1151 1/14 марта 1915 г.

Для министра [2]).—Телеграмма французского посла министру: „Я был бы признателен вашему превосходительству, если бы Вы соблаговолили довести до сведения его императорского величества, что правительство республики, обсудив мирные условия, которые следовало бы предписать Турции, желает аннексировать Сирию, включая область Александреттского залива, и Киликию до хребта Тавра. Я был бы счастлив незамедлительно заверить мое правительство в согласии его императорского величества на это пожелание. Палеолог.—“

Базили.

XXV.

Помощник начальника канцелярии российского министра иностранных дел Н. А. Базили директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1153 1/14 марта 1915 г.

Для министра.—Французский посол просит передать вашему высокопревосходительству, что в виду исключительности вопроса, изложенного в телеграмме № 1151, он полагал бы жела-

[1]) перев. с фр.

[2]) 1/14 марта российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов был вызван для всеподданнейшего доклада в ставку, где пробыл до 3/16 марта.

тельным лично представить его императорскому величеству соображения по сему предмету и получить ответ на него для сообщения своему правительству непосредственно от государя императора. При этом г. Палеолог оговаривается, что не считает возможным официально просить о высочайшем приеме в виду нахождения его величества в путешествии, а лишь высказывает о сем пожелание. Если признано было бы возможным, посол мог бы отбыть в ставку завтра вечером с тем, чтобы выехать обратно в Петроград на следующий день.

Базили.

XXVI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов товарищу министра А. А. Нератову.

Телеграмма. [1])

Ставка, 2/15 марта 1915 г.

Прошу срочно передать французскому послу, что государю императору благоугодно будет его принять завтра вторник на ставке. Посол должен выехать сегодня вечером 8 часов. Распоряжения на счет вагона отданы начальником штаба.

Сазонов.

XXVII.

Помощник начальника канцелярии российского министра иностранных дел Н. А. Базили директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма. [1])

2/15 марта 1915 г.

Прошу передать министру: По поводу французского сообщения А. А. Нератов высказывает следующие соображения: по его мнению, надлежало бы указать французам, что армяне, по нашим сведениям, мечтают о Мерсине с областью, населенной армянами, и что включение этих местностей в зону французских притязаний может вызвать среди армян разочарование по отношению к Франции. При том надлежало бы объяснить французам, что мы обращаем на это их внимание, дабы они не могли упрекнуть нас в том, что мы не осведомили их своевременно об армянских вожделениях. В заключение А. А. Нератов полагал бы, однако, необходимым заявить французам, что если Франция признает для себя присоединение Мерсины важным и необходимым, то мы, конечно, не будем этому препятствовать.

Базили.

---

[1]) В подлиннике № отсутствует.

XXVIII.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 1156. 2/15 марта 1915 г. (3 ч. дня).

Французский посол сказал мне, что, по его впечатлению, в понятие „Сирия“ входит и „Палестина“. Я счел полезным ему отметить, что в Иерусалиме самостоятельный губернатор.

Нератов.

XXIX.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 119 [1]. Ставка, 3/16 марта 1915 г.

Французский посол, приехав на ставку, сообщил мне содержание телеграммы Делькассе, в которой испрашивается согласие России на приобретение Францией Сирии и Киликии. При этом Палеолог объяснил, что, по его мнению, французское правительство словом „Сирия“ обнимает также и Палестину. Так как, однако, в означенной телеграмме Палестина не упомянута, было бы желательно выяснить, действительно-ли соответствует видам французского правительства распространительное толкование посла. Этот вопрос представляется существенным, ибо если императорское правительство готово широко удовлетворить желание Франции в отношении собственно Сирии и Киликии, то относительно Святых Мест необходимо будет подвергнуть вопрос более внимательному обсуждению.

Сазонов.

XXX.

Формулы, предложенные французским послом в Петрограде М. Палеологом относительно Святых Мест. [2])

Ставка верховного главнокомандующего, 3/16 марта 1915 г.

„Что касается Святых Мест, то русское и французское правительства, ссылаясь на ст. 62 Берлинского трактата [3]), согла-

[1]) Номер по исходящим телеграммам дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Имеются в виду след. положения ст. 62: . . . . . „Духовные лица, паломники и иноки всех наций, путешествующие в европейской и азиатской Турции, будут пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегиями. Право официального покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами держав в Турции как по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и др. в Св. Местах и в др. местностях. Права, предоставленные Франции, строго сохраняются за нею и, само собой разумеется, status quo в отношении Св. Мест не может подвергнуться никакому нарушению.“

шаются ни в чем не нарушать существующего режима",
или:

„Что касается Святых Мест, то между русским и французским правительствами будет заключено соглашение на основе существующего режима (ст. 62 Берлинского трактата).

XXXI.

Росссийский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 140. 4/17 марта 1915 г.

Ваша телеграмма № 119 получена.

Переговорил по ее содержанию с Делькассе, который очень доволен Вашим ответом относительно Сирии и Киликии. Что касается Палестины, то он будет, может быть, настаивать на обладании теми или иными входящими в ее состав местностями, но он вполне согласен с Вами, что вопрос о Святых Местах требует особого и более внимательного обсуждения.

Извольский.

XXXII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Правительство его величества считает существенным, с момента ожидающегося исчезновения турок из Константинополя, образование в каком-либо другом месте независимой мусульманской власти в качестве политического центра ислама. Существование такой власти, которая должна быть вполне мусульманской, хотя и не обязательно турецкой, настоятельно требуется и [мусульманские] священные места должны естественно быть центром. Такое мусульманское государство, вероятно, включит Аравию; равным образом необходимо решить вопрос, должна ли в состав его войти какая-либо другая территория Малой Азии и, если да, то какая именно.

Правительство его величества считает преждевременным обсуждать вопрос о возможном разделе между державами Месопотамии, Сирии и Палестины или соседних областей, пока вопрос об указанном мусульманском государстве не будет разрешен.

20 марта 1915 года.

---

[1]) Перев. с англ.

XXXIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма [1]).

№ 1265. 7/20 марта 1915 г.

Ссылаюсь на меморандум здешнего великобританского посольства 12 марта [2]). Благоволите высказать Грею глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о проливах и Константинополе согласно желаниям России. Императорское правительство вполне оценивает чувства великобританского правительства и уверено, что искреннее признание обоюдных интересов обеспечит навсегда прочную дружбу между Россией и Великобританией. Дав уже обещание касательно условий торговли в проливах и Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, не следующих из России, ни идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через проливы коммерческих судов.

Дабы облегчить предпринятый союзниками прорыв через Дарданеллы, императорское правительство готово способствовать привлечению к этому делу, на разумных началах, тех из государств, содействие коих представляется полезным Великобритании и Франции.

Императорское правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством. Желательно выяснить теперь же, имеется ли в виду оставить местности эти под властью Турции, с сохранением за султаном турецким звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства, так как лишь в связи с тем или другим положением императорское правительство в состоянии будет формулировать свои пожелания. Со своей стороны, императорское правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При этом оно считает однако справедливым выговорить, чтобы районы городов Исфагани и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное целое, были закреплены за Россиею, в виду создавшихся там русских интересов.

Нейтральная зона ныне врезывается клином между русской и английской границей и подходит к самой русской границе у Зульфагара. Поэтому придется часть этого клина присоединить к русской сфере влияния.

---

[1]) 9/22 марта аналогичного содержания памятная записка была вручена великобританскому и французскому послам в Петрограде.

[2]) Текст меморандума, см. стр. 124—125.

Существенную важность представляет для императорского правительства вопрос о железнодорожном строительстве в нейтральной зоне, каковой потребует дальнейшего дружественного обсуждения.

Императорское правительство рассчитывает впредь на признание за ним полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния, с предоставлением ему, в частности, права преимущественного развития в этой сфере его финансовых и экономических начинаний.

Наконец, императорское правительство считает желательным одновременное разрешение и вопросов в сопредельном с Россией северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий в предшествовавших в минувшем году переговорах [1]).

Сазонов.

XXXIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 205. 12/25 марта 1915 г.

Так как я еще не выхожу, Камбон, повидав Грея, зашел сообщить мне содержание разговора, имевшего сегодня место между Греем и Империали. Грей весьма настаивал на Далматинском вопросе, указывая, главным образом, на необходимость для Сербии широкого выхода к морю и на обязательства, принятые на этот счет [3]). Империали ответил, что, начиная от Венеции и кончая Бриндизи, итальянское побережье совершенно лишено естественной защиты, тогда как противолежащие ему побережья и острова представляют весьма благоприятные морские базы. Грей не оспаривал вполне эту точку зрения и заявил,

---

[1]) Весной 1914 г., во время происходивших в Петербурге англо-русских переговоров, российским министерством иностранных дел были высказаны следующие пожелания: a) признание афганским эмиром англо-русского соглашения 1907 г.; b) обязательство со стороны великобританского правительства не допускать никаких иностранных предприятий или концессий в северном Афганистане; c) содействие к осуществлению необходимых для России ирригационных работ в пограничных областях Афганистана; d) обязательство не допускать монопольных прав по торговле и промышленности в пользу английских компаний; e) обязательство не допускать железнодорожного строительства в северном Афганистане без предварительного соглашения с Россией. Взамен этого российское правительство выражало готовность признать специальные права Великобритании в Тибете. (Дело архива б. министерства иностранных дел „Русско-афганские отношения. Переговоры с Англией о Тибете и Афганистане").

[2]) Перев. с фр.

[3]) В марте 1915 г. между державами Согласия и итальянским правительством начались окончательные переговоры о вступлении Италии в войну. В связи с этим возник вопрос о будущей судьбе Далматинского побережья, южную часть которого до Спалато державы ранее согласны были предоставить Сербии в числе других компенсаций. (Входящие и исходящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за март 1915 г.).

что, на его взгляд, если бы сербо-далматинское побережье доходило до Спалато, то острова, противолежащие этому побережью, могли бы быть уступлены Италии. Что касается Азии, то Грей заметил, что вопросы, сюда относящиеся, еще не были рассмотрены державами Согласия и что, поэтому, он не может обсуждать их в настоящее время. Впрочем, мне известно, что Грей придерживается того взгляда, что следовало бы сохранить в Азии остающуюся часть Турецкой империи, допустив сферы влияния с финансовым контролем. Я также думаю, что великобританское правительство сильно желает не вмешиваться в вопрос о халифате, решение которого должно быть предоставлено мусульманам, так как всякое вмешательство влечет за собою ответственность и трения, которых оно хотело бы избежать.

Бенкендорф.

XXXV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 1531. 22 марта/4 апреля 1915 г. (11 ч. 15 м. веч.).

Сообщается в Париж и Лондон.

Великобританское правительство придает большое значение помощи греческого флота в прорыве через Дарданеллы. Считая необходимым итти навстречу желанию нашего союзника, прошу Вас, по получении тождественных указаний Вашими сотоварищами, сослаться на сделанные Вам королем и председателем совета министров заявления о продолжении новым кабинетом внешней политики предшествовавшего ему и сообщить Гунарису, что союзники, со своей стороны, попрежнему готовы предоставить Греции, за ее участие в войне с Турцией, земельные приращения в Айдинском вилайете. Вы могли бы, однако, в осторожной форме дать понять Гунарису, что указанные земли будут даны Греции только при условии немедленного ее присоединения к державам Тройственного Согласия. В противном случае они будут считать себя свободными от всяких обязательств по отношению к Греции.

Сазонов.

XXXVI.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову. [1])

В виду решения, принятого тремя державами, о желательности совместного выступления в Афинах, представителю его британского величества в этой столице было предписано, в слу-

---

[1]) Перев. с англ.

чае получения его русским и французским коллегами аналогичных инструкций, сделать тождественное сообщение, следующего содержания:

«Три союзных державы с удовлетворением приняли к сведению заявление, сделанное им новым греческим правительством, что оно будет продолжать внешнюю политику своих предшественников. Со своей стороны, союзные державы готовы, как и до этого времени, обеспечить Греции территориальные приобретения, ей уже обещанные в Айдинском вилайете, взамен ее соучастия в войне против Турции. Сэр Ф. Эллиот должен прибавить, в форме, которая ему покажется наиболее подходящей, что предложение это сохраняет свою силу, только в случае немедленного участия Греции; в противном случае державы будут считать себя свободными от какого бы то ни было обязательства по отношению к Греции».

8 апреля 1915 г.

XXXVII.

Вербальная нота французского посольства в Петрограде на имя российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова. [1])

№ 120.

Правительство республики даст свое согласие на памятную записку, переданную его превосходительством российским послом в Париже г-ну Делькассе 6 марта с/г. [2]), касающуюся Константинополя и проливов, при условии, что война будет доведена до победного конца, и в случае осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке [3]).

10 апреля 1915 г.

XXXVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [4]).

№ 248. 1/14 апреля 1915 г.

Копия—Париж.

Сообщая мне, что выступление в Афинах состоялось вчера и что председатель греческого совета министров попросил некоторого времени для размышления, Никольсон сказал мне, что

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) 21 февраля/6 марта 1915 г. французскому министру иностранных дел Т. Делькассе был передан текст русской памятной записки от 19 февраля/4 марта 1915 г. (телеграмма российского посла в Париже А. П. Извольского от 21 февраля/6 марта 1915 г. № 121).

[3]) Текст памятной записки от 19 февраля/4 марта 1915 г. см. стр. 118—119.

[4]) Перев. с фр.

Гунарис спросил Эллиота, какие компенсации в Малой Азии будут предоставлены Греции. Английский посланник ответил, что у него нет инструкции, но что, по его личному мнению, дело идет о Смирне и о хинтерланде, границы которого подлежат еще выяснению. На вопрос председателя совета, не были ли даны более широкие обещания Венизелосу, Эллиот ответил, что об этом у него нет сведений. Никольсон сказал мне, что, действительно, Венизелос нащупывал конфиденциальным образом почву в Лондоне о крайне широких уступках в Малой Азии. Никакого ответа не было дано на это предложение и не могло быть дано до выяснения вопроса о зонах влияния и до установления доли, которую могла бы потребовать Италия.

Бенкендорф.

XXXIX.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1721. 4/17 апреля 1915 г.

Армянский деятель, русско-подданный, доктор медицины Завриев, известный министерству с наилучшей стороны, выехал во Францию и Великобританию с целью расположить правительства и общественное мнение в названных странах в пользу осуществления армянских вожделений. Завриев просит ввести его в политические круги и оказать ему покровительство.

Нератов.

XL.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 318. 4/17 мая 1915 г.

Получил № 1721.

Приехавший сюда доктор Завриев представил мне памятную записку о результатах своих бесед в нашем министерстве иностранных дел. В записке этой сказано, между прочим, что Россия намерена предложить державам создать в пределах Турции автономную Армению, под сюзеренитетом Турции и под протекторатом трех держав: России, Англии и Франции; территория Армении должна будто бы обнимать не только все армянские вилайеты, за исключением некоторых периферических частей, но и Киликию с портом на Средиземное море в Мерсине, исключая весь Але-

ксандреттский залив с Юмурталиком. Далее, в записке значится, что, хотя эта программа одобрена нашим министерством иностранных дел, которое обещало свою помощь ее осуществлению через посредство своих послов в Лондоне и Париже,—во избежание подозрений со стороны Франции и Англии, особенно в вопросе о Киликии, армянские делегаты будут действовать без видимого вмешательства русских послов, которое может происходить лишь в затруднительных случаях, а также когда сами послы нашли бы это возможным. Мне известно, что как доктор Завриев, так и вернувшийся Богос-Нубар-паша уже высказывались в смысле вышеизложенного перед членами здешнего министерства иностранных дел. Не откажите поэтому уведомить меня, действительно ли вышесказанная программа одобрена Вами и в какой мере я должен поддерживать ее здесь. Пункт, касающийся Киликии, кажется мне особенно деликатным, ибо Франция уже заявила нам о своих видах на эту область.

Извольский.

XLI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 2307. 5/18 мая 1915 г.

Ваша телеграмма № 318 получена.

Беседы с армянами носили чисто академический характер. Никакой определенной программы Завриеву указано не было. На его просьбу иметь в виду чаяния армян видеть Киликию включенною в пределы будущей армянской области, ему было отвечено, что мы не можем поддерживать такое пожелание в виду господства в Киликии французских интересов.

Сазонов.

XLII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1].

№ 386. 19 мая/1 июня 1915 г.

Я только что видел лорда Крю в первый раз в министерстве иностранных дел. Крю сказал мне, что накануне он получил от греческого посланника записку, содержащую в дипломатичной форме серьезную жалобу на обещания, данные Болгарии, и протест, который Вы, по его словам, также получили. Он добавил, что, по его мнению, следует дать греческому правительству

[1]) Перев. с фр.

разъяснения, что это представляется ему законным, а также более осторожным. Он полагает, что переданный ему документ предназначен к опубликованию в виду выборов, но что это обстоятельство только осложнило бы положение. Он сказал мне, что посылает по этому поводу телеграмму Бьюкенену для передачи Вам. Я заметил Крю, что в лучшем случае следует ожидать, что Греция потребует точных сведений о предназначаемых ей компенсациях. Крю ответил мне: «Смирна, но никогда хинтерланд не будет доведен до размеров, на которые надеется Венизелос». Он признал, что здесь действительно есть затруднение, над которым придется подумать.

Конфиденциально. Я видел Никольсона после Крю. Он сказал мне, что, по его мнению, уведомление Греции является необходимым и неизбежным, но что дело в выборах и что, может быть, можно было бы дать немедленный ответ, не входя в подробности, которые можно было бы обещать сообщить] тоже после выборов. Он указал мне, что Греция жалуется на то, что Каваллой распорядились помимо ее, но что это не соответствует действительности, так как державы обещали свою дипломатическую поддержку, не исключающую для Греции права выставлять свои доводы и отстаивать свои требования при заключении мира. Никольсон полагает, что можно отрицать факт распоряжения Каваллой помимо Греции, но он прибавил, что это его личное мнение. Я застал Крю и Никольсона сильно озабоченными положением в Греции и, в несколько меньшей степени, также и в Сербии. В конце нашей беседы Крю настаивал на важности активного выступления Румынии, присовокупив, что условия его касаются более всего России.

Бенкендорф.

XLIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 377. 1/14 июня 1915 г.

Пребывающие в Париже доктор Завриев и Нубар-паша держат меня в курсе своих разговоров с французскими правительственными лицами, политическими деятелями и журналистами с целью склонить их к принятию армянских пожеланий, изложенных в известной Вам памятной записке (моя телеграмма № 318), главным образом, по вопросу Киликии. По их словам, хотя в здешнем министерстве иностранных дел продолжают настаивать на необходимости для Франции обладать не только Сирией, но и всею Киликиею до Тавра, многие влиятельные лица, мало-по-малу, под влиянием представленных им аргументов, будто бы, склоняются к мысли об автономной Армении, под тройным протекторатом России, Франции и Англии, со включе-

нием Киликии с городами Адана и Мерсина, но за исключением Александреттского залива с портом Александреттой, отходящим ко Франции. Нубар-паша подал по этому вопросу Делькассе особую памятную записку, в которой, ради охраны самолюбия французов, высказывает мысль, что Франция, получив всю Киликию, могла бы, по собственному почину, уступить вышеизложенную часть армянам. В памятной записке этой предлагается также, между прочим, создание особого автономного Курдистана, под протекторатом одной или всех трех указанных держав. В виду Вашей телеграммы № 2307, я продолжаю тщательно воздерживаться от оказания какой-либо поддержки пожеланиям Завриева и Нубара-паши. На случай, если бы действительно здесь высказалась склонность принять вышеизложенный план, не откажите уведомить меня, в какой мере он встречает сочувствие с нашей стороны.

Извольский.

XLIV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 2850. 3/16 июня 1915 г. ($6^1/_2$ ч. дня).

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 377 получена.

Исключение Киликии с Аданою и Мерсиною из пределов возможной под тройным протекторатом России, Франции и Англии автономной Армении последовало вследствие нашего желания обнаружить предупредительное отношение к видам Франции на эту территорию. Если же армянским делегатам удастся склонить парижский кабинет ко включению Киликии в состав будущей Армянской области, то императорское правительство может только сочувствовать исполнению желания турецких армян, которым оно искони покровительствовало.

Сазонов.

XLV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 462. 2/15 июля 1915 г.

Меня посетил Нубар-паша. Он сказал мне, что ездил в Париж и Лондон, как доверенное лицо католикоса, программа которого признана императорским правительством. Программа эта—

[1]) Перев. с фр.

автономия 6-ти вилайетов с Киликиею, нейтрализованной под протекторатом трех держав. Он сказал мне, что эта программа соответствует экономическим и моральным интересам России, как и благосклонному вниманию [1]) Франции и Англии, так как раздел Турецкой империи в Азии сделался неизбежным. Он сказал мне, что по просьбе Делькассе он обещал представить ему меморандум. Также по просьбе Никольсона он передал ему таковой в незначительно измененной редакции. Он предоставит в мое распоряжение копию. Он думает, что его поездка в Париж не осталась без влияния на французское правительство, так как Франция, до его приезда, добивалась Киликии. Он старался доказать и, как он думает, небезуспешно,—что подобная политика гибельна для интересов Франции и ее будущих отношений с Россией и Англией. Не зная точно взглядов императорского правительства, я ограничился исключительно заверением о значении, которое Россия придает армянскому вопросу, и о живом интересе, который он возбуждает.

Бенкендорф.

XLVI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3476. 7/20 июля 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 2850.

Ваша телеграмма № 462 получена.

Образование автономной Армянской области под сюзеренитетом султана и под тройным протекторатом России, Франции и Англии явилось бы естественным развитием исконного благожелательного отношения не только России, но и ее союзниц к турецким армянам. Окончательного решения на этот счет императорским правительством, однако, еще не принято, и все беседы с армянскими уполномоченными носили чисто академический характер.

Сазонов.

---

[1]) В подлиннике: ...„ce programme serait conforme aux intérêts économiques et moraux de la Russie, ainsi qu'à la bienveillante attention de la France..."

XLVII.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 724. 29 июля/11 августа 1915 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 295 [1]).

1) В записке Соннино не сказано о судьбе территории, прилегающей к Каттаро; предполагается ли присоединение к Черногории и можно ли будет сказать это сербскому правительству? 2) Включена ли нейтрализация побережья, отходящего Сербии, в союзное соглашение? Если нет, то нельзя ли настоять на исключении этого ограничения, имеющего не столько практическое значение, сколько обидный для Сербии характер. Опасаться Сербии, как морской державы, Италия, конечно, не может; вместе с тем трудно отказать Сербии в возможности оборонять свои границы, которые и без того будут крайне несовершенны. Неравенство в этом отношении положений Черногории и предполагаемой Центральной Албании с Сербией ничем не оправдывается. Помимо того, как на это отзовутся сами сербы... наши интересы требуют в видах ограждения самостоятельности Сербии обеспечения обороны ее границ. Для Сербии же ....ический вопрос: для чего бороться с Австрией, если ее место будет занято Италией. 3) Нет ли возможности увеличением компенсаций Италии в Малой Азии склонить ее к уступчивости?

Трубецкой.

XLVIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Сербии кн. Г. Н. Трубецкому.

Телеграмма.

№ 3893. 30 июля/12 августа 1915 г.

Ваша телеграмма № 724 получена.

В связи с намеченными в Малой Азии вознаграждениями греков с одной стороны, союзников с другой,— не остается возможности увеличить площадь уже обещанного Италии в этой

[1]) В телеграмме от 27 июля/9 августа 1915 г. за № 295 российский посол в Риме М. Н. Гирс передает содержание памятной записки итальянского министра иностранных дел бар. С. Соннино, от того же числа, об отношении Италии к будущим территориальным приобретениям Сербии.

области [1]. Образование мусульманского независимого государства в Албании с дипломатическим представительством его Италией было одним из условий присоединения последней к союзникам. Принципиально считаю необходимым полное согласие четырех держав и неосторожным возбуждать вопросы, могущие создать между ними раскол.

Сазонов.

XLIX.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 4904. 20 сентября/3 октября 1915 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

Для Афин и Лондона: срочно. Требует срочного исполнения.
Для Лондона: Прошу принять соответствующие меры и ответить по телеграфу.

По получении Вашими сотоварищами соответственных указаний, благоволите заявить эллинскому правительству, что, в случае возникновения войны между Сербией и Болгарией, мы готовы обеспечить Греции неприкосновенность ее нынешней территории и, сверх того, предоставить ей, по окончании войны и в случае успешного исхода таковой, Смирну с ее хинтерландом, при условии оказания Грецией вооруженного содействия державам Согласия и Сербии.

Сазонов.

L.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский советнику II политического отдела министерства иностранных дел К. Н. Гулькевичу.

Телеграмма.

№ 778. 28 ноября/11 декабря 1915 г.

Лично. Прошу расшифровать лично.

До Завриева дошли сведения о возникших между Джемаль-пашой и турецким правительством трениях, которые подают некоторую надежду на то, что может удалось бы побудить Джемаля на открытое выступление против Константинополя, если

---

[1]) См. ст.ст. 9 и 10 Лондонского соглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г. (прил. № 2).

бы ему было обещано державами Согласия владеть в Азиатской Турции. Завриев спрашивает, насколько вышеизложенное соответствует видам императорского правительства, так как армяне тогда располагают некоторыми способами воздействия на Джемаля.

Поклевский.

LI.

Советник II политического отдела российского министерства иностранных дел К. Н. Гулькевич посланнику в Бухаресте С. А. Поклевскому.

Телеграмма.

№ 6150. 29 ноября/12 декабря 1915 г.

Ваша телеграмма № 778 получена.

Всякий разлад в Турции и, в частности, в правительственной среде может быть нам только на руку. Джемалю могут быть даны самые широкие обещания; согласие союзных держав на таковые будет получено, когда это окажется нужным. До того времени необходимо окружить дело возможно большею тайной.

Гулькевич.

LII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже, Лондоне и Риме: А. П. Извольскому, гр. А. К. Бенкендорфу и М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 6391. 12/25 декабря 1915 г.

Из армянских кругов Константинополя сообщают, будто бы, имеется надежда склонить Джемаля на открытое восстание против константинопольского правительства и германцев, если державы предложат ему следующие условия:

1) Державы ручаются за независимость и неприкосновенность Азиатской Турции, которая должна состоять из автономных, под главенством султана, провинций: Сирии, Палестины, Месопотамии, Аравии, Армении с Киликией и Курдистана;

2) Султаном провозглашается Джемаль-паша с потомственным наследованием от отца к старшему сыну;

3) Джемаль обязуется объявить низложенным константинопольское правительство и султана, как находящихся в плену у германцев, а также выступить походом против них;

4) Во время похода его на Константинополь, державы будут снабжать его оружием, припасами и артиллерией;

5) По окончании войны державы окажут Джемалю финансовую помощь;

6) Джемаль примиряется с потерею проливов и Константинополя;

7) Джемаль обязуется ныне же предпринять меры к спасению армян и к пропитанию их до окончания войны.

Всякие внутренние осложнения могут только ослабить силы Турции и послужить в нашу пользу. В виду этого полагаю, что следовало бы вступить через преданных нам армян в тайные переговоры с Джемалем. Если бы последнему и не удалось изгнать германцев и свергнуть константинопольское правительство, все же было бы полезным вызвать смуту в Оттоманской империи.

Благоволите доверительно объясниться с министром иностранных дел и срочно телеграфировать.

Сазонов.

LIII.

Российский посланник в Бухаресте С. А. Поклевский советнику II политического отдела министерства иностранных дел К. Н. Гулькевичу.

Телеграмма.

№ 815. 12/25 декабря 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 6150.

Завриев думает, что проект относительно Джемаля имел бы больше шансов на успех, если бы он осуществился при посредстве агентов министерства иностранных дел, при чем армяне оказывали бы лишь содействие там, где нужно. Однако, если требуется, то армяне готовы взять на себя начало переговоров и немедленно послать двух доверенных лиц в Египет для восстановления связи с Джемалем, которая у них существовала.— Предвидя затруднения, которые эти лица могут встретить по пути их следования, а также и в Египте, Завриев находит необходимым, чтобы министерство иностранных дел: 1) снабдило обоих лиц нужными проходными листами и гарантиями; 2) дало распоряжение пограничным властям в Унгени и на шведской границе о беспрепятственном пропуске обоих лиц через обе границы; 3) дало указания нашим дипломатическим представителям во Франции и Англии относительно содействия к беспрепятственному проезду помянутых лиц через обе страны и обеспечения скорейшего их проезда морем в Египет; 4) предупредило местные власти в Египте, дабы они не препятствовали работе названных лиц в направлении, в каком они найдут нужным; 5) поручило нашему дипломатическому представителю в Египте оказывать обоим лицам необходимое покровительство, защиту и посильное содействие; 6) разрешило обоим лицам

сноситься с Завриевым по телеграфу при посредстве наших дипломатических представителей в Египте и других странах. На обязанности командируемых лиц будет лежать найти пути для сношений с Джемалем, попытаться заинтересовать его предложением и вызвать на переговоры, при чем, в случае успеха, армяне отстранятся от дела, и ведение самых переговоров должно быть тогда возложено министерством иностранных дел на специальных лиц. Командируемые лица не гарантируют, конечно, что попытки их увенчаются успехом, в особенности в виду могущих произойти в настроении Джемаля перемен под влиянием огромного впечатления, произведенного в Турции успехами германо-болгарской армии и эвакуацией части полуострова Галлиполи англо-французами. Одно из командируемых лиц состоит в русском, а другое в английском подданстве. Прошу указаний.

Поклевский.

LIV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 857. 13/26 декабря 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Получил Вашу телеграмму № 6391.

Соннино сказал мне, что он вполне сочувствует мысли вступить в переговоры с Джемалем на основании перечисленных Вами условий, если имеется какая либо надежда на успех. Последним мы успокоили бы англичан, опасающихся за Египет, и отняли бы у немцев тот запас людей в Малой Азии, на который они, повидимому, расчитывают.

Гирс.

LV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 851. 14/27 декабря 1915 г.

Копия в Лондон и Рим.

Ваша телеграмма № 6391 получена.

Сообщил ее содержание Бриану, который отнесся с большим интересом к мысли о переговорах с Джемалем и не преминет завтра же подвергнуть ее обсуждению совета министров. Покуда он заметил мне, что намеченные Вами условия могут чувствительным образом затронуть интересы Англии.

Извольский.

LVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 854. 16/29 декабря 1915 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 851.

Бриан, с которым я виделся сегодня после заседания совета министров, сказал мне, что он вполне понимает всю важность Вашего плана переговоров с Джемалем, но что в том виде, как он Вами представлен, план этот вызывает со стороны французского правительства серьезные возражения, ибо осуществление намеченных Вами условий предполагает, что Россия сохранила бы за собою Константинополь и проливы, тогда как Франция должна отказаться от земель, обеспеченных ей соглашением с нами, то-есть от Сирии, части Палестины и Киликии. Французское общественное мнение не поймет такого отказа, точно так же, как русское общественное мнение не поняло бы отказа России от Константинополя и проливов. Кроме того, нельзя забывать, что Англия имеет в виду образование независимого арабского халифата и ведет уже переговоры об этом с мекккским шерифом. В заключение Бриан высказал мне сомнение в том, может ли намеченная Вами программа быть (действительно) выполнена Джемалем, обладающим весьма ограниченным числом войск; я ответил (Бриану), что, по моему убеждению, выступая с Вашим предложением, Вы прежде (всего) имели в виду громадную пользу, которую принесет всем союзникам внутренняя смута в Оттоманской империи, что при этом Вы, конечно, были далеки от мысли пренебречь интересами Франции и что при разработке Вашего плана интересы эти, равно как и интересы Англии, могут быть обеспечены путем различных комбинаций. Главное, присовокупил я, (не) упускать представляющегося случая вызвать осложнения, которые сразу положат преграду осуществлению восточных планов Германии. Бриан с этою последнею мыслью согласился и сказал мне, что он готов приступить к предлагаемым Вами переговорам с Джемалем, лишь бы при этом были вполне определенно оговорены права Франции на части Азиатской Турции, обладание коими обеспечено ей соглашением с нами.

Извольский.

LVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 855. 16/29 декабря 1915 г.

Копия в Лондон.

Продолжение моей телеграммы № 854.

Личная.—Не (могу) скрыть от Вас, что в ответе Бриана слышалось, если не раздражение, то все же некоторое неудо-

вольствие. Вам известно, что соглашение о Константинополе и проливах в здешних парламентских кругах не особенно популярно, и оно послужило поводом к нареканиям на Делькассе и что некоторые члены (правительства) ему открыто не сочувствуют. По существу соглашение это, конечно, никем не оспаривается, и (мы) можем вполне расчитывать на добросовестное его выполнение Францией, но, со своей стороны, мы должны избежать всего, что могло бы подать повод к сомнениям в нашей готовности предоставить Франции выговоренные ею компенсации. Здесь не могут не понять всей важности вызвать смуту в Оттоманской империи, но, если мы хотим добиться согласия французского правительства на переговоры с Джемалем, необходимо изыскать какую-нибудь формулу или комбинацию, которая обеспечила бы Франции права, признанные за нею соглашением о Константинополе.

Извольский.

LVIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 6459. 17/30 декабря 1915 г.

В Париж срочно.

Сообщается в Лондон.

Ваши телеграммы №№ 854 и 855 получены.

Усматривая в переговорах с Джемалем средство к созданию смуты в Турции и крушению похода на Египет, я счел нужным представить дословно армянский план на обсуждение союзников, не входя в оценку его подробностей и не поддерживая пожеланий Джемаля. К обсуждению таковых я предполагал перейти только после принятия самой идеи о начатии с Джемалем переговоров, которые вовсе не предполагают согласия на все пункты, выставленные армянами. Возможно, что удастся использовать честолюбие Джемаля и на других условиях. Вы можете заверить Бриана, что я не допускаю мысли какого-либо умаления прав наших союзников, столь самоотверженно разделяющих с нами тяготы войны. В виду принципиального согласия министра иностранных дел, благоволите выяснить условия, которые он признает приемлемыми для Франции.

Сазонов.

LIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 881. 17/30 декабря 1915 г.

Копия в Париж.

Получил Ваш № 6391 [2]).

Прежде, чем передать ответ кабинета, Никольсон, частным образом, высказал сомнение в достаточности средств, находящихся в распоряжении Джемаля, и в возможности перехода власти от отца к сыну, как слишком противоречащего мусульманским обычаям. Он добавил совершенно доверительно, что английское правительство ведет секретные переговоры с некоторыми из арабских племен относительно Аравии, но подчеркнул, что известие об этих переговорах ни в коем случае не должно дойти до Востока. Эти переговоры привели бы к тем же последствиям внутренних осложнений; [3]) и, по его мнению, ничего нельзя сделать без арабов. На мой запрос, Никольсон ответил, что вопрос о халифате не поднимался, так как, по мнению английского правительства, это прямым образом касается мусульманского мира и европейское вмешательство создало бы крайне значительные затруднения. Я ему ответил, что Ваша прямая цель состоит в том, чтобы парализовать Турцию, и что, по моему мнению, я выражал Ваши мысли, говоря, что Вы далеки от всякого намерения создать затруднения союзным интересам.

Бенкендорф.

LX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [4]).

№ 886. 17/30 декабря 1915 г.

Копия в Париж.

Получил Ваш № 6391.

Грей сказал мне, что он убедился в важности сломить турецкое сопротивление путем внутренних осложнений и что, если Джемаль располагает достаточными средствами, он далек от желания отнимать у этого проекта надежду на успех. Впрочем

---

[1]) Перев. с фр.
[2]) См. стр. 142.
[3]) В подлиннике: „Ces pourparlers aboutiraient aux mêmes résultats de complications internes“.
[4]) Перев. с фр.

он может формулировать две оговорки. Первая касается Бассоры. Не высказываясь о будущей судьбе ее, Англия, с момента оккупации этого пункта, не может согласиться на возвращение его под власть Турции и должна будет обеспечить себе здесь особые права. Вторая касается Аравии. Арабы обратились к английскому правительству с просьбой об учреждении независимого арабского государства, в состав которого входила бы Аравия и [мусульманские] священные места. Английское правительство, поскольку это его касается, согласилось на эту просьбу на условии, во-первых, чтобы Аравия объявила себя враждебной Турции и чтобы Сирия была исключена из состава нового государства, в виду обязательств, принятых по отношению к Франции. Бассора и Багдад не исключаются из этой будущей Аравии, кроме, однако, специальной области, предназначаемой Англии. Когда арабы попытались выяснить вопрос, намерена ли Англия принять участие в создании мекккского халифата, английское правительство отказалось от этого, считая, что данный вопрос подлежит урегулированию самими мусульманами. Следовательно, Англия связана своим обещанием, при условии разрыва между Аравией и Турцией. Я запросил Грея, как примирить арабский проект с проектом Джемаля. Он мне заявил, что Джемаль ни в коем случае не сможет ничего сделать, находясь в оппозиции к арабам, и что единственный способ борьбы—сговориться с ними. Крайне важно, чтобы англо-арабское соглашение оставалось секретным и никаким путем не дошло бы до Джемаля.

Бенкендорф.

LXI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 861. 19 декабря 1915 г./1 января 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Получил Вашу телеграмму за № 6459.

Тотчас сообщил ее содержание Бриану, который еще раз подтвердил мне, что, хотя французское правительство не особенно верит способностям Джемаля выполнить предназначаемую ему роль и даже несколько опасается с его стороны ловушки, оно тем не менее готово согласиться на открытие с ним переговоров, лишь бы при этом были вполне определенно оговорены права Франции на Сирию с Киликией и частью Палестины, признанные за нею соглашением с нами о Константинополе и проливах. Я спросил лишь от себя Бриана, имеет ли он намерение непременно требовать присоединения к Франции означенных местностей, или же им допускаются какие-либо другие комбинации, например, протекторат с сохранением номинального

суверенитета нового султана. Подобная комбинация, присовокупил я, может не только облегчить переговоры с Джемалем, но даже оказаться практичной и выгодной для самой Франции. Бриан ответил мне, что покуда он не может высказать никакого мнения по поставленному мною вопросу, но что, если по ходу переговоров с Джемалем зайдет речь о какой либо подобной комбинации, ее следует подвергнуть особому обсуждению. В общем Ваша телеграмма произвела на Бриана прекрасное впечатление и, видимо, его успокоила.

Извольский.

LXII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 6518. 20 декабря 1915 г./2 января 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму из Парижа № 861 и на телеграмму из Лондона № 886.

Посредники, предлагающие вступить в переговоры с Джемалем, считают более удобным вести таковые в Египте. Не пожелают ли, в виду сего, союзные правительства взять на себя этот труд, или предпочитают объясниться предварительно через Завриева, находящегося в Бухаресте?

Сазонов.

LXIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 877. 25 декабря 1915 г./7 января 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 6518 и на мою № 761 [1]).

В виду Вашего предположения сосредоточить переговоры с Джемалем в Египте, французскому послу в Лондоне поручено предложить лондонскому кабинету взять на себя ведение этих переговоров параллельно с теми, которые уже ведутся им с меккским шерифом, осведомляя о их ходе союзные правительства. Палеологу предписано сообщить Вам о вышеизложенном.

Извольский.

---

[1]) Следует читать: 861.

LXIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 906. 28 декабря 1915 г./10 января 1916 г.

Получил № 6518.

Не имея возможности вести одновременно переговоры с армянами и арабами, Грей сказал мне, что предпочел бы, чтобы переговоры с армянами велись Францией. Допуская переговоры Англии с арабами относительно Аравии и Месопотамии, Грей предвидит затруднения в переговорах с армянами и арабами по вопросу о Сирии и Малой Азии, где преобладают французские интересы.—Он сказал, что, если армяне предпочитают вести переговоры в Египте, Завриев мог бы вести их с французским представителем в Каире. Никольсон мне заявил, что Джемаль всегда был сильно настроен против арабов и что это составит затруднение.

Бенкендорф.

LXV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 6633. 30 декабря 1915 г./12 января 1916 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 6518 и телеграмму посла в Лондоне № 906.

Присоединяюсь к мнению Грея, что сношения с Джемалем через армян лучше всего сосредоточить во французских руках. Благоволите объясниться в этом смысле с Брианом, указав, что, в виду высказанных им раньше соображений, я считаю нужным предоставить Франции руководящую роль во всем том, что может затронуть судьбу Сирии. Мне, конечно, желательно быть в курсе переговоров и я поручу нашим представителям оказывать французским сотоварищам всякое содействие.

Сазонов.

---

[1]) Перев. с фр.

LXVI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 85. 6/19 января 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 6518.

Посредники полагают, что замедление в начале переговоров может помешать успеху. Если правительство, при коем Вы аккредитованы, в принципе сочувствует мысли о создании внутренних осложнений в Турции, посредники могли бы выехать немедленно в Египет и по пути быть принятыми в министерствах иностранных дел в Париже и Лондоне.

Сазонов.

LXVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 17. 10/23 января 1916 г.

Копия в Париж и Лондон.

Получил телеграмму № 85.

Никольсон мне сказал, что британское правительство, после нового рассмотрения вопроса, предпочитает остаться в стороне от сношений с посредником Джемаля и что сношения с арабами не дают ему возможности, без ущерба для этих последних, войти в параллельные переговоры. В ответ на мой вопрос, он прибавил, что лондонский кабинет не встречает препятствий к переговорам России и Франции с означенным посредником.

Бенкендорф.

LXVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 90. 27 января/9 февраля 1916 г.

Копия в Лондон.

Камбон сказал мне, что в последнее время между парижским и лондонским кабинетами происходили переговоры по поводу плана великобританского правительства образовать незави-

---

1) Перев. с фр.

симое арабское государство, при чем французское правительство основывало свои требования относительно признания своих прав на Сирию и Киликию на заявлениях, сделанных ему Россией при заключении соглашения о Константинополе и проливах [1]). О переговорах Вы будете подробно осведомлены через Палеолога.

Извольский.

LXIX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 111. 5/18 февраля 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на мой № 90.

Бывший французский генеральный консул в Бейруте, Жорж Пико, которому было поручено вести в Лондоне переговоры по вопросу о халифате и независимости арабского государства, командируется с тем же поручением в Петроград.

Извольский.

LXX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 71. 8/21 февраля 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 111.

Г. Марк Сайкс сопровождает в Петроград г. Пико. Ему специально поручено давать Бьюкенену все сведения по вопросу о Сирии и Аравии.

Бенкендорф.

---

[1]) В памятной записке российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде от 19 февраля/4 марта 1915 г. (см. циркулярную телеграмму № 937, стр. 118) права Франции на Сирию и Киликию оговорены следующими словами: „Упомянутые союзные правительства могут быть уверены, что встретят со стороны императорского правительства такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам". Специально вопрос о Сирии и Киликии обсуждался с французским послом в Петрограде М. Палеологом во время переговоров в ставке, в марте 1915 г. (см. стр. 127—130).

[2]) Перев. с фр.

LXXI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 124. 12/25 февраля 1916 г.

Копия в Лондон.

Палеолог телеграфировал сюда, что Вы заранее согласны с результатами англо-французских переговоров об Аравии и Сирии и потому считаете прибытие г. Пико в Петроград излишним. Камбон сказал мне, что, тем не менее, французское правительство, желая действовать в полном согласии с нами и устранить всякую возможность недоразумений в будущем, придает значение тому, чтобы как Пико, так и лица, с которыми он вел в Лондоне сказанные переговоры, прибыли в Петроград и подробно ознакомили Вас со своим трудом. Бриан телеграфирует в этом смысле в Петроград и Лондон.

Извольский.

LXXII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 829. 16/29 февраля 1916 г.

Ваша телеграмма № 124 получена.

Весьма признателен Бриану за его предупредительность и с удовольствием выслушаю г. Пико и его спутников.

Сазонов.

LXXIII

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 948. 24 февраля/8 марта 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 6063 [1]), 1915.

На предстоящей конференции [2]) Вы могли бы руководствоваться следующими общими началами. — Заключенные между союзниками за время войны политические соглашения должны

---

[1]) Телеграммой от 25 ноября/8 декабря 1915 г. за № 6063 С. Д. Сазонов сообщает А. П. Извольскому о последовавшем высочайшем согласии на назначение его представителем России в „предположенных совещаниях союзных министров" и передает ему свои инструкции.

[2]) Союзная конференция в Париже, в марте 1916 г.

оставаться незыблемыми и пересмотру не подлежат. Сюда относятся: наше соглашение с Францией и Англией о Константинополе, проливах, Сирии и Малой Азии, а также Лондонский договор с Италией [1]).

Сазонов.

LXXIV

Памятная записка великобританского и французского посольств в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

Французское и английское правительства, убедившись, на основании дошедших до них сведений, что арабские народности как на Аравийском полуострове, так и в провинциях Оттоманской империи живейшим образом настроены против турецкого владычества, и что в настоящее время было бы возможно образовать арабское государство или федерацию, одновременно враждебные турецкому правительству и благоприятно настроенные по отношению к державам Согласия, — вступили в переговоры и совместно рассмотрели этот вопрос. В результате этого обмена мнений они пришли к соглашению относительно следующих принципов, которые оба правительства желают сообщить российскому правительству, прежде чем идти дальше:

Статья 1. Франция и Великобритания готовы признать и взять под свое покровительство независимое арабское государство или федерацию арабских государств под сюзеренитетом арабского вождя в зонах (А) и (В), указанных в прилагаемой при сем карте [3]). В зоне (А) Франция и в зоне (В) Великобритания будут иметь право приоритета в предприятиях и местных займах. В зоне (А) Франция и в зоне (В) Великобритания будут иметь исключительное право назначать иностранных советников и чиновников, по просьбе арабского государства или федерации арабских государств.

Статья 2. В синей зоне Франция и в красной зоне Великобритания будут в праве установить, по соглашению с арабским государством или федерацией государств, такое управление, прямое или косвенное, или такой контроль, которые они пожелают и которые они сочтут подходящими.

---

[1]) Остальная часть этой телеграммы касается вопросов: a) определения будущей границы Германии и Австрии, b) государственного устройства Польши, c) необходимости удержать Швецию от выступления против держав Согласия и желательности привлечь на их сторону Норвегию, d) вмешательства в войну Румынии, e) вытеснения германского капитала с китайского рынка. Как неимеющая непосредственного отношения к разделу Азиатской Турции, эта часть телеграммы опускается.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Упоминаемая здесь карта в деле отсутствует. Прилагаемая нами карта перечерчена с карты раздела Азиатской Турции, находящейся в деле французского посольства в Петрограде. Карта эта воспроизводит деление на три зоны: французскую, английскую и итальянскую и относится к эпохе переговоров с Италией летом 1917 г. Русская зона на карте не отмечена.

Статья 3. В коричневой зоне будет учреждено международное управление, форма которого будет решена после совещания с Россией, а также по соглашению с другими союзниками и представителями меккского шерифа.

Статья 4. Великобритании будет предоставлено: 1) порты Кайфа и Акра; 2) гарантия определенного количества воды Тигра и Ефрата в зоне (А) для зоны (В). Правительство его величества обязуется со своей стороны не вступать ни в коем случае в переговоры в целях уступки Кипра третьей державе [1], без предварительного согласия французского правительства.

Статья 5. Александретта будет вольным портом, поскольку это касается торговли Британской империи, и здесь не будет установлено ни различия в отношении портовых сборов, ни особых привилегий, в которых было бы отказано английским флоту и товарам; будет установлена свобода транзита для английских товаров через Александретту и по железной дороге, пересекающей синюю зону, независимо от того, идут ли эти товары в красную зону, зону (В), зону (А) или идут оттуда; также не будет установлено никакого различия в режиме (прямого или косвенного) в ущерб английским товарам на какой бы то ни было железной дороге, равно как и в ущерб английским товарам и судам во всех портах, обслуживающих упомянутые зоны.

Кайфа будет вольным портом, поскольку это касается торговли Франции, ее колоний и ее протекторатов, и не будет ни различия в условиях пользования портом, ни привилегий в отношении портовых сборов, в которых может быть отказано французскому флоту и товарам. Будет установлена свобода транзита для французских товаров через Кайфу и по английской железной дороге, пересекающей коричневую зону, независимо от того, идут ли эти товары из синей зоны, зоны (А) или зоны (В), или же идут туда; также не будет никакого различия в режиме (прямого или косвенного) в ущерб французским товарам и судам в каком бы то ни было порте, обслуживающем упомянутые зоны.

Статья 6. В зоне (А) Багдадская железная дорога не будет продолжена к югу далее Мосула, и в зоне (В) к северу далее

---

[1]) В 1878 г. о. Кипр был оккупирован англичанами, в силу так наз. Кипрской конвенции от 4 июня того же года, ставившей его под контроль Англии. Первоначально управлялся британским верховным комиссаром. В 1880 г. был подчинен министерству колоний, хотя официально и продолжал именоваться частью Оттоманской империи. Аннексирован Англией 5 ноября 1914 г. Статьями 115, 116 и 117 Севрского договора от 10 августа 1920 г. был признан владением Англии. Под „третьей державой“ здесь подразумевается Греция, которой в октябре 1915 г. великобританское правительство предлагало уступить остров, в случае ее вмешательства в войну на стороне держав Согласия для поддержки Сербии в ее борьбе с Болгарией. Греческое правительство отклонило это предложение, мотивируя свой отказ опасением военного поражения Греции (телеграмма российского посланника в Афинах Э. П. Демидова от 6/19 и 7/20 октября 1915 г. №№ 479, 480, опубл. в изд. Наркоминдела: „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны“, Москва, 1922 г. стр. 22 и 23).

Самарры, до тех пор, пока не будет закончена железная дорога в долине Ефрата, соединяющая Багдад с Алеппо, и только при содействии обоих правительств.

Примечание к статье 6. Эта статья была вызвана желанием воспрепятствовать окончанию и организации германской Багдадской жел. дороги [1].

Статья 7. Великобритания будет иметь право постройки, управления и нераздельной собственности на железную дорогу, соединяющую Кайфу с зоной (В). Кроме того, она будет иметь постоянное право перевозки своих войск.

Статья 8. В течение 20 лет турецкие таможенные тарифы останутся в силе на всем протяжении синей и красной зон, а также и в зонах (А) и (В) и никакое повышение в размере пошлин или замена пошлин „ad valorem“ [2]) специфицированными пошлинами не могут быть сделаны без согласия на то обеих держав.

Не будет внутренних таможен между какими-либо из вышеупомянутых зон. Таможенные пошлины, собираемые с товаров, предназначенных внутрь страны, будут взиматься в портах их поступления и передаваться администрации зоны, для которой эти товары предназначены.

Статья 9. Английское и французское правительства, как покровители арабского государства, придут к соглашению о неприобретении и недопущении к приобретению третьей державой территориальных владений на Аравийском полуострове или к сооружению морской базы на островах в восточной части Красного моря [3]). Это не будет, однако, препятствием к такому исправлению аденской границы [4]), которое будет

---

[1]) Примечание к ст. 6, вероятно, имеет в виду секретные конвенции: франко-германскую от 15 февраля 1914 г. и англо-германскую от 15 июня 1914 г. По первой,— Франции, взамен признания ею особых прав Германии в области железнодорожного строительства в Киликии и Месопотамии, предоставлялось право исключительного контроля над железнодорожными линиями Сирии и Сев. Анатолии. Англо-германской конвенцией от 15 июня германская багдадская железнодорожная компания отказывалась от продолжения линии южнее Бассоры и от постройки порта на побережьи Персидского залива, предоставляя обе концессии особой оттоманской компании, акции которой должны были быть сосредоточены в руках английских держателей. Взамен, Англия обязывалась уважать права багдадской железнодорожной компании в Северной Месопотамии. (Текст англо-германского соглашения от 15 июня 1914 г. и данные об обеих конвенциях опубликованы в америк. журнале „Political Science Quarterly“, март 1923 г., v. 38. См. также „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.“, Москва 1922 г.).

[2]) В %-ном отношении к стоимости товаров.

[3]) Под „третьей державой“, повидимому, подразумевается Италия, во время мировой войны 1914—1918 г.г. значительно увеличившая свои морские силы в Красном море.

[4]) Аден присоединен к Англии в 1839 г. Англо-турецким соглашением 1905 г. аденская граница была проведена от Шейх-Мурада на Красном море до реки Баны и отсюда на северо-восток по направлению к Вел. Пустыне. Вторым англо-турецким соглашением 1914 г. территория английских владений была расширена, и крайней точкой аденского хинтерланда был признан пункт на побережьи Персидского залива, против Бахрейна. К аденскому району относится также остров Перим, при входе в Красное море.

сочтено необходимым в результате опыта недавнего нападения турок [1]).

Статья 10. Переговоры с арабами относительно границ государства или федерации арабских государств будут продолжаться тем же путем, как и до сих пор, от имени двух держав.

Статья 11. Принято, что меры контроля над ввозом оружия на арабскую территорию будут вырабатываться обоими правительствами.

25 февраля/9 марта 1916 г. [2])

LXXV.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

(С копии письма [3]).

11 марта 1916 г.

Возвращаю карту [4]), которую сэр Марк Сайкс переделал согласно Вашим сегодняшним указаниям.

Французская синяя зона теперь отодвинута от несторианской области, которая теперь включена в предполагаемую русскую зону, а северная часть Малой Армении включена во французскую зону.

Делая означенные изменения, сэр Марк Сайкс имел в виду то, что он принял за Ваши пожелания:

А. Удержать несторианскую область и Битлисские проходы в русских руках.

Б. Включить в русскую территорию дополнительно минимальную часть Армении, требуемую сохранением за Россией Эрзерума и другими географическими условиями.

Сэр Марк Сайкс надеется, на основании его прежних бесед с г. Пико, что такого рода изменения, вероятно, будут приемлемы для Франции.

Из Ваших сегодняшних слов мы заключаем, что российское правительство было бы, вероятно, готово принять условия данного соглашения, поскольку оно касается территорий на юг от линии, проведенной на карте красным карандашем.

Если можно посетить Вас в понедельник днем, сэр Марк Сайкс принесет с собой карту больших размеров, которая позволит Вам составить себе лучшее представление о предлагаемом им разграничении.

Джордж В. Бьюкенен.

---

[1]) В ноябре 1915 года английские войска в районе Адена подверглись нападению местных племен.

[2]) В деле французского посольства в Петрограде копия приводимой нами памятной записки датирована 10 марта 1916 года.

[3]) Перев. с англ.

[4]) Эта карта в деле отсутствует.

LXXVI.

Чрезвычайный уполномоченный великобританского правительства сэр Марк Сайкс послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

(С копии письма [1]).

12 марта 1916 г.

Обдумав новое предложение, т.-е. включение Сиваса в синюю зону вместо исключаемого Хаккиари, я пришел к заключению, что следующие пункты могут представить интерес для г. Сазонова.

I) Мне кажется, что мы должны принять, что, вследствие крайней жестокости и бессердечия последних армянских избиений, нельзя допустить возможности сохранения собственно Армении под оттоманской властью. Подобный проект, даже если бы он сопровождался реформами, вызовет взрыв негодования в Англии и Соединенных Штатах и даст оружие всем недовольным миром.

II) Решение армянского вопроса поэтому может быть найдено в: А) учреждении армянского государства под турецким сюзеренитетом, что предполагает или создание второй Болгарии, интригующей на Кавказе, или не жизненный план, в виду того, что армяне не способны соперничать с курдами. В) Создание армянского правительства под международным контролем с нейтральными (?) [2]) администраторами, что даст широкое поле постоянным интригам и „вопросам", из которых Германия рано или поздно извлечет свою выгоду. С) Неподготовленная и полная передача Армении России повлечет за собой включение в русскую политическую систему страны, переполненной революционными обществами, находящимися в постоянных сношениях с существующими революционными организациями на Кавказе и Персии. Один армянский революционер (дашнак) однажды говорил мне, что это было бы идеально, что с той минуты, как все армянское население окажется под русской державой, революционные общества на Кавказе, в Азейрбейджане и Турции тотчас же упрочатся, и достаточно будет общего неудовольствия, чтобы сохранить их жизнеспособность. Д) Решение вопроса с передачей Франции бывшей Римской или Малой Армении и аннексия Россией желтой зоны на прилагаемой карте. Я считаю этот способ наиболее удовлетворительным и давно имел его в виду, но никогда его не выдвигал, так как я всегда считал, что российское правительство стремится к овладению Сивасской провинцией.

Преимущества его следующие:

1. Россия получает Эрзерум, Битлис и Ван, с минимальным количеством армянского населения, так как зона „А" исключи-

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Знак вопроса в подлиннике.

тельно несторианская и курдская, „Б“—чисто курдская, „С“—населена исключительно лазами.

2. Франция получает Армению, как Армению, и французская зона будет средоточием армянского национального чувства. Это крайне выгодно для России, так как армяне Малой Армении настроены клерикально и консервативно в противоположность кавказским армянам и армянам восточным, анархо-социалистам. Если бы фокусом армянского национального чувства был Эрзерум, анархо-социалисты забрали бы в свои руки весь армянский политический механизм и укрепили бы его; при этом же положении умеренные элементы подчинят себе армянские национальные стремления под французской опекой, исходящей из Малой Армении.

Целью армянских умеренных кругов будет развитие в собственных пределах и отмежевание от анархо-социалистов на Кавказе и в Азербейджане, с которыми они никогда не хотели итти вместе.

Далее, французская зона включает исторические, армянские города Зейтун, Хаджин, Диарбекир, Мейафаркин, Сивас и область, которая управлялась последним армянским королем [1]), которому суждено было умереть в Париже, а также включает графства Эдесское эпохи крестовых походов [2]), где царствовал Гюи Лузиньянский. Это имеет значение в качестве отправного пункта для армянского исторического национализма, который забыл народные песни и традиции Вана и Эрзерума, являющиеся идейной базой для армянской анархо-социалистической пропаганды.

Далее, армяне Малой Армении не связаны с промышленными армянами Кавказа и, действительно, имеют мало общего с ними.

Я лично сказал бы, что было бы хорошо, если только это возможно, включить Мушскую равнину во французскую зону, так как это избавило бы Россию от рассадника революционной деятельности и отрезало бы одну из самых пригодных для пропаганды кавказских революционеров областей от сферы их деятельности.

Это последнее, конечно, ничтожная деталь и ее достоинства и недостатки подлежат изучению знатоков политического и стратегического дела; политически, в русских интересах лучше было бы, чтобы эта область не была русской, но чтобы она была под русским контролем. Я полагаю, что таковы главные вопросы, поднятые нашей вчерашней беседой.

Марк Сайкс.

---

[1]) Последний из армянских царей кипрской династии Лузиньянов Лев VI в 1375 г. был взят в плен египетскими мамелюками. По ходатайству европейских держав ему была возвращена свобода. После напрасных попыток вернуть престол, скончался в Париже в 1393 г.

[2]) Эдесса (совр. Урфа) в 1098 г. во время первого крестового похода была захвачена братом Готфрида Бульонского, гр. Балдуином, и превращена в столицу основанного им Эдесского графства, существовавшего в течение полустолетия (до 1144 г.).

LXXVII.

Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

В предвидении победоносного окончания войны и на случай возникновения вопроса о судьбе азиатских владений Турции, французское и английское правительства представили на наше рассмотрение проект раздела Малой Азии, составленный известными знатоками этих местностей г. Пико и сэром М. Сайксом.

Основные положения этого проекта сводятся к следующему:

Все пространство между Черным морем и линией, начинающейся от Урмийского озера и идущей к Анамуру южнее Вана, Битлиса, Муша и Харпута по горным хребтам Тавра и Антитавра,—предоставляется в распоряжение России для разграничения в будущем с турецким султаном в Анатолии.

Во владение Франции поступает узкая прибрежная полоса Сирии и Киликии, идущая приблизительно от Акки до Анамура и территории к югу от намеченной русской границы, приблизительно по линии Айнтаб-Урфа-Мардин-Урмия.

Англия получает провинцию, известную ныне под именем Арабского Ирака, примыкающую к Персии и Персидскому заливу.

Вся область между французскими и английскими владениями составит независимое арабское государство (халифат) или федерацию нескольких арабских княжеств.

Северная часть его признается лежащей в сфере французского влияния, а южная—английского.

Палестина образует особую автономную провинцию под международным контролем.

Кроме этого, Франция и Англия принимают на себя целый ряд взаимных обязательств относительно предоставления друг другу всякого рода льгот и облегчений торгового и экономического характера в зонах их влияния на территории будущего арабского государства.

В этом проекте для нас наиболее существенное значение имеет предлагаемая англо-французами граница, имеющая отделить наши будущие владения от французских.

С точки зрения топографической, она представляется довольно естественной, следуя по направлению главного горного массива, но по политическим и стратегическим соображениям она едва ли может считаться приемлемой. Появление на большом протяжении нашей азиатской границы, в местностях со смешанным и беспокойным населением, великой европейской державы, хотя бы в настоящее время и союзной нам, и внедрение ее углом в русско-персидскую границу—должно быть признано нежелательным. Кроме этого, в частности мы не могли бы признать в области Урмии суверенитета другого европейского государства, вследствие значительности наших миссионерских интересов среди местных христиан.

Для нас наиболее выгодною была бы общая граница на юге с каким-либо азиатским мусульманским государством, в виде ли арабского халифата, или турецкого султаната. Эта точка зрения, казалось бы, еще оправдывается и тем соображением, что в наших предыдущих переговорах с французами о проливах и Константинополе мы, согласно изъявленному Францией желанию, соглашались на присоединение к ней лишь Сирии и Киликии до Тавра. Диарбекирский же округ входит в состав Месопотамии.

Если бы, однако, нам не удалось отстоять эту точку зрения, то тогда следует во всяком случае настаивать на включении в нашу зону Урмийского округа и Битлисских проходов, предоставив французам некоторые вознаграждения в Малой Армении в районе треугольника Сивас-Харпут-Кесария, согласно прилагаемой у сего карте [1]).

Точно так же явилась бы, вероятно, возможность согласиться на территориальное уменьшение Палестинской области, ограничив там защиту наших интересов исключительно Святыми Местами.

Вообще же говоря, без ущерба для наших государственных интересов, в предстоящих переговорах с Англией и Францией мы могли бы легко заявить о нашей незаинтересованности к югу от линии Амадия-[Джезире]-ибн-Омар-Диарбекир-Самсат-Мараш-Адана (красная линия на карте).

Подробное и тщательное изучение всех вопросов, связанных с англо-французским проектом, я полагал бы желательным представить на рассмотрение особого совещания, под председательством председателя совета министров и из представителей министерств военного, морского, иностранных дел и наместника вашего императорского величества на Кавказе.

О вышеизложенном приемлю смелость доложить вашему императорскому величеству и испрашивать высочайших указаний.

Сазонов.

Петроград 29 февраля 1916 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „Съ“ [2]).

Царское Село, 1 марта 1916 г.

LXXVIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

От сэра Эдуарда Грея была получена телеграмма, сообщающая, что вопрос о поселении евреев в Палестине был недавно доведен до сведения правительства его величества.

---

[1]) В деле карта отсутствует.
[2]) „Согласен“.
[3]) Перев. с англ.

Хотя, как известно, многие из евреев относятся безразлично к идее сионизма, многочисленная и влиятельнейшая часть еврейства во всех странах весьма оценила бы предложение соглашения касательно Палестины, вполне удовлетворяющего стремления евреев.

Если вышеизложенная точка зрения правильна, то ясно, что путем использования сионистской идеи могут быть достигнуты важные политические результаты. В число их будет входить обращение на сторону союзников еврейских элементов на Востоке, в Соединенных Штатах и в других местах, элементов, настроенных в настоящее время в значительной части враждебно делу союзников.

Г. Люсьен Вольф следующим образом определил еврейские стремления в Палестине:

„Если в результате войны Палестина попадет в сферу французских и великобританских интересов, французское и великобританское правительства не преминут принять в соображение исторические интересы еврейства в этой стране. Оба правительства обеспечат еврейскому населению равные с остальными жителями политические права, религиозную и гражданскую свободу, те муниципальные привилегии в колониях и городах, которые представятся необходимыми, а также разумные льготы для колонизации и эмиграции."

Сэр Эдуард Грей не имеет никаких возражений к вышеприведенной формулировке, но в ответ просто уведомил г. Вольфа, что он должен обсудить этот вопрос с союзными правительствами и что это дело встретит сочувственное отношение со стороны правительства его величества.

Единственная цель правительства его величества—найти какое-либо соглашение, достаточно привлекательное для большинства евреев, которое облегчило бы заключение сделки, обеспечивающей еврейскую поддержку. Имея в виду это соображение, правительству его величества представляется, что если бы проект предусматривал разрешение евреям, когда их колонисты в Палестине настолько окрепнут, что смогут соперничать с арабским населением, взять в свои руки управление внутренними делами этой области (за исключением Иерусалима и Святых Мест), —то соглашение было бы гораздо более привлекательным для большинства евреев. Правительство его величества не хотело бы высказать предпочтение тому или иному решению вопроса. Как бы то ни было, оно осведомлено, что международный протекторат встретит сопротивление со стороны части влиятельных еврейских общественных кругов.

Сообщая по телеграфу все вышеизложенное, сэр Эдуард Грей предписывает сэру Джорджу Бьюкенену испросить у российского правительства серьезного отношения к этому вопросу и удостоить его в возможно скором времени сообщением русской точки зрения.

13 марта 1916 года.

LXXIX.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов председателю совета министров Б. В. Штюрмеру.

(*С копии письма*).

№ 197. 2/15 марта 1916 г.

На вчерашнем всеподданнейшем моем докладе государю императору благоугодно было соизволить на учреждение особого совещания под председательством вашего высокопревосходительства из представителей министерств военного, морского, иностранных дел и наместника его императорского величества на Кавказе для рассмотрения некоторых вопросов в связи с англо-французскими предложениями касательно Малой Азии. Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать меня уведомить о времени, когда Вам представлялось бы удобным созвать помянутое совещание.

Примите и пр.

Сазонов.

LXXX.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде, М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [1]).

№ 205.

В виду того, что англо-французский проект относительно установления различных зон в Малой Азии и Аравии подлежит рассмотрению специальной комиссии, обмен мнений по этому поводу должен свестись в настоящее время к изложению общих принципов,—

а именно:

1) Российское правительство готово было бы заявить о полной своей незаинтересованности в области, расположенной к югу от линии, идущей через Амадию-Ибн-Омар-Диарбекир-Самсат-Мараш-Адана, и примет без всяких затруднений всякое соглашение, которое может состояться на этот счет между Францией и Англией.

2) Оно настаивает на необходимости включения в русскую зону Битлисских проходов и области Урмийского озера и предлагает взамен уступить Франции территорию Малой Армении между Сивасом-Харпутом-Кесарией.

3) Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся в Святой Земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и

---

[1]) Перев. с фр.

привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране.

Само собой разумеется, что согласие России на предыдущие пункты остается обусловленным осуществлением его соглашения с Францией и Англией относительно Константинополя и проливов.

4/17 марта 1916 г.

LXXXI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1098. 4/17 марта 1916 г.

Выработанный Пико и Сайксом проект о разделе азиатских владений Турции передан на рассмотрение особого совещания.

Принципиальное согласие на принятие англо-французских предложений я обусловил: осуществлением нашего соглашения с Францией и Англией о Константинополе и проливах, изменением намеченной в англо-французском проекте мало-азиатской границы в смысле уступки нам Битлисских проходов и Урмийского округа, в обмен на территорию Сивас-Харпут-Кесария, переходящую к Франции, и установлением в Палестине управления, обеспечивающего вполне права и привилегии православных учреждений в Св. Земле, при чем в таком случае не встретилось бы препятствий к еврейской там колонизации.

Что касается устройства арабского халифата и Сирии, то в этом отношении императорское правительство готово итти навстречу всем пожеланиям Франции и Англии.

Сазонов.

LXXXII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 628. 5/18 марта 1916 г.

Настояли ли Вы перед российским правительством на том, что положения, изложенные в англо-французском соглашении касательно . . . . . турецких таможенных сборов и свободного транзита, будут распространены на всякую турецкую территорию, которая может быть включена в русскую сферу? Соблаговолите получить согласие российского правительства на это соглашение, которому правительство его величества придает большое значение.

[1]) Перев. с англ.

LXXXIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1].

№ 113.

Посольству его величества поручено обратить внимание российского правительства на следующую статью в проекте договора касательно Аравии и Малой Азии [2]), который составил предмет переговоров с сэром Марком Сайксом и г. Пико:

„В течение 20 лет существующий турецкий таможенный тариф останется в силе на всем протяжении синей и красной зон, а также в зонах (А) и (В), и никакое повышение в размере таможенных пошлин или замена пошлин „ad valorem"—специфицированными пошлинами не могут быть сделаны без согласия на то обеих держав.

Не будет внутренних таможен между какими-либо из вышеупомянутых зон. Таможенные пошлины, собираемые с товаров, предназначенных внутрь страны, будут взиматься в портах их поступления и передаваться администрации зоны, для которой эти товары предназначены".

Далее, посольству его величества поручено выразить твердую надежду, что российское правительство согласится на распространение этих условий на всякую турецкую территорию которая может быть включена в русскую зону.

20 марта 1916 г.

LXXXIV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов председателю совета министров Б. В. Штюрмеру.

(*С копии письма*).

№ 219. 8/21 марта 1916 г.

В дополнение к письму моему от 2 марта с/г., за № 197, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не признаете ли Вы теперь же своевременным войти в сношения с подлежащими ведомствами относительно назначения ими представителей в особое совещание, на которое с высочайшего соизволения возлагается рассмотрение и обсуждение вопросов, связанных с англо-французским проектом касательно Азиатской Турции, а также определить время и место созыва означенного совещания.

В ожидании уведомления о последующем, примите и пр.

Сазонов.

---

1) Перев. с англ.

2) Ст. 8-ю англо-французского соглашения касательно Аравии и Малой Азии (см. памятную записку великобританского и французского посольств в Петрограде от 25 февраля/9 марта 1916 г., стр. 156).

LXXXV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 191. 8/21 марта 1916 г.

Копия в Лондон.

Французское правительство принимает формулированные Вами условия. Г. Пико поручено выразить Вам благодарность за Ваше отношение к англо-французскому проекту и продолжать переговоры на основании сказанных условий.

Извольский.

LXXXVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1])

№ 126. 8/21 марта 1916 г.

Копии в Париж и Лондон. [2])

Получил Вашу телеграмму за № 1098 [3]).

Доверительно.—Я спросил Никольсона, каково его личное мнение относительно проекта. Он мне ответил, что переговоры между Францией и Англией имели в виду, главным образом, побережье Сирии и ее порты, где английские и арабские интересы представляются значительными, и что вопросы, касающиеся области к северу, с английской точки зрения, затрагивают специально русские интересы. Вот почему, по мнению Грея, не следовало отказываться от проекта поездки Пико в Петроград.

Бенкендорф.

LXXXVII.

Памятная записка российского министерства иностранных дел, переданная великобританскому послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену и сообщенная французскому послу М. Палеологу [4]).

В ответ на памятную записку от 7/20 марта с/г. [5]) императорское министерство иностранных дел имеет честь сообщить посольству его британского величества, что российское правительство, принимая к сведению соглашение, состоявшееся между

[1]) Перев. с фр.
[2]) Рим?
[3]) См. стр. 164.
[4]) Перев. с фр.
[5]) См. стр. 165.

Францией и Англией, по вопросу о сохранении прежнего таможенного турецкого тарифа в течение 20 лет в англо-французских зонах в Азиатской Турции, считает своим долгом формулировать некоторые оговорки касательно распространения этой меры на те территории Малой Азии, которые будут присоединены к России.

Экономические и торговые интересы этих областей, в силу их географического положения, до такой степени связаны с интересами России, что было бы невозможно установить здесь таможенные преграды. С другой стороны, Россия хотела бы сохранить за собой в этом отношении полную свободу действия для лучшего использования своих финансовых средств в момент ликвидации войны. Наконец, по соображениям политического характера, российское правительство может быть вынужденным приступить к полному включению означенных провинций в состав Российской империи, а следовательно, не могло бы допустить установления особого таможенного тарифа, отличного от действующего в империи.

8/21 марта 1916 года.

LXXXVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 196. 9/22 марта 1916 г.

Копия в Лондон.

Сюда несколько времени тому назад прибыл Завриев. Основываясь на прежних Ваших указаниях, я оказал ему содействие к свиданию с Брианом, которому он сообщил план переговоров с Джемалем при посредстве доверенных лиц, которых он предлагал отправить в Египет. Бриан оказал Завриеву внимательный прием, но дал ему уклончивый ответ, ссылаясь на неопределенность сведений о положении Джемаля и пригодности его к предназначаемой ему роли. От меня Бриан не скрыл, что он находит неудобным вступать в какие-либо переговоры с Джемалем, ибо считает таковые несовместимыми с англо-французским проектом устройства Азиатской Турции, о котором ведутся переговоры в Петрограде. Об отрицательном решении Бриана я сообщил Завриеву, который уезжает на днях в Петроград. [1])

Извольский.

---

[1]) На этом переговоры с Джемалем, повидимому, и были прерваны.

LXXXIX.

Председатель российского совета министров Б. В. Штюрмер министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

(С копии письма).

№ 3197. 10/23 марта 1916 г.

Совершенно секретно.
На №№ 197 и 219. [1])

Ваше превосходительство, сообщая о воспоследовавшем высочайшем соизволении на учреждение под моим председательством особого совещания, в составе представителей министерств военного, морского, иностранных дел и наместника его императорского величества на Кавказе, для рассмотрения вопросов в связи с англо-французскими предложениями касательно Малой Азии, изволите просить уведомить Вас о времени созыва упомянутого совещания. Вследствие сего, предварительно назначения дня заседания совещания, имею честь обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в сообщении мне материалов, относящихся к настоящему вопросу.

Примите и пр.

Борис Штюрмер.

XC.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов председателю совета министров Б. В. Штюрмеру.

(С копии письма).

№ 239. 13/26 марта 1916 г.

В ответ на письмо от 10 марта с/г. № 3197, считаю долгом уведомить ваше высокопревосходительство, что предварительные переговоры мои с доверенными французского и английского правительств по вопросам, касающимся Малой Азии, ограничились пока обменом мнений, о сущности которых я имел случай осведомить ваше высокопревосходительство при личном свидании. Таковые же объяснения я буду иметь честь представить особому совещанию, имеющему собраться под Вашим председательством для обсуждения этого дела. Иных материалов во вверенном мне министерстве пока не имеется, но надо думать, что другие заинтересованные ведомства, представители коих примут участие в означенном совещании, не откажутся предоставить для всестороннего освещения этого вопроса несомненно имеющиеся у них богатейшие и разнообразные материалы.

Примите и пр.

Сазонов.

---

[1]) См. стр. 163 и 165.

XCI.

Французский посол в Петрограде М. Палеолог российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

(С копии письма) [1]

26 марта 1916 г.

Во время разговора, которым Вы удостоили меня сегодня днем, Вы соблаговолили заявить, по моей просьбе, что, „если правительство республики получит согласие великобританского правительства на включение Палестины во французскую Сирию, императорское правительство не будет возражать против этого“.

Принося Вам свою благодарность за указанное заявление, все значение которого будет оценено правительством республики, я Вас заверил, что, каков бы ни был режим, который будет применен по отношению к Палестине, оговорки, указанные в Вашей памятной записке от 4/17 марта 1916 г. [2] по поводу Святых Мест и привилегий или религиозных обычаев, будут тщательно соблюдены.

Примите и проч.

Палеолог.

XCII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов французскому послу в Петрограде М. Палеологу.

(С копии письма) [3]

№ 247. 15/28 марта 1916 г.

Я получил Ваше письмо от 13/26 марта 1916 г., которым Вы соблаговолили сообщить мне, что Вы с удовлетворением приняли к сведению заявление, сделанное мною на днях во время моей беседы с Вами, по поводу вероятного согласия российского правительства на включение Палестины во французскую Сирию.

Подтверждая это заявление, я тем не менее считаю своим долгом прибавить к нему, что оно, само собой разумеется, не относится к Святым Местам и территориям, где находятся религиозные православные учреждения. Означенные города и местности должны получить международный режим с сохранением свободного доступа к портам Средиземного моря. По небезызвестным Вам причинам российское правительство не считало бы возможным признать здесь исключительные суверенные права какой-либо державы.

Пользуюсь случаем и проч.

---

1) Перев. с фр.
2) См. стр. 163.
3) Перев. с фр.

XCIII.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

№ 127.

От сэра Эдуарда Грея получена телеграмма по поводу таможенного режима, который должен действовать в части Малой Азии, могущей войти в русскую сферу в результате настоящей войны. Эта телеграмма является ответом на телеграмму посольства его величества, передающую содержание секретной памятной записки императорского министерства иностранных дел от 11/24 текущего месяца [2]).

Сэр Эдуард Грей заявляет, что, хотя правительство его величества не хочет настаивать перед российским правительством на предложении сохранить прежний турецкий тариф на тех территориях Малой Азии, которые Россия могла бы аннексировать, королевскому посольству следует продолжать требовать предоставления российским правительством льгот свободного транзита английских товаров через указанные территории. [3])

29 марта 1916 г.

XCIV.

Нота французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [4]).

Стремясь пойти навстречу взглядам императорского правительства, правительство республики поручает мне довести до сведения вашего превосходительства, что оно со своей стороны принимает решение, предположенное Вами.

Таким образом, остается в силе, что при условии уступки России области Курдистана к югу от Битлиса и Вана, заключенной между Мушем, течением Тигра к востоку от Ашита-Дага,

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Памятная записка российского министерства иностранных дел от 11/24 марта отсутствует в деле; по содержанию памятная записка 8/21 марта (см. LXXXVII) точно соответствует смыслу этой ссылки.

[3]) При документе в деле имеется справка российского министерства иностранных дел, от 2/15 апреля 1916 г., составленная для великобританского посольства в Петрограде: „Согласно русским законам, транзит иностранных товаров через территорию империи может осуществляться только на основании специальных разрешений, выдаваемых соответствующими властями каждый раз ad hoc по просьбе заинтересованных лиц. Кроме того, закон формулирует специальную оговорку относительно транзита иностранных товаров в Персию, безусловно воспрещая его через области, расположенные по ту сторону Кавказа. Всякое изменение в этом законе может состояться исключительно законодательным путем. Между тем, несомненно, что подобного рода требование было бы отвергнуто палатами“. (перев. с фр.)

[4]) Перев. с фр.

Джезире-ибн-Омаром и персидской границей на высоте Мергевера, а также уступки Франции территорий, расположенных между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом, императорское правительство заявляет о своей готовности принять соглашение, подлежащее заключению между Францией и Англией о Малой Азии и Аравии. Во всяком случае, теперь уже решено, что пределы общей границы будут установлены точно и вполне подробно, по соглашению между Францией и Россией, только после созыва технической русской комиссии, которая должна изучить этот вопрос.

Кроме того, остается в силе, что во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России и Франции, будут сохранены железно-дорожные и иные концессии и что учреждения, управления, религиозные, школьные, больничные заведения и т. д., зависящие от этих двух наций, будут и впредь пользоваться привилегиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством. Те из их имуществ, которые у них были отняты или секвестрованы, будут, в силу этого, восстановлены, как только это представится возможным.

В случае, если ваше превосходительство согласны с этим положением, я буду признателен, если Вы доведете об этом до сведения французского посла, сообщив о получении настоящей ноты.

Жорж Пико.

31 марта 1916 г.

XCV.

Нота французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову. [1])

Чтобы предотвратить возникновение недоразумений, в связи с передачей ноты от 18/31 прошлого марта по поводу точного смысла оговорки, формулированной относительно сохранения в провинциях, подлежащих эвентуально присоединению к России и Франции, привилегий, предоставленных в Оттоманской империи учреждениям, управлениям, религиозным, школьным и больничным заведениям и т. д., зависящим от этих двух наций, равно как и по поводу указанной границы,—надлежит дополнить эту ноту следующим образом:

Устанавливая, что временно ничего не будет изменено в прежнем положении вещей, правительство республики имело в виду не требовать сохранения в будущем прав юрисдикции, религиозного протектората и капитуляций в области, которая будет, таким образом, присоединена к России, но лишь обеспечить дальнейшее существование действующим ныне учреждениям, заведениям и концессиям и открыть путь к моменту заключения

[1]) Перев. с фр.

мира для переговоров с императорским правительством, которые, благодаря существующим отношениям тесной дружбы между двумя союзными державами, не могут представиться затруднительными.

С другой стороны, граница русского Курдистана должна, в общих чертах и при условии возможных изменений, которые будут указаны комиссией по разграничению, имеющей собраться на местах, пройти, начиная от Муша, через Серт, следовать по течению Тигра, до Джезире-ибн-Омара, затем на восток от линии горных вершин, господствующих над Амадией, упираясь в персидскую границу, в районе Мергевера. Отсюда, граница Аравии должна следовать по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской, с тем, однако, чтобы проходы, пересекающие эти горы, могли быть заняты на восточном склоне русскими войсками, а на западном оставались в руках арабских сил, под французским протекторатом.

Жорж Пико.
5 апреля 1916 г.

XCVI.

Особое совещание.

Протокол заседания 17 марта 1916 года, в 9 часов вечера. Председатель: председатель совета министров [Штюрмер].

Члены: морской министр [Григорович], министр иностранных дел [Сазонов], за военного министра—помощник военного министра генерал-от-инфантерии Беляев, представитель наместника его императорского величества на Кавказе статс-секретарь Никольский.

На заседании присутствовали: товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов, генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-майор Леонтьев, советник второго политического отдела министерства иностранных дел Петряев, управляющий делами совета министров Лодыженский, первый секретарь миссии в Тегеране Минорский.

Предметом обсуждения совещания было рассмотрение англо-французского предложения касательно разграничения будущих владений России, Франции и Англии и зон влияний в Азиатской Турции, в случае ее раздела.

В начале заседания министр иностранных дел изложил основные положения англо-французского проекта (см. памятную записку от 25 февраля) [1]), с указанием на карте предположенных границ. Им было разъяснено, что первоначальные французские предложения относительно расширения французских владений вдоль будущей нашей малоазиатской границы до области Урмийского озера встретили возражения со стороны министерства иностранных дел, с которыми французское правительство согласилось.

---

[1]) Стр. 154—157.

Таким образом, первоначальный проект был изменен в смысле уступки нам французами области около Урмийского озера в обмен на увеличение французских владений в сторону Малой Армении (см. на карте при деле) [1]).

Представители морского и военного министерств, а также наместника его императорского величества на Кавказе не возражали по существу означенного соглашения, разделяя мнение министра иностранных дел, что будущая судьба Аравийского халифата и устройство областей к югу от русской границы в Малой Азии, за исключением Святых Мест в Палестине, мало затрагивает интересы России. Решено лишь со стороны Урмии установить такую границу между русскими и французскими владениями, которая обеспечивала бы России владение важнейшими перевалами и проходами и стратегическими позициями.

Что касается до определения западной русской границы в Малой Азии, то на вопрос министра иностранных дел, от каких пунктов на Черном море было бы желательно и выгодно для нас ее провести, морской министр высказал мнение, что для России необходимо добиваться владения возможно длинной береговой полосой и, как на конечный пункт, указал на Синоп. Генерал Беляев высказал мнение, что овладение узкой береговой полосой, конечно, желательное в принципе, будет тогда лишь иметь практическую цену, если эта полоса обеспечивается соответствующей ее длине тыловой областью; в противном же случае такое удлиннение границы без опорных пунктов внутри страны нежелательно, так как вызовет чрезмерные и безрезультатные расходы по ее укреплению. Министр иностранных дел, со своей стороны, указал на то, что еще до войны французы, вследствие отказа от постройки железных дорог в области, примыкающей к нашему Закавказью [2]), получили наше согласие на концессию железнодорожной линии Самсун-Сивас [3]). Присоединение же к нашим владениям Синопа приведет к необходимости для нас добиваться от французов отказа от вышеназванной концессии, так как иначе осуществление ее имело бы место на русской государственной территории, что, конечно, недопустимо. Добиться добровольного отказа французов от этой концессии, которой они чрезвычайно дорожат, было бы крайне затруднительно.

---

[1]) Карта в деле отсутствует.

[2]) До 1913 г. Россия, основываясь на русско-турецком железнодорожном соглашении 1900 г., добивалась от Франции отказа от постройки железных дорог в Сев. Анатолии. В 1913—1914 гг., в связи с заключением франко-турецкого и франко-германского соглашений о железнодорожном строительстве в Малой Азии, русское правительство вступило в переговоры с Портой, а также с группой французских капиталистов о передаче ему концессии на сооружение железных дорог, „отходящих от любой точки линии Трапезонд-Пекеридж-Сивас-Харпут-Диарбекир в направлении к русской границе“. Этим Россия надеялась помешать постройке стратегических турецких жел. дор. путей к востоку от Эрзерума, т. е. в районе, прилегающем к русскому Закавказью. (См. „Материалы по истории франко-русских отношений“. Москва, 1922 г.)

[3]) Концессия на постройку железнодорожной линии Самсун-Сивас была получена французской компанией „Régie générale des chemins de fer et des travaux publics“ в апреле 1914 г.

Участники совещания вполне согласились с высказанными министром иностранных дел соображениями, но выразили пожелание, чтобы, по крайней мере, конечный западный пункт русско-турецкой границы был отнесен к какому либо порту или гавани между Самсуном и Трапезондом. Наиболее подходящим для этого было признано место Орду. В таком случае русская граница направилась бы от этого пункта приблизительно на Карахиссар (Шабханэ). До принятия окончательного решения по этому вопросу морской министр выразил желание представить особую записку. Представитель наместника его императорского величества на Кавказе обратил внимание совещания на то, что разделение Армении на две части, из которых одна отойдет к России, а другая к Франции, вызовет неудовольствие и протесты армян и агитацию на Кавказе. Министр иностранных дел разъяснил, что такое разделение соответствует топографическим особенностям местности и вероисповедной группировке армян.

Кроме этого, если невозможно создать единую Армению, то для самих армян лучше, чтобы часть их, остающаяся вне России, принадлежала культурной Франции, а не Турции, причинившей им столько несчастий. Совещание с этим вполне согласилось.

Следующее совещание было назначено через неделю.

XCVII.

Особое совещание.

Заседание 28 марта 1916 года, в $2^1/_2$ часа дня.

Председатель: председатель совета министров [Штюрмер].

Члены: морской министр [Григорович], министр иностранных дел [Сазонов], за военного министра помощник военного министра генерал-от-инфантерии Беляев.

На заседании присутствуют: товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов, советник второго политического отдела м. и. д. А. М. Петряев, начальник морского генерального штаба вице-адмирал Русин, капитан 2-го ранга Егорьев.

Адмирал Григорович сообщил особому совещанию соображения морского министерства по поводу намеченного англо-французским проектом разграничения областей Азиатской Турции, имеющих отойти, в случае раздела Оттоманской империи, к России, Англии и Франции. Соображения эти были изложены в особой записке, сообщенной министрам военному и иностранных дел [1]). Сущность их сводится к следующим положениям.— По мнению морского генерального штаба, возражений против направления сухопутной границы между будущими владениями Франции и Англии в Малой Азии и Курдистане не встречается. Что же касается конечного пункта русской границы на южном побережьи Черного моря к западу от Трапезонда, то морской генеральный штаб высказался за необходимость, с точки зрения

[1]) См. стр. 175—178.

военно-морских интересов России, включить в русские владения береговую полосу с портом Синопом, приблизительно начиная от Кастамунийской седловины по течению рек Гек-Ирмак, Келькит-чай до высот Ильдиз-Дага. По объяснению морского министра, такой границы требует положение Синопа, как единственного удобного и наиболее близкого к Севастополю порта, и связанные с ним исторические традиции России.

Помощник военного министра, соглашаясь с доводами морского министра относительно крайней желательности присоединения к России Синопа, как морской базы, указал вместе с тем на то, что, с точки зрения военно-сухопутной стратегии, такое вклинение русской границы узкой полосой в будущее турецкое государство представляет, в смысле защиты ее, известные неудобства.

Министр иностранных дел с своей стороны отметил, что, с точки зрения политических интересов России, присоединение Синопа представит большие невыгоды: во-первых, таким образом Россия отторгнет от соседней Турции область с коренным оттоманским населением, что, конечно, послужит причиной постоянных трений и недоразумений; во-вторых, включая в свои границы вышеуказанную береговую полосу, Россия затронет интересы Франции, вследствие предоставленной уже ранее турками французам концессии на Самсун-Сивасскую железную дорогу, часть которой пройдет по русской территории, при чем, по смыслу концессии, французам предоставлено право оборудования Самсунского порта и пользования землями по линии железной дороги. По мнению министра, это обстоятельство может послужить причиной наших недоразумений с Францией. Кроме того, министром иностранных дел было указано на те огромные денежные затраты, которые будут вызваны укреплением Синопа, а также на трудность удержания его в случае каких-либо осложнений, если бы, паче чаяний, Босфор и проливы не оказались в наших руках. Тем не менее, в виду настояний морского министра на необходимости для нас приобретения Синопа, министр иностранных дел, оговорив свои возражения, обещал свое содействие к удовлетворению пожеланий морского ведомства.

XCVIII.

Записка, составленная российским морским министерством [1]).

20 марта/2 апреля 1916 г.

Юго-западная граница наших предполагаемых владений в Малой Азии с таковыми французскими идет от вершины Ильдиз-Дага (около 30 верст к северу от Сиваса) через Зару, несколько севернее Харпута, до Зоха (в 50 верстах на юго-запад от Битлиса) и далее на юго-восток до Джезире-ибн-Омара на Тигре,

[1]) Подлинный документ носит заглавие: „Записка морского ведомства о границе наших предполагаемых приобретений в восточной Анатолии“.

откуда направляется на восток до персидской границы против Ушнуэ. Против этой границы возражений не встречается.

Западная граница намечается приблизительно в меридиональном направлении, исходя от вышеуказанной линии и упираясь в берег Черного моря где-либо между Трапезондом и Орду; то-есть, в лучшем случае, наша западная граница пройдет по направлению Орду—Зара.

Этот проект намечен, отчасти руководствуясь соображениями этнографического характера, как граница между турецким и армянским населением.

С другой стороны, в случае проведения этой границы вышеуказанным образом, Самсун и прилегающая к нему территория останутся во владении Турции. Через эту местность пройдет французская железная дорога Сивас—Амасия — Самсун, уступленная нами Франции взамен Эрзерумской ветки, концессию на которую предполагали получить французы еще до войны.

Если мы перенесем нашу предполагаемую западную границу с расчетом захватить в наши пределы Синоп, мы получим в качестве новоподданных некоторое количество турок-османов. Это едва ли было бы существенным неудобством, так как в пределах России мы имеем уже значительное количество мусульман и пока почти не имеем оснований сомневаться в их лойяльности, а по окончании войны, в период организации новой окраины, от турецкого населения можно ожидать большего спокойствия, чем, например, от армянского, в жилах которого течет особенно беспокойная кровь.

Нельзя не заметить, что северная часть территории, захватываемой Францией, населена почти исключительно коренными турками, и французы не видят к этому никакого препятствия.

Переходя к вопросу о французской концессии, нужно отнестись к ней крайне осторожно. Нам необходимо остерегаться осложнять наши отношения с союзниками противодействием их планам, касающимся строительства дорог и портов, и вообще стремлению к некоторому экономическому влиянию в северной Анатолии.

Французские дороги будут служить единственным путем для товаров, следующих на север из Сирии и южной Анатолии, и закрывать этот путь едва ли будет в наших интересах.

Для разрешения благоприятным образом этого вопроса можно было бы оставить за французами право на постройку железной дороги Сивас-Самсун с тем, что частично она пройдет по нашей территории, при чем проектируемую границу нужно провести так, чтобы дорога на возможно меньшем протяжении проходила по принадлежащей нам территории.

Что касается самого порта Самсун,—можно было бы гарантировать Франции учреждение там порто-франко.

Таким образом, серьезных препятствий к перенесению нами границы западнее меридиана Орду нет. Между тем стратегические соображения подсказывают нам необходимость отнести ее

более к западу, что даст нам возможность прочно владеть чрезвычайно важным стратегическим пунктом Черного моря—Синопом.

Значение его заключается в следующем:

1. Это единственный пункт на Анатолийском черноморском побережьи, где имеется естественная гавань, годная для оборудования, как хороший военный и торговый порт.

2. Линия Севастополь—Синоп (расстояние между ними 180 миль), близкая к меридиану и кратчайшая между портами, могущими служить базами для флота, является крайне удобной стратегической позицией, обеспечивающей контроль над всей восточной частью моря.

Еще адмирал Корнилов предполагал базироваться черноморским флотом на треугольник Севастополь—Синоп—Сизополь; имея ныне возможность базироваться на треугольник Севастополь—Босфор—Синоп, стратегическое положение нашего флота на Черном море будет еще лучше.

Хотя, владея проливами, нам, вероятно, не придется очень опасаться морской силы чьей бы то ни было, находящейся в Средиземном море, но не следует забывать, что в западной части самого Черного моря, именно к весту от линии Севастополь—Босфор, во всяком случае, в первое после войны время нам придется все-таки считаться с претензиями Румынии и Болгарии или, может быть, только Румынии, (разбогатевшей за период войны), на некоторую самостоятельность в Черном море. Эта самостоятельность в нашем тылу (относительно проливов) при известной обстановке может оказаться для нас даже опасной.

3. В сухопутном отношении стратегическое значение Синопа также весьма велико. К западу от него находится местность трудно проходимая и бездорожная, которая может служить удобной пограничной полосой.

Возможность опираться на морские сообщения и пути, проведенные нами от востока, позволит обходиться для его обороны сравнительно незначительными силами как в отношении численности гарнизона, так и в отношении его оборудования материальными средствами.

Завладение Синопом с прилегающим к нему районом отдельно, без непосредственной связи с остальной нашей территорией, вызвало бы необходимость оборудования там большой, дорого стоющей крепости, без чего владение им не было бы за нами обеспечено.

Территория к северу от французских владений и район железной дороги Амасия—Самсун быстро подпал бы под влияние Франции. На Черноморском побережьи появились бы существенные французские интересы, находящиеся вне нашего контроля. Возникновение таковых совершенно недопустимо.

Опасение, чтобы Самсун, как порто-франко и конечный пункт французской железной дороги, не отразился на наших существенных интересах, не имеет за собою особых оснований. Если территория, его окружающая, будет принадлежать России и соединится нашей железной дорогой с общей сетью по побе-

режью от Батума, или через Эрзерум, при соответствующем оборудовании Синопского порта, при несколько энергичной экономической политике, Синоп, благодаря своим естественным преимуществам, несомненно, отодвинет Самсун на второе место.

Исходя из перечисленных выше соображений, было бы желательно предполагаемую нашу западную границу в Анатолии провести следующим образом.

За начало ее от побережья Черного моря надо принять Кастамунийскую седловину, связывающую прибрежный и второй от берега продольные хребты и служащую водоразделом между верховьями рек Гек-Ирмак, текущей на восток, и Улу-чай, текущей на запад. По этой седловине проходит лучший путь от Инеболи к Ангоре; средняя ее высота 2,5—3 тысячи футов (стр. 26 Военного обзора причерноморского театра Азиатской Турции, полковника Томилова, изд. 1913 г.).

Этот водораздел от берега Черного моря и до истоков реки Гек-Ирмак должен быть нашей границей.

Затем она должна итти по главному руслу этой реки до ее впадения в Кизиль-Ирмак.

От этого места граница направляется на юго-восток к месту впадения реки Келькит-чай в Иешиль-Ирмак.

Отсюда она склоняется в более южном направлении и идет к вершине Ильдиз-Даг, приблизительно в 30 верстах к северу от Сиваса.

Граница, таким образом проведенная, обладает теми для нас преимуществами, что, сохраняя за нами владение Синопом, в то же время весьма слабо захватывает интересы Франции.

В наши пределы полностью войдет главный хребет Понтийского Тавра, что необходимо потому, что благодаря этому его южные отроги и перевалы окажутся в наших руках и пространство между ними и побережьем послужит, в случае нужды, плацдармом для развертывания сухопутных сил.

Следует оговориться, что, вследствие ограниченного количества источников для изучения Анатолии и встречающихся в них иногда противоречий, необходимо осторожно отнестись к деталям проектируемой границы, считая таковую лишь первым приближением и главным основанием для обозначения ее в общих чертах.

XCIX.

Записка, составленная российским военным министерством [1]).

24 марта/6 апреля 1916 г.

Министерством иностранных дел, через посредство советника второго политического отдела ст. с. Петряева, были сообщены 18-го марта главному управлению генерального штаба

[1]) Подлинный документ носит заглавие: «Записка военного ведомства по вопросу о возможном распределении сфер владений и влияния в провинциях Азиатской Турции в результате настоящей войны».

некоторые предположения об использовании результатов войны в отношении азиатских владений Турции, дополненные затем разъяснениями главы ведомства на бывшем в тот же день секретном совещании [1]). Предположения министерства иностранных дел являются результатом переговоров с заинтересованными союзными правительствами, веденных через посредство прибывших в Петроград некиих подполковника великобританской службы Сайкса, лица специально изучавшего Азиатскую Турцию, и представителя французского правительства, советника посольства г. Пико.

На основании полученных объяснений может быть нарисована следующая предположительная схема распределения сфер владения и влияния в Малой Азии и в остальных азиатских владениях Турецкой империи.

1) К нашим владениям отходит пограничная с Закавказьем территория, а именно: Эрзерумский и Ванский вилайеты, восточные половины Трапезондского и Битлисского вилайетов и небольшие крайние участки Сивасского, Харпутского и Диарбекирского вилайетов.

2) К владениям Франции отходят: Аданский, Бейрутский, большая часть Алеппского, Харпутского и Диарбекирского вилайетов и части Дамасского и Сивасского вилайетов и Джебель-Либанского санджака.

3) Южная Месопотамия, включая Багдад, а равно Бассорский вилайет, отходит к владениям Великобритании.

4) Палестина получает особое административное устройство под общим покровительством европейских держав.

5) Вся часть прежней Турции, населенная главным образом арабами, образует арабский халифат, подробности государственного устройства которого еще не выяснены. Северная часть этих арабских владений до линии Дераа-Абу-Кемаль-Сердешт будет находиться под французским протекторатом; вся же громадная площадь аравийской территории к югу от названной линии отойдет к сфере английского влияния.

6) При этих условиях будущая Турция войдет в свои естественные пределы, каковыми должна считаться Анатолия, по преимуществу населенная турками-османлисами, с примесью греков и армян.

Естественно, что все эти предположения могут получить силу только при условии обеспечения за Россией всего района проливов, являющегося кардинальным пунктом русских стремлений и единственным результатом, могущим достойным образом вознаградить Россию за принесенные ею великие жертвы в настоящей войне.

В изложенной схеме распределения сфер владения и влияния более всего обращает на себя внимание, что, получая в свои владения и сферу влияния значительный район Азиатской Турции, французы стремятся в то же самое время обеспечить за

[1]) В подлиннике, вероятно, ошибка в дате: протокол особого совещания датирован 17 марта 1916 г. (см. стр. 172).

собою экономическое первенство и в районе, прилегающем к Черному морю, сохранив в своих руках концессии на железные дороги, которые были ими получены до войны, с нашего тогда согласия, и в том числе на дорогу Самсун-Сивас [1]). Создается положение, при котором Россия фактически будет граничить в Малой Азии не с Турцией, а с Францией, так как концессия на дорогу Самсун-Сивас предопределяет собою первенство французских интересов в прилегающей полосе местности вплоть до выхода к Черному морю. Само собою разумеется, что при таких условиях Самсунский порт сделается французским портом.

Если внедрение Франции в район Сирии и в местности к югу от Сиваса с военно-политической точки зрения не может вызывать с нашей стороны официальных возражений, так как эти области во всех отношениях тяготеют к Средиземному морю, то укрепление французов в полосе, прилегающей к Черному морю, полагалось бы признать нежелательным, а в будущем, может быть, даже и опасным.

С занятием нами проливов, Черное море фактически сделается внутренним русским морем и допускать создание на нем особых интересов для европейской великой державы едва ли может соответствовать русским интересам.

С военной точки зрения, для России может быть было бы выгоднее всего, после разгрома Турецкой империи, граничить со слабой Турцией и с отделившимися от нее ее бывшими провинциями.

Если это по тем или иным политическим соображениям оказывается невозможным, то все же выгоднее, по возможности, ограничить сферу соприкосновения с европейскими государствами и тем более с союзными, дабы на этой почве не создавать недоразумений, не вызывать соперничества в таких местах, где, казалось бы, все права и преимущества должны были бы принадлежать нам и только нам одним. А что эти недоразумения возникнут, едва ли могут быть сомнения, ибо наши интересы и европейских держав в отношении Турции, как и всех вообще государств Востока, резко различались в прошлом и, несомненно, также резко будут различаться и в будущем.

Если Россия всегда стремилась и будет стремиться к закреплению за собою и возможной национализации своих окраин, то интересы Франции в соседних провинциях будут сводиться исключительно к целям наилучшей эксплуатации занятой территории, при чем в административном отношении она склонна будет предоставить населяющим ее племенам возможно полную самостоятельность, с ультра-либеральным административным и

[1]) В апреле 1914 г. по соглашению, подписанному французским министром иностранных дел Г. Думергом и турецким министром финансов Джавидом-беем, французской компании были предоставлены турецким правительством следующие железнодорожные концессии в Малой Азии: а) линия Самсун-Сивас-Харпут-Аргана, b) линия Аргана-Битлис-Ван, с) линия Эрзерум-Трапезонд, d) линия Эрзерум-Эрзинджан-Сивас. Взамен компания обеспечивала Турции осуществление займа в 800 миллионов франков у отдельных французских банков.

социальным устройством, совершенно не считаясь с русскими государственными интересами.

Более того, возможно допустить, что через некоторое время одною из целей ее политики будет стремление распространить и далее, в пределы России и северной Персии, сферу своего влияния, способствуя развитию автономных стремлений, главным образом, в армянской части населения.

С захватом концессии на железные дороги в северной Анатолии и вдоль всей нашей границы, Франция получит фактическое преобладание во всей этой части Малой Азии и в значительной степени сделается притягательной силой для армянского, а в будущем, может быть, и для курдского населения как в Турции, так и в России. В этом направлении французы найдут поддержку в своих миссионерских организациях, в течение долгих лет подготовлявших почву для укрепления французского влияния. Эти французские миссионерские организации, на-ряду с американскими, уже сделали свое дело в смысле отдаления армянских симпатий и армянских идеалов от России и русской государственности, и можно ожидать, что при новой постановке вопроса эти начинания дадут обильные плоды.

Что это именно так, что французские вожделения не ограничиваются определенными пределами, а направляются далеко вглубь страны, можно заключить хотя бы из их попытки в период текущих переговоров расширить полосу их владений до границы Персии, и нельзя не приветствовать твердого отпора, данного в этом отношении французскому правительству нашим министерством иностранных дел, но также казалось бы необходимым дать этот отпор этим вожделениям, направленным в сторону наших неоспоримых интересов, где только мы и можем расчитывать на естественное и законное первенство.

Уступая французам и англичанам возможность использования выгод мирового значения в отношении громадных районов, прилегающих к Средиземному морю и Персидскому заливу, мы, казалось бы, можем требовать для своего великого государства, искусственно задерживаемого в своих сухопутных пределах, права распоряжения хотя бы в таких внутреннего характера бассейнах, как Черное море, где уже сейчас половина береговой полосы находится в наших руках, а по окончании войны должны отойти к нам и новые участки.

Вопрос разрешился бы полностью, если бы мы могли получить в свое владение побережье до Синопа включительно, с тем, чтобы область нашего влияния была распространена на всю полосу, прилегающую к Черному морю, как в отношении железнодорожного строительства, так и других экономических преимуществ.

Если бы, по тем или иным соображениям, присоединение береговой полосы до Синопа не представлялось бы желательным, равно как и распространение нашего влияния на северную полосу Анатолии, то наиболее естественным решением вопроса пришлось бы признать оставление всей этой территории исклю-

чительно в турецких руках, обеспечив ее от каких бы то ни было экономических посягательств, в том числе и французских.

То обстоятельство, что вопрос о концессиях на железные дороги в северной части Малой Азии получил разрешение с нашего согласия, казалось бы, не должно служить незыблемым основанием для благоприятного французам разрешения вопроса, так как нельзя не признать, что результаты настоящей войны должны в корне изменить все прежние политические и экономические конъюнктуры.

В данном случае Франция может особенно легко примириться с такого рода изменением, имея в виду, что ей могут быть дарованы самые широкие компенсации в таких районах той же самой Турции, где наши интересы будут значительно менее, а может быть, и совсем не задеты.

Наш голос в этом вопросе является тем более веским, что все перспективы столь давно чаемого европейскими державами раздела Турции сделались достижимыми только благодаря успехам русского оружия, единственно действовавшего на всем обширном театре, на котором предполагают развить свою политико-экономическую деятельность наши союзники—французы.

В виду всего изложенного, полагалось бы просить министерство иностранных дел, во внимание к военно-политическим интересам на будущей северо-западной границе нашей с Турцией, настаивать на сохранении во всей северной Анатолии полной самостоятельности турецкого правительства в отношении экономическом и железных дорог, а по возможности, и обеспечить в этой полосе наше собственное влияние.

Что касается присоединения береговой полосы до Синопа включительно, то оно явилось бы блестящим дополнением к разрешению основной проблемы русской политики многих поколений, сводившейся к овладению ключами от собственного дома, с целью пробиться к желанному южному морю.

Генерал-от-инфантерии *Беляев.*

С.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили.

(С копии письма).

№ 287. 29 марта/11 апреля 1916 г.

Совершенно секретно.

Перед отъездом Вашим в ставку Вы имели возможность ознакомиться во всех подробностях о ходе наших секретных переговоров с французским и английским правительствами по вопросу о будущем разграничении областей Азиатской Турции, имеющих, в случае благоприятного исхода войны, отойти к России, Франции и Англии.

Намеченные при этом общие основания, как Вам известно, обсуждались в особом совещании, созванном с высочайшего соизволения, и, по существу, не вызвали принципиальных возражений со стороны военного и морского министров. Главное же из высказанных ими пожеланий, касательно необходимости для нас включить в наши будущие владения северную береговую полосу с каким-либо портом на запад от Трапезонда,—мною было принято во внимание.

Признавая в настоящее время желательным о сущности этих переговоров поставить в известность начальника штаба верховного главнокомандующего, поручаю Вам представить генералу Алексееву, в доверительной форме, все необходимые объяснения по этому делу.

Примите и пр.

Сазонов.

CI.

Справка, составленная в российском министерстве иностранных дел.

31 марта/13 апреля 1916 г.

31 марта состоялся первый обмен мнений между советником второго политического отдела и полномочным министром (советником французского посольства) Дульсе по вопросу о признании за французами концессий на железные дороги в Малой Азии в тех областях, которые могут отойти к России.

Г. Дульсе, во-первых, выразил сожаление по поводу недоразумения, происшедшего вследствие некоторой поспешности французского уполномоченного г. Пико, предложившего, в качестве окончательной, формулу, которая еще подлежала предварительному одобрению французского правительства.

В дальнейшей беседе г. Дульсе указал на то, что французское правительство, по соображениям внутренней и внешней политики, очень дорожит правами и привилегиями, приобретенными им в Турции в экономической области и, между прочим, будет стремиться к сохранению за собою всех добытых уже железнодорожных концессий, выражая в то же самое время свою готовность отказаться от капитуляций. При этом он отметил, что все концессии заключались турецким правительством на срок, по истечении коего для заинтересованного правительства явится возможность их не возобновлять. Вместе с тем он сослался на Францию, которая, присоединив Марокко и Тунис, признала уже существовавшие там концессии.

А. М. Петряев высказал мнение, что принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное

осуществление, и теми, которые являются в некотором роде in spe. А таким характером именно отличаются концессии, полученные французским правительством на постройку железных дорог в Малой Азии: это просто обещание турецкого правительства, к реализации которого французы не приступали. Не менее важное значение при обсуждении вопроса о сохранении за французами железнодорожных концессий должно иметь следующее обстоятельство: когда французское правительство заключило соглашение с Турцией о постройке железнодорожных линий в Малой Азии, то оно, очевидно, руководствовалось общим планом такого строительства, в предположении, что оно будет осуществляться на территории одного государства, в данном случае Оттоманской империи, железнодорожная политика коего была таким образом связана разными побочными ограничениями; между тем, в случае действительного раздела Малой Азии, согласно англо-французскому соглашению, железнодорожные линии, намеченные прежними концессиями, пройдут по территориям трех независимых государств: России, Франции и Турции, что, вследствие несогласованности их железнодорожной политики и постройки новых линий, может свести на нет все экономические и коммерческие выгоды прежних концессий. Таким образом, по мнению г. Петряева, возбуждение вопроса о пересмотре концессий и отмене многих из них будет в интересах самого же французского правительства. Что же касается, в частности, указания г. Дульсе на Марокко и Тунис, то, во-первых, французы нашли там уже реализованные железнодорожные концессии, а кроме того, они постепенно отменили там все капитуляции и привилегии иностранцев, дарованные прежним турецким правительством.

Г. Дульсе признал эти доводы заслуживающими серьезного внимания и высказал надежду, что дальнейший обмен мнений приведет к установлению формулы, которая удовлетворит оба правительства.

CII.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Ссылаясь на проект обмена письмами относительно Малой Азии, французское правительство выражает желание видеть включенной в него следующую формулу:

«Железнодорожные и другие концессии, предоставленные французам оттоманским правительством, будут сохранены. Если императорское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение будет иметь место только по соглашению с правительством республики».

---

[1]) Перев. с фр.

С другой стороны, правительство республики придало бы большое значение соглашению с императорским правительством о признании в принципе участия каждого из государств, которые присоединят турецкие территории, в служебных органах оттоманского долга [1].

18 апреля 1916 г.

CIII.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу [2]).

№ 280b [3]).

Ссылаясь на памятные записки императорского министерства иностранных дел от 4/17 [4]) и 8/21 [5]) марта с. г., имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что в результате бесед моих с г. Жорж Пико, специальным делегатом французского правительства, относительно признания соглашения, подлежащего заключению между Францией и Англией, об образовании государства или федерации арабских государств и о назначении территорий Сирии, Киликии и Месопотамии, императорское правительство готово утвердить соглашение, установленное на основах, которые ему были сообщены, при соблюдении следующих условий:

1) Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезонда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря к западу от Трапезонда.

2) Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией, и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен признает собственностью Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой,

---

1) Совет оттоманского долга—постоянная международная компссия иностранных кредиторов Турции, учрежденная 8/20 ноября 1881 г., но фактически существовавшая с 1879 г. По состоявшемуся между комиссией и оттоманским правительством в 1881 г. соглашению, взамен определенных финансовых льгот (общая сумма долга была уменьшена более чем на половину, при 1% на основной капитал вместо 5%+1/4% амортизации), султан передал комиссии право пользования доходами с 6-ти косвенных обложений. Россия, при учреждении комиссии отказавшаяся послать в нее своего делегата, незадолго до мировой войны 1914—1918 г.г. усиленно хлопотала о введении своего представителя в совет долга, но встретила в этом отношении противодействие со стороны Германии. (См. „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 г.г.“, Москва, 1922 г.),

2) Перев. с фр.

3) Под № 280 в деле имеется первоначальный текст ноты, озаглавленной: „Копия письма российского министра иностранных дел французскому послу в Петрограде от 26 марта/8 апреля 1916 г.“, с пометкой карандашем „non avenu“ (передана не была). Разночтения приводим ниже.

4) См. стр. 163.

5) См. стр. 166.

Эгином и Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах с допущением изменений в деталях, могущих быть предложенными комиссией по разграничению, имеющей собраться впоследствии на местах [1].

Императорское правительство соглашается, сверх того, допустить сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, железнодорожных и других концессий, предоставленных французским гражданам оттоманским правительством. Если императорское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение состоится по соглашению с правительством республики.

Что касается учреждений, управлений, религиозных, школьных и больничных заведений и т. д., зависящих от этих двух наций, то они и впредь будут пользоваться привилегиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством. Во всяком случае, остается в силе, что, принимая означенную оговорку, оба правительства не имели в виду требовать сохранения в будущем прав юрисдикции, религиозного протектората и капитуляций в областях, таким образом аннексируемых Россией и Францией, но лишь обеспечить дальнейшее существование учреждениям и заведениям, в настоящее время существующим, и открыть путь для переговоров между обеими державами после заключения мира.

Наконец, оба правительства допускают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих турецкие территории, должно принять участие в служебных органах оттоманского долга.

Сазонов.

13/26 апреля 1916 г.

---

[1]) До слов: „Императорское правительство соглашается"... первоначальный текст ноты совпадает с приводимым нами. Остальная часть ноты в первоначальном тексте читается: „Императорское правительство соглашается, сверх того, допустить, что временно, до заключения соглашения между двумя правительствами, во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России и Франции, железнодорожные и другие концессии будут сохранены и что учреждения, управления, религиозные, школьные и больничные заведения и т. д., зависящие от этих двух наций, будут и впредь пользоваться привилегиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством.

Однако, остается в силе, что, принимая такую оговорку, оба правительства имели в виду не требовать сохранения в будущем прав юрисдикции, религиозного протектората и капитуляций в областях, таким образом аннексируемых Россией и Францией, а лишь обеспечить дальнейшее существование учреждений, заведений и концессий, существующих теперь, и открыть путь для переговоров между обеими державами после заключения мира.

Я был бы признателен, если бы ваше превосходительство сообщили мне, согласны ли Вы с вышеуказанными принципами".

CIV.

Нота французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Имею честь уведомить о получении сообщения, препровожденного мне сегодня вашим превосходительством, относительно признания императорским правительством, на следующих условиях, соглашения, подлежащего заключению между Францией и Англией об образовании государства или федерации арабских государств и обеспечении за Францией территории Сирии, Киликии и Месопотамии на основах, указанных ему специальным уполномоченным французского правительства.

С своей стороны, правительство республики поручило мне довести до Вашего сведения, что оно решило утвердить соглашение, о котором идет речь.

1. Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезонда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря к западу от Трапезонда.

2. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией, и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен предоставит Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах с допущением изменений в деталях, могущих быть предложенными комиссией по разграничению, имеющей собраться впоследствии на местах.

Правительство республики с удовлетворением принимает к сведению, что императорское правительство соглашается, кроме того, допустить сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, железнодорожных и других концессий, предоставленных французским гражданам оттоманским правительством. Если императорское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены для согласования их с законами империи, это изменение состоится по соглашению с правительством республики.

Что касается учреждений, управлений, религиозных, школьных и больничных заведений и т. д., зависящих от этих двух наций, то они и впредь будут пользоваться привилегиями, которые им до сих пор были обеспечены договорами, соглашениями и контрактами, заключенными с оттоманским правительством. Во всяком случае, остается в силе, что, принимая означенную оговорку, оба правительства не имели в виду требовать сохранения в будущем прав юрисдикции, религиозного протектората и капитуляций в областях, таким образом аннексируемых Россией и Францией,

---

1) Перев. с фр.

но лишь обеспечить дальнейшее существование учреждениям и заведениям, в настоящее время существующим, и открыть путь после заключения мира для переговоров, в счастливом исходе которых не позволяет сомневаться дружба между обеими странами.

Наконец, оба правительства допускают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих турецкие территории, должно принять участие в служебных органах оттоманского долга.

Примите и пр. *Палеолог.*

26 апреля 1916 г.

CV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 293. 18 апреля/1 мая 1916 г.

Камбон сказал мне, что в Петрограде состоялось подписание соглашения о разделе сфер в Азиатской Турции, при чем во французскую сферу, кроме Киликии, включена часть армянских вилайетов с Сивасом и Харпутом. Между тем находящийся в Париже Богос-Нубар-паша продолжает свою пропаганду в пользу автономной Армении с выходом к Средиземному морю в Мерсине и под общим протекторатом трех держав. Хотя мною принимаются все меры к тому, чтобы здесь не могло возникнуть подозрения, что эта пропаганда пользуется нашей поддержкой, во избежание каких-либо недоразумений, считаю долгом обратить на нее Ваше внимание. Не найдете ли Вы возможным сообщить мне, для личного сведения, текст вышесказанного соглашения.

Извольский.

CVI.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 1818. 20 апреля/3 мая 1916 г.

Ваша телеграмма № 293 получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1098 [1]).

Текст окончательного соглашения будет Вам сообщен французским министерством иностранных дел, о чем, по моей просьбе, Палеолог телеграфирует сегодня в Париж.

Самый факт соглашения и содержание его считаются строго секретными.

Сазонов.

---

[1]) См. стр. 164.

CVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 303. 21 апреля/4 мая 1916 г.

Копия в Лондон.

Французское правительство получило из верного источника весьма тревожные сведения о положении христианского населения в Сирии, которому грозит та же участь, которая постигла армян. Французскому послу в Вашингтоне поручено обратить на это серьезное внимание северо-американского правительства и просить его употребить в пользу сказанных христиан свой авторитет, так как при настоящих условиях посылка в Сирию союзных войск в достаточном количестве невозможна, а высадка небольших сил может лишь ускорить катастрофу.

Извольский.

CVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 323. 1/14 мая 1916 г.

Копия в Лондон.

Дополнение моей телеграммы № 322 [1]).

Камбон сказал мне доверительно, что в разговоре с ним, по поводу последних заявлений Асквита членам государственного совета и думы [2]), итальянский посол высказал ему сожаление, что Италия не приобщена к соглашениям между Россией,

---

[1]) Телеграммой от 1/14-го мая 1916 г. № 322 А. П. Извольский сообщает о согласии французского правительства на предложение сэра Эд. Грея произвести давление в Риме в целях добиться от итальянского правительства объявления войны Германии, в виду непрекращающихся торговых сношений между обеими странами.

[2]) 26-го апреля/9-го мая 1916 г. на банкете, устроенном в честь членов государственной думы и государственного совета великобританским правительством, премьер-министр Г. Асквит произнес речь, в которой сказал, между прочим, следующее: „Одним из самых благоприятных результатов нашего союза является полное согласие, которое установилось между русским и английским правительствами по отношению к восточным делам. Я помню время, когда в отношении интересов обеих империй как в Европе, так и в Азии существовало мнение, что таковые противоположны, противоречивы и непримиримы. Нормальным отношением одного государства к другому была тогда неусыпная бдительность и, можно даже сказать, чуткая подозрительность, при чем неоднократно возникала возможность полного разрыва отношений. К счастью, время таких недоразумений миновало, и где бы, в Турции или Персии, русские и английские интересы ни приходили в соприкосновение, мы добились общей политики, которую мы лойяльно преследовали в полном согласии“...

Францией и Англией о турецком вопросе, так как это ставит Италию, как бы в особое и неравное положение среди союзников. Камбон ответил г. Титтони, что союзники отнюдь не желают ставить Италию в подобное положение, но что последнее само собою вытекает из факта необъявления Италией войны Германии [1]). Титтони, лично не сочувствующий разрыву сношений с Германией, не продолжал разговора. Камбон... настроение, выразившееся в словах г. Титтони, следовало бы иметь в виду при выработке проекта предположенного сообщения в Риме с целью побудить Италию к объявлению войны Германии; он пишет в этом смысле частным образом своему брату [2]) в Лондон.

Извольский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „Правильно".

Царская Ставка, 4-го мая 1916 г.

CIX.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1012. 2/15 мая 1916 г.

Итальянскому послу было предписано запросить меня, имела ли в виду речь премьер-министра к русским делегатам находящимся здесь, существование соглашения с Россией о Турции. Он настоятельно указывал, что в виду того, что Италия состоит в войне с Турцией и имеет в Турции интересы, она должна бы быть осведомлена о соглашениях касательно Турции.

Я сказал, что речь премьер-министра носила общий характер, но итальянское правительство хочет получить дальнейшие объяснения, и я вижу только три возможных исхода;

1) Осведомить его доверительно о происшедшем;

2) Мы в течение года оказывали полную поддержку Италии, как союзнице, хотя она еще не состоит в войне с Германией; мы обеспечили итальянские интересы в Турции соглашением с Италией [4]) и не можем сделать ее участницей других соглашений, пока она не порвет окончательно с Германией;

---

[1]) В 1915 г. Италия объявила войну Австрии и Турции. Несмотря на настойчивые требования союзников, итальянское правительство всячески оттягивало разрыв с Германией. Только в связи с выступлением Румынии, 15/28-го августа 1916 г. Италия объявила войну Германии.

[2]) П. Камбону, французскому послу в Лондоне.

[3]) Перев. с англ.

[4]) См. ст.ст. 9 и 10 Лондонского соглашения от 13/26 апреля 1915 г. (прил. № 2).

3) Мы не можем сделать никаких сообщений по этому предмету.

Имеются возражения против всех исходов, но уклончивый ответ или полуоткровенность, на мой взгляд, хуже каждого из этих трех решений вопроса и не представляет никаких преимуществ.

Выясните точку зрения министра Сазонова.

CX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 257. 6/19 мая 1916 г. [2])

Копия в Париж.

Получил ваш № 2002 [3]).

Грей сказал, что он предложил союзным кабинетам отложить выступление в Риме. Тем не менее Империали обратился к нему с вопросом, на какое соглашение относительно Востока намекал Асквит в своей речи к парламентским представителям. Грей ему ответил, что он не может осведомить его на этот счет, не посоветовавшись с Россией и Францией. Империали возразил, что это как раз тот самый ответ, который Грей дал ему несколько месяцев тому назад. Грей ответил в вполне дружеских выражениях, что если Италия пожелала бы быть поставленной в известность о всем том, что могло произойти между союзниками, необходимо, чтобы она выявила окончательно свое положение в качестве союзницы и вступила бы в войну с Германией. Империали, ссылаясь на итальянские интересы на Востоке, тем не менее выразил желание итальянского правительства узнать, с чем ему придется иметь дело. Грей полагает, что после этого разговора выступление в том виде, как оно предполагалось, является уже несвоевременным. Он видит три возможных решения: 1) сделать Италии сообщения, которые она просит; 2) отказать ей в них; 3) сделать сообщения, при условии объявления Италией войны Германии. Он полагает, что второе решение будет сочтено в Риме оскорбительным, и сказал мне, что он запросил петроградский и парижский кабинеты об их мнениях о переговорах насчет первого решения.

Бенкендорф.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) В подлиннике, повидимому, ошибка в дате, так как телеграмма гр. А. К Бенкендорфа за № 258 датирована 4/17 мая 1916 г. и так как на № 257 ссылается телеграмма А. П. Извольского от 5/18 мая 1916 г. за № 335 (см. стр. 195).

[3]) Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 30 апреля/13 мая 1916 г. послу в Риме М. Н. Гирсу о необходимости настаивать в Риме на объявлении Италией войны Германии, так как непрекращающиеся торговые сношения между этими странами наносят ущерб интересам союзников.

CXI.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.[1])

№ 187.

Сэр Эдуард Грей телеграфирует, что итальянское правительство предписало маркизу Империали запросить его, следует ли истолковывать речь, произнесенную недавно г. Асквитом нашим русским гостям, как предполагающую существование соглашения с Россией насчет Оттоманской империи.

Маркиз Империали настоятельно указывал, что Италия должна быть осведомлена относительно всех соглашений касательно Турции, в виду того, что она не только имеет интересы в Турции, но и состоит в войне с последней.

Сэр Эдуард Грей ответил, что речь г. Асквита носила самый общий характер, но он сознает, что какой-либо другой и более определенный ответ должен быть дан на запрос итальянского правительства. Относительно этого ответа сэр Эдуард Грей предвидит только три возможных исхода:

1) Заявить итальянскому правительству, что мы не можем дать никаких объяснений;

2) Осведомить его доверительно о происшедшем;

3) Указать, что мы в течение года оказывали нашу полную поддержку Италии, как союзнице; что она еще не объявила войны Германии; что нашим соглашением с Италией мы обеспечили ее интересы в Турции; и что, пока ее отношения с Германией не будут окончательно порваны, мы не можем сделать ее участницей каких бы то ни было других, уже состоявшихся соглашений.

Сэр Эдуард Грей предвидит возражения против всех этих трех исходов, но полагает, что полуоткровенность или уклончивый ответ не представит никакой выгоды и соединит в себе невыгоды всех упомянутых возможностей.

Он был бы счастлив узнать точку зрения г. Сазонова.

17 мая 1916 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с англ.

CXII.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова, переданная великобританскому послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену и сообщенная французскому послу М. Палеологу.[1])

Министр иностранных дел имеет честь довести до сведения его превосходительства г. великобританского посла, что из трех возможностей, предложенных его превосходительством сэром Эдуардом Греем по поводу ответа, который следует дать итальянскому правительству относительно соглашений, заключенных между союзниками о Турции, он принимает третью, т.-е.—заявить Италии, что Россия, Англия и Франция в течение более года оказывают полную поддержку Италии, как союзнице; что Италия, со своей стороны, еще не объявила войны Германии; что три державы обеспечили соглашением итальянские интересы в Турции и что до тех пор, пока отношения Италии и Германии не будут окончательно выяснены, три державы не могут сделать Италию участницей других, уже заключенных соглашений. Так как это заявление вполне отвечает характеру последних бесед г. Сазонова с итальянским послом в Петрограде, российскому послу в Риме поручено высказаться в этом смысле перед итальянским правительством, как только его великобританский и французский коллеги получат аналогичные инструкции.

4/17 мая 1916 г.

CXIII.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грею.

Шифрованная телеграмма. [2])

№ 717. 17 апреля [3]) 1916 г.

Г. Сазонов твердо держится того мнения, что, пока Италия не находится в состоянии войны с Германией, мы не можем вполне довериться ей в отношении соглашений, заключенных между тремя правительствами до момента присоединения ее к союзникам. Мы не можем гарантировать, что содержание их не будет сообщено Германии тем или иным лицом. Он обратил также внимание на тот факт, что шурин князя Бюлова—итальянский депутат. Поэтому он склоняется ко второму из трех предложенных решений.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с фр.
[2]) Перев. с англ.
[3]) В подлиннике, очевидно, ошибка: следует читать—„17 мая".

CXIV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 330. 4/17 мая 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 323[1].

Великобританский посол сообщил здесь, что, по мнению Грея, на запросы Италии о ближне-восточных соглашениях между Россией, Англией и Францией можно дать троякого рода ответ: 1) доверительно сообщить ей содержание сказанных соглашений, 2) ответить ей, что при подписании Лондонского соглашения с Италией союзники признали за ней известные права на ближнем Востоке, но что они могут приобщить ее к совокупности своего соглашения лишь в том случае, если она объявит войну Германии и 3) вовсе отказать ей в каких бы то ни было сведениях по упомянутым соглашениям. Камбон сказал мне, что Бриан не успел еще обсудить сообщения лорда Берти.

Извольский.

CXV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 2108. 4/17 мая 1916 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

По поводу обращения Асквита к представителям наших законодательных учреждений итальянский посол запросил великобританское правительство о том, существует ли между Россией, Францией и Англией соглашение касательно Турции. Грей предложил разные ответы, из коих я согласился на следующий, как вполне соответствующий тому, что мною было сказано здешнему итальянскому послу, обратившемуся ко мне с вопросом по тому же предмету: „Мы уже свыше года оказываем Италии полную поддержку, как союзнице, тогда как она до сих пор не объявила войны Германии; нашим договором с Италией мы обеспечили ее интересы в Турции, но пока отношения Италии к Германии не будут окончательно выяснены, мы не можем приобщить ее к другим соглашениям". Можете высказаться в этом смысле перед итальянским правительством, когда Ваши французский и английский сотоварищи получат соответствующие указания.

Сазонов.

---

[1]) См. стр. 189.

CXVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 335. 5/18 мая 1916 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 330[1]) и на телеграмму Бенкендорфа № 257[2]).

Обсудив предложения Грея, Бриан склоняется к тому, чтобы заявить итальянскому правительству, что Россия, Франция и Англия лишь в том случае могут сообщить состоявшиеся между ними соглашения о Ближнем Востоке, если Италия объявит войну Германии и примет активное участие в войне против Турции. Бриан подробно телеграфирует об этом в Петроград и Лондон.

Извольский.

CXVII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1051. 18 мая 1916 г.

Из Парижа 517.

По мнению французского правительства, сообщенному Вам французским послом, следует ответить итальянскому правительству, что, как только оно объявит войну Германии, оно получит обстоятельный ответ на его запрос о соглашениях с Россией.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: (черта и две точки).

CXVIII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1068. 20 мая 1916 г.

В виду того, что вопрос был возбужден только по словесному запросу здешним итальянским послом, я не считаю нужным предпринимать какие либо коллективные шаги в Риме. Поэтому я отвечу здешнему итальянскому послу в смысле, уже установленном, в надежде, что это сделает дальнейшее сообщение в Риме излишним, пока итальянский министр иностранных дел не возбудит там этого вопроса.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: (черта и две точки).

[1]) См. стр. 194.
[2]) См. стр. 191.
[3]) Перев. с англ.

CXIX.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде марк. А. Карлотти.

Телеграмма.[1])

21 мая 1916 г.

Телеграмма кабинета № 620.

От 19 текущего месяца, сообщения из Парижа, телеграмма кабинета № 89.

Бриан и Камбон заявили мне, что они сами, как и французский посол в Лондоне, полагают, что Грей, говоря о соглашении с Россией, хотел сослаться на обмен мнений, имевший место в конце 1914 г.[2]) Как Бриан, так и Камбон отрицают факт заключения соглашения. Но Камбон подозревает, что в конце 1914 г. Англия могла принять на себя обязательства, тогда как Франция, несмотря на известную уступчивость Делькассе по отношению к России и Англии, которая и послужила причиной его падения,[3]) выказала большую сдержанность. Это подозрение Камбона еще подтверждается тем фактом, что Грей, в своих беседах в Лондоне, не высказался вполне ясно и определенно, но прибегал к крайне туманному и таинственному способу выражения. Затем Бриан с большой убежденностью заявил мне, что французским и итальянским интересам в Малой Азии не может быть причинен ущерб кем бы то ни было.

CXX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 338. 9/22 мая 1916 г.

Получил Ваш № 2108. [4])

Передал ее содержание Бриану, который предложил мне ныне следующий ответ: [5]) «министр иностранных дел имеет честь довести до сведения российского посла, что его точка зрения вполне

---

[1]) Перев. с итальянск.

[2]) В октябре—ноябре 1914 г. произошел обмен мнений между русским и английским правительствами по вопросу о Константинополе и проливах. 27 октября/9 ноября великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грей заявил российскому послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу, что, „в случае поражения Германии, вопрос о судьбе проливов и Константинополя будет решен согласно с русскими пожеланиями". Взамен, Россия соглашалась признать аннексию Англией Египта. (Дело архива б. министерства иностранных дел: „Отношение Англии к вопросу о проливах до 1 февраля 1915 г.").

[3]) По официальной версии, отставка Т. Делькассе объяснялась его расхождением во взглядах с остальными членами французского кабинета; по неофициальной, но широко распространенной,—неудачами союзной, и в частности французской, дипломатии на Балканах, повлекшими за собой катастрофу Сербии и присоединение Болгарии к центральным державам.

[4]) См. стр. 194.

[5]) Текст ответа (в кавычках) и слова: „конец ноты"—в подлиннике на французском языке.

совпадает, по своему содержанию, с точкой зрения, к которой полагал примкнуть г. Сазонов. Однако, г. Бриан считает необходимым сделать следующие две оговорки: 1) Он полагает, что ответ на запрос итальянского правительства должен быть дан великобританским правительством итальянскому послу в Лондоне, в виду того, что, с одной стороны, настоящий запрос итальянского кабинета был вызван речью английского премьер-министра, а с другой стороны,—именно в Лондоне велись переговоры и было подписано соглашение 1915 г., среди статей которого имеется указание на гарантии, данные Италии относительно ее интересов в Турции [1]). К тому же великобританское правительство, повидимому, в настоящее время находится в наиболее благоприятных условиях, чтобы сговориться с итальянским правительством, в виду тех постоянных просьб, с которыми последнее обращается к Англии в вопросах финансовых и экономических.—2) Что касается способа выражения, который Грею следует употребить в беседе с маркизом Империали, то, по мнению Бриана, он должен быть установлен в смысле, указанном г. Сазоновым, но было бы предпочтительнее не заявлять итальянскому правительству с самого начала беседы, что соглашения были уже подписаны без его участия. При этих условиях было бы, повидимому, предпочтительнее предоставить Грею сделать итальянскому послу в Лондоне, в форме, которая ему покажется наиболее подходящей, сообщение, о содержании которого договорились три правительства Петрограда, Лондона и Парижа, и оставить без последствий предложение, предусматривающее вручение Соннино общей ноты». Конец ноты.

Извольский.

CXXI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 381. 10/23 мая 1916 г.

Копия в Париж.

Ваша телеграмма № 2108 [2]) получена.

Французское правительство сообщило французскому послу, что, по его мнению, всякое объяснение с Италией по вопросу о соглашении касательно Турции должно происходить в Лондоне, а не в Риме. Грей указал Родду, что, так как запрос был сделан итальянским послом в Лондоне, то английскому послу не следует касаться этого вопроса в разговоре с Соннино. Если же этот последний заговорит о соглашении, то Родду надлежит донести и ожидать новых инструкций. В беседах со мною Соннино до сих пор ни разу не касался еще вопроса о соглашении касательно Турции.

Гирс.

---

[1]) Ст. ст. 9 и 10 Лондонского соглашения 13/26 апреля 1915 г. (см. прил. № 2).

[2]) См. стр. 194.

CXXII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже, Лондоне и Риме: А. П. Извольскому, гр. А. К. Бенкендорфу и М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 2200. 10/23 мая 1916 г.

Я не возражаю против того, чтобы предположенный ответ Италии на ее запрос о соглашении, касающемся Турции, был дан Греем в Лондоне, но под условием, чтобы ответ этот не мог ввести Италию в заблуждение относительно действительного существования подобного соглашения, заключенного Россией, Францией и Англией еще до вступления Италии в союз с ними.

Сазонов.

CXXIII.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 286. 11/24 мая 1916 г.

Мандельштам просит передать:[1] Принц Сабах-Эддин и его сторонники съехались в Швейцарии. По просьбе одного из них, известного Кемаля Мидхата, я имел с ним свидание. Мидхат жаловался на нежелание французов и англичан столковаться с турецкой оппозицией, что последняя приписывает русскому влиянию. Между тем оппозиция, теперь бессильная, приобрела бы вес и значение в Турции, если бы получила возможность уверить народ, что союзники не замышляют раздела Турции, а в таком случае, продолжал Мидхат, оппозиция могла бы принести пользу общему делу, вызвав раскол среди младотурок и смуту в армии. Я уклонился от беседы на эту тему, заявив, что нахожусь здесь исключительно по делам военнопленных. Полагая однако, что Мидхат, сношениями с которым дорожу в интересах нашего осведомления, вернется к этому вопросу, прошу снабдить меня указаниями, тем более, что из другого источника узнаю о прибытии сюда эмиссаров младотурок с целью добиться примирения с партией Сабах-Эддина.

Бахерахт.

---

[1]) В марте месяце 1916 г. б. І-й драгоман российского посольства в Константинополе А. Н. Мандельштам был командирован в Берн для „осведомления о происходящем в Турции и наблюдения за деятельностью турецких эмиссаров в Швейцарии". Официально ему было присвоено наименование уполномоченного по делам военно-пленных. (Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу, от 13/26 марта 1916 г. № 1251).

CXXIV.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Берне В. Р. Бахерахту.

Телеграмма.

№ 2286. 16/29 мая 1916 г.

Ваша телеграмма № 286 получена.

Для Мандельштама:—В деле негласных сношений с представителями турецкой оппозиции Вам нужно руководствоваться следующим общим соображением: несмотря на неразумное вмешательство Турции в европейский конфликт, в настоящее время уничтожение ее или раздел не являются для союзников конечной целью войны; в их планы, наоборот, входит сохранение независимого турецкого государства с ядром мусульманского населения. С другой стороны, с продолжением войны положение Турции может весьма осложниться.

Сазонов.

CXXV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1])

№ 288. 17/30 мая 1916 г.

№ 1.

Грей обратился ко мне с нотой, сообщающей, что английское правительство получило через французского посла копии нот, которыми обменялись в Петрограде по вопросу о франко-английском соглашении об образовании арабского государства. Грей с чувством удовлетворения принимает к сведению, что императорское правительство одобрило это соглашение, и уведомил меня, что великобританское правительство, чтобы сделать это соглашение полным, готово признать условия, формулированные Россией и принятые французским правительством в результате обмена нотами 26 прошлого месяца [2]). Поскольку эти соглашения затрагивают англо-русские отношения, Грей предлагает императорскому правительству присоединиться к соглашению в 5 пунктах, которые я передаю телеграммой за № 2. Не поручите ли Вы мне ответить Грею нотой, в которой бы я дал испрашиваемое согласие от имени российского правительства. Прошу инструкций.

Бенкендорф.

[1]) Перев. с фр.
[2]) См. стр. 185—188.

CXXVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 289. 17/30 мая 1916 г.

№ 2.

«Поскольку эти соглашения непосредственно затрагивают отношения России и Великобритании, я имею честь предложить правительству вашего превосходительства присоединиться к соглашению на следующих условиях:

1) Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезонда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережьи Черного моря, к западу от Трапезонда; 2) Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией, и областью Мергевера, будет уступлена России; начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской. Эти пределы указаны в общих чертах и подлежат изменению в деталях, которые будут предложены комиссией по разграничению, имеющей собраться на местах; 3) Российское правительство признает сохранение во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, концессий, предоставленных британским подданным оттоманским правительством. Если российское правительство выразит желание, чтобы они были позднее изменены, для согласования их с законами империи, это изменение будет иметь место только по соглашению с правительством Великобритании; 4) Во всех частях оттоманской территории, таким образом уступленных России, существующие британские права навигации и преимущественного права получения концессий [право заявки] [2]), а также права и привилегии британских религиозных, школьных и больничных учреждений должны быть сохранены. Правительство его величества, со своей стороны, признает, что аналогичные русские права и привилегии будут сохранены в тех областях, которые, в силу настоящего соглашения, будут или вполне британскими, или в которых британские интересы будут признаны преобладающими; 5) Оба правительства признают в принципе, что каждое из государств, аннексирующих часть Оттоманской империи, должно участвовать в служебных органах оттоманского долга».

Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки) и резолюция: „Согласен, кроме 1-ой ст. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница“. Царская Ставка, 22 мая 1916 г. Слова: „к западу от Трапезонда“ подчеркнуты.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) „rights of navigation and development“.

CXXVII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 2368. 21 мая/3 июня 1916 г.

№ 1.

Ваша телеграмма № 288 получена.

Можете обменяться с Греем нотами по поводу принятия нами и англичанами соглашения относительно Малой Азии, но только пункты 3-й и 4-й необходимо сохранить в редакции текста русско-французского соглашения, передаваемой Вам телеграммой № 2.— Обращаю Ваше внимание на фразу «this modification shall only take place»[1]..., которая сильнее соответствующей во французской ноте, и на неудобства для нас сохранения за англичанами каких-либо особых привилегий в вопросе о судоходстве, которые могут затронуть интересы нашего каботажа.

Сазонов.

В телеграмме № 2, сообщенной в Лондон за № 2369, были переданы 3-й и 4-й пункты ноты министра иностранных дел на имя пребывающего в Петрограде французского посла от 13/26 апреля 1916 года за № 280-б. [2])

CXXVIII.

Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

Вследствие высочайшей пометы на проекте англо-русского соглашения о Малой Азии, что: «если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница», приемлю смелость повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества следующее разъяснение.

В тексте нот, которыми по этому вопросу обменялись русское и французское правительства и содержание которых предполагается повторить и в проекте английской ноты, предусмотрено проведение нами границы к западу от Трапезонда в месте, где это нам представится желательным, будь то Синоп или, может быть, пункт западнее его.

Такая наша свобода действий обеспечивается нам как текстом русско-французской ноты, так и в дословном повторении ее в проекте английской, именно словами: «jusqu'à un point à déterminer sur le littoral de la Mer Noire à l'ouest de Trébizonde»[3]).

Сазонов.

Петроград,
24 мая 1916 года.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „Хорошо". Царская Ставка, 26 мая 1916 г.

---

[1]) „Это изменение будет иметь место только".
[2]) Примечание подлинника (документ см. стр. 185).
[3]) „До подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря". (См. стр. 185).

CXXIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 317. 26 мая/8 июня 1916 г.

Получил Ваш № 2368.

Передал его содержание Никольсону, который мне ответил, что он не усматривает никакого различия в двух редакциях пункта 3, имеющих, по его мнению, совершенно одинаковое значение. Я просил Никольсона сравнить внимательно оба текста и затем возобновить наш разговор. Я прибавил только, что различие пункта 4 более значительно и важно.

Бенкендорф.

CXXX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сззонову.

Телеграмма [1]).

№ 320. 27 мая/9 июня 1916 г.

Мне представляется бесполезным настаивать на чисто редакционном изменении формы пункта 3, в виду того, что окончательная французская редакция сама по себе подразумевает слово «только», которое имеется в английском тексте. Мне представляется, как и Никольсону, что здесь нет никакого различия. Я считаю, что выгоднее не настаивать на вопросе о способах выражения, для того, чтобы добиться желательных изменений пункта 4. По моему мнению, предпочтительнее, чтобы вопрос об английских правах судоходства—добавление пункта 4,—в виду того, что Франция не получает ничего взамен,—был обсужден непосредственно и специально—или в целях немедленной отмены их, или для определения способа уничтожения их в будущем. В виду моего малого знакомства с сущностью этих прав, позволяю себе высказать пожелание, чтобы вопрос этот обсуждался в Петрограде. Что касается чисто английских прав, школьных и религиозных, то, по моему мнению, их нельзя сравнивать по важности с французскими религиозными правами, носящими вполне политический характер. Как бы то ни было, мне представляется желательным (подписать) как можно скорее.

Бенкендорф.

---

[1]) Перев. с фр.

CXXXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 327. 30 мая/12 июня 1916 г.

Грей сказал мне сегодня, что арабские племена подняли восстание в Мекке и в других местах. Он знает еще мало подробностей, но он придает большое значение этому факту. Он сказал мне, что именно потому, что он это предвидел, он и настаивал на скорейшем заключении между 3 державами соглашения относительно Малой Азии, желая иметь возможность дать арабам определенные обещания.

Бенкендорф.

CXXXII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 334. 1/14 июня 1916 г.

№ 1.

Я имел новую беседу с Никольсоном относительно подписания соглашения по вопросу о Малой Азии. Он сказал мне, что, в виду того, что восстание арабов в Геджасе принимает серьезные размеры, наивозможно скорый ответ на ноту Грея представляется крайне желательным. Я не предвижу затруднений относительно пункта 3 и полагаю воспользоваться текстом ноты Палеолога от 26 апреля [2]). Пункт 4 этой ноты представляет больше затруднений. В самом деле, он не соответствует вполне пункту 4 ноты Грея, трактующему специально... содержание ноты, адресованной Камбоном Грею, по просьбе последнего, где идет речь о правах судоходства и других. Дальнейшие изменения в ней пока не предусматриваются; мне не представляется возможным отказаться от упоминания о правах судоходства, так как это было бы равносильно предъявлению английскому правительству требования отказаться с настоящего момента в принципе, хотя и не упоминая об этом, путем редакционного опущения, от прав, которыми оно обладает. Я полагаю, что этот пункт может быть обсужден только непосредственными переговорами, но это потребует времени, и Вам предоставляется оценить важность затруднений, проистекающих из этих прав, сравнительно с неблагоприятными последствиями отсрочки. В редакции, которую я позволяю себе предложить для пункта 4, я опустил права религиозного протектората, так как Никольсон сказал мне, что Англия их не имеет.

Бенкендорф.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. стр. 187.

CXXXIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 335. 1/14 июня 1916 г.

№ 2.

Не уполномочите ли Вы меня предложить следующую редакцию: Пункт 3. Императорское правительство согласно признать сохранение во всех частях оттоманской территории, даже аннексированных Россией, железнодорожных и других концессий, предоставленных оттоманским правительством британским подданным. Однако, императорское правительство выражает пожелание, чтобы они были позднее изменены, для согласования их с законами империи. Это изменение будет иметь место по соглашению с королевским правительством. Пункт 4. В вышеозначенных частях оттоманской территории предоставленные права судоходства, равно как и (права) [2]) и привилегии всех британских религиозных, школьных и больничных учреждений будут сохранены; со своей стороны, королевское правительство обязуется сохранить аналогичные русские права и привилегии в зоне, предоставленной, в силу настоящего соглашения, Великобритании. Тем не менее, императорское правительство считает необходимым добавить, что, устанавливая вышеизложенное, оба правительства не имели в виду требовать сохранения в будущем прав юрисдикции и капитуляций в областях, которые будут русскими или британскими, а только обеспечить дальнейшее существование учреждениям и заведениям, ныне существующим, и открыть путь для переговоров, после заключения мира, между двумя державами.

Бенкендорф.

CXXXIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 336. 1/14 июня 1916 г.

№ 3.

Нота Камбона Грею от 15 мая. Текст: «Вашим сегодняшним сообщением ваше превосходительство выразили мне желание, прежде, чем ответить на мое письмо от 9 сего месяца относительно образования арабского государства, получить заверение, что в областях, которые будут французскими или в которых французские

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) В подлиннике „lois“, повидимому вместо „droits“.

интересы будут преобладающими, судоходные концессии, равно как и привилегии всех британских религиозных, школьных и больничных учреждений будут сохранены. Я имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что французское правительство готово утвердить различные британские концессии, имеющие достоверную, предшествующую войне, дату, в областях, которые ему будут предоставлены или которые будут от него зависеть. Что касается больничных, школьных и религиозных учреждений, то они будут продолжать свою деятельность, как и прежде, с тем, однако, что такая оговорка не подразумевает сохранения прав юрисдикции и капитуляций в этих территориях».

Бенкендорф.

CXXXV.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 338. 2/15 июня 1916 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 329 [1]).

Мандельштам просит передать: «К событиям в Сирии. Узнаю дополнительно, что Джемаль-паша обратился к населению Сирии с прокламацией, в которой обвиняет державы Согласия в стремлении разделить между собою Турецкую империю и объясняет казни сирийцев раскрытием заговора, составленного еще до войны и имевшего целью присоединение Сирии к Франции. Турки будто бы захватили во французском консульстве в Дамаске корреспонденцию, доказывающую тайные сношения сирийцев с Францией. Если это так, то эти бумаги находились в руках турецкого правительства с начала войны и, тем не менее, оно до сих пор ими не пользовалось. Поэтому можно предположить, что за последнее время произошли новые события, побудившие турок дать острастку сирийцам. Во всяком случае, не прекращающиеся казни и ссылки сирийцев неминуемо вызовут волнение во всем арабском мире и усилят ненависть к младотуркам. Достойно также внимания, что главная роль в этих преследованиях принадлежит Джемалю-паше, очевидно, оставившему всякую мысль о сближении с державами Согласия».

Бахерахт.

[1]) В телеграмме от 30 мая/12 июня 1916 г. № 329 В. Р. Бахерахт передает полученные им от А. Н. Мандельштама сведения о преследовании турецким правительством всех не турецких элементов.

CXXXVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 346. 8/21 июня 1916 г.

Имея в виду, что промедление в подписании ноты о Малой Азии может иметь неприятные последствия, надеюсь, что Вы найдете возможным отправить мне ответ на мою телеграмму № 335.

Бенкендорф.

CXXXVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 353. 10/23 июня 1916 г.

Ссылаюсь на мой № 346.

Г. Клерк, начальник особого отдела [2]) министерства иностранных дел, спросил меня, не могу ли я ускорить ответ на ноту Грея [3]). Я ответил, что я уполномочен подписать ноту, за исключением изменений в пунктах 3 и 4, по поводу которых ожидаю инструкций с минуты на минуту. Он добавил, что вопрос становится безотлагательным, так как в виду успеха арабского восстания, правительству Индии необходимо получить возможность опереться на соглашение между 3 державами. Я сказал, что, в виду того, что я уполномочен подписать ноту во всех ее статьях, имеющих значение с точки зрения согласия между державами, я не вижу препятствий к тому, чтобы правительство Индии было осведомлено о только что сказанном ему мною. Г. Клерк поблагодарил меня, прося все же ответить как можно скорее.

Бенкендорф.

CXXXVIII.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 2713. 10/23 июня 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 337. (334) [4]).

Желательно выяснить, что подразумевают англичане под словами «existing british rights of navigation and development» [5]), упоми-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) „Chef du bureau compétent“. Особый отдел при английском министерстве иностранных дел был учрежден во время мировой войны и ведал делами блокады.

[3]) См телеграмму гр. А. К. Бенкендорфа от 17/30 мая 1916 г. № 289 (стр. 200).

[4]) № 334 приписан карандашем, повидимому, в качестве исправления № 337, который к вопросу о разделе Азиатской Турции отношения не имеет; в № 337 идет речь о проекте выступления держав Согласия в Афинах.

[5]) „Существующие британские права навигации и преимущественное право получения концессий“ (право заявки).

наемыми в пункте 4 проекта их ноты. Необходимо также знать, какие судоходные права принадлежали англичанам в частях турецкой территории, имеющих отойти к нам.

Сазонов.

CXXXIX.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 371. 13/26 июня 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 2286 [1]) и на мою телеграмму № 286 [2]).

Мандельштам просит передать: Имел случай объясниться доверительным и частным образом с Кемалем Мидхатом в смысле преподанных мне инструкций. Объяснения мои, повидимому, удовлетворили моего собеседника, вполне уверенного в нашей победе и начинающего мириться с превращением Оттоманской империи в чисто турецкое государство. Мидхат обещал содействовать нашему........ и в то же время решил заняться реорганизацией своей партии на более прочных основаниях. В этих целях он пригласил в Швейцарию двух энергичных врагов младотурок Юсуфа Расиха и Ассафа Муамера, ныне находящихся в Салониках.

Бахерахт.

CXL.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов наместнику на Кавказе вел. кн. Николаю Николаевичу.

Проект письма.

№ 540. 14/27 июня 1916 г.

Занятие нашими войсками почти всей Великой Армении и предстоящее включение ее в пределы Российской империи ставят на очередь вопрос о будущем устройстве этой области. Хотя теперь, до окончания войны, может быть и преждевременно пытаться устанавливать вполне определенные и точные основания нашей внутренней политики в завоеванном крае, тем не менее мне представляется весьма полезным наметить ныне общие руководящие начала в этом отношении, тем более, что в настоящее время уже выработан и скоро будет введен в действие проект временного

---

[1]) См. стр. 199.
[2]) См. стр. 198.

положения «об управлении областями Турции, занятыми по праву войны» [1].

Наибольшая трудность и сложность предстоящей задачи заключается в постановке и разрешении армянского вопроса. Взятый во всей его совокупности, он несколько выходит за пределы русской внутренней государственной жизни как в виду той передовой международной роли, которая выпала на долю России при проведении армянских реформ в Турции, так и того, что часть армян останется в Малой Армении под властью другого государства. При предстоящем устройстве отходящих к нам армянских провинций мы не можем не считаться с этими 2-мя обстоятельствами. По этому поводу позволяю себе представить на благовоззрение вашего императорского высочества следующие соображения.

Как известно, крайними вехами, между которыми ставится обыкновенно у нас разрешение армянского вопроса, являются 2 течения: одно—стремление армянских националистов к полной автономии под эгидой России в духе предложенных нами реформ 1913 года [2], а другое—противоположное ему, низводящее политическое значение армян к нолю и пытающееся поставить на их место мусульман.

Мне кажется, что решение этого вопроса в том или другом направлении совершенно не соответствует государственным интересам России ни с точки зрения внутренней, ни внешней политики. Что касается предоставления широкой автономии армянам, то не

---

[1] При письме в деле имеется экземпляр приказа начальника штаба верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеева от 5 июня 1916 г. за № 739 высочайше утвержденный проект „временного положения об управлении областями Турции, занятыми по праву войны."

[2] В 1913 г. по инициативе России была собрана специальная международная комиссия по вопросу об армянских реформах из представителей 6 великих держав—Австрии, Англии, Германии, Италии, Франции и России. В качестве желательных реформ, намеченных Россией, было: создание особой армянской области из 6 вилайетов (Эрзерума, Вана, Битлиса, Диарбекира, Харпута и Сиваса), подчиненной генерал-губернатору, христианину, предпочтительно европейцу, назначаемому на пятилетний срок султаном с согласия держав; при генерал-губернаторе—главе исполнительной власти—состоит административный совет с совещательным голосом. Кроме того, учреждается особое областное управление из мусульман и христиан в равном числе, сроком на 5 лет (проект А. Н. Мандельштама). Русская программа предусматривала широкую судебную реформу и организацию областного корпуса полиции и жандармерии под начальством европейских офицеров. Со своей стороны, Турция, поддерживаемая центральными державами, выдвинула контр-проект, предполагающий раздел всей Азиатской Турции на 6 секторов, с турецкими генерал-инспекторами во главе 4 из них и с подчинением 2 восточных (Эрзерума, Трапезонда, Сиваса, Вана, Битлиса, Харпута. Диарбекира) генерал-инспекторам европейцам. В результате длительных переговоров 26 января/8 февраля 1914 г. был подписан протокол между Россией и Турцией, в силу которого Турция соглашалась учредить должность 2 генерал-инспекторов для восточных секторов, при чем она не противилась тому, чтобы ими были европейцы. Были получены также определенные обещания турецкого правительства провести аграрную, административную и судебную реформы. В свою очередь, Россия отказывалась от требования о создании единой армянской провинции и делала известные уступки в вопросе о местной жандармерии. (См. „Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении". Изд. мин-ства иностр. дел. Петроград, 1915 г.)

надо забывать, что в Великой Армении, завоеванной ныне Россией, армяне никогда не составляли большинства, а после карательных мер, примененных к ним турками во время войны и, по свидетельству самих армян, в ужасающих размерах,—это соотношение еще больше изменилось не в пользу армян, едва ли составляющих теперь даже 1/4 часть населения. При таких условиях армянская автономия в действительности приведет к несправедливому порабощению большинства меньшинством.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением, по которому армянский элемент должен быть принесен в жертву мусульманскому и что в борьбе между ними правительственной власти следует встать на сторону последнего. Это значило бы поставить армян в худшее положение, чем то, которое они занимали под турецким владычеством, и заставить их с завистью обращать взоры на зарубежных сородичей, которым будет так или иначе обеспечено свободное развитие. Кроме этого, такое разрешение вопроса может поставить Россию в неловкое положение, так как из всех держав она наиболее энергично отстаивала проведение широких реформ в турецкой Армении.

По этим соображениям мне представляется, что лучшим выходом для нас было бы при устройстве вновь завоеванных областей Турции особенно строго руководиться началами законности, справедливости и совершенно беспристрастного отношения ко всем разнородным элементам в крае, не противопоставляя их друг другу и не оказывая исключительного покровительства одной какой-либо народности в ущерб другой.—Таким образом оказалось бы возможным предоставить армянам, в известных рамках, школьную и церковную самостоятельность, право пользования языком, а также городское и сельское самоуправление, с соблюдением при выборах % соотношения населения. К нехристианским элементам следует применить те же начала, насколько это позволят местные условия и степень их культурного развития. Проект вышеупомянутого временного положения отчасти уже становится на эту точку зрения, предоставляя некоторую долю самоуправления «сельским обществам» и «сельским округам».

Тот же принцип законности и беспристрастия должен быть соблюден при разрешении вопросов о местном землевладении и колонизации. В этом отношении настоятельно необходимо подвергнуть строгому расследованию все имевшие [1]) последнее время многочисленные случаи самовольного захвата мусульманами имуществ, принадлежащих выселенным или убитым армянам, с восстановлением прав настоящих собственников и их наследников.

По моему глубокому убеждению, проведение в жизнь вышеуказанных начал внушит местному населению уважение к местной власти, отнимет почву для всякой нездоровой внутренней и внешней агитации и создаст для местного населения такие условия жизни, в которых оно без сожаления будет вспоминать о прошедших временах турецкого господства.

---

[1]) В подлиннике, повидимому, пропущено слово: „место“.

CXLI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 380. 21 июня/4 июля 1916 г.

Получил Ваш № 2713 [2]).

В ответ на испрошенные мною объяснения, я получил ноту, в которой сказано, что выражение: «droits de navigation» [3]) относится к правам большого каботажа, которым пользовались до войны в Черном море русские, английские, французские и итальянские суда. Выражение «rights of development» [4]) относится как к правам, приобретенным английскими подданными, в силу концессий оттоманского правительства на некоторые местные рудники вблизи Керасунда, так и к праву опциона, [5]) приобретенному Национальным Испанским Банком для сооружения портов и пристаней в Самсуне и Трапезонде.

Бенкендорф.

CXLII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 399. 27 июня/10 июля 1916 г.

Лично.—На основании косвенных данных, я полагаю, что великобританское министерство иностранных дел более озабочено отсрочкой ответа на ноту о Малой Азии, чем я этого ожидал. Если отсрочка, вызванная переговорами об английских правах пункта 4, повлечет за собой затруднения для английского кабинета в его сношениях с арабами, то положение станет серьезным по мотивам, относящимся, независимо от их важности, к правам, неоспоримо принадлежащим Англии, представляющимся мне несоизмеримыми с теми пагубными последствиями и для наших собственных интересов, которые я предвижу. В отношении Франции аналогичные права едва упоминаются. С личной точки зрения, я полагаю необходимым незамедлительно найти какой-нибудь выход. Я не вижу другого, кроме объяснения или заявления с Вашей стороны Бьюкенену, в котором Вы высказали бы ему, что, одобряя сущность ноты, Вы оговариваете только пункт 4, предупреждая его, что переговоры будут иметь место позднее.

---

1) Перев. с фр.
2) См. стр. 206.
3) „Права судоходства“.
4) „Преимущественное право на получение концессий“.
5) Право заявки.

Если Вы сочтете возможным принять этот проект, соблаговолите снабдить меня соответствующими инструкциями для составления ноты Грею. Из всех переговоров, имеющих отношение к британским условиям, это единственные—между нами и Англией,—которые испытали значительную задержку. Я полагаю, что это дело становится безотлагательным.

Бенкендорф.

CXLIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 412. 1/14 июля 1916 г.

Здешнее министерство иностранных дел заявило английской фирме,—в ответ на ее запрос,—что Трапезонд может ныне считаться в отношении торговли занятым союзной державой.

Бенкендорф.

CXLIV.

Наместник на Кавказе вел. кн. Николай Николаевич министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

№ 21083. Тифлис, 3/16 июля 1916 г.

Сергей Дмитриевич,

В ответ на обращение Ваше ко мне от 14-го сего июня за № 540 [1]), я вполне соглашаюсь с Вами, что крайне желательно было бы теперь же, до окончания войны, наметить руководящее начало по вопросу о включении в пределы Российской империи областей Турции, занятых нами по праву войны, и отлично сознаю сложность и трудность разрешения армянского вопроса.

Армянский вопрос в пределах ныне существующей Российской империи, по моему глубокому убеждению, совершенно отсутствует, и не следует даже допускать напоминания о таковом, так как русско-подданные армяне в наместничества являются равноправными русскими подданными наравне с мусульманами, грузинами и русскими. Я считаю, что во вверенном мне Кавказском крае власть должна стремиться к полному равноправию всех национальностей, без исключения, и не могу скрыть, что в существующих в крае национальных трениях, до сего времени, серьезное влияние имело, может быть и не сознательно, направление краевой власти. Это трение, вековыми распрями созданное, я твердо верю, уляжется при незыблемом сознании власти, что все народности, населяющие Кавказский край, должны пользоваться одними и теми же правами русских подданных и одинаково близки сердцу царя.

[1]) См. стр. 207.

На основании изложенного я полагал бы, с государственной точки зрения, что армянский вопрос по существу такового имеет место лишь за пределами существовавших до начала настоящей войны имперских границ, то-есть в районе ныне завоеванных нами турецких вилайетов.

Переходя к существу изложенного Вами мнения, я крайне рад отметить полное совпадение моего взгляда с высказанными Вами соображениями.

Россия, конечно, наиболее энергично отстаивавшая проведение широких реформ в турецкой Армении, не может не считаться со страданиями, перенесенными в течение настоящей войны армянским народом вследствие мусульманского гнета. Не подлежит сомнению, что при устройстве вновь завоеванных областей Турции надлежит самым строгим образом положить начало законности и справедливости и полного беспристрастия ко всем народностям, заселяющим завоеванные области. Конечно, не касаясь вопроса об автономии Армении под эгидой России, каковой вопрос, по всем вероятиям, к жизни пока еще не будет призван и, по моему мнению, мог бы лишь опасно осложнить мирное разрешение вопросов, возникших при нынешней войне, я вполне с Вами соглашаюсь, что следует, и вполне возможно, предоставить армянам школьную и церковную самостоятельность, управление церковными капиталами и имуществами, право пользования языком, но при условии первенства русского наречия во всех официальных случаях, а также городское и сельское самоуправление, с соблюдением при выборах процентного соотношения населения. К нехристианским элементам, конечно, следует применить те же начала, в согласии с местными условиями и степенью их культурного развития.

Что же касается соблюдения, при разрешении вопросов о местном землевладении и колонизации, той же законности и беспристрастия, то я, конечно, всецело присоединяюсь к изложенному Вами мнению. В доказательство солидарности моего с Вами мнения, при сем прилагаю для Вашего сведения копию приказа моего от 19-го марта сего года за № 121 [1]), запрещающего всякие самовольные захваты в завоеванных нами турецких областях.

В заключение не могу умолчать, что в виду возникающих у меня серьезных опасений по назревающему продовольственному кризису, угрожающему серьезными последствиями как для армии, так и для Кавказского края, я не могу не обратить самого озабоченного внимания к устранению столь тяжелой предстоящей опасности и посему теперь же приказал приступить к обсуждению вопроса о возвращении армянских беженцев в пределы завоеванных областей Турции на свои земли с тем, чтобы, дав им вновь укрепиться на родных угодьях, значительно облегчить расход на продовольствие беженцев и за-одно вернуть к жизни плодородные земли турецкой Армении, что, несомненно, даст серьезное облегчение в деле продовольствия армии.

Глубоко Вас уважающий *Николай.*

---

[1]) В деле имеется копия приказа.

CXLV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 510. 4/17 июля 1916 г.

Копия в Рим.

Итальянский посол затронул на-днях в разговоре с Брианом вопрос об Азиатской Турции и высказал, что Италия заинтересована не только в Адалии, но и в Сирии, и Киликии. Из его слов можно было заключить, что Италия имеет виды на Адану. Бриан ответил, что Адалия уже присуждена союзниками Италии [1]), но что Сирия и Киликия с Аданою всецело входят в сферу Франции.—Баррер, поставленный в известность об этом разговоре, телеграфирует из Рима, что до сих пор Соннино не затрагивал вопроса и что ему неизвестно, говорил ли Титтони по (поручению) своего правительства или от собственного ...(и). Если Соннино заговорит с ним об этом предмете, ему предложено повторить ответ Бриана.

Извольский.

CXLVI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 508. 7/20 июля 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 510.

Соннино не затрагивал со мною вопроса об итальянских вожделениях в Азиатской Турции, но не сомневаюсь, что в Италии мечтают о них. Полагаю, что, вообще, с дальнейшим развитием военных успехов союзников, итальянские претензии будут расти. Не вижу другого способа обуздания их, как не выходить из рамок нашего договора с Италией, коим и должны быть ограничены ее права.

Гирс.

На подлинннике собственноручная пометка Николая II: „Да".

Ставка, 12 июля 1916 г.

---

[1]) См. ст. 9 Лондонского соглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г. (прил. № 2).

CXLVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову [1]).

Телеграмма [2]).

№ 427. 11/24 июля 1916 г.

Лично.—Считаю своим долгом еще раз указать, ссылаясь на мои предшествующие телеграммы по тому же вопросу, насколько, на мой взгляд, становится необходимым ответить на ноту Грея относительно Азиатской Турции. Хотя я и уполномочен Вашей телеграммой [3]) подписать, однако затруднение, созданное пунктом 4, остается до сих пор не разрешенным. Я не знаю, были ли начаты переговоры по этому поводу между министром и Бьюкененом; но каково бы ни было значение для настоящего времени вопроса, затрагиваемого этим пунктом, очевидно, что оно несоизмеримо с тем, которое будет иметь в будущем соглашение, имеющее своим предметом всю будущность Азиатской Турции. Ни Грей, ни Гардинг не возвращались с тех пор к этому вопросу в беседах со мной. Более продолжительная отсрочка, помимо затруднений, создаваемых для Англии в ее соглашениях с арабами, которые нуждаются в определенной основе, не может не пробудить известные опасения, в высшей степени вредные для наших интересов в Азиатской Турции. Фактически соглашение уже заключено. Англо-французский проект встретил возражения императорского министерства относительно французского распространения, столь значительного по проекту, без соответствующих компенсаций для России. В результате наших возражений проект был исправлен и незамедлительно утвержден обменом нот между нами и Францией [4]) и между Англией и Францией [5]). Таким образом он утвержден в принципе, и остается только невыполненным документальное подтверждение его между нами и Англией. Сравнительно второстепенные вопросы, затрагиваемые пунктом 4 английской ноты, не могли бы, на мой взгляд, оправдать дальнейшую отсрочку, не вызвав серьезных затруднений и не произведя, по крайней мере, неблагоприятного впечатления. Поэтому я и позволяю себе указать на это еще раз и просить Вас соблаговолить препроводить мне соответствующие указания и инструкции.

Бенкендорф.

---

[1]) 7/20 июля С. Д. Сазонов был уволен от должности министра иностранных дел, с назначением в госуд. совет. Министром был назначен председатель совета министров Б. В. Штюрмер.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Телеграмма российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова гр. А. К. Бенкендорфу от 21 мая/3 июня 1916 г. № 2368 (см. стр. 201).

[4]) См. стр. 185—188.

[5]) Обмен нот между Францией и Англией состоялся в мае месяце 1916 г. (См. телеграмму гр. А. К. Бенкендорфа от 3/16 октября 1916 г. № 621, стр. 242—243).

CXLVIII.

Наместник на Кавказе вел. кн. Николай Николаевич председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 2115. 15/28 июля 1916 г.

Мне необходимо знать, знакомы ли Вы с обращением на мое имя гофмейстера Сазонова от 14 июня с. г. за № 540 [1]) и с ответным рескриптом моим от 3 сего июля за № 2183 [2]) и солидарны ли Вы с мнением Вашего предшественника, а также одобряете ли высказанные мною положения. Весьма важно при нынешнем формировании временного генерал-губернаторства в областях Турции, занятых нами по праву войны, чтобы мои распоряжения соответствовали бы преднамеченным условиям, а потому мне крайне желательно знать по сему вопросу Ваше мнение. Выезжая сегодня на некоторое время на боевой фронт вверенных мне войск, прошу ответ на настоящую телеграмму адресовать моему помощнику князю Орлову, который таковой мне передаст.

Генерал-адъютант *Николай.*

CXLIX.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

№ 3299. 16/29 июля 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 427.

Сохранение за Англией предоставленных ей Турцией прав судоходства находилось бы, что касается права большого каботажа, в противоречии с русскими законами. Стремясь, однако, к скорейшему подписанию соглашения по вопросам Малой Азии, не встречающего никаких возражений во всем остальном, мы дадим ответ по пункту 4-му по тщательном рассмотрении вопроса.

Нератов.

CL.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1680. 18/31 июля 1916 г.

Я сказал итальянскому послу, что я не могу сделать ему сепаратного сообщения по такому вопросу, как вопрос об Азиатской Турции, который касается Франции, России и Великобрита-

[1]) См. стр. 207.
[2]) В подлиннике, повидимому, ошибка; следует читать: 21083; см. стр. 211.
[3]) Перев. с англ.

нии; если Соннино желает обсудить этот вопрос, ему следовало бы начать переговоры по этому поводу в Лондоне, Париже и Петрограде. Я посоветовал ему не делать этого до тех пор, пока не произойдет полного разрыва между Италией и Германией.

CLI.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер на имя и. д. чиновника для пограничных сношений при наместнике на Кавказе, С. Н. Столицы.

Телеграмма.

№ 3335. 19 июля/1 августа 1916 г.

Благоволите передать князю Орлову:

Секретная телеграмма его императорского высочества за № 2115 [1]) мною получена. Я ознакомился как с запиской гофмейстера Сазонова по армянским делам на имя великого князя [2]), так и с ответным рескриптом его императорского высочества [3]). Вполне разделяю взгляды на будущее устройство завоеванных нами армянских провинций Турции, изложенные в этих двух документах, о чем покорнейше прошу ваше сиятельство доложить его императорскому высочеству.

Штюрмер.

CLII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 553. 20 июля/2 августа 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Великобританский посол сообщил Бриану, что на домогательства итальянского посла осведомить его правительство о русско-англо-французских соглашениях об Азиатской Турции, Грей ответил, что он не может этого сделать без согласия остальных двух союзников и что поэтому Италия должна обратиться по настоящему вопросу также в Петроград и Париж. Грей присовокупил, что, по его мнению, обращение это должно состояться лишь после того, как будет окончательно выяснено отношение Италии к Германии.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 215.
[2]) См. стр. 207.
[3]) См. стр. 211.

CLIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 453. 20 июля/2 августа 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 3299. [2])

Я сказал Гардингу, что императорское правительство горячо желает ускорить подписание ноты относительно Азиатской Турции, но что пункт 4 требует более подробного изучения и что императорское правительство ответит по этому поводу в наивозможно скором времени. Я объявил от имени императорского правительства лорду Гардингу, что, за исключением этого 4 пункта, ни один из вопросов, затрагиваемых в данной ноте, не вызывает с нашей стороны какого-либо возражения и что мы к ней присоединяемся.

Бенкендорф.

CLIV.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эдуард Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1769. 29 июля/11 августа 1916 г.

Из Парижа.

Премьер-министр готов сообщить итальянскому послу, что французский министр иностранных дел не может дать ответа по такому вопросу, который интересует всех трех союзников, не посоветовавшись с Великобританией и Россией.

По личному мнению премьер-министра, трем державам не следовало бы считать объявление Италией войны Германии необходимым условием для сообщения Италии об их переговорах относительно Турции. Тем не менее он согласен довести до сведения итальянского правительства, что, по его личному мнению, было бы политически целесообразно и соответствовало бы интересам Италии воздержаться от официального возбуждения этого вопроса в Лондоне, Париже и Петрограде до тех пор, пока положение ее по отношению к Германии не будет соответствовать соглашениям 1915 года между Италией и державами [4]).

---

[1]) Перев. с фр.
[2]) См. стр. 215.
[3]) Перев. с англ.
[4]) См. прил. № 2.

CLV.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3581. 4/17 августа 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 3299 [1]).

При предварительном рассмотрении этого вопроса выяснилось, что русское законодательство признает право каботажного плавания между русскими портами только за судами, плавающими под русским флагом, что оговорено в целом ряде трактатов, заключенных Россией с другими державами, в том числе с Великобританией.

Вопрос этот впоследствии может быть подвергнут пересмотру, но предрешать его в настоящее время не представляется возможным.

Полагаю, что это обстоятельство не должно служить препятствием к принципиальному принятию Англией проекта соглашения по малоазиатским делам, за исключением спорной части п. 4.

Благоволите в этом смысле переговорить с министром иностранных дел. Подробности письмом.

Штюрмер.

CLVI.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 510. 13/26 августа 1916 г.

Мандельштам просит передать: Члены турецкой оппозиции в Швейцарии Кемаль Мидхат и Али (Гаиб) представили нашей, французской и английской миссиям секретный мемуар, содержащий план ниспровержения младотурецкого правительства. План этот предусматривает полное преобразование оппозиционной партии, во главе которой станет временный комитет в Париже. В Женеве будет действовать осведомительный отдел, поддерживающий с Турцией постоянную связь посредством особых тайных курьеров.— В Салониках будет организован другой отдел, служащий главным образом агитационным целям. Наконец, план предвидит поднятие открытого восстания в Турции, где, будто бы, народ и армия только ждут случая свергнуть младотурецкое иго. С этою целью предлагается снаряжение экспедиционного корпуса из турецких эми-

[1]) См. стр. 215.

грантов и пленных, находящихся в Англии и Франции. Если этому корпусу удастся высадиться в Турции, будет провозглашено временное правительство с принцем османской династии во главе, к которому примкнут некоторые сочувствующие оппозиции губернаторы. Утвердившись, это новое правительство поспешило бы заключить мир с державами Согласия. Снаряжение такой экспедиции, а равно создание правильно действующих органов осведомления и пропаганды потребует, конечно, расходов, которые оппозиция, в случае принятия ее плана, возлагает на союзников. Тотчас после обмена мнений с французской и английской миссиями, сообщу их мнение по возбужденным оппозициею вопросам. Покамест считаю долгом почтительнейше обратить внимание министерства на желательность использовать оппозицию, хотя бы только в деле правильной постановки осведомления. Оказывается, что турецкое правительство уже несколько времени тому назад подчинило строжайшему контролю поездки частных лиц из Турции в Швейцарию, вследствие чего получение сведений о турецких делах крайне затруднено. Решаюсь поэтому ходатайствовать о скорейшем отпуске миссии фондов на поездку тайных агентов из Швейцарии в Турцию.

Бахерахт.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „С Турцией надо п о к о н ч и т ь. Во всяком случае, в Европе ей больше не место. Поэтому нам входить в сношения с оппозицией не следует". Царская Ставка, 20 августа 1916 г.

CCVII.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3782. 19 августа/1 сентября 1916 г.

Сообщается в Рим.

Здешний итальянский посол передал нам просьбу своего правительства о сообщении ему содержания всех политических соглашений, заключенных Англией, Францией и Россией по различным вопросам, связанным с войной, помимо Италии. Вместе с тем итальянское правительство желало бы знать, в какой из столиц предполагается сделать обмен мнений по этому поводу. Предполагая, что подобная просьба была обращена и к другим союзникам, прошу Вас осведомиться о взгляде на этот вопрос правительства, при коем Вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать. Со своей стороны, полагал бы излишним придавать этим сообщениям слишком официальный и торжественный характер. Осведомление итальянского правительства по интересующим его вопросам могло бы последовать через посредство союзных послов в Риме путем передачи небольшой памятной записки, текст которой может быть установлен заранее.

Штюрмер.

CLVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 625. 20 августа/2 сентября 1916 г.

Копия в Лондон и Рим.

Получил Вашу телеграмму № 3782.

За отсутствием Бриана и Камбона, сообщил ее содержание Маржери, который сказал мне, что итальянский посол обратился несколько дней тому назад к Бриану с такой же устной просьбой. Бриан ответил любезно, но уклончиво. Не премину переговорить с Брианом о Вашем предложении тотчас по его возвращении.

Извольский.

CLIX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 612. 21 августа/3 сентября 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

Личная.—Получил № 3782.

По поводу обращения к вашему высокопревосходительству итальянского посла позволю себе донести, что здесь замечается усиленное стремление извлечь пользу из фактов объявления войны Германии [1]) и посылки дивизии в Салоники [2]) для увеличения итальянских требований при заключении мира. Между тем Италия должна была объявить войну всем нашим врагам с самого начала своего выступления. Условия ее участия в войне были ясно определены Лондонским соглашением [3]), и ничего в ее действиях не дает ей права требовать изменения этих условий в ее пользу. Обмен мнений в какой-либо одной из столиц по поводу политических соглашений, заключенных между Россией, Францией и Англией до выступления Италии, нисколько неподлежащих измене-

---

1) 15/28 августа 1916 г. (см. прим. 1 стр. 190).

2) Летом 1916 г. между Францией и Италией шли переговоры о посылке итальянской дивизии в Салоники. Итальянское правительство после долгих колебаний 13/26 июля приняло решение удовлетворить требование Франции, при условии наступательных действий экспедиционной армии ген. Саррайля. (Телеграммы М. Н. Гирса за июнь, июль 1916 г.).

3) См. прил. № 2.

нию вследствие ее выступления, может дать ей предлог возбудить новое обсуждение этих соглашений и требовать компенсаций. Имея в виду по возможности избегнуть этого, я считал бы более осторожным, чтобы ответы итальянским послам были даны в каждой столице, при их обращении, в отдельности. При этом, конечно, предварительно должно быть установлено между нашими правительствами тождественное содержание ответов, имеющих характер осведомления.

Гирс.

CLX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 520. 23 августа/5 сентября 1916 г.

Получил Вашу телеграмму № 3782.

Гардинг сказал мне, что итальянский посол только что сделал вербальное заявление относительно сообщения Италии соглашений, заключенных между тремя союзными державами. По словам Гардинга, лондонский кабинет принимает в принципе проект формы сообщения, который Вы предлагаете. Речь будет итти о соглашении относительно Константинополя и проливов, равно как и о соглашении об Азиатской Турции.

Бенкендорф.

CLXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 521. 23 августа/5 сентября 1916 г.

Копия в Париж.

Получил Вашу телеграмму № 3782.

Лично.—Беседа моя с лордом Крю.—Его личное впечатление благоприятно Вашей точке зрения и проекту. Официальный ответ донесу незамедлительно. Основательность Вашего проекта—избежать излишней торжественности и сделать совместное заявление в Риме—представляется мне бесспорной. Но не кажется ли Вам, что крупные выгоды, обеспеченные России соглашениями, говорят в пользу возможно более полного сообщения? Только в Англии,—

[1]) Перев. с фр.

само собой разумеется, как результат окончательного укрепления англо-русского согласия,—общественное мнение категорически и единодушно высказалось в пользу присоединения Константинополя к России. Во Франции дело обстоит несколько иначе. Но Франция связана. Полное сообщение Италии явилось бы косвенным, но драгоценным подтверждением соглашения. Слишком частичное сообщение могло бы дать Италии в тот день, когда она все узнает, повод к более обоснованным жалобам, чем если бы она теперь была поставлена тремя державами перед фактом неизменного решения, принятого ими,—уже не говоря о том, что в противном случае она может найти себе косвенную поддержку, если не в Англии, то, во всяком случае, во французском, невполне устойчивом, общественном мнении. Тоже можно сказать о соглашении касательно Азиатской Турции, которое признает за нами всю Армению. Колебания Италии, которые я считаю вероятными, по поводу этого соглашения представят нам случай оказать помощь Франции, наиболее заинтересованной из всех трех, и этим путем принудить ее решительно поддержать нас в вопросе о Константинополе. Мне кажется также, что согласованный отказ в сообщении англо-франко-русских соглашений до объявления Италией войны Германии, противопоставленный Греем Империали, влечет за собой необходимость сообщения в настоящее время. Позволяю себе высказать эти несколько замечаний, которые, если Вы сочтете это подходящим, могли бы найти себе применение при обмене мнений о тексте сообщения, которое следует сделать в Риме.

Бенкендорф.

CLXII.

Памятная записка французского посольства в Петрограде председателю российского совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру [1]).

Г. Бриан полагает, что ответ на просьбу Италии сообщить ей соглашение Тройственного Согласия относительно Востока должен быть дан в простой и краткой форме, при этом следует предварительно выработать совместно ноту, суммирующую основные пункты. Дело идет исключительно о точном определении итальянской зоны в Малой Азии, которая в общих чертах была установлена Лондонским соглашением [2]). Соглашения о Константинополе, равно как и соглашения о Малой Азии, предусматривают только простое сообщение.

Что касается места и формы этого сообщения, то г. Бриан не выражает желания, чтобы это было поручено ему в Париже.

6 сентября 1916 г.

---

[1]) Перев. с фр. [illegible]

[2]) Ст. 9 Лондонского соглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г. (см. прил. № 2).

CLXIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 629. 24 августа/6 сентября 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 3782 [1]) и на мою № 625 [2])

Бриан только что сообщил мне следующий ответ: [3]) «Г. Бриан имеет честь довести до сведения г. Извольского, что итальянский посол действительно обратился к нему с просьбой от имени г. Соннино сообщить все соглашения, состоявшиеся с начала войны между Францией, Россией и Англией по вопросу о Константинополе и проливах и Малой Азии. При этом г. Титтони предложил, чтобы сообщение сделано было в Париже, а затем было повторено в других столицах. Г. Бриан разделяет в общих чертах точку зрения г. Штюрмера о важности придать сообщению, испрашиваемому Италией, простую и краткую форму и предварительно совместно выработать текст ноты, суммирующей основные пункты соглашений, заключенных с начала войны между тремя державами без участия Италии. Хотя итальянский посол и выразил желание, чтобы испрашиваемые сообщения были сделаны ему французским правительством в Париже, г. Бриан не имеет намерения изъявить особое пожелание, чтобы сделать это было поручено ему в Париже. Он не имел бы со своей стороны никаких возражений, если российское и британское правительства также желают этого, чтобы сообщение состоялось при посредстве союзных послов в Риме. Что же касается соглашений относительно Константинополя и проливов, а также соглашений относительно французской, русской и английской зон в Малой Азии, то г. Бриан считает простое сообщение вполне достаточным, чтобы удовлетворить желание итальянского правительства. Наконец, что касается итальянской зоны, которая в случае раздела Оттоманской империи будет предоставлена Италии, то в виду того, что в общих чертах она была установлена Лондонским договором от 26 апреля 1915 г. [4]), необходимо было бы лишь точно определить ее границы». Конец.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 219.
[2]) См. стр. 220.
[3]) Текст ответа в подлиннике на французском языке.
[4]) Ст. 9 Лондонского соглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г. (см. прил. № 2).

CLXIV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 633. 24 августа/6 сентября 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на мой № 629.

Доверительно.—В дополнение к своему официальному ответу по вопросу о сообщении Италии заключенных между Россией, Францией и Англией соглашений, Бриан сказал мне, что он тем охотнее присоединяется к предложенному Вами способу действий, что им устраняется всякая попытка итальянского правительства возбудить по настоящему поводу новые переговоры с союзниками с целью добиться дополнительных выгод, на что [он] слышал ясный намек в словах итальянского посла. Бриан присовокупил, что в разговоре с Титтони он категорически заявил ему, что вышесказанные соглашения могут быть сообщены Италии лишь для сведения и не подлежат никакому дальнейшему обсуждению. Считаю долгом особенно отметить это заключение Бриана о бесспорности и окончательном характере соглашения о Константинополе, проливах и Малой Азии и позволяю себе высказать, что при таких условиях сообщение Италии этих соглашений является для нас не только приемлемым, но крайне желательным, ибо оно как бы еще раз закрепит признанные за нами права.

Извольский.

CLXV.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3864. 24 августа/6 сентября 1916 г.

№ 1. За № 2 Вам передается проект сообщения, которое могло бы быть сделано итальянскому правительству союзными послами в Риме, каждым в отдельности. Само собою разумеется, что все не упомянутые в этом сообщении подробности, относительно которых уже состоялось между Францией, Англией и Россией соглашение путем предыдущего обмена нот, остаются в силе.

О последующем благоволите телеграфировать.

Штюрмер.

CCXVI.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма [1]).

№ 3865. 24 августа/6 сентября 1916 г.

№ 2. Во время переговоров, имевших место между правительствами Великобритании, Франции и России по вопросам, касающимся Востока, было установлено:

§ 1. Франция и Великобритания не выставят никаких возражений против того, чтобы город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, южная Фракия до линии Энос-Мидия, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекою Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, равно как острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос были включены в состав России.

§ 2. Франция, Великобритания и Россия готовы признать и взять под свое покровительство независимое арабское государство или федерацию арабских государств под сюзеренитетом арабского вождя. В зоне, расположенной к северу от этой области,—Франция, и в зоне, расположенной к югу,—Великобритания будут иметь право на предприятия и местные займы и будут в праве установить такое управление, прямое или косвенное, или такой контроль, которые они пожелают и которые они сочтут подходящими для страны.

Что касается Палестины, то здесь будет учреждено международное управление, форма которого будет решена позднее, при условии, что всем христианским учреждениям, находящимся в Святой Земле, будет обеспечено сохранение их прежних прав и привилегий.

§ 3. Россия аннексирует область Малой Азии вплоть до подлежащего определению пункта на побережьи Черного моря к западу от Трапезонда, равно как и область Курдистана, расположенную к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией, и областью Мергевера.

Франция аннексирует территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином и Харпутом, равно как и области Сирии и Киликии.

Великобритании будет предоставлена южная часть Месопотамии и порты Кайфа и Акра.

Сообщая все вышеизложенное королевскому правительству, посол.... имеет честь прибавить, по распоряжению своего правительства, что постановления ст. 9 Лондонского соглашения, заклю-

---

[1]) Перев. с фр.

ченного 13/26 апреля 1915 г. между Италией, Великобританией, Францией и Россией [1]) касательно признания специальных интересов Италии в провинции Адалии и областях, прилегающих к Средиземному морю, в случае раздела Азиатской Турции, само собою разумеется, останутся в силе.

Штюрмер.

CLXVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [2]).

№ 524. 24 августа/6 сентября 1916 г.

Объяснения, данные мною согласно инструкциям, изложенным в № 3299 [3]), не вызвали никаких затруднений, и я не предвижу затруднений также и по поводу оговорки относительно пункта 4 ноты Грея, на которую я должен ответить. Я проверю свои заключения на этот счет и передам Грею ноту, принимающую все пункты английской ноты, но формулирующую относительно пункта 4 оговорку, которую предписывает мне Ваша телеграмма № 3581 [4]) и точное содержание которой она мне дает.

Бенкендорф.

CLXVIII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 618. 25 августа/7 сентября 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 612 [5]).

Доверительно.—Французский посол выехал вчера в Париж по приглашению Бриана. В день отъезда он виделся с Соннино, который впервые заговорил с ним о желательности сообщения Италии заключенных между Россией, Францией и Англией соглашений, в виду установленных теперь вполне доверчивых отношений между 4-мя союзниками. Баррер подтвердил, что действительно все относятся теперь с доверием к Италии, но от ответа по существу заявления Соннино Баррер воздержался.

Гирс.

[1]) См. прил. № 2.
[2]) Перев. с фр.
[3]) См. стр. 215.
[4]) См. стр. 218.
[5]) См. стр. 220.

CLXIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 530. 26 августа/8 сентября 1916 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 521 [2]).

Получил телеграмму Извольского № 629 [3]).

Я не отдаю себе отчета, почему Бриан желает в сообщение итальянскому правительству секретных соглашений, о которых оно до сих пор не было осведомлено, ввести постановления апрельского Лондонского договора 1915 г. [4]), которые никоим образом не подходят под эту категорию. Италия может убедиться при рассмотрении соглашений относительно Азиатской Турции, что ее действительным интересам не причинен ущерб. Если же мы в данном случае точно определим их объем, то, мне кажется, мы дадим ей без всякой необходимости возможность требовать дополнительных уступок. С другой стороны, в виду того, что Франция является наиболее заинтересованной державой в этом пункте, мне представляется трудным сделать с нашей стороны возражения против этого проекта. В виде компенсации это облегчило бы нам по отношению к Франции изъявление пожелания, чтобы соглашение касательно Константинополя было сообщено полностью, что продолжает представляться мне исключительно полезным по причинам, изложенным в моей телеграмме № 521.

Бенкендорф.

CLXX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 637. 27 августа/9 сентября 1916 г.

Копия в Лондон и Рим.

Получил Ваши телеграммы № 3864 и 3865 [5]).

Тотчас передал Бриану Ваш проект сообщения итальянскому правительству. В ожидании его официального ответа, считаю долгом поставить Вас в известность о некоторой перемене его

[1]) Перев. с фр.
[2]) См. стр. 221.
[3]) См. стр. 223.
[4]) См. прил. № 2.
[5]) См. стр. 224—225.

взгляда на этот вопрос; а именно, он считает предпочтительным сообщить Италии не краткую памятную записку, а самый текст заключенных Россией, Францией и Англией соглашений, с предупреждением, что акты эти не подлежат дальнейшему обсуждению. По его убеждению, это предотвратит в будущем возможность со стороны Италии каких-либо жалоб или попыток вновь поднять вопрос под предлогом неосведомленности о них, или иных подробностей. Что касается 9-ой статьи Лондонской конференции [1]), то, по мнению Бриана, можно было бы согласиться, если итальянское правительство этого пожелает, вступить с ним в переговоры о более точном определении границ обещанных ей территорий. Далее он предложил сделать сообщение не в Риме, а в Лондоне, через посредство лорда Грея, который и прежде выступал пред итальянским правительством от имени трех держав, ибо это также устранило бы попытки Италии возбудить ненужные переговоры в других столицах и нежелательное личное вмешательство в дела здешнего итальянского посла. Позволяю себе высказать, что намечаемый Брианом образ действий имеет для нас, с точки зрения здешних условий, несомненные выгоды, ибо он придал бы заключенным между нами и Францией соглашениям особую силу и законченность.

Извольский.

CLXXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [2]).

№ 534. **27 августа/9 сентября 1916 г.**

Копия в Париж и Рим.

Получил Вашу телеграмму № 3864 [3]).

Когда я передал лорду Гардингу Ваш проект сообщения в Риме, он вручил мне в ответ английский меморандум, содержание..... Ваш № 3782 [4]) и просил меня передать Вам его по телеграфу, как точку зрения лондонского кабинета. Лорд Гардинг сказал мне, что, по его мнению, если державы ограничатся резюме состоявшихся между ними соглашений, итальянское правительство не сочтет себя удовлетворенным, и переговоры будут продолжаться: в действительности нет никаких оснований скрывать от него что-либо, и даже выгоднее этого не делать. Он склонен думать, что итальянское правительство имеет на это право. По его словам, французское правительство одобрило английский проект,

[1]) В подлиннике, вероятно, ошибка; следует читать: „конвенции" (см. прил. № 2).
[2]) Перев. с фр.
[3]) См. стр. 224.
[4]) См. стр. 219.

но предложило осуществить передачу копий документов в Лондоне. Лорд Гардинг сказал, что лорд Грей относится безразлично к выбору столицы для передачи. В меморандуме он предложил Рим, как акт любезности по отношению к Италии, но соглашается, что это было бы неудобным, так как в этом случае документы должны быть посланы в Рим, а это потребует новой отсрочки. В виду этого он был бы согласен, если бы и Вы с этим согласились, чтобы передача состоялась в Лондоне. Он считает... желательным, чтобы она была произведена незамедлительно. Он настаивал на [этих] соображениях.

Бенкендорф.

CLXXII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 535. 27 августа/9 сентября 1916 г.

Копия в Париж.

Меморандум, приводимый в моей телеграмме № 1 [2]), говорит в сущности, что лорд Грей разделяет мнение Ваше и Бриана, что информации не должны являться предметом формального обмена нот, которые могли бы вызвать обсуждение в итальянском ответе. Грей между тем думает, что итальянское правительство имеет право на полную информацию, и самый текст двух соглашений, (где) речь идет о Константинополе и Азиатской Турции, должен быть сообщен. Если Вы одобрите этот проект, Грей думает, что проще всего было бы поручить российскому послу в Риме составить совместно со своими французским и английским коллегами простую ноту о передаче документов, которые и будут к ней приложены.

Бенкендорф.

CLXXIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 645. 30 августа/12 сентября 1916 г.

Копия в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 637 [3]).

Бриан и лорд Грей сходятся в том, что итальянскому правительству следует сообщить полные тексты соглашений о Константинополе и Малой Азии, но Бриан продолжает думать, что

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Очевидно, предшествующая телеграмма гр. А. К. Бенкендорфа за № 534.

[3]) См. стр. 227.

сообщение это предпочтительно сделать в Лондоне, через посредство Грея, итальянскому послу. Впрочем, если бы Вы и Грей настаивали на сообщении в Риме, то имею основание думать, что Бриан на это согласится. Что касается выдвинутого Бьюкененом проекта опубликовать сказанные соглашения, то Бриан решительным образом против (этого) возражает, ибо Германия не преминула бы самым широким образом использовать это во вред союзникам. Считаю долгом присовокупить от себя, что подобное опубликование в настоящем фазисе событий могло бы вызвать здесь крайне нежелательную полемику и толки и сделаться в руках некоторых здешних политических кругов орудием как против нас, так и против кабинета г. Бриана.

Извольский.

CCLXXIV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 629. 30 августа/12 сентября 1916 г.

Копия в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 645.

Доверительно.—Если вопрос касается лишь передачи сообщения, не входя в его обсуждение, то не вижу, по местным условиям, особого неудобства, чтобы передача состоялась в Риме. Считаю долгом донести, что в посольстве нет текстов соглашения.

Гирс.

CCLXXV.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 3964. 31 августа/13 сентября 1916 г.

№ 1.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 637 [1]).

В случае получения в Париже согласия Англии на предлагаемый французским правительством способ сообщения Италии англо-русско-французских соглашений через лорда Грея, благоволите сообщить Бриану, что мы на это согласны и что нашему послу в Лондоне уже отправлены соответствующие инструкции, передаваемые Вам за № 2 для сведения.

Штюрмер.

---

[1]) См. стр. 227.

CLXXVI.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3965. 31 августа/13 сентября 1916 г.

Сообщается в Париж за № 2 (№ 1 помечена исх. тел. № 3964).

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 637.

Не встречаем препятствий к предлагаемому Брианом способу осведомления итальянского правительства о состоявшихся соглашениях.

По нашему мнению, сообщению подлежали бы следующие документы:

а) наша циркулярная телеграмма от 19 февраля / 4 марта 1915 года, № 937, относительно Константинополя и проливов [1]), — имеющаяся у Вас;

б) Текст ответной памятной записки французского правительства от 8 марта 1915 года [2]), передаваемый Вам за № 1 (Исх. тел. № 3966);

в) Текст английской ответной памятной записки от 27 февраля 1915 года [3]), передаваемый Вам за № 2 (исх. тел. № 3967);

г) Текст англо-французского соглашения о Малой Азии, копию коего Вы можете получить от Грея;

д) Текст нашей памятной записки от 4/17 марта 1916 года № 205 о Малой Азии [4]), передаваемый Вам за № 3 (исх. тел. № 3968);

е) Текст окончательного русско-французского соглашения по тому же вопросу от 26 марта / 8 апреля 1916 года за № 280 [5]), имеющийся у Вас.

При этом Вам следует руководиться следующими соображениями: обсуждение и сверение текстов должно происходить между Вами, Камбоном и Греем. Самое сообщение будет сделано единолично великобританским министром иностранных дел итальянскому послу для передачи итальянскому правительству в порядке осведомления, без права пересмотра или обсуждения по существу.

Таким образом мы особенно настаиваем на том, чтобы рассмотрению этих вопросов не придавалось характера конференции.

---

[1]) См. стр. 118—119.

[2]) См. стр. 122 Дополнительно Б. В. Штюрмер телеграммой от 3/16 сентября 1916 г. за № 4012 препроводил гр. А. К. Бенкендорфу текст памятной записки французского посольства в Петрограде от 10 апреля 1915 г., „как наиболее близкой к английскому заявлению“. (См. стр. 134).

[3]) См. стр. 124.

[4]) См. стр. 163.

[5]) См. стр. 185—188 и № CLXXVII.

Если бы итальянское правительство через своего посла в Лондоне пожелало заключить дополнительное соглашение относительно своих притязаний на Адалию и прилегающий округ, или поднять другие какие-либо вопросы, то это подлежит особому обсуждению и предварительному обмену мнений между правительствами.

Если бы, в согласии с французским послом и великобританским министром иностранных дел, Вы признали бы необходимым сообщить тексты документов не полностью, а в извлечении или в резюме, то мы предварительно желали бы ознакомиться с текстом проекта сообщения.

Благоволите уведомить, согласно ли великобританское правительство на предлагаемый французами способ осведомления итальянцев.

Штюрмер.

CLXXVII.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3978. 1/14 сентября 1916 г.

Срочно. № 1.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 3965.

В пункте е) в обозначении даты текста окончательного русско-французского соглашения следует читать: от 13/26 апреля № 280. Во избежание недоразумений передаем его Вам за № 2. [1]).

Штюрмер.

CLXXVIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 657. 2/15 сентября 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Получил Вашу телеграмму № 3964.

Тотчас передал Бриану о Вашем согласии на предложенный им способ сообщения соглашений итальянскому правительству; по последним известиям из Лондона, лорд Грей продолжает высказываться за сообщение в Риме и предлагает передать итальянскому правительству не только текст соглашений, но и предложен-

---

[1]) Нота, переданная французскому послу 13/26 апреля 1916 года, содержащая в себе текст окончательного русско-французского соглашения, сообщена в Париж и Лондон исходящей телеграммой № 3979 от 1 сентября 1916 г. (прим. подлинника).

ную Вами раньше краткую памятную записку [1]); Бриан видит в этом серьезные неудобства и поручает Полю Камбону настоять перед лордом Греем на том, чтобы сообщение текста соглашений состоялось в Лондоне и при том без всякой прибавки; если это будет признано более любезным по отношению к итальянскому правительству, он согласен на то, чтобы одновременно с сообщением соглашений в Лондоне послы трех держав передали в Риме копии с тех же соглашений, отнюдь не вступая в какие-либо разговоры о их содержании.

Извольский.

CLXXIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [2]).

№ 542. 2/15 сентября 1916 г.

Получил Ваш № 3965 [3]).

Согласно телеграмме, полученной сегодня утром французским послом, Бриан полагает, что воспользоваться текстом Вашего предложения для передачи документов—значило бы бесполезно осложнить сообщение и что было бы предпочтительнее ограничиться простой и ясной передачей, которая не дала бы повода к возражениям. Камбон и я выполнили сегодня же наши инструкции. Грей нам ответил, что, в виду желания французского правительства и нашего к нему присоединения, он соглашается сделать сообщение итальянскому послу и передать ему документы. Он сказал нам, что Соннино выразил некоторое удивление, узнав, что сообщение будет сделано в форме, недопускающей дальнейшего обсуждения. Грей добавил, что, если ему будет поручено сделать сообщение, он придаст ему условленную форму, но из чувства уважения к Италии он прибавит, что проект намеченных приобретений России, Франции и Англии в Малой Азии был составлен так, что были соблюдены ранее установленные в отношении Италии выгоды, но что если итальянское правительство пожелало бы получить более точное определение границ сферы своего влияния, то три державы не встретят к этому возражений. Камбон и я ответили, что, по смыслу наших инструкций, мы ничего не имели бы возразить против его проекта. Я передал (ноту) документы, которые Вы считаете полезным сообщить. Она не дала повода ни к каким предварительным [4]) замечаниям.

Бенкендорф.

---

[1]) См. телеграмму Б. В. Штюрмера от 24 августа/6 сентября 1916 г. № 3865. (Стр. 225).
[2]) Перев. с фр.
[3]) См. стр. 231.
[4]) В подлиннике—„préal (able)“.

CLXXX.

Российский поверенный в делах в Берне М. М. Бибиков председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 573. 2/15 сентября 1916 г.

Мандельштам просит передать: Арабские дела. Сведения, полученные из арабского источника и совпадающие с данными итальянской миссии: 3 месяца тому назад пребывающие в Швейцарии арабы послали в Константинополь делегатов, чтобы сговориться с комитетом „Единения и Прогресса“ относительно: 1) будущего устройства Египта, 2) автономии арабских вилайетов, 3) провозглашения арабского халифата.—По первому пункту арабы требовали восстановления всех прав и привилегий Египта, дарованных ему турецкими фирманами, тогда как младотурки настаивали на занятии Египта турецкими комитетами. В автономии арабских провинций комитет „Единения и Прогресса“ решительно отказал. Что же касается до халифата, то арабы высказались в пользу перехода его к меккскому шерифу. В комитете „Единения и Прогресса“ обнаружилось три течения. Одно, представляемое Махомедом Ризой, стояло за отделение светской власти султана от духовной, которая перешла бы к шейх-уль-исламу. Другое течение, руководимое Талаатом, склонялось к среднему решению, по которому султан оставался халифом, но получал право делегировать свою духовную власть в отдаленных странах имамам, происходящим от пророка. Третье течение, во главе с Энвером-пашею, во время переговоров с арабами не соглашалось ни на какие перемены, решив сохранить халифат за турецким султаном. Но тот же Энвер всякий раз, когда султан Мехмед Решат осмеливался в чем-либо с ним не соглашаться, находил возможным грозить ему передачей халифата шейху Сенусси. Этот последний, между прочим, еще в конце 1914 года был принят с большим почетом в Константинополе. Шейху было тогда обещано признать его халифом, если ему удастся поднять всю мусульманскую Африку против держав Согласия. Такое заигрывание Энвера с шейхом Сенусси глубоко возмутило арабов, в виду того, что меккский шериф имеет несомненно гораздо больше прав на халифат, чем шейх Сенусси. Непоследовательная и неудачная политика Энвера в этом вопросе была одною из главных причин восстания меккского шерифа Хуссейна. В настоящее время, однако, Энвер хотел бы достигнуть примирения с шерифом и послал к нему своего друга, некоего Хаджи Э(с)рефа,—лицо, близкое Хуссейну. Переговоры должны, однако, итти лишь на почве автономии Геджаса, без уступки права на халифат. Таким образом, ни по одному из трех вышеизложенных пунктов между арабами и турками соглашения не достигнуто, и отношения между ними весьма натянутые. Между прочим, в начале августа в Цюрихе

предполагался съезд делегатов „Единения и Прогресса“ и арабских деятелей, на который ожидался также пресловутый Обейдулла, представитель мусульманских интересов в Берлине. Однако Обейдулла в Швейцарию не приехал, съезд до сих пор не состоялся, а арабы, в том числе их известные вожди Бехшет и Хассан Фехми, вышли из швейцарского отдела партии „Единения и Прогресса“, в знак недовольства германофильскою политикою комитета.

Бибиков.

CLXXXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 544. 3/16 сентября 1916 г.

Вручил Грею ноту, датированную 1 сентября н. ст., принимающую все пункты английской ноты от 23 мая, [2]) формулируя в пункте 4-м содержащуюся в Вашей телеграмме № 3581 [3]) оговорку.

Бенкендорф.

CLXXXII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 648. 7/20 сентября 1916 г.

Ссылаюсь на свой № 647 [4].

По словам французского поверенного в делах, Соннино ответил ему, что Италия должна увеличить свой албанский отряд, и ему неизвестно, насколько с технической стороны северный фронт допускает возможность новой посылки войск в Салоники. Он обещал переговорить с Кадорна. При этом он, однако, указал, что от Италии требуют новой. . . ., а между тем до сих пор ему не ответили на его просьбу о сообщении ему соглашений по малоазиатским делам. Заявление это не вполне искренно, так как уже несколько дней тому назад английский посол сообщил Соннино, что тексты соглашений будут переданы итальянскому

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) В деле английская нота от 23 мая отсутствует. Можно думать, что речь идет о ноте великобританского правительства, переданной гр. А. К. Бенкендорфом телеграммой от 17/30 мая 1916 г. № 289 (см. стр. 200).

[3]) См. стр. 218.

[4]) Телеграмма М. Н. Гирса от 7/20 сентября 1916 г. об отрицательном отношении итальянского правительства к французскому предложению о посылке 2-ой итальянской дивизии в Салоники.

послу в Лондоне, и министр выразил послу по этому поводу свое удовлетворение. В разговоре с французским поверенным в делах министр высказал будто бы, что при переговорах в Лондоне, предшествовавших вступлению Италии в союз с нами, он запросил относительно намерений держав по отношению к Малой Азии, и ему было отвечено, что никакого соглашения между державами по этому вопросу еще не существует.

Гирс.

CLXXXIII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 2152. 9/22 сентября 1916 года.

Французы считают, что карта, приложенная к соглашению, неполна и что нужно составить новую. Поэтому я заявил итальянскому послу, который должен был получить соглашения сегодня, что невозможно сообщить текст соглашения относительно Турции. Я прочел итальянскому послу Вашу телеграмму № 1256 и мою телеграмму № 1910 и сказал, что необходимо рассеять это недоразумение. С этой целью я прочел те же телеграммы французскому послу, чтобы показать, в чем именно заключается недоразумение. Я сказал итальянскому послу, что, по моему мнению, вопрос этот не может быть разрешен, пока не будет определена итальянская сфера, и вопрос этот таким образом будет предметом нового соглашения. На запрос итальянского посла, станут ли сферы, относительно которых достигнуто соглашение, предметом обсуждения, я заявил, что я могу высказать только свой собственный взгляд и как я лично смотрю на дело. Мы приняли обязательство относительно определенных русской и французской сфер и не можем открыть дискуссию в отношении наших обязательств; в то же время мы не можем просить Италию поддержать или признать их, прежде чем мы не придем к соглашению с нею относительно ее сферы. Соглашения с Италиею были заключены в момент вступления ее в войну: она присоединилась к соглашению от 5 сентября 1914 г. [2]), и не может быть и речи о недобросовестном выполнении этих соглашений. Я сообщаю доверительно итальянскому послу копию соглашения о Константинополе от марта 1915 г., отметив, что оно было заключено до вступления Италии в войну, что в связи с ним не возникает никаких затруднений, которые могли бы помешать последующему соглашению с Италией или сделать необходимым дальнейшее обсуждение, и я полагаю, что таковых и не будет. Осведомьте об этом министра иностранных дел.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) См. прим. 2 на стр. 120.

CLXXXIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1].

№ 566. 10/23 сентября 1916 г.

Грей сказал мне, что в вопросе о сообщении Италии документов возникла задержка по поводу соглашений о Малой Азии. К англо-французскому соглашению приложена карта. Французское правительство считает эту карту неполной. В виду того, что карта не может быть изъята из текста, между Лондоном и Парижем происходит обмен мнений по этому поводу. Грей сказал, что, согласно сообщению Родда, Соннино в высшей степени поражен донесением Титтони, в котором последний уведомляет его, что, по полученным от французского правительства сведениям, державы не допустят ни в каком случае обсуждения вопроса об итальянской зоне. Соннино угрожает отставкой и мотивирует ее тем впечатлением, которое произведет на итальянское общественное мнение создавшееся таким образом для Италии положение. Империали говорил по этому поводу с Греем в настойчивых выражениях. Грей опасается недоразумений между Италией и Францией, предупредить которые он считает необходимым, тем более что, по его мнению, державы должны сохранить крайне твердую позицию, в виду итальянских требований в Азии, которые он имеет основание считать крайне преувеличенными. Он ответил Империали, что три державы не могут пересмотреть между собой решения, принятые по поводу Малой Азии, но что, с своей стороны, от итальянского правительства он не требовал бы утверждения и признания английской зоны прежде, чем будет установлена итальянская зона. Грей считает нужным предложить эту формулу французскому правительству, интересы которого в этом вопросе особенно затронуты. Грей сказал Империали, что три державы, заключая означенное соглашение, не имели в виду приступить к разделу Европейской Турции; что переговоры, которые велись в эпоху, когда Италия еще не объявила войны Германии, имели своей исходной точкой желание меккского шейха создать независимое государство; что с этой целью шейх обратился к Англии и результатом этого были переговоры с ним, повлекшие за собой вполне естественно другие — с Францией и Россией, в эпоху когда Италия находилась еще в особенном положении,—но что теперь дело обстоит иначе, и документы будут ей вручены. Он сказал мне, что касательно Азии он не имеет возражений против превращения тройственного соглашения в четверное, во избежание затруднений при заключении мира. По словам Грея, в виду такого положения вещей, он передал Империали только документы касательно Константинополя, как составляющие соглаше-

[1] Перев. с фр.

ние, заключенное до союза с Италией, при совершенно отличных условиях, а следовательно, не подлежащее никаким оговоркам. Его личный взгляд, выраженный им по поводу Малой Азии, ни в коем случае не затрагивает соглашения о Константинополе. Империали (сказал ему), что Италии вероятно будет предложено присоединиться к этому соглашению. Грей ему ответил, что ему поручено только сделать сообщение. Грей передал Империали: 1) циркулярную русскую телеграмму от 19 февраля / 4 марта [1]), 2) французскую памятную записку от 12 апреля [2]), 3) английскую памятную записку от 12 марта [3]), 4) английскую памятную записку, служащую дополнением предыдущей [4]). По поводу этого последнего документа Грей уведомил меня, что он желал бы сообщить его, как более полный. Я счел возможным предоставить ему это сделать.

Бенкендорф.

CLXXXV.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам лорд Эд. Грей послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [5]).

№ 2265. 13/26 сентября 1916 г.

Из Парижа 1000.

N. N. [6]) заявил сегодня, что Бриан был в высшей степени тактичен в беседе с итальянским послом по поводу соглашения о Малой Азии. Из сегодняшнего отчета Бриана о его разговорах с итальянским послом следует, что французский посол видел Соннино и . . . [7]) когда говорил с ним; что он уведомил его превосходительство, что соглашения между Францией, Россией и Англией будут сообщены ему; в ответ на пожелание, выраженное итальянским послом, обсудить их, Бриан заявил, что французское правительство готово было бы выслушать все, что итальянское правительство хотело бы сообщить по поводу итальянской сферы влияния, но не считает возможным обсуждать франко-русское соглашение, как уже установленное между двумя правительствами. По словам Бриана, итальянский посол был разочарован этим заявлением и проявил сильное желание лично вести переговоры о соглашении, поскольку это касается итальянской сферы влияния.

---

[1]) См. стр. 118—119.

[2]) Ответная вербальная нота французского посла в Петрограде на памятную записку российского министра иностранных дел от 19 февраля/4 марта 1915 г. датирована не 12, а 10 апреля 1915 г. (см. стр. 134). 10 апреля помечает ее и Б. В. Штюрмер в телеграмме от 3/16 сентября 1916 г. за № 4012. Повидимому, в одном из случаев ошибка в дате.

[3]) См. стр. 124.

[4]) См. стр. 125.

[5]) Перев. с англ.

[6]) В министерском дешифранте—вместо имени.

[7]) В подлиннике пропуск одного слова.

CLXXXVI.

Г. Баррер, французский посол в Риме, г-ну Бриану, председателю совета министров и министру иностранных дел [1]).

С копии письма [2]).

№ 649. Рим, 30 сентября 1916 г.

По вопросу о сообщении Италии соглашений относительно Малой Азии.

Как я сообщил вашему превосходительству телеграммой 798—800 от 26 сего месяца, я нашел, по возвращении моем из Парижа, барона Соннино оправившимся, по крайней мере внешне, от дурного настроения, вызванного в нем задержкой в сообщении соглашений относительно Константинополя и Малой Азии. По крайней мере, когда я заговорил с ним об этом предмете, он не обнаружил ни малейших следов такого настроения.

Зная, что таковое несомненно у него было, я счел полезным, тем не менее, обратить внимание вашего превосходительства, насколько для нас важно считаться при переговорах, начатых в Лондоне, с предубежденным отношением, которое могло у него остаться, с его характером, отличающимся упрямством, и, наконец, с тем особым положением, в котором он находится. На этот последний пункт я бы и хотел сегодня обратить Ваше внимание.

Я имел уже случай указать Вам, сейчас же после объявления Италией войны Германии, какой, повидимому, должна была бы быть с этого момента тактика тех лиц, которые боролись в этой стране сначала за нейтралитет, а затем за ограничение войны. Эта тактика должна была состоять в повышении, при всяком удобном случае, притязаний, выставляемых правительством, с тем, чтобы нанести последнему ущерб в общественном мнении и в то же время повредить союзникам, заподозреваемым в крайней неуступчивости в отношении приобретений, предоставляемых Италии. Вот, в сущности, тактика, которой придерживаются противники Соннино, и первый случай, когда они могли ее применить, был представлен им именно мало-азиатским вопросом, который в итальянской прессе был поставлен, как я об этом тоже докладывал департаменту, необычайно дружно, с момента участия Италии в салоникской экспедиции. Среди прежних сторонников нейтралитета и Тройственного Союза, не только в политических кругах, но даже среди чиновников консульты, достаточно лиц, вполне готовых заявить, в случае надобности, о слабости г. Соннино в деле защиты итальянских притязаний. По этому поводу произошло даже любопытное сближение между лицами, на ко-

[1]) Документ из дела французского посольства в Петрограде. Сохраняем заголовок подлинника.
[2]) Перев. с фр.

торых я намекаю, и самыми ярыми националистами, которые ставят своей обязанностью никогда не быть удовлетворенными долей, присужденной их стране. Следует полагать, например, что один из крайних мегаломанов среди редакторов «Idea Nazionale», г. Коппола, почерпает свое вдохновение у г. Мартино, генерального секретаря консульты, вполне мирившегося, однако, с тем положением, которое центральные империи уделяли Италии до войны в Тройственном Союзе.

Г. Соннино мало, может быть, даже недостаточно, обеспокоен этими интригами и этой открытой оппозицией. Тем не менее, он не настолько безразлично относится к этому, чтобы мы не должны были ожидать от него тем более внимательного отношения к нашему образу действий и определению конкретной ценности наших уступок, чем более он чувствует, что за ним наблюдают.

Не следует ли, спрашиваю я себя, видеть доказательство тому в позиции, занятой им в связи с вопросом об итальянском отряде в Салониках? Вот уже скоро 15 дней, как просьба о второй дивизии была представлена в Удине и в Риме и как генерал Кадорна дал свое согласие на посылку одной бригады на подкрепление, а г. Соннино до сих пор еще не дал знать о своем решении. Только ли это потому, что он, признавая за главнокомандующим право совещательного голоса, ставит в упрек, что мы запросили последнего раньше, чем его самого, единственно могущего, по его мнению, принять решение? Очевидно, имеется другая причина. Г. Соннино хотел дождаться начала переговоров в Лондоне, заставить нас почувствовать значение итальянской помощи и, таким образом, оставить за собой возможность назначить за нее наиболее высокую цену. Ведь мы и не должны скрывать от себя, что эта помощь, с его точки зрения, не должна остаться без вознаграждения.

Не должен ли он считаться со своими противниками [и иметь в виду], что существует известная мера удовлетворения и выгод, которой для своей страны он должен был добиваться, движимый своим патриотизмом, национальной гордостью и, наконец, заботой о своей репутации? Он скорее подал бы в отставку, чем согласился слишком дешево расценить итальянские интересы и признать обманутым доверие, с которым он одним из первых стал на сторону союзников.

Вот о чем он, несомненно, думал в тот день, когда произвел на своего английского коллегу впечатление, что при известных обстоятельствах он мог бы выйти в отставку. Оставление же его у власти настолько соответствует нашим интересам, что мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы помочь ему удержаться.

От нас зависит во время переговоров дать, при случае, доказательство доброжелательного отношения и готовности пойти на соглашение. Мы не могли бы, конечно, расширить наши добрые намерения за пределы, предуказанные нашими собственными интересами и состоявшимися соглашениями с Италией. Но именно в этих-то пределах должно быть оставлено (хотя мне в точности

неизвестно) достаточно свободы действия, чтобы итальянское правительство не могло жаловаться ни на намерения союзников, ни на долю, которая ему будет присуждена [1]).

CLXXXVII.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4300. 26 сентября/9 октября 1916 г.

По сведениям итальянского посла, лорд Грей уже передал Империали документы, касающиеся мало-азиатского соглашения. Не откажите сообщить полный их список, были ли в тексте их сделаны какие-либо изменения, и с ближайшей почтой доставить копии переданных документов, а также текст словесного заявления Грея итальянскому послу.

Нератов.

CLXXXVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [2]).

№ 610. 29 сентября/12 октября 1916 г.

Грей передал итальянскому послу все документы, касающиеся соглашения об Азиатской Турции.

Бенкендорф.

CLXXXIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [2]).

№ 616. 30 сентября/13 октября 1916 г.

Копии в Париж и Рим.

Получил Вашу телеграмму № 4327 [3]).

Грей еще не ответил на французское предложение о выступлении в Риме в связи с занятием итальянцами некоторых пунктов в Эпире. Я спросил об его мнении в присутствии францу з-

[1]) В деле при документе имеется сопроводительное письмо председателя французского совета министров и министра иностранных дел А. Бриана послу в Петрограде М. Палеологу, от 11 октября 1916 г. за № 602, подписанное за министра директором департамента политических и торговых дел П. де-Маржери.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Телеграмма Б. В. Штюрмера от 28 сентября/11 октября 1916 г. о просьбе французского правительства поддержать его выступление в Риме о нежелательности продвижения итальянских войск в Эпире, в связи с положением дел в Греции.

ского посла. Грей нам ответил, что он полагает предпочтительнее воздержаться. Он считает проект мало подходящим для настоящего момента. Он сказал нам, что он опасался неблагоприятного впечатления, которое произведут в Риме документы относительно Азиатской Турции, сообщенные им итальянскому послу, но что он имеет некоторое основание полагать, что это впечатление оказалось лучшим, чем он ожидал. Во-вторых, Грей думает, что предпринимать выступления щекотливого свойства в то самое время, когда державы настаивают в Риме на посылке двух дивизий в Салоники, неразумно. Он просил нас сообщить об этом нашим правительствам.

Бенкендорф.

CXC.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 695. 1/14 октября 1916 г.

Копии в Париж, Лондон и Афины.

Итальянский поверенный в делах, по поручению министра иностранных дел, запросил Бриана, были ли даны какие-либо территориальные обещания Греции в Малой Азии, в случае, если она присоединится к союзникам. Бриан ответил, что была речь о подобных обещаниях в объяснениях с Венизелосом во время дарданелльской экспедиции еще до вступления Италии в союз, но что, так как Греция не выступила тогда, то Франция не считает себя связанной по отношению к Греции. В случае же возобновления переговоров, Франция, поскольку (это) ее касается, не видит затруднений к участию в них Италии. Этот ответ был повторен здесь французским послом. Подобный же запрос был сделан в Лондоне, и Грей дал Империали приблизительно такой же ответ.

Гирс.

CXCI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 621. 10/23 октября 1916 г. [2]).

Получил Вашу телеграмму № 4300 [3]).

Грей вновь прочел маркизу Империали документы, касающиеся мало-азиатского соглашения, как только карта, о которой говорится в ноте французского посла к Грею от 9 мая [1]), была

[1]) Перев. с фр.

[2]) Несомненная ошибка в дате: следующие по номеру телеграммы гр. А. К. Бенкендорфа (№№ 622, 623 и 624) датированы 3/16 и 5/18 октября. Вероятно, и приводимая нами телеграмма должна быть отнесена к 3/16 октября. 10/23 октября, в таком случае,—дата ее получения. (См. телеграмму гр. А. К. Бенкендорфа № 622 на стр. 243).

[3]) См. стр. 241.

доставлена из Парижа, и в дополнение к сообщению документов о Константинополе, которое он уже сделал итальянскому послу. Грей словесно только прибавил, что, после удовлетворения итальянских стремлений, Италии следовало бы признать соглашения, уже состоявшиеся между державами. Документы, переданные при этом без всякого изменения,—следующие: a) текст англо-французского соглашения относительно Малой Азии, включающий: 1) французскую ноту от 9 мая, с картой, 2) предварительную ответную английскую ноту от 15 мая [2]) о сохранении права судоходства и концессий, а также прав и привилегий религиозных, школьных и больничных заведений, 3) французскую ноту в ответ на № 2 от 15 мая [3]), признающую за Англией на основе взаимности права, приобретенные Англией и имеющие дату, предшествующую войне, 4) английскую ноту от 16 мая французскому послу [4]), принимающую соглашение, устанавливаемое французской нотой от 9 мая, при условии, что соучастие арабов будет достигнуто и что арабы получат города Хомс, Хама, Дамаск и Алеппо. Эта нота заканчивается словами, что для пополнения соглашения великобританское правительство намерено предложить российскому правительству обмен нотами, аналогичными тем, которыми обменялись Франция и Англия [5]) 26 апреля [6]), копии которых будут сообщены французскому правительству. Свое сообщение Грей закончил словами, что заключение настоящего соглашения подымает вопрос об итальянском требовании о допущении Италии к участию в разделе—переустройстве Азиатской Турции, согласно ст. 9 соглашения от 26 апреля 1915 года между Италией и союзниками [7]); b) текст русской памятной записки от 17 марта относительно Малой Азии [8]); c) текст франко-русского соглашения от 26 апреля 1916 г., содержащий: 1) ноту Сазонова французскому послу от 26 апреля 1916 г., 2) ноту французского посла Сазонову от того же числа.

Бенкендорф.

CXCII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [9]).

№ 622. 3/16 октября 1916 г. [10]).

Ссылаюсь на мою телеграмму № 621.

У императорского министерства имеются документы, указанные в моей телеграмме № 621 под литерой b и c; не достает

[1]) Нота П. Камбона сэру Эд. Грею от 9 мая 1916 г. в деле отсутствует.
[2]) Нота сэра Эд. Грея П. Камбону от 15 мая 1916 г. в деле отсутствует.
[3]) См. телеграмму гр. А. К. Бенкендорфа от 1/14 июня 1916 г. № 336 стр. 204.
[4]) Нота сэра Эд. Грея П. Камбону от 16 мая 1916 г. в деле отсутствует.
[5]) Россия?
[6]) См. стр. 185—188.
[7]) См. прил. № 2.
[8]) См. стр. 163.
[9]) Перев. с фр.
[10]) На подлиннике пометка: „получена 10/23 октября 1916 г.“

только документов об англо-французском соглашении под литерой *a*. Эти документы настолько секретны, что только в случае дополнительных инструкций я не побоюсь доверить их курьеру, так как обычная отправка с фельдъегерем может лишь усилить опасность задержания. Гардинг сказал мне, что великобританское правительство не посылает секретных документов в Россию. Если это необходимо, я предпочел бы шифр, несмотря на их длину.

Бенкендорф.

CXCIII.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4452. 5/18 октября 1916 г.

Копия в Рим.

Благоволите сообщить нашим послам в Париже и Риме копии документов, переданных лордом Греем итальянскому послу, касательно соглашений о Константинополе, проливах и Малой Азии.

Штюрмер.

CXCIV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 699. 6/19 октября 1916 г.

Копия в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мой № 698 [1]).

Весьма доверительно.—Мы объяснялись с министром иностранных дел поочередно. Передав мне официальный ответ, составленный им, и моим сотоварищам, Соннино придал разговору совершенно доверительный характер, прося не доносить о последующем; он высказал, что, не возражая с политической точки зрения против посылки итальянских подкреплений в Салоники, он делает это без увлечения по двум причинам. Личность Саррайля не внушает ему никакого доверия, и он убежден, что посылаемые туда войска не будут должным образом использованы, так как

---

[1]) Телеграмма М. Н. Гирса от 2/15 октября 1916 г. о переговорах союзных держав с итальянским правительством по поводу посылки 2 итальянских дивизий в Салоники.

Саррайль все же будет заниматься больше политикой, чем военными действиями; затем, ознакомившись с сообщенными ему соглашениями по мало-азиатскому вопросу, он вынес тяжелое впечатление как от их содержания, так и от формы их заключения, бросающейся прежде всего в глаза. На мое замечание, что в столь серьезном деле, как посылка военных подкреплений, не следует руководствоваться личными впечатлениями, воспринятыми по поводу вопросов, не имеющих прямого касательства к военным действиям, Соннино возразил, что эти впечатления не будут играть никакой роли в его отношении к войне и к достижению общей победы, но что ответ сильно охладил его к тому периоду, который наступит после войны. Полагаю, что Соннино действительно испытывает теперь некоторое разочарование, но что, быть может, он не без цели подчеркивает его, в надежде воспользоваться им, как орудием, при дальнейших переговорах об итальянских вожделениях в Малой Азии.

Гирс.

CXCV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 752. 11/24 октября 1916 г.

Мандельштам сообщает: «Получил достоверные сведения о конгрессе партии «Единение и Прогресс», открытом 28 сентября в Константинополе. Конгресс, не собиравшийся за все время войны, созван по желанию Талаата, в знак протеста против Энвера, по настояниям коего были закрыты клубы партии,—телеграмма из Берна № 607 [1]). Председателем конгресса избран великий визирь, вице-председателями Талаат и Мидхат Шукри. Конгрессу был представлен доклад, главные положения коего следующие: Турция начала войну, дабы освободиться от опеки держав, которые разделили страну на сферы влияния, с тем, чтобы впоследствии окончательно поделить ее между собою. В особенности резко доклад нападает на русскую и английскую политику. Россия, между прочим, обвиняется в том, что противилась проведению правительственных реформ и сооружению железных дорог в армянских вилайетах, которые считала в своей сфере влияния; что стремилась добиться для них автономии и что мешала организации

[1]) В телеграмме от 16/29 сентября 1916 г. за № 607 российский поверенный в делах в Берне М. М. Бибиков передает полученные А. Н. Мандельштамом сведения о закрытии в Константинополе и провинции клубов партии „Единение и Прогресс", высказавшихся в пользу сепаратного мира.

турецкой армии германскою миссиею. Распадение европейского концерта позволило Турции, путем союза с Германией и Австрией, положить конец вмешательству в ее дела и, в частности, освободиться от капитуляций. Турецкие войска одержали блестящие победы у Дарданелл, в Ираке, Персии и на море, а ныне на фронтах кавказском, месопотамском и египетском, в Добрудже и Галиции храбро защищают свое отечество. Армяне изменили Турции. Католикос обязал их стать на сторону России. Многие турецкие армяне, в том числе депутаты, поступили добровольцами в русскую армию. Согласно решениям революционных комитетов, во многих местностях турецкой Армении произошли нападения на войска и власти, избиения чиновников и мусульманского населения, а кое-где и настоящие восстания. В виду опасности армянского движения правительство принуждено было удалить всех армян из военных зон. При переселении армян произошли некоторые злоупотребления, но немедленно были посланы комиссии для расследования и издан закон, охраняющий интересы переселенцев. В Сирии и Геджасе произошли весьма грустные события. В Сирии, благодаря давнишним французским проискам, был затеян заговор, виновники коего понесли заслуженное наказание. В Геджасе английские интриги вызвали восстание шерифа, но нет сомнения, что с наступлением благоприятного времени года и этот изменник будет наказан. Продовольствование Константинополя было сопряжено с большими трудностями, однако, особенная комиссия закупки хлеба справилась с ними. Учреждена также комиссия для упорядочения продовольствия страны. Военная организация закончена. Благодаря расширению воинской повинности, турецкие военные силы превосходят 3.000.000. Усовершенствована подготовка офицеров и унтер-офицеров запаса. Турция накануне подписания со своими союзниками консульских договоров, сопряженных с отменою капитуляций. Начата железная дорога от Ангоры до Сиваса, почти закончено продолжение Геджасского пути до египетской границы. Решено ныне же соединить Мекку с Мединою. Расширено школьное и университетское преподавание и приглашены многочисленные немецкие профессора. Германские советники призваны в министерство юстиции и некоторые другие ведомства. Деятельность торговых обществ всячески поощряется, но все, даже иностранные, обязаны вести свои дела на турецком языке. Извлечена большая военная польза из турецких залежей хрома, древесного угля и серы. Предположено предоставить шейх-уль-исламу заниматься исключительно религиозными делами, а суды шариата подчинить министру юстиции. Школы министерства вакуфов будут подчинены министру народного просвещения. В заключение доклад обвиняет державы Согласия в попытке вызвать в Турции внутренние раздоры, выражает удовлетворение по случаю расстройства планов подкупленных изменников и призывает членов конгресса к единению. Доклад, появившийся в турецкой печати, высылается с курьером. О резолюции конгресса сведений еще не поступало».

Извольский.

CXCVI.

Министр иностранных дел арабского правительства шериф Абдуллах председателю российского совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 127. Мекка, 16/29 октября 1916 г.

Я крайне счастлив довести до Вашего сведения, что знать, улемы всей страны и все классы населения, собравшись сегодня, единогласно признали его величество великого шерифа Хуссейна-Бен-Али королем арабской нации. Тем самым его величество становится сувереном арабов, в виду того, что вся страна прониклась уважением к его дипломатическому искусству, его исключительной преданности своей родине, его искреннему желанию распространить блага просвещения и правосудия во всех арабских областях, освобожденных от ига банды «Единение и Прогресс». Эта банда известна [2]) своими деяниями, своими замыслами, противными всяким принципам и всякому закону, а также своим явным решением привести к гибели арабский край, как с точки зрения нравственной, так и с материальной. Результаты этого последнего решения сказываются в мучениях, перенесенных большим числом мусульман, христиан и друзов, преступлением которых являлись их искренняя привязанность к краю и их интеллектуальная одаренность. Арабская нация имеет полное основание надеяться, что Вы признаете ее активным членом союза наций, и, в качестве такового, она покажет себя с помощью Всемогущего. Соблаговолите, господин министр, принять уверение в моем к Вам глубоком уважении.

Министр иностранных дел арабского правительства

Шериф *Абдуллах.*

CXCVII.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4636. 19 октября/1 ноября 1916 г.

Арабский министр иностранных дел уведомил меня об образовании нового арабского правительства и признании правителем Аравии Хуссейна-Бен-Али.

Желательно выяснить, как отнеслось правительство, при коем Вы аккредитованы, к этому вопросу и выразилось ли в чем-либо его признание.

О последующем телеграфируйте.

Штюрмер.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) В подлиннике: „cette ande est r e c o n n u e par ses gestes“ и т. д.

CXCVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 659. 22 октября/4 ноября 1916 г.

Копия в Париж.

Получил Вашу телеграмму № 4636.

Английский представитель в Геджасе был уполномочен заявить шерифу, что он осведомил королевское правительство о короновании его высочества в ближайшем будущем и что ему поручено передать по этому поводу самые искренние поздравления. Шериф Хуссейн будет в то же время поставлен в известность, что королевское правительство ведет переговоры со своими союзниками для признания его нового положения, но что враг еще не вполне побежден и что публичное признание могло бы повредить его делу как в Аравии, так и во всем мусульманском мире, и что поэтому известная отсрочка является неизбежной. Конфиденциально.—Когда я вчера говорил с Греем об этом деле, он сказал мне, что внезапная просьба шерифа о признании за ним королевского титула нового арабского государства была для него неожиданна и поставила его в затруднительное положение. Сегодня Грей прислал мне записку относительно предшествующего.

Бенкендорф.

CXCIX.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

№ 660. 22 октября/4 ноября 1916 г.

Итальянский посол передал мне сегодня два меморандума относительно итальянских притязаний в Малой Азии, являющиеся ответом итальянского правительства на сделанное ему сообщение о состоявшихся соглашениях между Россией, Англией и Францией. Маркиз Империали сказал мне, что, в виду того, что эти меморандумы были переданы в Лондоне и Париже, Соннино желал бы, чтобы эти документы одновременно попали и в русские руки, тогда как расстояние препятствует передаче их в Петрограде в тот же день. Итальянский курьер, который их доставит, выедет в течение ближайшей недели. Я счел необходимым поблагодарить

[1]) Перев. с фр.

Империали за сделанное им мне заявление. Документы не вполне поддаются достаточно полному телеграфному изложению. Италия требует три вилайета: Конии, Айдина и Аданы, включая Смирну. По вопросу о Константинополе меморандум высказывается в следующих выражениях: «Вопрос о Константинополе и проливах всегда составлял предмет живейшего внимания итальянской политики в Средиземном море, и королевское правительство вполне отдает себе отчет в важности и значительности нового положения вещей, которое будет установлено на этом море, как только Россия достигнет своей вековой цели. Королевское правительство было бы счастливо дать свое согласие на пожелание императорского правительства, в смысле циркулярной русской телеграммы от 4 марта 1915 года [1]), при условии, что война будет доведена до победного конца и что Италия осуществит свои стремления на Востоке, как и в других местах. Свобода прохода через проливы и учреждение порто-франко в Константинополе, а также всякого рода привилегии, которыми пользуются другие союзники по отношению к учреждениям, управлениям, религиозным, школьным и больничным заведениям и т. д., будут равным образом обеспечены Италии. Итальянское правительство равным образом даст свое согласие, при соблюдении вышеуказанного условия, на территориальные разграничения, содержащиеся в §§ 1 и 2 меморандума российского правительства от 17 марта 1916 г. [2]) и в §§ 1 и 2 франко-русского соглашения от 26 апреля 1916 года [3]). Со своей стороны, оно ожидает, что императорское правительство распространит и на Италию, поскольку это касается области Аданы, принцип своей незаинтересованности, о которой идет речь в § 1 указанного меморандума».

Бенкендорф.

CC.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [4]).

№ 661. 22 октября/4 ноября 1916 г.

Весьма конфиденциально.—Передавая мне итальянские памятные записки, Империали не скрыл от меня, что, по его мнению, итальянское правительство будет настаивать на своих требованиях всеми силами и что отказ со стороны союзных держав принудит Соннино подать в отставку и объяснить мотивы ее палате, что произведет на итальянское общественное мнение впечатление, все последствия которого трудно предвидеть. Не знаю английских намерений, но полагаю, что вопрос о Смирне представит большие затруднения.

Бенкендорф.

---

[1]) См. стр. 118—119.
[2]) См. стр. 163.
[3]) См. стр. 185—188.
[4]) Перев. с фр.

CCI.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер шерифу Абдуллаху, министру иностранных дел арабского правительства, в Мекку.

Телеграмма [1]).

№ 12268. 25 октября/7 ноября 1916 г.

В ответ на телеграмму вашего превосходительства от 16/29 сего октября [2]), сообщающую мне о провозглашении независимости Аравии, спешу довести до Вашего сведения, что я счастлив видеть благородную арабскую нацию на стороне держав, борющихся за справедливость и благо человечества.

Примите, господин министр, уверение в моем глубоком уважении.

Штюрмер.

CCII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 793. 26 октября/8 ноября 1916 г.

Копия в Лондон.

Ваша телеграмма № 4636 [3]) получена.

Бриан, с которым я снесся по ее содержанию, только что сообщил мне следующий письменный ответ [4]): «Французское правительство решило согласовать свою позицию с позицией, занятой великобританским правительством; последнее предложило своим представителям передать шерифу искреннее поздравление английских властей, по случаю коронования его высочества. Они должны прибавить, что великобританское правительство ведет переговоры с союзниками относительно одновременного официального признания нового положения шерифа, но что известная отсрочка может оказаться необходимой, в виду того, что враг еще не окончательно побежден и преждевременное признание может иметь весьма неблагоприятные последствия для дела его высочества как в Аравии, так и во всем мусульманском мире».

Извольский.

---

[1]) Перев. с фр.
[2]) См. стр. 247.
[3]) См. стр. 247.
[4]) Текст в кавычках—перевод с французского.

CCIII.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4709. 26 октября/8 ноября 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Лондоне № 660 [1]).

Мы еще не имеем документов, переданных итальянским правительством в Лондоне в ответ на сообщение заключенных между Россией, Францией и Англией соглашений по турецким делам. Однако, из вышеупомянутой телеграммы видно, что Италия заявила свои притязания и на присоединение к своим владениям Конийского, Аданского и Айдинского вилайетов со Смирной.

Благоволите доверительно осведомиться у министра иностранных дел об отношении правительства, при коем Вы аккредитованы, к намерению Италии расширить до таких размеров свои владения в Малой Азии.

Штюрмер.

CCIV.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [2]).

№ 676. 27 октября/9 ноября 1916 г.

Копия в Париж.

Конфиденциально.—В беседе относительно опубликования документов о Константинополе я спросил Гардинга, который прочел мне телеграмму, адресованную Бьюкенену, должен ли я понимать это в том смысле, что лондонский кабинет не имеет больше возражений против немедленного опубликования. Он мне ответил: «Никаких». Он прибавил, что в принципе и не встречалось возражений, и великобританское правительство, напротив, всегда считало опубликование крайне желательным; что оговорка касалась только выбора более благоприятной даты, не совпадающей непосредственно с впечатлением, произведенным на Востоке румынским отступлением и известными затруднениями с меккским шерифом; что в настоящее время положение достаточно выяснилось, чтобы отказаться от этой оговорки, и с английской точки зрения нет больше оснований для отсрочки. Тем более, прибавил Гардинг, что Вы сообщили Грею, что опубликование могло бы облегчить для импе-

---

1) См. стр. 248.

2) Перев. с фр.

раторского правительства опубликование манифеста о Польше [1])— вопрос, который, по его мнению, в настоящее время представляется особенно неотложным.

Бенкендорф.

CCV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 801. 28 октября/10 ноября 1916 г.

Копия в Лондон.

Получил Вашу телеграмму № 4709.

Переговорил по ее содержанию с Брианом, который сказал мне, что французское правительство относится отрицательно к притязаниям Италии на Конийский, Аданский и Айдинский вилайеты со Смирною, и, оставаясь на почве лондонских соглашений с Италией, согласно на округление границ Адалийского района [2]). По убеждению Бриана, итальянское правительство заведомо преувеличивает свои запросы, с целью добиться возможно большего расширения присужденного ей района. Бриан присовокупил, что Россия, Англия и Франция должны сговориться касательно дальнейшего обсуждения этого вопроса с Италией и что он сделает на днях в этом смысле предложение в Петрограде и Лондоне.

Извольский.

CCVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [3]).

№ 689. 29 октября/11 ноября 1916 г.

Получил Вашу телеграмму № 4709.

Грей еще не высказался по поводу итальянских притязаний в Малой Азии. Его первое впечатление так же, как и впечатление Гардинга, подобно Вашему. Если он еще и не высказывается, то, по моему мнению, из осторожности, вызываемой трудными обстоятельствами, сопровождающими это дело, и крайне решительным тоном Империали.

Бенкендорф.

[1]) 23 октября/5 ноября 1916 г. был издан австро-германский манифест об образовании независимого польского государства в форме наследственной конституционной монархии. 1/14 ноября последовал протест российского правительства, к которому 5/18 ноября присоединились Великобритания, Франция и Италия.

[2]) См. ст. 9 Лондонского оглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г. (прил. № 2).

[3]) Перев. с фр.

CCVII.

Памятная записка итальянского министерства иностранных дел, переданная послом в Петрограде марк. А. Карлотти председателю российского совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру [1].

№ 1.

Италия вступила в войну по собственной воле, без принуждения и не под влиянием угроз. Крупное значение услуги, оказанной ею делу союзников как силою своего оружия, так и объявлением нейтралитета в начале европейской войны, неоспоримо.

Таким образом, Италия находится в положении, которое позволяет ей требовать, на законном основании, от своих союзников безусловного равноправия в обсуждении вопросов, касающихся равновесия в восточной части Средиземного моря [2]. Италия—по существу исключительно средиземноморская держава, и равновесие в восточной части Средиземного моря составляет основную базу ее политики. Малейший ущерб, понесенный ею в этой области, справедливо рассматривался бы, как банкротство военной политики, дал бы повод в известный момент к сильнейшей реакции общественного мнения и бросил бы семена опасной неустойчивости в ее отношения с ее союзниками после войны,—отношения, которые мы, напротив, желали бы установить на непоколебимой основе доверия и искренней дружбы. Опыт истории нас учит, что не существовало прочных союзов без справедливого согласования обоюдных интересов. Выгоды, которые одна из договаривающихся сторон может в этом случае получить за счет другой, рано или поздно будут уничтожены неизбежным ослаблением связи между союзниками, а сам союз окажется лишенным своей жизненной силы; одобрение нации и взаимное доверие всех союзников в одинаковой степени..... [3]: Италия в силу своих традиций и своего географического положения не стремится и не может стремиться ни к какому

---

[1]) Перевод с французского; подлинный текст, повидимому, итальянский.

[2]) Положение в восточной части Средиземного моря было постоянным источником франко-итальянских столкновений, начиная с момента оккупации Туниса Францией в 1881 г. Отношения между обеими странами особенно обострились в период, непосредственно следовавший за итало-турецкой войной 1912 г., когда Италией были оккупированы острова Додеканеза и в итальянских политических кругах стали открыто говорить о необходимости в будущем овладеть Тунисом и добиться преобладания на Средиземном море. Для предупреждения этой угрозы Франция в 1913—1914 г.г. сосредоточила в восточной части Средиземного моря сильную эскадру. В 1913 г. французским министерством иностранных дел были получены из секретного источника сведения, что при возобновлении Тройственного Союза между Германией, Австрией и Италией в 1912 г. был подписан особый протокол о Средиземном море с делением последнего на 3 зоны, при чем в восточной договаривающимся сторонам предоставлялась свобода действий. Этот протокол, направленный, в первую очередь, против Франции, рассматривался в Париже, как несомненный акт недружелюбия со стороны Италии и как доказательство неискренности постоянных итальянских предложений урегулировать вопрос о восточной части Средиземного моря (См. „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.“, Москва, 1922 г.).

[3]) Фраза недопечатана в копии памятной записки, имеющейся в деле.

преобладанию: она добивается только равновесия сил на Средиземном море.

Ее политика является элементом мира и безопасности, и прежде всего необходимо тщательно избежать толкования 9-й статьи Лондонского договора [1]) в ложно ограничительном смысле,— толкования, которое было бы противно и духу ее, и тем намерениям, с которыми мы с полным доверием приняли ее в редакции, измененной в последний момент лордом Греем.

Статья 9 устанавливает следующие три пункта:

1) Полное обеспечение для Италии принципа равновесия в восточной части Средиземного моря;

2) Признание за Италией «справедливой» (перевод итальянского слова congrua) зоны, т.-е. пропорциональной зонам, предоставленным союзникам;

3) Что итальянские притязания будут признаны в областях, смежных с зоной Адалии, в которой Италия имеет уже установленные права.

Вилайеты Айдина, Конии и Аданы примыкают к зоне Адалии.

Вилайет Конии, часть которого составляет Адалия, хотя и имеет эксплуатационную ценность [2]) только в южной части плоскогорья, естественно входит в зону, принадлежащую Италии. В проекте раздела Турции, который был сообщен королевскому правительству, вилайет Конии не составляет предмета признания за какой либо стороной. Только интересы противника там преобладают. В целях достижения органического разграничения, мы могли бы отказаться от северной части вилайета Конии в обмен на южную часть вилайета Кодавендикиар. Вилайет Конии делится на две зоны, которые ясно разделяются хребтом Тавра. Зона на юг от этих гор, в состав которой входит Адалия, не имеет никакого отношения к другой, с точки зрения экономической и административной. Зона к северу от Тавра, экономически и административно независимая, не имеет прямого соприкосновения с морем. Между тем безусловная необходимость в «выходе к морю» является принципом, всеми признанным в области колониальной политики. Плоскогорье Конии утратит всякое значение для Италии, если будет лишено своего выхода к морю. Этим выходом к морю не может быть ни Смирна, по причине своей слишком большой удаленности, ни Адалия, в силу технических трудностей и затрат, которые вызвало бы сооружение железнодорожной ветки на Конию. Единственным выходом к морю является уже существующая в настоящее время железнодорожная линия Кония-Адана (законченная за исключением весьма небольшой части), а также германская железная дорога Адана-Мерсина, в настоящее время действующая. Этот выход к морю предуказывается не только вышеприведенными

---

[1]) См. прил. № 2.

[2]) В копии мин. ин. дел „valeur d'explication"—очевидно, вместо „exploitation".

соображениями относительно существующей железнодорожной сети, но также хорошо известными соображениями исторического и географического характера (ворота Киликии), на которых было бы излишне останавливаться.

Совершенно необходимо не упускать из виду главную цель, которой должно руководствоваться при разделе Азиатской Турции между союзниками: равновесие на Средиземном море. Этот принцип морской политики составляет основу нашего дела. Между тем очевидно, что признание за Италией внутренней зоны, лишенной органического выхода к морю, противоречило бы этому принципу.

Кроме того, так как часть Багдадской железнодорожной линии, входящей в состав вилайета Конии, будет признана за нами, то следует заметить, что не только с точки зрения обще-экономической, но равным образом и в отношении техники и управления железными дорогами, вышеназванная линия будет лишена значения без своего выхода к морю. Королевское правительство теперь же заявляет, что какая бы то ни было гарантия свободы транзита или порто-франко в Мерсине не может его удовлетворить. При всяких условиях это принесло бы политический ущерб для нас, и королевское правительство считает крайне необходимым вступить во владение портом Мерсины как для эксплуатации плоскогорья Конии, так и для развития нашей экономической, политической, культурной и эмиграционной программы в этой области. Портом Конийского плоскогорья может быть только порт Мерсины.

Королевское правительство, исходя из всех этих различных соображений, видит себя безусловно вынужденным требовать передачи Аданского вилайета. С другой стороны, область Аданы и Мерсины не могла бы разумным образом быть уподоблена Сирии ни с точки зрения географической, ни с точки зрения исторической, этнической, культурной и стратегической.

Справедливый и пропорциональный раздел Азиатской Турции между союзниками подразумевает также признание за Италией Айдинского вилайета. Только при этом условии зона Адалии может приобрести некоторое значение или экономическую будущность, а не составит для Италии только финансовое бремя. Зона Адалии в том виде, как она представлена англо-итальянской конвенцией от мая 1914 г., составляет часть вилайетов Айдина и Конии, но она не имеет никакого органического отношения к последнему. Вся его будущность связана с вилайетом Айдина.

Королевское правительство готово вступить в обмен мнений с французским и великобританским правительствами по поводу их относительных железнодорожных интересов в этой области.

В вопросе о городе Смирне королевское правительство считает своим долгом обратить особое внимание союзников на многочисленную и цветущую итальянскую колонию и на школьные и

религиозные итальянские интересы, здесь находящиеся, равным образом, как и на торговые интересы, которые приобретут новую жизненную силу, в результате торговых сношений, уже существующих между Смирной и Триестом и которые будут сохранены и расширены.

Островок Кастелорицо, временно занятый Францией из военных соображений [1]) и находящийся рядом с побережьем, естественно входит в нашу зону.

Королевское правительство считает своим долгом, в заключение, сделать несколько замечаний по поводу декларации, сопровождающей сообщения текста соглашений, которыми обменялись союзники.

Эта декларация составлена в следующих выражениях:

«Границы зон влияния трех держав были установлены их соглашениями, но державы не требуют от Италии ни признания этих соглашений, ни поддержки их осуществления прежде, чем эта держава не получит удовлетворения, которое мы готовы ей дать в сфере, указанной в Лондонском соглашении от 26 апреля 1915 г.» [2]).

Королевское правительство не может считать себя удовлетворенным подобного рода декларацией, так как она допускает возможность, что договоры, заключенные между союзниками, могут быть осуществлены, тогда как Италия, с своей стороны, не добившись исполнения своих законных стремлений и прав, в конечном счете останется в чисто отрицательном положении, не признавая договоров других и не поддерживая их осуществления.

Королевское правительство не сомневается, что союзники вполне признают, что договоры, которыми они обменялись между собою, без ведома Италии, не могут получить осуществления прежде, чем итальянские интересы не получат своего признания и осуществления, и потому оно добивается того, чтобы все договоры между четырьмя союзниками рассматривались на основе безусловного равноправия как с точки зрения своей цели, так и своего осуществления, без различия условий времени и места [3]), а также, чтобы это было закреплено формальным образом.

19 ноября 1916 г.

---

[1]) В декабре 1915 г. на острове Кастелорицо, оккупированном Грецией, но номинально принадлежавшем Турции, произошло восстание, закончившееся изгнанием греческих властей. Вслед за этим остров был оккупирован Францией, мотивировавшей свой десант необходимостью использовать Кастелорицо в качестве радио-станции. Занятие острова французским отрядом произвело крайне неблагоприятное впечатление на Италию и вызвало протест со стороны Греции. Ст. 122-ой Севрского договора от 10 августа 1920 г. остров был признан за Италией. (См. „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны“, изд. Наркоминдела, Москва, 1922 г. стр. 55 58).

[2]) См. прил. № 2.

[3]) Во франц. тексте: . . . „Sans différence de conditions et de modalités“.

CCVIII.

Памятная записка итальянского министерства иностранных дел, переданная послом в Петрограде марк. А. Карлотти председателю российского совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру[1]).

№ 2.

Королевское правительство ознакомилось с документами, которые были сообщены лордом Греем маркизу Империали 5 сего октября, а именно: 1) циркулярной русской телеграммой от 4 марта 1915 г. относительно Константинополя и проливов [2]);

2) Вербальной нотой, переданной г. Палеологом г. Сазонову 12 апреля 1915 г. в ответ на предыдущее [3]);

3) Памятной запиской британского правительства российскому правительству с меморандумом, переданным послом его британского величества в Петрограде г. Сазонову, приложенным к вышеуказанной памятной записке от 12 марта 1915 г. [4]);

4) Текстом англо-французского соглашения касательно Малой Азии, со следующими приложениями [5]):

а) Вербальной нотой, адресованной сэром Эдуардом Греем г. Полю Камбону, от 15 мая 1916 г.;

в) Вербальной нотой, адресованой г. Камбоном сэру Эдуарду Грею, от 15 мая 1916 г.;

с) Вербальной нотой, адресованной сэром Эдуардом Греем г. Камбону, от 16 мая 1916 г.;

5) Текстом меморандума российского правительства от 17 марта 1916 г. касательно Малой Азии [6]);

6) Текстом франко-русского соглашения по тому же вопросу от 26 апреля 1916 г. с вербальной нотой, адресованной г. Палеологом г. Сазонову от 26 апреля 1916 г., приложенной к вышеуказанному тексту [7]).

Вышеупомянутые соглашения, состоявшиеся между Францией, Великобританией и Россией, касаются ряда вопросов, затрагивающих итальянские интересы. Королевское правительство, проникнутое, на законном основании, чувством доверия и дружбы по отношению к союзникам, в ответных симпатиях которых оно не сомневается, не будет останавливаться на том обстоятельстве, что эти соглашения были заключены без его ведома, против всякого ожидания его. Королевское правительство ограничивается установлением с настоящего момента основных пунктов, на которые оно хотело бы обратить внимание союзных правительств,

---

1) Перевод с французского; подлинный текст, повидимому, итальянский.
2) См. стр. 118—119.
3) См. стр. 134 и прим. 2 на стр. 238.
4) См. стр. 124 и 125.
5) Как указывалось выше, все эти документы, за исключением ноты П. Камбона сэру Эд. Грею от 15 мая 1916 г., в деле отсутствуют (см. прим. 1, 2, 3, 4 на стр. 243).
6) См. стр. 163.
7) См. стр. 185—188.

чтобы добиться редакции договоров, о которых идет речь, на основе полного равноправия с другими договаривающимися правительствами, что представляется существенно важным для королевского правительства.

Вопрос о Константинополе и проливах всегда составлял предмет живейшего внимания итальянской политики в Средиземном море, и королевское правительство вполне отдает себе отчет в важности и значительности нового положения вещей, которое будет установлено на этом море, как только Россия достигнет своей вековой цели. Королевское правительство было бы счастливо дать свое согласие на пожелание императорского правительства в смысле циркулярной русской телеграммы от 4 марта 1915 г., при условии, что война будет доведена до победного конца и что Италия осуществит свои стремления на Востоке, как и в других местах. Свобода прохода через проливы и учреждение порто-франко в Константинополе, а также всякого рода привилегии, которыми пользуются другие союзники по отношению к учреждениям, управлениям, религиозным, школьным и больничным заведениям и т. д., будут равным образом обеспечены Италии. Итальянское правительство равным образом даст свое согласие, при соблюдении вышеуказанного условия, на территориальные разграничения, содержащиеся в §§ 1 и 2 меморандума российского правительства от 17 марта 1916 г. и в §§ 1 и 2 франко-русского соглашения от 26 апреля 1916 г. С своей стороны, оно ожидает, что императорское правительство распространит и на Италию, поскольку это касается области Аданы, принцип своей незаинтересованности, о которой идет речь в § 1 указанного меморандума.

Королевское правительство равным образом охотно присоединяется к соглашениям, состоявшимся между Англией и Францией (документ №4) относительно зон синей и красной и (А) и (В) со специальной оговоркой о признании его притязаний на территории и вилайеты Аданы, Конии и Айдина, как это изложено в меморандуме №1 и с общей оговоркой, что война будет доведена до победного конца и что Италия осуществит свои стремления на Востоке, как и в других местах.

Сохранение концессий, прав и привилегий итальянских религиозных, школьных и санитарных заведений в английской и французской зонах должно быть обеспечено. Первое англо-французское соглашение относительно Малой Азии предусматривает в § 3 учреждение в части Палестины международного управления, «форма которого будет решена после совещания с Россией, а также по соглашению с другими союзниками и представителями меккского шерифа» [1]). Королевское правительство по вполне ясным причинам, которые в свое время несомненно ускользнули от внимания редакторов, не может ни в коем случае принять эту формулу. Королевское правительство не сомневается, что союзные правительства согласятся на редакцию новой формулы, считающейся с положением Италии, как державы средиземноморской и

[1]) Ср. ст. 3 англо-французского соглашения об образовании независимого арабского государства (стр. 155).

непосредственно заинтересованной в режиме, устанавливаемом для Святых Мест. С своей стороны, королевское правительство охотно согласится на учреждение международного управления в Палестине с непременной оговоркой о сохранении и обеспечении его интересов, а также юридических и исторических привилегий в этой области. Королевское правительство оставляет за собой право формулировать требования относительно торговых итальянских интересов в портах Кайфы и Акры.

Как союзная держава, равно как и держава средиземноморская, королевское правительство испрашивает у британского правительства уже данное им правительству республики обязательство—не предпринимать ни в коем случае переговоров об уступке Кипра другой державе без предварительного согласия итальянского правительства [1]).

Итальянское правительство оставляет за собой право вести переговоры с союзниками о соглашении относительно таможенного режима в соответственных зонах.

Франко-английское соглашение касательно Малой Азии, по-видимому, обусловлено созданием арабского государства или федерации арабских государств. Королевское правительство просит союзников сообщить ему соглашения, состоявшиеся между ними и мекксским шерифом, равно как и свои соображения относительно этого нового государства. В принципе итальянское правительство готово дать свое согласие на учреждение независимого арабского государства в соответствии со ст. 12 трактата от 26 апреля 1915 года [2]), но имеются пункты, на которые королевское правительство считает своим долгом обратить самое серьезное внимание британского и французского правительств.

В виду согласия королевского правительства на разграничение к югу от зоны (В), должно остаться в силе, что ниже этой границы Франция, Италия и Великобритания будут честно сохранять полное равенство по отношению к независимому арабскому государству и что всеми привилегиями, приобретенными кем-либо из них, остальные воспользуются с полным правом. Италия—мусульманская держава в такой же мере, как и ее союзники. Режим мусульманских святых мест непосредственно отражается на ее близрасположенных колониях, Эритрее и Сомали, равно как и на населении Ливии.

В виду всех этих соображений, крупное значение которых союзники не преминут оценить, королевское правительство просит допустить его к участию, на основе равенства, в обязательствах, переговорах и соглашениях, предусматриваемых §§ 10, 11 и 12 англо-французского соглашения [3]).

Что касается § 11, то французское и великобританское правительства легко согласятся с необходимостью немедленно сделать итальянское правительство участником переговоров с арабами на равных правах. Сохранение настоящего положения, пре-

[1]) Этот пункт направлен против Греции. (См. прим. 1 на стр. 155).

[2]) См. прил. № 2

[3]) Ср. ст. ст. 9, 10 и 11 англо-французского соглашения об образовании независимого арабского государства (стр. 156—157).

дусматриваемого этой статьей, рассматривается королевским правительством, как вредящее в первую очередь его престижу и его положению, как мусульманской державы.

§ 10 означенного соглашения касается режима на Красном море. Италия—держава прибрежная этому морю, где, следовательно, она имеет политические интересы первостепенной важности. Изменение status quo на Красном море затрагивает непосредственно ее интересы. Чтобы отдать себе полный отчет в важности § 10 для итальянских интересов и прав, королевское правительство хотело бы узнать, считают ли английское и французское правительства острова восточного побережья частью территории, предназначенной для независимого арабского государства.

В этом вопросе, как и во всех остальных, касающихся также и Африки, подлежащих урегулированию по взаимному соглашению, королевское правительство главным образом стремится установить постоянную основу доверия и дружбы в своих будущих отношениях с союзниками, путем уважения и охраны обоюдных интересов. Королевское правительство нисколько не сомневается в готовности союзников оказать ему уже и теперь помощь в этом благородном начинании, которое завершит собою эту кровавую войну и неслыханные жертвы, понесенные союзными нациями и которые предстоит им еще претерпеть, чтобы обеспечить Европе эру справедливости и спокойствия.

20 ноября 1916 г. [1]).

CCIX.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4877. 6/19 ноября 1916 г.

Итальянский посол передал нам две памятные записки, заключающие ответ итальянского правительства на лондонское сообщение Италии документов, касающихся Константинополя, проливов и Мало-Азиатской Турции.

В общем нельзя не признать чрезмерными притязания итальянцев на территориальные приобретения в Малой Азии. Однако, в виду того, что они затрагивают главным образом французскую и английскую зоны интересов, было бы желательно выяснить окончательную точку зрения Франции и Англии в этом вопросе. С своей стороны, полагал бы необходимым сделать несколько оговорок по поводу условий, выставляемых итальянцами относительно при-

[1]) На подлиннике имеются пометки: полустертая—„octobre“ и синим карандашом—„7/20 ноября 1916 г.“ Из телеграммы Б. В. Штюрмера от 6/19 ноября 1916 г. № 4877 можно заключить, что и памятная записка № 2 была передана 6/19 ноября 1916 г., а потому дата 7/20 ноября вряд ли отвечает действительности.

знания за нами Константинополя и проливов, в виду некоторых обязательств, принятых на себя Италией по отношению к нам еще в 1909 году в Ракконидже[1]). Не считал бы также соответственным нашим интересам расширение итальянских владений в сторону проливов.

Вместе с тем, мне кажется, следует теперь же установить, будет ли дан ответ итальянскому правительству от имени всех держав в Лондоне, или же, как, повидимому, того хочет итальянское правительство, в каждой столице отдельно. Первый способ мне представляется предпочтительным. Не уклоняясь с итальянским послом от бесед на интересующую его тему, я тем не менее воздерживаюсь от каких-либо связывающих нас заключений.

Благоволите переговорить о вышеизложенном с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Штюрмер.

CCX.

Российский посол в Париже А. П. Извольский председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 835. 9/22 ноября 1916 г.

Копии в Париж [?], Лондон и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму (4473) [2]).

Сообщил ее содержание Бриану, который сказал мне, что французское правительство считает притязания Италии на территориальные приобретения в Малой Азии неосновательными и чрезмерными и что здесь изготовляется по этому вопросу подробная памятная записка, которая будет сообщена Вам и Грею. Бриан присовокупил, что он так же, как и Вы, считает предпочтительнее дать ответ итальянскому правительству от имени трех держав в Лондоне. Что касается условий, выставленных итальянцами относительно признания за нами Константинополя и проливов, и стремления их расширить свое влияние в эту сторону, то, сказал мне Бриан, Франция, само собою разумеется, в этих вопросах последует за Россией и будет действовать не иначе, как по соглашению с нами.

Извольский.

---

[1]) См. прил. № 1.

[2]) В подлиннике ошибка в номере: телеграмма товарища министра иностранных дел В. А. Арцимовича от 6/19 октября 1916 г. за № 4473 посланнику в Гааге А. Н. Свечину не имеет никакого отношения к вопросу о разделе Азиатской Турции и говорит только о высылке денег русскому военному агенту в Гааге.

CCXI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма [1]).

Копии в Париж и Рим. 9/22 ноября 1916 г. [2]).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 4877.

Грей сказал мне, что он заявил Империали, что великобританское правительство не намерено требовать дальнейшего расширения зон влияния в Малой Азии, и в виду того, что области, его интересующие, удалены от местностей, которых добивается Италия, он воздерживается от формулирования мнения с английской точки зрения. Тем не менее отсюда никоим образом не следует, что английский кабинет на этом основании может обещать свою поддержку итальянским притязаниям. Напротив, он должен будет считаться с интересами держав, более непосредственно заинтересованных. С тех пор между Греем и Империали не состоялось обмена мнений. Затем Грей сказал мне, что, по его мнению, вопрос этот должен обсуждаться вчетвером и Париж будет избран для переговоров, принимая во внимание, что главные и самые серьезные затруднения возникли между Италией и Францией, так как итальянские притязания захватывают зону, уже признанную за Францией. Грей прибавил, что он говорит только предварительно и доверительно, так как он еще не запрашивал Бриана на этот счет. Он сказал мне, что обширность итальянских притязаний поднимает новый важный вопрос, по поводу которого державы должны высказаться, а именно: вопрос о дальнейшем существовании независимого турецкого государства с выходом к морю. Англо-франко-русские соглашения давали возможность найти необходимую территорию. При той итальянской зоне, которую предполагает римский кабинет, эта территория была бы совершенно недостаточна. Грей считает этот вопрос важным.

Бенкендорф.

CCXII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс председателю совета министров и министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 784. 10/23 ноября 1916 г.

Личная.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 4877.

Позволяю себе высказать мое мнение по поводу памятных записок, переданных ...им послом. Италия не имеет никакого права ставить вопрос о признании или непризнании ею за нами Кон-

[1]) Перев. с фр.
[2]) В подлиннике номер отсутствует.

стантинополя и проливов. Наши соглашения с Францией и Англией касательно этих приобретений состоялись до вступления Италии в союз с нами. Выговорив Лондонским актом апреля 1915 года [1]) условия, на которых она принимает участие в войне, она, насколько мне известно, не сделала в акте никакой оговорки относительно соглашений, существовавших уже раньше между союзниками, а следовательно, должна признать их силу. При других условиях было заключено соглашение касательно Малой Азии. Оно было подписано, когда Италия состояла уже участницею Союза. Это обстоятельство дает ей больше оснований претендовать на право обсуждать последнее соглашение.

Гирс.

CCXIII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов [2]) послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 4980. 12/25 ноября 1916г.

Сообщается в Рим.

В разговоре со мною французский и великобританский послы затронули вопрос об отношении императорского правительства к заявленным Италией притязаниям на территориальные приобретения в Малой Азии в связи с русско-французско-английским соглашением.

Я им ответил, что в беседах с маркизом Карлотти мы совершенно академически касались этого вопроса. В виду того, что высказанные итальянским правительством пожелания относительно расширения зоны и его владений в Малой Азии скрещиваются главным образом с пожеланиями французов и англичан, мы предпочитаем прежде, чем окончательно высказаться по этим вопросам, выждать заключения французского и английского правительств, как непосредственно заинтересованных. Вместе с тем я высказал итальянскому послу свое личное мнение, что мы признавали бы весьма желательным и соответствующим интересам всех держав сохранение в Малой Азии жизнеспособного турецкого султана. В случае присоединения к Италии Смирны, будущая Турция останется без прекрасно оборудованного и совершенно готового порта, что не может не отразиться на ее способности вести вполне самостоятельную экономическую жизнь. Оставшись без выхода к морю, Турция будет обречена на захирение, и в таком случае мы бы не могли остаться равнодушными к судьбам этого

---

[1]) См. прил. № 2.

[2]) 10/23-го ноября 1916 г. председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер был уволен от занимаемых им должностей. Управление министерством было возложено на товарища министра А. А. Нератова с присвоением ему наименования временно-управляющего мин. ин. д.

умирающего государства и должны были бы предъявить наши пожелания относительно пересмотра всей схемы устройства Малой Азии,—чего мы бы всемерно хотели избежать. В виде предположения, я указал маркизу Карлотти на то, что итальянцы могли бы удовольствоваться зоной, начинающейся южнее Смирны, около залива Скала-Нуова, уже соединенного железной дорогой с Конией.

Благоволите доверительно сообщить об этом министру иностранных дел, прибавив, что, по нашему мнению, уступка итальянцам Смирны, получив огласку, отразилась бы в высшей степени неблагоприятно на греческих делах, в корне подорвав положение Венизелоса и держав Согласия в Греции.

Для Вашего личного сведения:

Имейте также в виду, что расширение итальянских владений в сторону Смирны и севернее ее для нас было бы весьма нежелательно, так как приблизило бы их к проливам и области наших владений.

Нератов.

CCXIV.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 5001. 13/26 ноября 1916 г.

Срочная. Сообщается в Рим.

Я сообщил сегодня французскому и великобританскому послам о предстоящем 19 ноября ст. ст. с. г. правительственном заявлении в государственной думе о соглашении относительно Константинополя и проливов. Относящиеся к этому вопросу документы: наша циркулярная телеграмма и ответ французского и английского правительств 1915 года, вместе с составленным по этому поводу английским предисловием, предполагается опубликовать в воскресенье. Желательно, чтобы соответствующие сообщения французской и английской печати были сделаны в тот же день.

Японское правительство мы предполагаем уведомить об этом и сообщить ему содержание вышеозначенных документов приблизительно накануне.

Что касается итальянского правительства, то мы в предполагаемом правительственном заявлении были бы готовы, во избежание обиды со стороны Италии, упомянуть и о ее присоединении к уже состоявшемуся русско-французско-английскому соглашению. Для этого, конечно, потребуется предварительное согласие итальянского правительства. При этом мы могли бы заранее обменяться с итальянцами текстом сообщений, как это было с Францией и Англией, или же, если того пожелает итальянское прави-

тельство, ограничиться в нашем правительственном заявлении указанием на то, что Италия в настоящее время присоединилась к означенному соглашению.

Благоволите срочно уведомить нас и нашего посла в Риме, не встречается ли препятствий со стороны правительства, при коем Вы аккредитованы, к присоединению таким путем к нашему соглашению о Константинополе и проливах—Италии.

Прибавка для Рима:

За № 5003 Вам передается перевод с упоминаемого выше английского предисловия к имеющим быть опубликованным документам.

Нератов.

CCXV.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5002. 13/26 ноября 1916 г.

Срочная. Сообщается в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 5001.

Благоволите в смысле означенной телеграммы сделать сообщение итальянскому правительству, как только получите утвердительный ответ из Парижа и Лондона. Прошу о последующем срочно нам телеграфировать.

При этом, в случае, если бы итальянское правительство сослалось на неоконченные еще переговоры по мало-азиатским делам и настаивало бы на отсрочке нашего правительственного заявления о Константинополе и проливах, имейте в виду, что наше соглашение с Францией и Англией по этому вопросу, которое предположено теперь огласить, состоялось в 1915 году, до определения конкретных пожеланий Франции и Англии в Малой Азии. Само собой разумеется, что наше правительственное заявление о Константинополе и проливах не остановит ведения переговоров с Италией о Малой Азии, к благополучному завершению коих мы со своей стороны приложим все усилия. Если бы итальянское правительство для удовлетворения своего общественного мнения признало необходимым возбудить вопрос об опубликовании части Лондонского соглашения [1]), касающегося территориальных приобретений Италии, то с нашей стороны к этому препятствий не встретится.

Нератов.

---

1) Лондонское соглашение с Италией от 13/26 апреля 1915 г. (см. прил. № 2).

CCXVI.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5003. 13/26 ноября 1916 г.

Действия турецкого правительства, в начале войны предоставившего убежище германским судам «Гебену» и «Бреслау», обнаружили перед союзными державами, что существующие в Константинополе пагубные течения, основанные на ложной оценке силы центральных держав, вовлекут Турцию в войну на стороне Германии и этим самым нанесут последний удар Турецкой империи, существование коей союзники столь долго и неустанно старались охранить.

Не взирая на двусмысленное положение, занятое с самого начала турецким правительством, союзники приложили все усилия, дабы побудить Блистательную Порту остаться в стороне от борьбы, участие в коей означало бы для Турции лишь добровольную продажу себя в рабство Германии и конечное распадение империи, каковое—как издавна предвидели—должно было случиться, как только Турция вмешается в столкновение мировых сил, подобное настоящей войне.

Союзники не обращались к Турции с просьбой принять участие в войне на их стороне; они просили лишь о том, чтобы она в собственных интересах осталась нейтральной, и дали Турции самые торжественные заверения и обещания, что, в случае нейтралитета, ее территориальная неприкосновенность и независимость останутся незыблемыми. Таким образом, союзниками Турции предлагалось обеспечение ее независимости и неприкосновенности, а от нее требовалось только лишь соблюдение нейтралитета [1]).

Тем не менее, 16/29 октября 1914 года ранним утром, без всякого предупреждения, было произведено предательское и ничем не вызванное нападение военных судов под турецким флагом на суда и гавани соседней державы, с коей Турция находилась в то время в состоянии мира. России, подвергшейся этому, не имеющему примера в прошлом, нарушению самых рядовых международных законов и обычаев, не оставалось иного исхода, кроме соответствующего ответа по адресу державы, способной на такие деяния, а именно,—рассматривать ее, как врага. Союзники России, поддерживавшие в прошлом оттоманский суверенитет и в настоящей войне сделавшие все от них зависящее, дабы спасти Турцию от опасности, в кою вовлекли ее немецкие влияния, убедились, что турецкое правительство бесповоротно присоединилось к их врагам, и в свою очередь примкнули к решению, принятому

---

[1]) 5/18 августа 1914 г. представители держав Согласия в Константинополе заявили великому визирю, что в случае сохранения Турцией строгого нейтралитета державы гарантируют ей территориальную неприкосновенность. (Телеграмма российского посла в Константинополе М. Н. Гирса от 5/18 августа 1914 г. № 753).

Россией. Турция собственным поведением дала толчок своему разрушению. Предательское нападение турецкого флота на русское побережье лишь ускорило неизбежный конец оттоманского владычества, ознаменовавшегося чередующимися неудачами в управлении обширными областями, завоеванными в прошлом турецким оружием. С необыкновенною ясностью обнаружилось, что терпимость, с коей Европа относилась к длительному захвату Константинополя турками, не послужила ни к чему и что настал день, когда это должно прекратиться.

Константинополь должен неизбежно перейти под владычество той державы, развитие коей столетиями стеснялось и ограничивалось преградой, стоявшей на ее пути к открытому морю в узких проливах Босфора и Дарданелл. Великобританское и французское правительства ясно сознали, что подобное разрешение вопроса одинаково само по себе справедливо и послужит вообще к благу цивилизации, и дали российскому правительству окончательное заверение в том, что владычество над Константинополем и над беспрепятственным путем от Черного моря к Средиземному, утраченное Турцией, вследствие ее враждебного вероломства, законно перейдет к России. В соответствии с сим три правительства,—великобританское, французское и российское,—заключили в начале 1915 года следующие за сим соглашения, коими признается, что после войны Константинополь и проливы будут присоединены к русским владениям.

Во всех переговорах, касающихся турецких владений, союзники согласились между собою и постановили, что мусульманские священные места и Аравия при всех обстоятельствах останутся независимыми под мусульманским владычеством.

Нератов.

CCXVII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5024. 15/28 ноября 1916 г.

Срочная. Требует немедленной расшифровки.

Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 5001 [1]) и 5002 [2]).

№ 1. Великобританский посол сообщил нам, что со стороны его правительства не встречается препятствий к присоединению Италии к соглашению 1915 года касательно Константинополя и проливов. Не дожидаясь ответа из Парижа, благоволите сделать итальянскому правительству сообщение в смысле данных Вам указаний.

---

[1]) См. стр. 264.
[2]) См. стр. 265.

В соответствии с преподанными Вам инструкциями я предложил сегодня итальянскому послу обменяться с нами текстом сообщений, как это было с Францией и Англией, или же, если того пожелает итальянское правительство, ограничиться в нашем правительственном заявлении указанием на то, что Италия в настоящее время присоединилась к означенному соглашению.

На случай, если бы Италия согласилась на обмен вышеозначенными документами, Вам передается за № 2 текст нашей циркулярной телеграммы от 19 февраля 1915 года[1]), в которой следует выпустить в первой строчке слово «derniers» [2]) перед «événements» [3]) и заменить упоминание о двух правительствах—Франции и Англии—соответственным упоминанием Италии.

За № 3 Вам передается французский текст ответа французского [4]) и английского правительств [5]), каковому должен соответствовать и ответ Италии, согласно проекту его, заключающемуся в меморандуме № 2, переданном недавно Италией союзным правительствам, в пункте, касающемся Константинополя и проливов.

Опубликование вышеуказанных документов в Риме, как то предполагается сделать в ближайшее воскресенье в других столицах, мы оставляем на усмотрение итальянского правительства.

О последующем благоволите срочно телеграфировать.

Нератов.

CCXVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [6]).

№ 733. 15/28 ноября 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 4980 [7]).

Сообщил ее содержание Грею. Он не прибавил никакого специального объяснения.

Бенкендорф.

---

[1]) См. стр. 118—119.

[2]) „Последних".

[3]) „Событий".

[4]) За № 3 (исх. тел. № 5028) был передан ответ французского правительства от 10 апреля 1915 г. на памятную записку российского министра иностранных дел от 19 февраля/4 марта 1915 г. (см. стр. 134).

[5]) За № 4 (исх. тел. № 5029) был передан ответ великобританского правительства от 12 марта 1915 г. (см. стр. 124).

[6]) Перев. с фр.

[7]) См. стр. 263.

CCXIX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 793. 16/29 ноября 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на Ваши телеграммы №№ 5003 [1]), 5028 [2]), 5026 [3]) и 5024 [4]).

Соннино согласен немедленно приступить к обмену документов если—1) в английском предисловии [5]) в последней фразе будут выпущены слова: «во всех [переговор]ах, касающихся турецких владений» и 2) к тексту итальянского ответа будет допущена в конце фраза: «et jouisse de tous les avantages qui seront assurés à la France et à la Grande Bretagne» [6]). Если Вы на это согласны, то, по словам Соннино, Вы можете считать обмен документов состоявшимся и объявить об этом в думе.

Равным образом можете считать состоявшимся обмен писем между мною и Соннино, что обмен документов «ne change en rien l'esprit de l'accord de Racconigi» [7]). Объяснения следуют. Прошу срочных указаний.

Гирс.

CCXX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 794. 16/29 ноября 1916 г.

Весьма срочно.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 793.

Соннино усиленно настаивает на предложенных им двух изменениях, в парламентских видах, и не согласится отступить от них. Ему необходимо установить, что Италия пользуется совер-

---

[1]) См. стр. 266.

[2]) См. прим. 4 на стр. 268.

[3]) В телеграмме А. А. Нератова М. Н. Гирсу от 15/28 ноября 1916 г. за № 5026 послу указывается, что „предстоящим обменом документов, относящихся к ближне-восточным соглашениям, заверения, данные взаимно Италией и Россией в Раккониджи, остаются в силе“, и предлагается облечь эту оговорку в письменную форму и получить соответствующий ответ от итальянского правительства.

[4]) См. стр. 267.

[5]) См. телеграмму А. А. Нератова от 13/26 ноября 1916 № 5003.

[6]) „И будет пользоваться всеми выгодами, которые будут обеспечены Францни и Великобритании.“

[7]) „Не изменяет ни в чем смысла соглашения в Раккониджи“. Текст соглашения в Раккониджи см. прил. № 1.

шенно теми же правами, как Франция и Англия. Он не может допустить какого-либо намека на переговоры по поводу распределения турецких владений, чтобы не возбудить запроса, участвовала ли Италия в этих переговорах. Подобный запрос может, по его словам, вызвать падение кабинета.

Гирс.

CCXXI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 795. 16/29 ноября 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 794.

Соннино упорно отказывается облечь в письменную форму оговорку, что Раккониджи остается в силе. Он опасался, главным образом, подтвердить вопрос о национальностях, предполагая, повидимому, со свойственной ему подозрительностью, что мы пожелаем воспользоваться новым заявлением, чтобы уменьшить территориальные его приобретения в турецких землях,—выговоренных Лондонским соглашением [1]). Он указывал, что мы нарушили Раккониджское соглашение, вступив в переговоры касательно Константинополя, не предупредив Италию. После долгих обсуждений, он согласился обменяться письмами, гласящими лишь, что новый документ ne change en rien l'esprit de l'accord de Racconigi [2]); не думаю, чтобы он пошел дальше этого. Вместе с тем он заявляет, что всегда готов действовать в полном согласии с Россией. Прошу срочных указаний.

Гирс.

CCXXII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [3]).

№ 740. 17/30 ноября 1916 г.

Копии в Париж и Рим.

Ссылаюсь на телеграммы посла в Риме №№ 793 и 794.

Сообщил Грею их содержание. Он сказал мне, что Империали только что передал ему два изменения, которые Соннино внес в в опубликование документов. Грей ему ответил, что, в случае

[1]) См. прил. № 2.
[2]) „Не изменяет ни в чем смысла соглашения в Раккониджи".
[3]) Перев. с фр.

опубликования документов, он не имеет возражений против обоих изменений, но что он только что телеграфировал в Петроград о своем согласии на Ваш последний проект, а именно: объявить в министерских декларациях об официальном согласии Англии на присоединение к России Константинополя и проливов, не публикуя документов. Грей сказал мне, что это решение было принято Вами из уважения к Италии, Румынии, а (также) Франции и что он не имеет никаких возражений против этого, но считает необходимым упомянуть о свободе плавания в проливах и о постановлении относительно Святых Мест. Грей настаивает, чтобы точная дата англо-русского соглашения была опубликована. В противном случае он полагает, что Германия воспользуется этим, как аргументом, для доказательства того, что именно Россия вызвала войну, чтобы получить Константинополь, заручившись предварительно согласием Англии на это присоединение. Опубликование даты важно и по отношению к Румынии. Грей сказал мне, что в заявлении, которое он сам сделает в палате, он точно установит, что соглашение было заключено не только после начала войны, но и после предложения державами Согласия, включая и Россию, Турции за сохранение ею нейтралитета гарантии неприкосновенности ее территории [1]), и что, следовательно, ответственность за последствия войны падает на одну Турцию. Грей настаивает также на публичном установлении факта заключения соглашения до союза с Италией. Во избежание всяких недоразумений, я спросил Грея, как он в настоящее время относится к этому проекту. Он мне ответил, что он настаивает на этом проекте в том виде, в каком он только что был формулирован Вами, т.-е. на министерской декларации без опубликования документов.

Бенкендорф.

CCXXIII.

Временно-управляющий российским министерством иностранных дел А. А. Нератов послу в Риме М. Н. Гирсу.

Телеграмма.

№ 5077. 18 ноября/1 декабря 1916 г.

Срочная.

Ваша телеграмма № 793 [2]) получена.

Мы принимаем все предлагаемые Соннино поправки. Полагаем только, что относительно опущения упоминаемой Вами фразы в английском предисловии итальянскому правительству следует снестись с великобританским.

Нератов.

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 266.
[2]) См. стр. 269.

CCXXIV.

Текст памятной записки, переданной г. Соннино российскому послу в Риме (составленный на основании двух телеграмм г. Гирса) [1]).

№ 56165—230.

Итальянское королевское правительство дает свое согласие на памятную записку, переданную его превосходительством российским послом в Риме г. Соннино 19 ноября/2 декабря с. г. относительно Константинополя и проливов, при условии, чтобы война была доведена до победного конца, чтобы Италия осуществила свои стремления на Востоке и в других местах, как это сказано в русской памятной записке, и чтобы она пользовалась всеми выгодами, которые будут обеспечены Франции и Великобритании.

19 ноября 1916 г.

CCXXV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [2]).

№ 805. 19 ноября / 2 декабря 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 803 [3]) и на Вашу № 5027 [4]).

В памятной записке, переданной сегодня, 19 ноября / 2 декабря, Соннино под № 11/4/,[5]) я внес в текст изменения, указанные Вашей телеграммой № 5024 [6]); кроме того, я присоединил в конце следующую фразу: «Как это известно королевскому правительству, тождественное сообщение было сделано mutatis mutandis петроградским кабинетом британскому и французскому правительствам в феврале 1915 г., и лондонский и парижский кабинеты выразили свое согласие в тождественных выражениях.

Гирс.

---

[1]) Документ из дела французского посольства в Петрограде. Пер. с франц. Сохраняем заголовок подлинника.

[2]) Перев. с фр.

[3]) В телеграмме от 19 ноября / 2 декабря 1916 г. за № 803 М. Н. Гирс сообщает о состоявшемся „обмене документов касательно Константинополя и нот касательно Раккониджи“.

[4]) Телеграмма А. А. Нератова от $^{15}/_{28}$ ноября 1916 г. передает текст циркулярной телеграммы российского министра иностранных дел от 19 февраля / 4 марта 1915 года № 937.

[5]) Очевидно, имеется в виду предыдущий документ. В подлиннике номер не расшифрован полностью.

[6]) См. стр. 267.

CCXXVI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [1].

№ 808. 20 ноября / 3 декабря 1916 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 805 и Вашу № 5028 [2].

Текст памятной записки, переданной Соннино, датированной Римом от 2 декабря с. г. за № 56165—230, во всех пунктах отвечает—mutatis mutandis—тексту, указанному Вами, за исключением следующих изменений: слово «даст» в первой строчке заменено словом «дает»; слово «будет» после слова «война» заменено словом «была бы»; союз «и» после слов «победного конца» опущен. Следующая фраза прибавлена к памятной записке: «и что она будет пользоваться всеми выгодами, которые будут обеспечены Франции и Великобритании».

Гирс.

CCXXVII.

Итальянский посол в Петрограде марк. А. Карлотти министру иностранных дел бар. С. Соннино.

Шифрованная телеграмма [3].

29 ноября/12 декабря 1916 г.

Телеграмма кабинета № 563.

Как ваше превосходительство могли заметить из содержания моих телеграмм, г. Нератов не отказался рассмотреть наши притязания в Малой Азии, но он сделал ряд возражений, которые я не преминул оспаривать путем различных аргументов. По его мнению, для облегчения условий экономического развития..... [4]) Турции, Италия должна..... [5]) железной дороги..... [5]) и..... [4]) только..... [4]) железные дороги..... [6]). Но в конце наших бесед он всякий раз просил меня не считать его слов окончательным ответом. Я несколько раз возобновлял разговор, но г. Нератов заметил мне, что вдвоем мы не придем ни к какому окончательному решению и что лучше дождаться того момента, когда окончание министерского кризиса во Франции и Великобритании даст возмож-

[1]) Перев. с фр.
[2]) См. прим. 4 на стр. 268.
[3]) В подлиннике французский текст с пометкой: „перевод с итальянского".
[4]) В подлиннике пропуск одного слова.
[5]) „ „ „ двух слов.
[6]) „ „ „ четырех слов.

ность ознакомиться с точкой зрения лондонского и парижского кабинетов. Я заметил г. Нератову, что он сам признал крайнюю необходимость прийти с Италией к соглашению, аналогичному тому, которое существует между тремя державами.

Что касается вопроса о Палестине, то г. Нератов сказал мне:

1) Что установлено не допускать исключительных прав какой-либо державы на Святые Места и на доступ к..... [1]).

2) Что, конечно, Италия..... [2]) в.... [2]) установит в зоне.... [2]) и..... [2]) держав.

Что касается заявления трех держав, согласно которому они никоим образом не будут требовать ни признания их соглашения, ни поддержки для его осуществления, Нератов сказал мне, что он не мог хорошо..... [3]) с формой, принятой Согласием, но что он не имеет оснований не принять ее, если от него этого потребуют.

CCXXVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф временно-управляющему министерством иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма [4]).

№ 796. 30 ноября/13 декабря 1916 г.

Нездоровье премьер-министра и Бальфура не позволило мне повидать ни того, ни другого. Пресса в целом считает, что германские предложения могут быть только иллюзорными [5]). Это вполне сложившееся убеждение Гардинга, который высказал мне, как свое личное мнение, что это выступление имеет в виду, главным образом, германское общество и нейтральные страны. Он видит в нем стремление посеять рознь между союзниками. Весьма доверительно я обратил его внимание на некоторую нервность, проявляемую в Италии, и на безусловную необходимость для трех союзных держав: России, Англии и Франции сохранить наивозможно полное согласие. Он мне ответил, что он вполне отдает себе отчет в том, что Италия нуждается в гарантиях с этой стороны и что поэтому английское правительство предложило выступить всем трем державам сообща в Афинах в случае, если

---

[1]) В подлиннике пропуск одного слова.
[2]) " " " двух слов.
[3]) " " " трех слов.
[4]) Перев. с фр.
[5]) Имеются в виду мирные предложения держав четверного союза,—Германии Австрии, Турции и Болгарии,—от 29 ноября/12 декабря 1916 г.

итальянское правительство будет настаивать на изменении текста [1]). Он сказал мне также, что нужно действовать с большой осмотрительностью в переговорах с Италией по вопросу о Малой Азии.

Бенкендорф.

CCXXIX.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам А. Бальфур послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 2944. 1/14 декабря 1916 г.

В виду того, что лорд Грей покинул свой пост [3]), соображения, по которым премьер-министр настаивал на ведении переговоров о Малой Азии в Лондоне, утратили часть своей силы. Напротив, итальянское правительство, насколько я знаю, очень желало бы вести эти переговоры в Риме. Имея в виду общее политическое положение в Италии, правительству его величества представляется крайне желательным пойти навстречу итальянским стремлениям в этом вопросе, если это не вызовет крупных возражений. Британскому правительству представляется, что это обсуждение является одним из следствий положения, созданного соглашением между Францией, Россией и Великобританией, и что нет никаких прямых выгод от продолжения обсуждения в Лондоне, тем более, что первые переговоры велись там. Поэтому оно намерено обратиться к французскому правительству с просьбой согласиться на ведение переговоров в Риме, в виду того, что итальян-

---

[1]) В ноябре 1916 г. союзные державы потребовали от греческого правительства выдачи военного материала и оружия, угрожая обстрелом Афин и высадкой десанта. В виду невыполнения греческим правительством этих требований, был высажен в Пирее союзный отряд. Вступление его в Афины вызвало столкновение между союзными войсками, с одной стороны, и греческими резервистами и афинским гарнизоном, с другой (18 ноября/1 декабря). В результате союзный десант был вынужден очистить Афины и Пирей, после чего посланники держав Согласия покинули город и удалились на союзную эскадру. 25 ноября/8 декабря союзниками была установлена блокада греческого побережья. 1/14 декабря посланники держав Согласия вручили греческому правительству ультиматум об эвакуации греческих войск из северной Греции и удовлетворении за события 18 ноября/1 декабря. 2/15 декабря греческий министр иностр. дел Залокостас сообщил о принятии правительством всех требований союзников. 16/29 декабря Греция, со своей стороны, потребовала снятия блокады. На это союзники ответили новым ультиматумом от 18/31 декабря, требовавшим: a) эвакуации войск и военного имущества в Пелопонесс, b) воспрещения всяких собраний резервистов, c) восстановления союзного контроля, d) освобождения лиц, арестованных по обвинению в государственной измене, e) смещения ген. Калориса. f) формального извинения за события 18 ноября/1 декабря. Во всех этих выступлениях Россия и Италия занимали обособленное положение, первая из-за родственных связей, соединявших афинский двор с петроградским, вторая—из-за нежелания принять участие в салоникской экспедиции (см. „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны", изд. Наркоминдела, Москва, 1922 г., стр. 149—165).

[2]) Перев. с англ.

[3]) 22 ноября/5 декабря 1916 г. в Англии произошла смена кабинета, повлекшая за собою уход лорда Эд. Грея. На его место был назначен А. Бальфур, а заместителем последнего министр блокады лорд Р. Сесиль.

ская памятная записка намекает на трудность положения барона Соннино. Кроме того, мы были бы рады узнать точку зрения французского правительства относительно того, считает ли оно, что ответ на итальянские требования должен быть дан сепаратно, так, чтобы каждая держава касалась только той части требований, которые ее непосредственно затрагивают, или чтобы все три державы, предварительно договорившись, заявили, что они готовы обсудить эти требования одновременно в четырех столицах. Правительство его величества склоняется ко второму решению, и я хотел бы получить замечания премьер-министра на этот счет, как можно скорее.

CCXXX.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам А. Бальфуру.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 1896. 2/15 декабря 1916 г.

Г. Нератов не встречает никаких возражений против перенесения переговоров в Рим и принимает второй путь, предложенный Вами, в случае, если французское правительство, ближайшим образом заинтересованное в переговорах, согласится на это.

CCXXXI.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов послам в Париже и Лондоне, А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 5308. 3/16 декабря 1916 г.

Сообщается в Рим.

В разговоре со мною великобританский посол, по поручению своего правительства, затронул вопрос о способах обсуждения предъявленных Италией притязаний на территориальные приобретения в Малой Азии. По мнению великобританского правительства, в этом отношении можно было бы прибегнуть к одному из двух путей: 1) непосредственное обсуждение с Италией каждою из держав интересующих ее пунктов или же 2) предварительное

[1]) Перев. с англ.

установление между Францией, Англией и Россией основных начал соглашения с Италией и затем уже переговоры с итальянским правительством в одной из столиц. Я высказался за второй способ, указав, что переговоры об окончательном соглашении с Италией могли бы вестись в Риме через послов.

В виду того, что, повидимому, итальянские притязания задевают, главным образом, интересы французской зоны в Малой Азии и, следовательно, в этом отношении встретятся наибольшие затруднения, то для нас было бы чрезвычайно важно незамедлительно узнать взгляд французского правительства по этому вопросу.

Благоволите в вышеизложенном смысле переговорить с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Нератов.

CCXXXII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому [1]).

Телеграмма.

№ 838 [2]). 5/18 декабря 1916 г.

Лично. Весьма доверительно.—Позволю себе указать, что предварительное установление между Россией, Францией и Англией начал соглашения с Италией касательно территориальных приобретений (должно быть) насколько возможно точное. В особенности, если дальнейшие переговоры будут вестись в Риме. Не могу не предупредить, не придавая, однако, этому обстоятельству чрезмерного значения, что отсутствие единодушия между моими двумя сотоварищами, при всех их возможных качествах, несколько осложняет задачу совместного ведения здесь переговоров. Вследствие этого (разобщения) и в виду ... бного давления, которое несомненно будут производить на Соннино крайние шовинисты во время переговоров, я и высказывался в предыдущих моих телеграммах за предпочтительность вести их в Лондоне. Очень прошу не пользоваться в объяснениях с союзниками первым моим аргументом, значение которого, конечно, лишь относительное.

Гирс.

---

[1]) 30 ноября/13 декабря 1916 г. состоялось назначение на пост министра иностранных дел Н. Н. Покровского.

[2]) В подлиннике, повидимому, ошибка в номере: в собрании телеграмм из Рима за 1916 г. архива б. министерства иностранных дел имеются две телеграммы за № 838: а) первая о деятельности Кайо в Риме, в) вторая—приводимая нами. Именно на эту последнюю ссылается М. Н. Гирс в телеграмме от 6/19 декабря 1916 г. за № 841 (см. стр. 279), помечая ее № 839.

CCXXXIII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 926. 5/18 декабря 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на телеграмму гофмейстера Нератова № 5308.

Сообщил ее содержание Бриану. Французское правительство также предпочитает второй способ вести переговоры с Италией, но считает существенно неудобным выбор для этой цели Рима, где Соннино неизбежно будет подвержен влиянию итальянских шовинистов. Петроград слишком отдален, а потому лучше всего сосредоточить переговоры в Лондоне и вести их вчетвером, то-есть под председательством Бальфура и при непосредственном участии Бенкендорфа, Камбона и Империали. Если союзники на это согласятся, Камбон получит в самом непродолжительном времени подробные инструкции по существу итальянских требований, с предписанием сговориться с Бенкендорфом. и Бальфуром. Бриан телеграфирует в вышеуказанном смысле в Петроград, Лондон и Рим.

Извольский.

CCXXXIV.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 5337. 5/18 декабря 1916 г.

Сообщается в Париж и Рим для личного сведения.

В виду высказанного французским правительством пожелания о том, чтобы переговоры с Италией по мало-азиатским делам были сосредоточены в Лондоне, мы охотно к этому присоединяемся. Вследствие сего Вам надлежит поддержать в этом смысле предложение Вашего французского коллеги, имеющего обратиться по этому поводу к великобританскому правительству.

В случае согласия на это Англии, мы считали бы необходимым выяснить вопрос, не следует ли предварительно установить между Францией, Англией и Россией общие основания, на которых можно было бы затем приступить к обсуждению итальянских притязаний уже с участием итальянского посла. Такой способ мне представляется наиболее целесообразным. О результатах Ваших переговоров с министром иностранных дел благоволите телеграфировать.

После разрешения этих основных вопросов Вам будут даны указания относительно тех пунктов, которые наиболее всего затрагивают интересы императорского правительства.

Покровский.

CCXXXV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 841. 6/19 декабря 1916 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 839 [1]).

Французский посол в разговоре с Соннино, выразив ему надежду, что переговоры по мало-азиатскому вопросу приведут к соглашению между Францией и Италией, указал ему на желательность ведения их в Лондоне. Соннино, по доверительным словам французского посла, не возражал против этого и был, повидимому, доволен дружескими заявлениями Баррера.

Гирс.

CCXXXVI.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма [2]).

№ 814. 6/19 декабря 1916 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 5308 [3]).

Конфиденциально.—Лорд Сесиль сказал мне, что для переговоров с Италией относительно Малой Азии второй способ, указанный в этой телеграмме, является единственно применимым. Он предвидит, однако, затруднения в выработке общей основы для России, Англии и Франции, так как это вызовет предварительные переговоры, о которых итальянское правительство, крайне чувствительное в настоящий момент, особенно по отношению к Франции, несомненно будет осведомлено и которыми оно встревожится. Что касается выбора столицы для этих переговоров, то лорд Роберт сказал мне, что французское правительство уже остановилось на Риме. Он ожидает, что Италия отклонит ноту [4]) и, в таком случае, если выбор падет на Лондон, английское правительство не откажет в своем согласии.

Бенкендорф.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 277.

[2]) Перев. с фр.

[3]) См. стр. 276.

[4]) В подлиннике за словом: „ноту“ знак вопроса („note?“). Не следует ли читать: „Рим“ („Rome“)?

CCXXXVII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма [1]).

№ 817. 7/20 декабря 1916 г.

Копии в Париж и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 816 [2]).

Вы, вероятно, заметили, что премьер-министр особенно обратил внимание на отсутствие всякого предложения в германской ноте. Он точно определяет характер, который должны были бы иметь эти условия, чтобы стать предметом рассмотрения. Он предоставляет слово Германии. Такого рода постановка вопроса имеет в виду американское общественное мнение, на которое он, впрочем, весьма прозрачно и намекает в своей речи. Это служит подтверждением специального внимания, с которым великобританское правительство относится к позиции Америки, на что я неоднократно указывал. Лично.—На мой взгляд, это крайне важно с точки зрения наших интересов. Я полагаю, что нам следует помочь разрушению легенды, распространяемой германской прессой и агитацией, особенно в Америке, что Англия организовала войну и вовлекла в нее Францию и даже Россию. С этой точки зрения мне представляется крайне желательным, чтобы ответ союзных держав был передан, от их имени, Брианом в Париже американскому послу. Я полагаю, что было бы разумно не вступать в переговоры с Италией относительно Малой Азии прежде, чем этот ответ будет передан и Италия к нему присоединится.

Бенкендорф.

CCXXXVIII.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма [1]).

№ 818. 7/20 декабря 1916 г.

Копии в Париж и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 5337 [3]).

Моя телеграмма № 814 передает замечание великобританского правительства относительно предварительных переговоров между Россией, Францией и Англией. Тем не менее отсюда не сле-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Телеграмма гр. А. К. Бенкендорфа от 7/20 декабря 1916 г. за № 816 передает содержание речей великобританского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа и сэра Г. Асквита в палате общин о германском мирном предложении.

[3]) См. стр. 278.

дует, что лорд Р. Сесиль откажется ознакомиться с инструкциями французского посла, равно как и с моими, совершенно доверительным или частным образом, согласно проекту Бриана, о котором дает отчет телеграмма Извольского № 926 [1]). Я полагаю необходимым ограничиться этим, так как общая позиция маркиза Империали подтверждает опасения лорда Роберта.

Бенкендорф.

CCXXXIX.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 5387. 8/21 декабря 1916 г.

Сообщается в Рим и Париж.

При предстоящем обсуждении в Лондоне вопроса о притязаниях Италии на земельные приращения в Малой Азии Вам надлежит руководствоваться нижеследующими общими соображениями:

С решением в нашу пользу вопроса о Константинополе и проливах и занятием нами армянских округов, вопрос о будущем устройстве Малой Азии приобретает для нас первостепенное значение.

Поэтому нам необходимо создать там такое положение, при котором были бы вполне обеспечены наши стратегические и политико-экономические интересы и облегчено наше дальнейшее упрочение в Малой Азии. С этой точки зрения, нашим интересам в этой области не соответствует водворение у наших будущих мало-азиатских границ каких-либо великих европейских держав, хотя бы теперь и дружественных нам. Для нас является существенно необходимым, в возможно больших пределах, сохранение в Малой Азии независимого турецкого государства, политически и экономически тяготеющего к нам. При этом оно должно быть настолько жизнеспособным, чтобы не сделаться в ближайшем будущем предметом легкой добычи и раздора между окружающими его соседними державами. В этих видах за турецким государством следует обеспечить свободные выходы к морю и сохранить провинции с преобладающим оттоманским населением.

Вследствие сего расширение итальянских владений в сторону Смирны для нас представляется неприемлемым. Оно для нас нежелательно также и вследствие приближения итальянских владений к области проливов. В крайнем случае, мы могли бы согласиться лишь на включение в их зону Скала-Нуова, против о. Самоса, и проведение от этого пункта границы на Конию.

---

[1]) См. стр. 278.

Что касается их притязаний к югу от этой линии, то мы готовы поддержать точку зрения Франции и Англии, на основании уже состоявшегося между нами соглашения.

При обсуждении отдельных вопросов, благоволите своевременно о них осведомлять для снабжения Вас более подробными указаниями.

Покровский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „Правильно". Царская Ставка, 12 декабря 1916 г.

CCXL.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 938. 8/21 декабря 1916 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на телеграммы Бенкендорфа №№ 814 [1]) и 815 [2]).

Камбон также высказал мнение, что формальное предварительное соглашение между Россией, Францией и Англией было бы опасно и могло бы оттолкнуть Италию, но,—присовокупил он,—ничто не мешает Бенкендорфу и Камбону негласно сговориться между собою и с Бальфуром, на основании инструкций, которые будут ими получены, прежде нежели начать переговоры с участием Империали.

Извольский.

CCXLI.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 5415. 10/23 декабря 1916 г.

Сообщается в Париж.

Ваши телеграммы №№ 814 и 815 получены. Ссылаюсь на телеграмму посла в Париже № 938.

Считаем желательным, чтобы, не входя в формальное предварительное соглашение, Вы тем не менее на основании общей данной Вам инструкции обменялись мнениями с Бальфуром и Камбоном, отстаивая мысль о сохранении в Малой Азии жизнеспособного турецкого государства.

Покровский.

---

[1]) См. стр, 279.

[2]) Телеграмма российского посла в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфа от 7/20 декабря 1916 г. об отрицательном отношении английских общественных и политических кругов к германскому мирному предложению.

CCXLII.

Российский Посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 928. 29 декабря 1916 г./11 января 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Лорд Мильнер выехал из Рима только вчера [1]. Он, повидимому, будет постоянным участником со стороны Англии всех конференций, касающихся войны. Соннино сказал мне, что он воспользовался последним свиданием с Мильнером, чтобы просить его обратить внимание лондонского кабинета на необходимость возможно скорее приступить к обсуждению мало-азиатского вопроса совместно с послами в Лондоне, так как волнение, которое охватило бы общественное мнение в Италии, если бы оно узнало, что вопрос этот еще не решен, неблагоприятно отразилось бы на отношениях к союзникам в период, имеющий наступить немедленно после войны.

Гирс.

CCXLIII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам А. Бальфур послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2].

№ 161. 12/25 января 1917 г.

Моя телеграмма № 2987 в Париж.

Французское правительство настаивает на том, чтобы совещание состоялось в Лондоне, и, как я понимаю, российское правительство к этому присоединяется. Имея в виду настойчивость, проявляемую Италией, крайне важно приступить незамедлительно к обсуждению этого вопроса; поэтому я предложил французскому, русскому и итальянскому представителям назначить первое заседание здесь на 29 января.

---

[1] В декабре - январе 1916/17 г. в Риме происходила союзная конференция английским представителем на которой был лорд Мильнер.

[2] Перев. с англ.

CCXLIV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков [1]) министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 29. 12/25 января 1917 г.

Срочно.

Мною получено приглашение от Бальфура принять участие в совещании с французским и итальянским послами по мало-азиатским делам. Первое заседание в понедельник 29. Прошу срочных указаний, уполномочен ли я участвовать в этих переговорах, руководясь инструкцией, данной послу Вашей телеграммой № 5387 [2]).

Набоков.

CCXLV.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 230. 13/26 января 1917 г.

Сообщается в Париж и Рим.

Великобританский посол передал нам приглашение Бальфура приступить теперь же к обсуждению вопроса об итальянских притязаниях в Азиатской Турции, при чем, по мнению великобританского министра иностранных дел, начало переговоров могло бы последовать уже в ближайший понедельник.

Я высказал сэру Бьюкенену мое удивление по поводу такой непонятной для нас поспешности и указал ему, что это обстоятельство ставит нас в весьма затруднительное положение, так как на предстоящем совещании русский посол будет отсутствовать.

Если нет каких-либо особо важных причин, заставляющих великобританское правительство спешить с открытием переговоров по азиатским делам, то мы предпочли бы, чтобы совещание было отложено на полтора или два месяца, когда вновь назначенный российский посол прибудет к месту своего служения [3]). Если же немедленное открытие переговоров вызывается какими-либо чрезвычайными обстоятельствами, то Вам поручается принять в них участие в качестве представителя России, с тем, чтобы все реше-

---

[1]) Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф скончался 29 декабря/11 января 1916/17 г. Временное управление посольством было возложено на советника посольства К. Д. Набокова.

[2]) См. стр. 281.

[3]) Новый посол в Лондоне б. министр иностранных дел С. Д. Сазонов был назначен 12/25 января 1917 г.

ния Вы принимали «ad referendum». При этом Вам надлежит руководствоваться общей инструкцией, данной по мало-азиатским делам графу Бенкендорфу.

Благоволите о вышеизложенном переговорить с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Покровский.

CCXLVI.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 37. 14/27 января 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 230.

К решению приступить ныне к переговорам по мало-азиатским делам великобританское правительство вынуждено было прийти вследствие упорных настояний Италии. Во внимание к высказанному Вами желанию, Бальфур спешно телеграфировал в Рим, дабы склонить итальянское правительство отложить переговоры, но сомневается в том, что Соннино согласится на эту отсрочку.

Набоков.

CCXLVII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 38. 16/29 января 1917 г.

Копия в Париж и Рим.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 37.

Вследствие получения из Рима телеграммы, что Соннино настаивает на приступлении к переговорам, первое заседание состоится сегодня.

Набоков.

CCXLVIII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 41. 16/29 января 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Сегодня первое заседание по мало-азиатским делам, при участии Бальфура, Камбона, Империали и моем, началось с заявления итальянского посла, что ему поручено поддерживать поже-

лания Италии, содержащиеся в двух меморандумах [1]. Французский посол представил возражения против притязаний Италии на Адану, Мерсину и прилегающую к ним область до мыса Анамура, указав, что Адалия является более естественным выходом к морю для Конии, нежели Мерсина, и что округ Аданы имеет исторические связи с Сирией, коей он также является житницей. Далее он указал, что юго-западная часть Анатолии,—область, в которой Италия имеет сделать территориальные приобретения,—является наиболее плодородной и наделенной естественными богатствами, легко поддающимися эксплуатации, коими в значительно меньшей степени обладают территории, долженствующие отойти к России, Франции и Англии, хотя эти территории по пространству обширнее. Бальфур заявил, что цель совещания—соблюсти букву и подлинный смысл статьи девятой Лондонского соглашения [2], то-есть отвести Италии зону, справедливо соответствующую зонам других держав, не отступая от тех размежеваний, которые соглашением между тремя державами уже установлены. Должна, поэтому, быть определена такая зона для Италии, «ценность» которой равнялась бы ценности приобретений других держав. На это я ответил, что к этим руководящим основаниям будущих переговоров должно быть прибавлено и другое основание,—разделяемое всеми нами убеждение, что на Мало-Азиатском полуострове должна найти место жизнеспособная Турция. Я прибавил, что Россия считает в этих видах существенно важным для Турции сохранить Смирну. На это Империали с некоторою живостью просил меня вспомнить ту дружественную готовность, с которой Италия без колебаний согласилась на уступку нам Константинополя [3], и выразил надежду, что в вопросе о Смирне мы проявим ту же благожелательность. Бальфур предложил поручить бывшему послу в Константинополе Маллету выработать план разграничения итальянской и французской зон на основаниях, выше изложенных. Этот план будет передан на обсуждение императорского и французского правительств и, в случае его одобрения, мог бы послужить основою нашего контр-предложения Италии. Прочие пункты итальянских меморандумов не были затронуты. Бальфур относительно Смирны высказался в самой общей лишь форме, что у Англии в этом порте имеются крупные интересы.— Выношу определенное впечатление, что Италия особенно дорожит Смирною и что только вполне твердое заявление, поддержанное другими союзниками, о важности этого порта для Турции и о том, что граница, идущая от Скала-Нуова, является вполне отвечающей реальным интересам Италии, способно было бы склонить ее к сокращению ее чрезмерных притязаний. Следующее заседание состоится, когда Маллет составит свой проект, примерно,—через неделю.

Набоков.

---

[1]) См. стр. 253—260.

[2]) См. прил. № 2.

[3]) См. памятную записку итальянского министра иностранных дел бар. С. Соннино от 19 ноября/2 декабря 1916 г. № 56165—230 на стр. 272.

CCXLIX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 42. 16/29 января 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 230 [1]).

Доверительно.—На сегодняшнем приеме Соннино по своей инициативе заговорил со мною о мало-азиатском вопросе. Карлотти передал ему Ваше желание отложить переговоры в Лондоне до приезда туда нового нашего посла. Соннино сказал мне, что он не имел возможности согласиться на новую отсрочку вопроса, об обсуждении которого он просит уже более четырех месяцев, тем более, что внутреннее положение в Италии и настроение парламента требуют немедленного его решения. Он не преминул упомянуть при этом, что, когда мы обратились к нему по поводу Константинополя и проливов, он в угоду нам решил в несколько часов столь сравнительно сложный вопрос.

Гирс.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „Наши требования относительно Константинополя с областью и проливов были ясные, а вожделения Италии в Малой Азии велики и неопределенные“. Царское Село, 18 января 1917 г.

CCL.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 45. 17/30 января 1917 г.

Лично.

Лорд Гардинг в доверительном разговоре со мною коснулся прений вчерашнего заседания по мало-азиатским делам. Я сказал ему, что, по моему мнению, Англия, как крупнейшее мусульманское государство, в равной мере с Россией, если не в большей, заинтересована в сохранении жизнеспособной Турции. Кроме того, весьма крупные интересы Англии в Смирне, где имеется обширная английская колония, вынуждают, казалось бы, всячески стремиться к сохранению этого порта за Турцией. Помимо, таким образом, общего принципа солидарности, полное совпадение наших политических интересов в вопросе о нераспространении итальянской зоны на север от указанного крайнего пункта Скала-Нуова заставляет меня рассчитывать на энергичную поддержку Бальфуром русской точки зрения. Гардинг мне ответил, что лично всецело разделяет высказанные мною взгляды и, «если бы решение

---

[1]) См. стр. 284.

зависело от него, никогда не дал бы Смирны итальянцам», но что не ему, а Бальфуру принадлежит формулировать точку зрения правительства. Полагаю, что для придания моим заявлениям по этому вопросу большего веса и категоричности было бы крайне желательно, если бы Вы сочли возможным поддержать их перед Бьюкененом для передачи Бальфуру.

Набоков.

CCLI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 58. 22 января/4 февраля 1917 г.

Копия в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму из Лондона № 41 [1]).

Доверительно. Вчера Соннино лично вскользь в беседе со мною коснулся вопроса о лондонском совещании по мало-азиатским делам. Он заметил, что на первом заседании было, главным образом, указано на то, что признается невозможным. Он надеется, что на следующих заседаниях будет найдено и возможное.

Гирс.

CCLII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 65. 28 января/10 февраля 1917 г.

Великобританским министерством иностранных дел принимаются меры к широкому распространению среди мусульман в английских владениях и колониях прокламации шерифа Мекки, в коей он объясняет причины, побудившие его свергнуть турецкое иго и объявить себя королем Геджаса. В предположении, что прокламация эта произведет впечатление и на русских мусульман в желательном для нас направлении, министерство предлагает нам текст этой прокламации в количестве экземпляров, какое может нам понадобиться. Полагаю, что персидский и арабский текст желательно было бы иметь для распространения среди наших мусульман. Прошу ответа по существу предложения и о количестве нужных нам экземпляров.

Набоков.

---

[1]) См. стр. 285.

CCLIII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 80. 29 января/11 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Весьма доверительно.

По словам Соннино, в Базельской газете появилась статья о Малой Азии, дающая верные сведения о соглашении касательно распределения зон между союзниками. Соннино не сомневается, что эти сведения сообщены газете из Берлина. Он несколько смущен тем обстоятельством, что секретные дипломатические сношения между союзниками так легко становятся известными нашим врагам. Он спрашивает себя, не имеют ли они возможности также быстро знакомиться и с нашими военными планами. В виду возможности возникающего сомнения, не проникают ли эти сведения через Ватикан, Соннино утверждает, что с своей стороны он принимает все меры предосторожности и многое скрывает даже от совета министров, чем нередко вызывает неудовольствие против себя других министров.

Гирс.

CCLIV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 71. 30 январ/12 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Сегодняшнее второе заседание конференции по мало-азиатскому вопросу открылось заявлением Бальфура, что, во исполнение принятого нами решения, здешним министерством иностранных дел выработана схема территориальной зоны, подлежащей приобретению Италией. Граница идет от западного побережья «Скала Нуова» по прямой линии до Эрджиес-Дага, сворачивает на юг и идет затем до мыса Анамура вдоль французской зоны. Бальфур объяснил, что область, уступаемая Италии, признается экспертами «равноценной» приобретениям других держав Согласия; приняты во внимание доводы России о сохранении Смирны за Турцией и соблюдены интересы Франции. Ради достижения соглашения, Англией делается уступка—Айдинская железная дорога[1]). Бальфур

[1]) Смирна—Айдинская ж. д. Первичная концессия была выдана в 1856 г. английской строительной компании. В 1914 г. между компанией и оттоманским правительством состоялось соглашение, в силу которого Турция отказалась от права выкупа, и компания получила наименование Société Anonyme. Срок концессии был продлен до 1999 г., и компании были выданы концессии на сооружение 320 верст рельсового пути (ветки: Айдин—Мугла, Динейр—Сандукли, Буддур—Кизиль—Кайя и линия оз. Эгердир—оз. Бейшеир), а также преимущественные права судоходства на озерах Эгердир и Бейшеир. В 1913—1914 г.г. итальянцы, получив концессию на сооружение железных дорог в районе Адалии и Макри, пытались перекупить у англичан Смирна—Айдинскую дорогу, но встретили упорное противодействие со стороны заинтересованных английских кругов.

заметил, что эта уступка вызовет, несомненно, протесты в парламенте. Итальянский посол категорически отказался войти в обсуждение этого предложения на том основании, что оно не соответствует изложенным в меморандуме требованиям Италии, которые ему поручено отстаивать. Все наши общие усилия убедить посла, что контр-предложение является лишь «базой» для переговоров, остались тщетными, равно как не убедил его довод, что, если Италия отказывается обсуждать мотивы, по которым остальные державы признают свое предложение отвечающим смыслу пункта девятого Лондонского соглашения [1]), то дальнейшие переговоры тем самым становятся бесцельными. Поэтому решено передать итальянскому правительству меморандум с изложением мотивов, приведших к предложенному разграничению, и высказано пожелание, чтобы маркизу Империали дано было полномочие обсуждать вопрос по существу, не ограничиваясь простым отвержением всего того, что не соответствует притязаниям Италии. Полагаю, что со стороны Соннино будет проявлено такое же упорство в вопросе о Смирне, но что великобританскому послу будет послана подробная инструкция, целью которой будет сдвинуть переговоры с мертвой точки.

Набоков.

CCLV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 72. 31 января/13 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Продолжение моей телеграммы за № 71.

Вчерашнее заседание по мало-азиатским делам произвело крайне тягостное впечатление на Бальфура и на Камбона. В строго-доверительном разговоре Гардинг сказал мне, что если итальянский посол будет продолжать держаться того взгляда, что никакие возражения против итальянских притязаний не могут подлежать обсуждению, нам не остается иного пути, как сговориться втроем и затем заявить ему наши решения в окончательной форме. Лично я не думаю, чтобы дело приняло столь резкий оборот, и считаю, что воздействие послов в Риме способно будет смягчить непримиримую притязательность Соннино, в каковом случае Империали получит соответствующие инструкции.

Набоков.

---

[1]) См. прил. № 2.

CCLVI.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 78. 1/14 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Весьма доверительно Камбон сказал мне, что, по его мнению, Империали сильно пошатнул свой престиж в глазах лондонского кабинета, в частности, Бальфура и Гардинга, своим безусловным упорством. Камбон полагает, что, так как конференция в (Лондоне) созвана по настоянию Соннино, отказ (его) обсуждать наши предложения вызовет промедление в переговорах, в возможно быстром исходе коих, главным образом, заинтересован сам Соннино.—Положение, занятое итальянским послом, вряд ли отвечает взглядам итальянского правительства.

Набоков.

CCLVII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 88. 1/14 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграммы из Лондона №№ 71 и 72.

Доверительно.—Полагаю, что, по передаче итальянскому правительству предполагаемого меморандума касательно разграничения в мало-азиатском вопросе, нам не следует торопиться дальнейшими переговорами и заявлением, что это—окончательное наше решение. Итальянское правительство более нас заинтересовано в скорейшем заключении соглашения, и оно надеялось достичь его до созыва парламента, то-есть до 27 февраля. В течение оставшихся 2 недель его позиция, вероятно, выяснится. Многочисленные враги воспользуются, к сожалению, этим вопросом в надежде побудить его выйти в отставку. В его же интересе, казалось бы, представить депутатам уже готовое соглашение. Наше широкое предложение должно было бы их удовлетворить. Я не могу, однако, ручаться, что оно бесспорно так и будет, в виду нервности Соннино, личное самолюбие которого затронуто тем обстоятельством, что англо-французское соглашение состоялось в тайне от него, в то время как Италия была уже нашей союзницей. В этом отношении наше соглашение о проливах поставлено в лучшие условия.

Гирс.

CCLVIII.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам А. Бальфур послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 298. 2/15 февраля 1917 г.

Для Рима № 321.

Моя телеграмма № 210.

Второе заседание состоялось 13 [12 ?] февраля. Я представил карту, указавши, в качестве предмета обсуждения, итальянскую сферу влияния в юго-западной Анатолии, ниже французской зоны, но не вдающуюся в последнюю. Предложенная сфера .... [2]) граничит на востоке с французской сферой, на юге со Средиземным морем, на западе с Эгейским морем и на севере с линией, идущей на восток и на запад от ..... [3]) через Ургюб; она включает в себя Адалию, а также части Айдинской и Багдадской ж. д., находится вблизи от островов, занятых итальянцами, и составляет одну из лучших областей на юге как с точки зрения земледелия, так и ископаемых богатств. Я сказал, что я не могу согласиться на признание за Италией .... [4]), не посоветовавшись предварительно с моими коллегами, а так как союзные представители находятся, вероятно, в одинаковом положении, то в настоящее время возможно только дружественное обсуждение этого специального решения вопроса. Итальянский посол немедленно с горячностью заявил, что он не может входить в обсуждение какого бы то ни было проекта, предоставляющего Италии менее обширные территориальные приобретения, чем те, о которых упоминается в итальянской памятной записке от.... [5]). Я заявил, что итальянские требования в конечном счете основываются на Лондонском договоре [6]), и я истолковал статью, упомянутую в итальянской памятной записке и которую эта памятная записка сводит к трем ..... [7]), которые могут быть вполне удовлетворены в пределах настоящего проекта. Итальянский посол заявил, что его инструкции не позволяют ему принять или обсуждать это заявление, но предписывают лишь настаивать на принятии итальянского предложения. Его превосходительству было заявлено, что подобного рода позиция ставит совещание послов в затруднительное положение или даже делает его невозможным, но он только обещал передать итальянскому министру иностранных дел сообщение об этом и не выразил особой надежды, что этот проект будет благосклонно принят в Риме.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В подлиннике пропуск 2 слов.

[3]) В подлиннике пропуск 2 слов. Карандашом сверху приписано: „Erdjias“.

[4]) В подлиннике пропуск 1 слова. Карандашом снизу приписано: „Smyrna?“.

[5]) В подлиннике пропуск 1 слова.

[6]) См. прил. № 2.

[7]) В подлиннике пропуск 2 слов.

Переговоры едва ли облегчаются тем национальным ожесточением, которое выказал итальянский министр иностранных дел в связи с отношением к Италии в момент, когда переговоры вынуждают союзников установить сферы своего влияния в Малой Азии.

Итальянский посол намекнул мне, что «моральный» ущерб, понесенный Италией, так велик, что необходимо предоставить ей какую-нибудь «материальную» компенсацию. Я спросил, не имеет ли он в виду Эгейские острова, но, как я заявил в моей предшествующей телеграмме, это было бы принято одинаково неблагоприятно как в Париже, так и в Лондоне [1]).

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

CCLIX.

Памятная записка, составленная в великобританском министерстве иностранных дел и переданная итальянскому послу в Лондоне марк. Г. Империали [2]).

Зона, намеченная на прилагаемой карте, включает область, равную по ценности, если не по действительному протяжению, той, которая была предоставлена Франции, так как ценность определялась не на основании простого измерения площади, но из сравнения настоящих и потенциальных богатств этих двух областей. Кроме того, не следует забывать, что эта зона имеет два важных преимущества перед зоной французской, благодаря большей близости ее к Европе и Черному морю и более ровному климату, которым она пользуется на всем своем протяжении.

Эта зона ограничена линией, имеющей свою отправную точку во французской зоне, в непосредственной близости от Кесарии, идущей, насколько возможно, прямо на запад и достигающей моря в бухте Скала-Нуова, в прямом южном направлении от полуострова, который составляет южное побережье Смирнского залива.

Эта линия должна пройти через Аксерай и Акшеир (на Анатолийской железной дороге), вокруг северной части Эгердирского

---

[1]) Из турецких островов в начале балканской войны 1912 г. острова Никария, Самос и Крит объявили себя независимыми и присоединились к Греции. Южные Спорады еще во время итало-турецкой войны были заняты итальянцами; остальные Эгейские острова захвачены греками в конце балканской войны. Турция во время мирных переговоров соглашалась уступить Греции острова Лемнос, Тасос, Псару, Агиострати, Никарию и Крит, но не считала возможным отказаться от своих прав на острова Имброс и Тенедос, защищающие вход в Дарданеллы, а также удерживала за собою Хиос и Митилену. В результате, вопрос об островах оставался не разрешенным к началу мировой войны 1914—1918 г. г. и явился поводом для греко-турецкого конфликта весной 1914 г. В феврале 1915 г., в силу соглашения о Константинополе между Россией и союзниками, острова Имброс и Тенедос должны были отойти к России, но затем, когда в 1917 г. Россия отказалась от своих прав на Константинополь и проливы, вместе с другими островами они были признаны за Грецией, что и было подтверждено ст. 84 Севрского договора от 10 августа 1920 г. В случае успеха, попытка Италии добиться от союзников присоединения к ней Эгейских островов передала бы в ее руки господство в восточной части Средиземного моря, что явилось бы крайне нежелательным не только для Франции, но и для Англии.

[2]) Перев. с англ.

озера и вдоль северной стороны Чивриля, достигая горных цепей, которые отделяют долину Меандра [1]) от параллельной долины Гермуса [2]). Таким образом она огибает на запад от Акшеира Султан-Даг (гору), Гойран-Даг и Ак-Даг в направлении к Кариндждали-Дагу, Сариамполь-Дагу и Джума-Дагу, достигая моря у реки Кайстер [3]), прямо на север от города Скала-Нуова.

На юг от линии Эрджиес-Даг—Скала-Нуова зона прилегает к французской границе вдоль Тавра к морю в районе мыса Анамура и охватывает прибрежную полосу на запад и на север по направлению к Скала-Нуова.

Таким образом, линия разграничения проходит по середине между двумя естественными торговыми путями, ведущими к западному побережью, оставляя каждому его естественный выход, при чем торговля по южному пути получает выход в Скала-Нуова.

Население. Сложив вместе население Смирнской провинции (900.000), Конийской провинции (850.000) и Брусской провинции (150.000), получаем сумму в 1.900.000; в то время как население французской зоны достигает, приблизительно, 2.300.000 человек.

Сельско-хозяйственные богатства. Айдинская провинция, одна из самых богатых областей мира, но часть Конийской провинции, входящая в предполагаемую итальянскую зону, в настоящее время представляет значительно меньшую ценность, вследствие незначительности выпадающих осадков. Почвенный слой в последней области, однако, очень глубок и бейшеирские ирригационные работы, отходящие к этой зоне, значительно повысят ее ценность в будущем. В целом можно сказать, что итальянская зона, на настоящей ступени своего развития, богаче французской зоны.

Горные богатства. Итальянская и французская зоны— обе весьма богаты минералами, но итальянская зона имеет то преимущество, что большое количество ее рудников лежит вблизи моря или на путях сообщения. Итальянская зона содержит наждак (годовой вывоз 100.000 ф.), серебро, свинец, лигнит, медь, марганец, железо трех сортов, хром и сурьму; между тем как французская зона имеет, не считая Арганских медных рудников [4]) в окру-

[1]) или Мендерес.

[2]) или Гедис-чай.

[3]) или Кучук-Мендере.

[4]) Арганские медные рудники находятся в Диарбекирском вилайете. Перед войной из шести рудников работали только три. Правильной эксплуатации сильно препятствовало отсутствие свободных турецких капиталов, а также недостаток в строительном (лесном) материале. Добыча меди до 1914 г. производилась кустарным путем, хотя в 1895 г. итальянские инженеры и пытались изменить постановку дела. С 1914 г. от рудников к Диарбекиру была проложена узко-колейная железная дорога, и под руководством германских инженеров началась правильная их эксплуатация. В июне 1923 г. по контракту, подписанному в Лозанне между Л. Эркартом и „Турецким Национальным обществом“, арганские рудники перешли в руки группы английских финансистов. Концессия эта представляет для Англии крупный интерес, так как и до войны 1914—1918 г. г. почти вся медь, добывавшаяся в этих рудниках, скупалась англичанами.

ге Диарбекира, хром, марганец, железо, медь, асфальт, сурьму, равно как и добычу мрамора и камня, которая может быть расширена.

Лесные богатства. Итальянская зона содержит ценные леса и с этой точки зрения нисколько не уступает французской зоне.

Пути сообщения. Зона имеет железную дорогу, получившую развитие благодаря британскому предприятию с 1856 г. и являющуюся британской концессией с продолжительностью еще на 100 лет [1]). Она действует уже на протяжении 380 миль и обеспечена концессией еще на 200 миль. Это единственная железная дорога в Турции без километрической гарантии [2]). Постройка короткой железной дороги на Скала-Нуова привлечет сюда торговлю юго-западной части Малой Азии, если только будет установлена связь между смирнской и анатолийской железными дорогами.

От Акшеира, лежащего на Анатолийской железной дороге, германская жел.-дорожная линия идет на Конию и к французской границе в районе хребта Тавра в Бозанти.

Французская зона имеет следующие железно-дорожные линии:

Бейрут-Райак, 30 миль.

Райак—окрестности Хомса, 60 миль.

Триполи-Хомс.

Германскую Багдадскую железную дорогу от хребта Тавра до Багче, с веткой на Александретту.

Мерсина-Аданскую линию.

Дороги. Имеется естественный путь сообщения и хорошая дорога, идущая от Смирнского округа на восток к Конии через Динейр, где она делится на две ветки, одна из которых идет на северо-восток к северной части Султан-Дага, другая—к южной части Султан-Дага, но к северу от озера; обе они достигают Конии. Имеется также дорога через долину Меандра от Айдина до Мармариса на южном побережьи. От Динейра естественный путь идет к югу до Адалии, и от Конии—другой путь на север через Бейшеир до Адалии.

Дороги во французской зоне, в общем, уступают указанным; в Сирийском районе они слабо развиты, за исключением Ливана, где они очень хороши.

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 289.

[2]) Километрическая гарантия—определенная сумма, уплачиваемая правительством строительной компании с 1 километра железно-дорожного пути; бывает двоякого рода: по постройке и по эксплуатации. Смирна-Айдинская ж.-д. компания в 1888 г. отказалась от предоставленной ей условиями концессии гарантии, в виду систематической неуплаты ее турецким правительством, и взамен потребовала продления срока концессии, по истечении которой правительство обязалось выкупить дорогу.

Районы Диарбекира, Сиваса и к югу—бедны путями и нуждаются в проведении целой системы путей.

Озера. Эгердирское и Бейшеирское озера оба одинаковой величины и значения; судоходство по обоим составляет часть айдинской железно-дорожной системы. Озер во французской области не имеется.

Реки. Единственная река, имеющая действительное значение—Меандр, протекающая на протяжении 200 миль по крайне плодородной долине, для которой она сделалась бы естественным главным путем, если бы стала судоходной. Соответственный проект изучался в течение долгого времени.

Во французской зоне Ефрат протекает на 100 миль, и реки Сейхун и Джихан в Аданской равнине, где могли бы быть выполнены полезные ирригационные работы в целях развития земледелия в большом масштабе.

Торговля. Очень трудно сказать, каких размеров достигает торговля, но импорт приблизительно может быть определен в 2.000.000 ф. ст., а экспорт в 2.500.000 ф. ст. Цыфры французской зоны приблизительно тождественны. Обе зоны несомненно способны к широкому торговому развитию.

Промышленность. В области имеются мукомольни, лакричное производство и доходное механическое производство ковров; тогда как во французской зоне имеется небольшое количество бумаго-ткацких фабрик, лакричное производство, несколько шелкопрядилен, винокуренных заводов и ковровых мастерских с ручным трудом.

Судоходство и гавани. Адалия с ежегодным тоннажем в 80.000 тонн представляет собою наиболее часто посещаемый порт зоны; но в виду того, что ежегодный тоннаж Смирнского порта достигает 2.500.000 тонн, и так как значительная часть этой торговли может отклониться в сторону итальянской зоны, через ее новый порт или порты, то эти последние скоро приобретут большое значение. Готовых гаваней в этой области еще не имеется, но имеются первоклассные защищенные бухты—Куллук, Мармарис, Макри и хорошие рейды в Скала-Нуова, Будруме, Финеке, Адалии и Алайе [1]). Едва ли необходимо напоминать о бухте Макри, которая является лучшей на всем восточном побережьи Средиземного моря и могла бы вместить весь британский флот.

Во французской зоне Бейрут—единственный отстроенный порт; другие пункты, исключая Александретту, которая особенно хорошо защищена, с юга на север следующие: Джуниэ, Триполи, Латакия, Пайас, Мерсина и Селефке. Общая сумма вывоза из Бейрута в 1912 году достигала 500.000 ф. ст.

Великобританское министерство иностранных дел, 16 февраля 1917 г.

---

[1]) В подлиннике: „Alaga"; следует читать: „Alaja".

CCLX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 88. 7/20 февраля 1917 г.

Лично.—Камбон доверительно сообщил мне, что итальянский первый министр обратился непосредственно к Бриану с целью побудить французское правительство к уступкам в малоазиатском разграничении. Бриан сослался на Лондонскую конференцию и отклонил, повидимому, обсуждение вопроса по существу. С тою же целью здешний итальянский посол имел свидание с Бальфуром. Бальфур высказал Камбону некоторое удивление по поводу столь необычного образа действий итальянского посла, который, впрочем, лишь беспрекословно следует указаниям из Рима.

Набоков.

CCLXI.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 630. 8/21 февраля 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 71 [1].

Благоволите сообщить, в каком положении находится вопрос о переговорах с итальянцами касательно малоазиатского разграничения и был ли передан в Рим, и каким путем, упоминаемый в Вашей телеграмме меморандум.

Покровский.

CCLXII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 92. 8/21 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 71 [1].

Переданный в Рим меморандум о зоне, предлагаемой Италии на юго-западном побережьи Малой Азии, заключает в себе беспристрастный и исчерпывающий анализ этой зоны в отношении: народонаселения, плодородия, минеральных и местных богатств,

---

[1]) См. стр. 289.

сообщений железнодорожных и иных, озер, рек, торговли, промышленности, портов. Из этого анализа и сравнения с французской зоной явствует, что зона итальянская, равноценная ей, имеет два преимущества—большей близости к Европе и лучшего климата.—Передам текст меморандума шифром по телеграфу, если получу на то предписание. Полагаю, что в виду весьма крупного расхода, с которым сопряжена была бы передача по телеграфу, быть может, предпочтительно переслать текст с верной оказией.

Набоков.

CCLXIII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 97. 8/21 февраля 1917 г.

Дополнение моей телеграммы № 88.

Гардинг подтвердил мне, что итальянский посол посетил первого министра, который ответил в том же смысле, как и Бриан,—на непосредственное обращение к нему итальянского первого министра.

Набоков.

CCLXIV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 99. 9/22 февраля 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 630 [1]).

Меморандум был сообщен одновременно французскому и итальянскому послам и мне. Ожидаем для возобновления заседаний отзыва из Рима.

Набоков.

CCLXV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 109. 9/22 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Набокова № 92 [1]).

Весьма доверительно.—Получив от Баррера запрос, какое дальнейшее направление должно быть дано, по его мне-

[1]) См. стр. 297.

нию, переговорам с Италией по малоазиатскому разграничению, английский посол счел необходимым в доверительной беседе объясниться с Соннино, чтобы выяснить личное его отношение к делу. Родд высказал ему, что он не понимает, к чему собирать конференцию, если одна сторона отказывается от обсуждения проектов, представляемых другими сторонами и имеющих прямое отношение к разбираемому вопросу. Соннино совершенно одобрил поведение Империали, заявив, что он был прав, не желая вступить в обсуждение английского проекта, не имеющего, будто бы, никакой базы. При дальнейшем разговоре выяснилось, что базы нет потому, что предоставляемая Италии зона не имеет порта, каковым могли бы служить Мерсина и Смирна. Родд вынес впечатление, что Соннино удовольствовался бы одним из этих портов и, в случае предоставления Мерсины, отказался бы от Аданы. Ни Соннино, ни Родд не получили еще меморандума, с доводами которого ни тот, ни другой не были еще знакомы. Соннино настаивал, чтобы весь вопрос о распределении зон держался в тайне, утверждая, что в случае, если он стал бы известен в Италии, ему пришлось бы немедленно выйти в отставку.

Гирс.

CCLXVI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 110. 9/22 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 109.

Полагаю, что на малоазиатском вопросе отражается в значительной степени раздражение, усилившееся за последнее время во взаимных отношениях между Францией и Италией. Оно внушает опасение за период после войны, когда, может быть, трудно будет сохранить нынешнюю группировку держав. Я считал бы необходимым не терять этого из виду и прилагать старания к устранению недоразумений между ними. При достижении этой цели требования Италии в малоазиатском разграничении не превысят, полагаю, нынешнего их обостренного, но настойчивого характера, и она, может быть, удовлетворится нашими нынешними предложениями, вполне приемлемыми для нее.

Гирс.

CCLXVII.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 648. 9/22 февраля 1917 г.

Доверительно.—В неоднократных беседах со мною здешний итальянский посол, касаясь приостановки итальянских переговоров по малоазиатским делам, высказывал мне свои сетования по поводу, якобы, несговорчивости держав в вопросе, столь близко затрагивающем интересы Италии. В частности, он пытался убедить меня в необходимости для Италии получить Смирну. На мое возражение, что без этого города будущее турецкое государство в Азии существовать не может, маркиз Карлотти сказал мне, что, по его мнению, разделяемому и в Италии, вообще жизнеспособность имеющего вновь образоваться в Малой Азии оттоманского султаната подвергается большому сомнению.

В виду желательности сдвинуть переговоры с итальянцами по этому вопросу с мертвой точки и тем рассеять весьма нежелательное впечатление какого-то разлада между союзниками, я думаю, что Вы могли бы в доверительной беседе с Бальфуром высказать ему следующую мысль, которая легла бы в основу нашего компромисса с Италией по поводу Смирны: мы продолжаем настаивать на предоставлении Смирны Турции в предположении, что вновь образуемое государство проявит признаки своей жизнеспособности; если же по ходу дел обнаружится, что такое мусульманское государство, по создании, окажется нежизнеспособным и возникнет вопрос о его ликвидации, то мы, с своей стороны, не встретим препятствий к тому, чтобы Смирна отошла к Италии, при условии, что Италия удовлетворится этим и предоставит союзникам свободу действий в малоазиатских делах.

Благоволите в этом смысле переговорить с Бальфуром и выяснить, как он относится к нашей мысли.

Покровский.

CCLXVIII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 102. 11/24 февраля 1917 г.

Срочная.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 648. Прошу срочных указаний.

Доверительно.—В связи с телеграммами Гирса №№ 109 и 110 считаю долгом, предварительно объяснений с Бальфуром в указанном Вами смысле, высказать нижеследующие соображения. Аргумент Карлотти о приостановке переговоров и несговорчивости дер-

жав есть прямое извращение истинного хода дел. Выражаюсь столь категорически, ибо убежден, что такое мнение не мое только, но Бальфура и Камбона. Мы получили от Италии меморандум с ее требованиями [1]). На это мы ответили контр-предложением [2]), которое представитель Италии отказался обсуждать. Тогда мы с согласия Империали направили наше контр-предложение в Рим, и это вызвало перерыв конференции, созданный, таким образом, не нами, а представителем Италии. Ее сетования на промедление не могут поэтому быть признаны справедливыми. Что касается сути дела,—не боясь упрека в отсутствии беспристрастия, я беру на себя заверить Вас, что английский меморандум составлен настолько исчерпывающе и основательно, что запас имеющихся у маркиза Империали знаний о географии, естественных богатствах и торгово-промышленных возможностях уделяемой Италии зоны оказался бы недостаточным для опровержения данных меморандума, если бы взялся обсуждать его по существу. Над составлением этого меморандума, представляющего собою документ скорее научный, чем дипломатический, трудилось королевское географическое общество и самые авторитетные знатоки Малой Азии. Возражать на него по существу мог бы поэтому лишь человек во всеоружии специальной эрудиции. В телеграммах Гирса говорится о нервности Соннино и о том, что он относится (...о) к самому факту прошлых переговоров между нами, Англией и Францией помимо Италии. Повинуясь указаниям Соннино, Империали на доводы разума и справедливости отвечал изъявлениями чувства горечи и уязвленного самолюбия, что создало, разумеется, непреодолимую преграду успеху этих доводов. По моему мнению, три державы, принесшие на дело торжества права и свободы над германским милитаризмом неисчислимо более крупные жертвы, нежели Италия, в праве указать ей на это; русские войска, а не предварительные соглашения дали России Эрзерум и Трапезонд; сначала неудачные, а ныне имеющие залог успеха операции англичан в Месопотамии обеспечат им расширение их территории в этой области. России и Англии в силу этого принадлежит руководящий голос в разрешении малоазиатских дел. Если разлад между Италией и тремя другими вполне согласными державами в этом вопросе должен быть, во что бы то ни стало, устранен ныне же, мне кажется поэтому, что Россия и Англия имеют основания стремиться к его устранению путем, намеченным в телеграмме Гирса № 109. Необходимость сохранения Смирны за Турцией в интересах дееспособности султаната неоспорима, и доводы, приведенные в полученных нами по этому вопросу инструкциях, настолько сжаты, что отступление от занятого нами твердого положения кажется мне желательным лишь в том случае, если все иные пути окажутся закрытыми. Когда я в строго доверительной беседе с Гардингом обсуждал вопрос после нашего первого заседания, он заметил: «Мне кажется, что в вопросе о Смирне

[1]) См. CCVII и CCVIII.

[2]) См. меморандум великобританского правительства от 16 февраля 1917 г. (стр. 293).

Вам не следует отступать ни на иоту». Взгляды Гардинга на будущие задачи России и Англии на Востоке—результат обширного опыта и глубокого убеждения в том, что нам следует итти рука об руку. Позволяю себе поэтому просить Вас разрешить мне выждать отзыва Соннино на наш меморандум, прежде чем передавать Бальфуру Ваше предложение, о котором он сочтет долгом поведать Камбону. Осведомленность же французского посла о такой нашей уступке, несомненно, побудит его также отстаивать французские притязания на зону, в которой, быть может, еще возможно примирение интересов Италии и Франции. Думаю, что России и Англии принадлежит право, добытое пролитою кровью в Малой Азии, поставить вопрос в рамки спора между Италией и Францией о территориальных приобретениях, размер которых будет зависеть от успеха наших усилий в общей борьбе.—Прошу срочного отзыва.

Набоков.

CCLXIX.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 701. 13/26 февраля 1917 г.

Срочная.

Ваша телеграмма № 102 получена.

Разделяем высказанные Вами соображения.

Покровский.

CCLXX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 115. 15/28 февраля 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Итальянский посол заявил Бальфуру, что он принимает на себя тяжелую ответственность просить Соннино разрешить ему представить некоторые возражения на наш меморандум о равноценности итальянской и французской зон в Малой Азии. Бальфур ответил, что возражения эти послужат продолжением нашего обсуждения на конференции.

Набоков.

CCLXXI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 125. 17 февраля / 2 марта 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Набокова № 115.

Доверительно.—Итальянский посол препроводил сюда меморандум без всякого отзыва о нем, что и было поставлено ему консультою на вид. Этим и объясняется его заявление Бальфуру.

Гирс.

CCLXXII.

Российский министр иностранных дел Н. Н. Покровский поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 827. 20 февраля / 5 марта 1917 г.

Лично.—Здешний итальянский посол доверительно сообщил, что Соннино сетует на, будто бы, занятое Вами во время переговоров по малоазиатским делам энергическое положение в смысле сопротивления итальянским домогательствам, которое, якобы, исходит, главным образом, именно от Вас.

Не придавая веры этим нареканиям, тем более, что в малоазиатских переговорах интересы Франции и Англии, действительно, затрагиваются ближе, чем наши собственные, я все же считаю полезным доверительно предупредить Вас о сетованиях Соннино, дабы Вы могли принять их в соображение и действовать в будущем с сугубою осторожностью.

Покровский.

CCLXXIII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 139. 21 февраля / 6 марта 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 827.

Итальянский посол передал Бальфуру меморандум, сообщенный последним Камбону и мне, с возражениями против предложенного нами разграничения. Центр тяжести этих возражений—указание на имеющиеся во французской зоне оборудованные порты Бейрут и Александретту; и, на отсутствие таковых в итальянской, вследствие исключения Смирны. Слабость этих аргументов и сетований на крупные расходы, которых потребует от Италии оборудование Адалии и Скала-Нуова, заключается в том, что на указанные (выше) три оборудованных Францией и Англией порта

затрачены крупные капиталы, а потому справедливо, чтобы Италия, идущая в Малую Азию, главным образом, с целью обогащения, понесла расходы, служащие залогом будущих прибылей. Мы еще не сговорились о том, какое будет дано дальнейшее направление делу. Но Бальфуру обращение Империали к нему лишь, а не к конференции, и явное намерение отдалить, а то и вовсе избегнуть, обсуждения сообща—кажется приемом тем более странным, что еще два месяца тому назад Соннино настаивал на конференции. Я крайне признателен Вам за указания телеграммы, на которую ссылаюсь. Думаю, что сетования Соннино есть лишь стремление итти путем, который кажется ему линией наименьшего сопротивления. Фактически дело обстоит так: во время недавнего посещения французскими парламентариями Рима, Титтони в речи, сказанной в присутствии представителей палат французской и итальянской [1]),—вследствие чего речь эта легко может статься..... стала достоянием печати и публики,—поведал о соглашении по малоазиатским делам, состоявшемся между нами без участия Италии, и о предъявленных ею ныне требованиях, причем определил эти требования. Малоазиатский вопрос есть то орудие, которым Джиолитти и Титтони намерены воспользоваться, чтобы добиться отставки Соннино. Мы, насколько я понимаю, дорожим пребыванием у власти Соннино. С другой стороны,—и в этом между представителями трех союзных держав в Лондоне также нет разногласия,—мы считаем невозможным уступить чрезмерным требованиям Италии. Цель Соннино теперь—оттянуть решение вопроса, чтобы иметь возможность заявить в палате, что переговоры еще не закончены, и, таким образом, оградить себя от упреков со стороны партии, нападки которой уже и ныне отражаются на его политике. Нам нет никакой необходимости спешить, и задача наша заключается в том, чтобы найти исход из вышеуказанной дилеммы, не поступаясь подлинно жизненными интересами и принципами по соображениям преходящего характера.

Набоков.

CCLXXIV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 139. 26 февраля/11 марта 1917 г.

Весьма доверительно. — Вчера вернулся в Рим начальник канцелярии министра иностранных дел, Альдрованди, сопровождавший в Петроград министра Шалойя [2]). Возвращение, вероятно, не чуждо тому обстоятельству, что

[1]) Посещение представителями французской палаты Италии состоялось в феврале 1917 г.

[2]) Итальянский министр без портфеля в кабинете Бозелли, В. Шалойя, был представителем Италии на петроградской союзной конференции в феврале 1917 г.

Соннино заговорил со мной сегодня о впечатлениях, вынесенных итальянской делегацией из России. Придавая беседе частный и доверительный характер, министр выразил глубокое убеждение в успешности всех наших мероприятий к усилению нашей военной мощи, принимаемых с напряжением энергии и решимостью добиться победы. (Он) желал бы при этом (солидарности) и содействия с нашей стороны Италии в решении крайне чувствительного для нее малоазиатского вопроса. В союзнических столицах не отдают себе отчета, насколько этот вопрос связан ныне с внутренней политикой страны. Он может ежеминутно привести к правительственному кризису, ибо, как только страна узнает, что правительство не сумело обеспечить Италии ее доли в Малой Азии, она потребует удаления министров. Соннино..... убежденным сторонником вести войну в союзе с нами до конца. Но он принял решение, в случае нападок на него в парламенте по малоазиатскому вопросу, чистосердечно сознаться, что он действительно виноват перед страной, и подать в отставку. А виноват он в том, что поверил лорду Грею, заверившему, что со дня подписания Лондонского соглашения Италия станет равноправною союзницею во всех переговорах. Между тем, после соглашения состоялся малоазиатский дележ, который, к тому же, в течение многих месяцев тщательно скрывали от Италии. Теперь же Италии предлагают участок, не имеющий ни одного серьезного порта. В Париже же заявляют, что на уступку Мерсины не следует рассчитывать и что на отдачу Смирны, которую до того союзники охотно уступали Греции, упорно не соглашается Россия. При этих обстоятельствах Соннино предпочитает не приступать к определению итальянской доли, будучи убежденным, что скоро настанет момент, когда ему придется отвечать перед парламентом.

Гирс.

CCLXXV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 140. 26 февраля/11 марта 1917 г.

Копия в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 41 [1]).

Весьма доверительно. — Ожидающийся на-днях приезд Шалойи, проехавшего из Парижа прямо в Удине к королю, даст мне возможность проверить, насколько сильно его петроградские впечатления отозвались на вчерашних словах Соннино. Полагаю, что Шалойя объяснился по тому же малоазиатскому вопросу и в Лондоне. Соннино, несомненно, помимо желания произвести на нас давление, не чуждое

[1]) В подлиннике, вероятно, ошибка. Телеграмма № 41 от 16/29 января 1917 г. передает точку зрения Соннино на участие Румынии в союзных совещаниях.

некоторого шантажа, находится в настоящее время в нервном настроении, считая себя ответственным за ту, по его мнению, подчиненную роль, которую союзники стремятся навязать Италии. Мы меньше и слабее других держав,—сказал он мне,—но никогда Италия не станет «сателлитом» кого бы то ни было. В этих словах отразилось его раздражение против французской политики. К тому же, недовольство против него растет в стране, и его личные враги не упускают случая критиковать внешнюю политику правительства; так, в секретном заседании междупарламентского совета, в присутствии французских депутатов, Титтони заявил, что Италия не обеспечила себя в Малой Азии. В палате депутатов социалисты, требуя мира, называли его великим виновником войны. При всем том, полагаю, что благодаря придерживаемой до сих пор бароном Соннино системе не отвечать на запросы и умалчивать о международных соглашениях, нынешняя сессия про[изо]йдет, может быть, без крупного кризиса, если Соннино сам не пожелает его вызвать. В последнем, однако, в виду его порывистости, я не вполне уверен.

Гирс.

CCLXXVI.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 141. 26 февраля/11 марта 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 944 [1]).

Соннино сообщил мне, что, по доходящим до него слухам, англичане и французы готовят, будто бы, высадку англо-французского отряда войск в Палестине. Он опасается, что подобная высадка лишь более раздражит общественное мнение в Италии, подчеркивая, что ее держат в стороне от малоазиатских дел. Об этой высадке французскому посольству в Риме ничего не известно.

Гирс.

CCLXXVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 173. 27 февраля/12 марта 1917 г.

Копии в Лондон и Рим.

........№..............

Камбон дал мне по этому поводу следующие разъяснения:— Никакой англо-французской высадки в Палестине не готовится, лишь английские войска, защищавшие Синайский полуостров,

[1]) Телеграмма М. Н. Гирса за № 944 в деле отсутствует.

постепенно подвигаются к северу и, в случае успеха, действительно могут достигнуть Палестины. Франция еще раньше послала в Джибути 3 батальона сенегальцев и кавалерийскую часть, предназначавшиеся для оказания совместно с англичанами помощи меккскому шерифу. В виду отказа шерифа от этой помощи, войска эти предположено присоединить к вышесказанным английским войскам. Камбон присовокупил, что, в случае успеха этой экспедиции, Франция, вероятно, со своей стороны, предпримет экспедицию в Сирию. Итальянский посол заявил сегодня Камбону о желании своего правительства участвовать в настоящей экспедиции посылкою итальянского отряда. Камбон ответил, что передаст об этом Бриану, который сейчас всецело поглощен брожением в парламентских кулуарах и вероятностью новых попыток свергнуть кабинет. В разговоре со мною Камбон, не без раздражения, отозвался об Италии, которая стремится участвовать во всех англо-французских действиях на Востоке, кроме тех, как, например, в Салониках, где участие ее желательно и полезно для союзников.

Извольский.

CCLXXVIII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 163. 28 февраля/13 марта 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Ссылаюсь на телеграммы: Гирса №№ 139, 140 и 141 и Извольского № 173.

Личная.—Полученные мною здесь сведения вполне совпадают с данными, сообщаемыми послом в Париже, касательно слухов об англо-французской высадке в Палестине. Передача этих непроверенных слухов нашему послу в Риме есть, по моему мнению,....(ый) признак политики Соннино, которую посол характеризует как «не чуждую некоторого шантажа». В частности, относительно занятого нами по отношению к Италии в малоазиатском разграничении положения, позволяю себе вновь высказать личное мнение, что со стороны союзников было бы ошибкою, которая могла бы лечь в будущем тяжелым укором на тех, кто ее допустил бы, если бы мы принесли жизненные интересы будущего в Малой Азии в жертву преходящему преимуществу иметь дело с итальянским министром, до известной степени препятствующим Италии служить нам помехою, а не помощью. До сих пор, касаясь с Италией и ее представителями при державах Согласия малоазиатских дел, мы ограничивались лишь указаниями на «равноценность» уступаемой зоны. Смею думать, что у нас имеется и другой аргумент, способ использования которого подлежал бы нашему предварительному обсуждению. Аргумент этот заключается в указании на

жертвы, кровью и достоянием принесенные Россией, Францией и Англией в борьбе с врагом, на наши победы, по сравнению с которыми доля Италии отнюдь не такова, чтобы оправдывать ее крикливую претензию на полное с нами «равноправие». Запугивания эти все сильнее раздражают Францию и Англию, и мне представляется несомненным, что попытке шантажа должен быть противопоставлен твердый голос трех держав, в сознании их правоты и превосходства.

Набоков.

CCLXXIX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову [1]).

Телеграмма.

№ 150. 3/16 марта 1917 г.

В речи, произнесенной им сегодня в палате депутатов, Соннино сказал следующее по поводу малоазиатского вопроса: «Касательно восточной части Средиземного моря, которая была всегда предметом нашего самого тщательного внимания, потому что мы вполне отдаем себе отчет о связанных с нею жизненных интересах Италии, было равным образом высказано не точно. Соглашение между Россией, Францией и Англией по специальному предмету Константинополя и проливов было заключено между этими тремя державами до нашего вступления в войну, и потому мы не могли принять в нем участие. Мы присоединились к нему впоследствии, как было объявлено в свое время, и на тех же самых общих условиях, как союзники».

Гирс.

CCLXXX.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков представителям в Париже, Лондоне, Риме и Токио, А. П. Извольскому, К. Д. Набокову, М. Н. Гирсу и В. Н. Крупенскому.

Телеграмма.

№ 1009. 8/21 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 967 [2]).

Содержащееся в нашей циркулярной телеграмме заявление об обязательности для нового российского правительства международных договоров и вытекающих из них соглашений, заклю-

---

[1]) 1/14 марта 1917 г. в Петрограде было сформировано временное правительство. Пост министра иностранных дел занял П. Н. Милюков.

[2]) В циркулярной телеграмме за № 967 П. Н. Милюков сообщает о происшедшем в России перевороте и заявляет, что временное правительство останется верным принятым на себя союзным обязательствам как в вопросе о продолжении войны, так и в отношении заключенных соглашений.

ченных при прежнем государственном строе, само собой разумеется, касается также всех соглашений, заключенных союзными державами со времени нынешней войны. Вследствие сего было бы желательно, чтобы союзники в ответах своих на наше извещение равным образом подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений. Прошу Вас высказаться в означенном смысле перед министром иностранных дел и о последующем уведомить.

Милюков.

CCLXXXI.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 185. 9/22 марта 1917 г.

В виду возможности возобновления здесь переговоров о малоазиатском вопросе, прошу Вас уведомить меня, одобряются ли Вами высказанные мною в телеграммах №№ 102 [1]) и 139 [2]) соображения о желательности не поддаваться в вопросе о Смирне застращиваниям Италии.

Набоков.

CCLXXXII.

Председатель совета министров и министр иностранных дел [А. Рибо] [3]) г-ну Ф. Жорж-Пико, комиссару республики в оккупированных территориях Палестины и Сирии [4]).

Инструкции, относящиеся к его миссии.

Париж, 2 апреля 1917 г.

Победоносное продвижение, приведшее британскую армию за пределы Палестины, на путь к Иерусалиму, не могло не вызвать проявления известной инициативы со стороны державы, которая во все времена занимала в Оттоманской империи преобладающее положение и особые права которой в Армении и Сирии были только что определенно установлены недавними соглашениями с Англией и Россией. Как ни было оно занято на других фронтах непосредственной задачей защиты французской территории, правительство республики не переставало об этом ду-

---

[1]) См. стр. 300.

[2]) См. стр. 303.

[3]) Кабинет А. Бриана подал в отставку 4/17 марта 1917 г. Новый кабинет А. Рибо был сформирован 6/19 марта, при чем Рибо занял в нем пост министра иностранных дел.

[4]) Документ из дела французского посольства в Петрограде. Перев. с фр. Сохраняем заголовок подлинника.

мать. Оно сообщило Сен-Джемскому кабинету свое решение послать в оккупированные территории своего представителя, с небольшим контингентом войск, на которых возложено будет засвидетельствовать перед населением безусловное согласие, существующее между союзниками, равно как и установить общность цели, преследуемой в этих областях.

Ваше назначение комиссаром республики в оккупированных территориях Палестины и Сирии, равно как и предоставление в Ваше распоряжение войсковых частей, несущих наше знамя, отвечают этой задаче. Обязанность, которая возлагается на Вас, таким образом, вполне определенна. С одной стороны, Вам предстоит организовать оккупированные территории, обеспечивая Франции во всех сношениях с туземцами положение, равное тому, которое займет Англия. С другой стороны, в то время, как наши войска присоединятся к английской армии для нападения на турок, Вы должны будете постараться всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами пропаганды среди арабов облегчить продвижение союзных войск, создавая угрозы неприятельской армии и подрывая, таким образом, ее моральные силы.

Очевидный для всех факт,—присутствие нашего знамени рядом с британским,—явным образом покажет всем полное согласие Франции и Англии.

Поэтому Вам следует всюду, где произойдет оккупация действиями того или иного контингента, принимать меры, чтобы национальные флаги обоих государств были немедленно водружены. Таким образом обнаружится согласие, существующее между нашими союзниками и нами на этом театре войны, как и на всех остальных,—согласие, которое позволило, именно на Востоке, урегулировать вопросы, казавшиеся до сих пор неразрешимыми.

Явившись для того, чтобы освободить население Палестины и Сирии от турецкого гнета и чтобы призвать их к свободе, Вы должны для организации оккупированных территорий обращаться исключительно к туземным элементам и уважать, по возможности, местные традиции и обычаи. В самом деле, ничто не может с большей очевидностью выявить то направление, которое мы намерены придать нашей деятельности, как такая незаинтересованность. Впрочем, сама страна предоставит Вам все необходимые элементы, к которым Вам легко будет обратиться за помощью, при чем в каждом особом случае Вы должны стараться принимать в соображение, при Вашем выборе, те этнические и религиозные элементы, которыми предстоит управлять.

Для этого Вы согласуете свою деятельность с политическим агентом, которого королевское правительство пошлет в Палестину, не забывая, что в настоящее время дело идет не о создании окончательного положения, а только об обеспечении хорошего управления завоеванными территориями, подготовляя, однако, приведение в исполнение недавних соглашений, которое последует за заключением мира. В этом отношении следует делать различие между отдельными областями, о которых идет речь в этих соглашениях. Если в зоне «В», которая должна в свое время войти

в сферу английского влияния, следует предоставить Вашему коллеге большую свободу действия, то за нами должно быть признано с его стороны равно благоприятное положение в зоне «А», которая будет под нашим наблюдением. Наконец, в прибрежной зоне, которая будет впоследствии находиться под нашим протекторатом, следует, чтобы направляющая деятельность принадлежала исключительно Вам, для того, чтобы дать населению почувствовать судьбу, которая ему подготовляется.

По мере продвижения франко-английского корпуса, Вам придется столкнуться с проблемами более специального характера. Длительная традиция создала для Франции на всем Востоке и особенно в Палестине исключительное положение, которое, предоставляя ей некоторые привилегии, тем самым налагает на нее ряд непреложных обязанностей. Война с Турцией одним ударом положила конец прошлому. Вам следует, с момента Вашего приезда, восстановить прерванную деятельность и обеспечить покровительство учреждениям, которые всегда зависели от нашей страны. А именно, Вы будете стараться, по мере возможности, обеспечить открытие вновь наших школ и наших больниц для того, чтобы первым результатом продвижения наших войск для населения было бы возобновление благотворительной и просветительной деятельности Франции, прекратившейся временно из-за военных действий.

Проникнув в Палестину, Вы встретитесь с многочисленными еврейскими колониями. Необходимо, с самого начала, оказать им широкое покровительство и дать им понять новое положение, призывая их к самостоятельному управлению своими общинами и к участию в управлении страной. В самом деле, от Вашего внимания не ускользнет, что политика, проводимая по отношению к ним, найдет глубокий отклик не только среди их единоверцев, живущих в странах Согласия и нейтральных странах, но даже среди тех, которые находятся в странах неприятельских. Поэтому в наших интересах дать им почувствовать, как можно шире, то, что союзники намерены сделать для них на земле, с которой их связывает тысячелетнее прошлое и куда некоторые из них желали бы получить возможность вернуться для создания собственных учреждений.

Как бы ни была важна эта сторона возлагаемой на Вас задачи, деятельность, которую Вы призваны проявить по отношению к мусульманским арабским элементам с целью заставить их высказаться открыто в нашу пользу, имеет значение и с другой точки зрения. Она должна действительно обеспечить наиполезнейшим образом продвижение союзных войск к северу и присоединение к нам энергичных племен, которые, благодаря воспоминаниям давнего прошлого, равно как и недавним событиям, театром которых был Восток, более охотно обращают свои взоры на Англию. Недавние действия, предпринятые союзниками против Турции, рассматриваемые на Востоке как крупные неудачи [1]), не вознагражденные еще для Франции такими победами, как при Багдаде и

[1]) Имеются в виду неудачи союзных сил у Дарданелл.

Газе [1]), значительно уронили в их глазах престиж нашей страны, тогда как вражда к христианам, покровительствуемым издавна нами, всегда делала арабских мусульман недоверчивыми по отношению к нам. Неоднократно с начала войны их делегаты настаивали перед французскими представителями на том, что это единственный случай, представляющийся нашей стране, чтобы явиться в их глазах в роли освободителя. Необходимо не пренебрегать этим случаем.

За невозможностью немедленно послать достаточно значичительный контингент, позволяющий нашим знаменам появиться пред ними в должной обстановке, Вы должны стараться придать нашему настоящему действию все значение и весь эффект, которые оно может иметь.

Недавно подписанные соглашения намечают для Вас в остальном общие линии политики, которой Вы должны придерживаться в отношении арабов. То, что мы хотим сделать,—это освободить народ, долгое время порабощенный турками, предоставив ему привилегии, на которые он имеет право. В противоположность константинопольским правителям, которые преследовали наиболее знаменитых арабов и старались изгнать их язык даже из священных книг, наша деятельность должна стремиться вернуть блеск цивилизации, которая не лишена была величия. Вам надлежит учесть эти чувства в воззвании, с которым Вам придется к ним обратиться. Вы особенно подчеркнете тот пункт, что дело не в том, что им навязывают иностранных правителей, а только в содействии им в создании национальных учреждений, способных обеспечить им правильное управление.

Чтобы побудить арабов действовать решительно против турок с целью перерезать сообщения последних и разложить их армию, Вы будете сверх того располагать многими средствами. Раздачей денег Вы будете вознаграждать дезертиров и набеги против железных дорог и путей снабжения. Раздачей оружия и амуниции племенам, которые выскажутся в благоприятном для нашего дела смысле, Вы создадите банды, способные тревожить наших неприятелей и держать в своих руках горы. Находясь посредством информационной организации в тесном контакте с арабами, Вы будете направлять и согласовывать их движения. Наконец, создав при себе совет, состоящий из делегатов различных вождей, Вы будете направлять их стремления.

Здесь намечены только общие черты, а Вам предстоит выработать детали исполнения и урегулировать те затруднения, с которыми Вам придется столкнуться. А именно, Вам предоставляется, по Вашем приезде в Египет, сговориться с генералом Мурреем относительно способа использования войск, предоставленных в Ваше распоряжение, для того, чтобы придать нашему сотрудничеству возможно большее значение в глазах населения.

Задача, таким образом на Вас возложенная, является завершением дела, веденного Вами в течение переговоров, которые по-

[1]) Победы при Багдаде и Газе, одержанные войсками ген. Мода и Муррея 11 марта и 17 апреля 1917 г.

ручено было Вам вести в прошлом году в Лондоне и Петрограде. Вам надлежит всегда обращаться к тексту подписанных соглашений для того, чтобы руководиться ими при всяких обстоятельствах и чтобы, таким образом, подготовить приведение в исполнение в ближайшем будущем наших договоров. Для осуществления этого дела и полного согласования нашей общей деятельности с нашими союзниками, правительство республики полагается на Ваш такт, а также на Вашу энергию, необходимые для охраны интересов, защита которых Вам, таким образом, поручается[1]).

CCLXXXIII.

Записка директора „Régie générale des chemins de fer et des travaux publics“ [2]) гр. Витали, переданная во французское министерство иностранных дел [3]).

10 апреля 1917 г.

Последствия удара мирового потрясения на оттоманских территориях, повидимому, должны определиться до окончания военных действий в Европе.

Насколько известно, по соглашениям, уже состоявшимся с Россией и Англией, французское правительство получило определенную зону влияния, делящую Сирию приблизительно на высоте Иерусалима, включающую Мосул, доходящую до Сиваса, с равниной Аданы; таким образом, оно обеспечило себе в соответствующей форме обширное поле действия при крушении Оттоманской империи.

Оно дополнило вышесказанное, настояв на сохранении сокращенной в размерах Азиатской Турции, где его влияние, освобожденное от постоянной борьбы с центральными империями, сможет обеспечить ему положение, на которое оно имеет право на Востоке.

Вряд ли нужно подчеркивать размеры этих прав, вытекающих из усилий и значительных капиталов, которые Франция во все времена уделяла для экономического развития Оттоманской империи, но все же необходимо отметить, что Франция— почти единственная держава, которая, вне определенных предприятий, концессий и специальных компаний, имела великодушие поддерживать общее экономическое благосостояние Отто-

---

[1]) При документе имеется сопроводительное письмо А. Рибо, подписанное за министра генеральным секретарем министерства иностранных дел Ж. Камбоном, на имя французского посла в Петрограде М. Палеолога, от 14 мая 1917 г. за № 309.

[2]) Французская ж.-д. компания, получившая в апреле 1914 г. от турецкого правительства концессию на сооружение железнодорожной сети в восточной Анатолии.

[3]) Документ из дела французского посольства в Петрограде. Пер. с фр. При документе имеется сопроводительное письмо А. Рибо, подписанное за министра генеральным секретарем министерства иностранных дел Ж. Камбоном на имя посла в Петрограде М. Палеолога от 14 мая 1917 г. за № 311.

манского государства, доставлять бо́льшую часть государственных фондов, и что отсюда вытекает право на моральный, торговый и финансовый контроль, на который никакая другая держава, особенно если исключить державы центральной Европы, не могла бы претендовать.

Не желая входить в обсуждение тех территориальных разграничений и тех политических формул, которые наше правительство приняло или примет, руководители групп, приобретших концессионные права в Малой Азии, основавших здесь расчитанные на большой период деятельности предприятия, в течение сорока лет являющихся сотрудниками Турции, отдающими ей свои сбережения, равно как и сбережения своих соучастников, считают своим долгом обратить внимание на некоторые особо важные пункты:

В переговорах с великобританским правительством несомненно не было упущено из виду соприкосновение французской зоны с персидской границей. Английские вожделения к северу от Багдада не представляются a priori слишком обширными, но было бы прискорбно, если бы они исключали возможность гарантировать французские интересы на пространстве от Средиземного моря до Персии, при помощи ли бывшего багдадского пути или какого-либо другого. Другими словами, для французов не должна быть закрыта возможность [сооружать железные дороги] в направлении горных проходов Садидже, Ханэкин, долины Диалы. Это было бы только справедливо, принимая во внимание раздел Персии, осуществляющийся между Россией на севере и Англией на юге.

Несомненно, необходима известная жертва в области Сирии, завоевание которой в действительности совершается англичанами, при содействии небольшого французского военного отряда; следует привлечь внимание нашего правительства на раздел Геджасской линии около Маана[1]), на проектируемое соединение сирийских железных дорог с линией Яффа-Иерусалим (французской)[2]) и линией египетской, и на порт Яффы[3]), проект сооружения которого изучался консорциумом оттоманских портов, прибавив при этом, что упоминаемые предприятия приводятся только для того, чтобы дать правительству примерные указания и аргументы при обсуждении.

Несмотря на желание всячески избежать политических вопросов, нельзя здесь не указать, какой крупной ошибкой было бы уклонение от военных операций в Сирии.

---

[1]) Геджасская ж.-д. линия Дамаск—Маан—Медина. Часть ее, Дамаск—Маан, входящая в состав сирийской сети, закончена постройкой в 1904 г., другая, Маан—Медина, проходящая через Аравию,—в 1908 г.

[2]) Французская ж.-д. линия, законченная постройкой в 1892 г.

[3]) В апреле 1914 г. между французским министром иностранных дел Г. Думергом и турецким министром финансов Джавидом-беем было подписано соглашение, в силу которого французской группе была предоставлена концессия на сооружение ряда железных дорог в восточной Анатолии и Сирии, а также на оборудование портов Яффы, Кайфы, Триполи, Инеболи и Гераклеи.

На арабское национальное чувство, которое явится одним из рычагов французской деятельности в этих преобразованных странах, не произведет особого впечатления присутствие ничтожного отряда, наличие которого среди английских войск было выше отмечено. Моральному положению Франции в Сирии по окончании войны будет нанесен значительный ущерб, если самостоятельная и достаточно сильная вспомогательная экспедиция не даст возможности увериться в действительности помощи Франции, в надежде на которую население жило в течение веков.

Эта операция, крайне необходимая для нашего престижа, хотя и не была в состоянии предотвратить избиения и несчастия, уже совершившиеся, нуждается только в ограниченных военных силах, приблизительно 20.000 человек, которые, повидимому, могут быть получены оттуда, откуда эти силы могли бы быть взяты без нежелательных последствий, а настроение населения, уже поддержанного Францией (Ансариэ [1]) и т. д.), его действительная помощь при подготовке высадки в Триполи Сирийском, одновременно с невозможностью для турок сосредоточить сколько-нибудь серьезные силы в этом пункте,—все это, можно сказать, составляет совокупность обстоятельств, благоприятных для такого решающего вмешательства.

В переговорах с российским правительством, насколько известно, наше правительство обеспечило уважение приобретенных прав и сохранение существующих предприятий, принадлежащих нашим соотечественникам.

Тем не менее, необходимо потребовать, чтобы наша дипломатия оставалась бы твердой в вопросах о выходе к морю для Сиваса в Самсуне [2]), об охране Гераклейских копей [3]), копей Ак-Дага и сохранения доступа к Мраморному морю в Пандерме [4]).

Компенсации за линии, параллельные Черному морю, к востоку от этого выхода к морю в направлении к Эрзеруму, и на запад к Иоцгаду и Боли, должны быть тщательно рассмотрены, если уступка их русским является необходимой, и к этому важному вопросу мы вернемся при обсуждении компенсаций за счет

---

[1]) Ансариэ—горная местность, расположенная к востоку от Антиохии и Александретты, во время мировой войны была центром повстанческого движения.

[2]) Самсун является конечным пунктом железнодорожной линии Сивас-Самсун, концессия на сооружение которой была получена в 1914 г. французской строительной компанией „Régie générale des chemins de fer et des travaux publics".

[3]) Концессия на разработку угольных копей в Гераклее была получена французской компанией „Société française d'Heraclée" в 1896 г., сроком на 50 лет, одновременно с концессией на сооружение порта в Зунгулдаке и постройку местной линии. Часть копей незадолго до мировой войны была перепродана бельгийскому синдикату и германской компании под контролем Deutsche Bank. Последней в 1916 г. перешли и бельгийские копи, а также была предоставлена концессия на сооружение железной дороги от угольного района к Боли. Турецкое правительство во время мировой войны взяло на себя контроль над французским обществом „Société d'Heraclée" и сооружение порта в Зунгулдаке, а в 1917 г. образовалась особая группа германских финансистов с представителями Deutsche Bank во главе, для эксплуатации французских копей.

[4]) Пандерма, лежащая на берегу Мраморного моря, является конечным пунктом ж.-д. ветки Магнезия—Сома—Пандерма Смирно-Кассабской железнодорожной магистрали (см. ниже).

неприятельских центральных империй, которые будут рассмотрены ниже.

В переговорах с итальянским правительством, которые ведутся в настоящее время, необходимость охраны французских интересов, сосредоточенных в Смирне, представляется очевидной.

Было бы трудно для просвещенного французского общественного мнения допустить, чтобы, если вероломство эллинского правительства уничтожило те притязания, которые оно могло бы выставить, итальянцы могли, ссылаясь на некоторые недавние предприятия самых последних годов [1]), завоевать без всяких военных усилий провинцию, где порты Смирна [2]) и Пандерма [3]), железные дороги, больницы и филантропические заведения, школы, общее образование—французские, а для железных дорог области Айдина—английские. Что станет с этими предприятиями в стране, подчиненной державе иностранной и, естественно, эгоистичной?

Без этого выхода в Средиземное море Азиатская Турция, сжатая на севере побережьем Черного моря и проливами, на которые Россия наложит свою руку, окажется в таком положении, что можно спросить себя: что станет с ней в короткий срок?

Пусть образуют вокруг Адалии итальянскую сферу (обстоятельство, от оценки своевременности которого воздерживаемся), но Смирна не должна быть в нее включена и границы этой сферы не должны врываться ни в район железных дорог Багдад-Кония, ни в ее хинтерланд, образованный ирригационными работами в равнине того же имени [4]). В самом деле, Франция, несмотря на возмещение военных убытков, в результате войны будет испытывать огромную нужду, и она должна подумать о восстановлении своих сбережений, которые пострадают от налогов.

Если же реституции неизбежно последуют за фантастическими конфискациями, которые младо-турецкое правительство производило без разбора по немецкому внушению,—то в каком состоянии окажутся заводы, имения, железные дороги, гавани и т. д. и каким образом возместятся убытки и громадные потери, понесенные капиталами, лишенными законного пользования тем, что является их созданием?

Французское правительство не пожелает сделать меньше для своих соотечественников, чем союзные правительства для своих.

И чтобы убедить его, достаточно привести пример того, что подготовляется в дружественных странах:

На общем собрании [общества] Айдинской железной дороги, имевшем место на этих днях в Лондоне, совет правления сообщил о передаче на сохранение в великобританское министерство ино-

---

1) В 1913—1914 г. г. Италия получила концессию на сооружение железных дорог: Макри-Мугла, Макри-долина реки Эчен-чай, Адалия-Кизил-Кайя и Адалия-Алайя.

2) В оборудовании Смирнского порта принимали участие французская компания „Companie des Quais“ и английское общество Смирна-Айдинской ж. д.

3) Порт Пандерма был отстроен французским обществом Смирна-Кассабской жел. дор.

4) В подлиннике:... „et sa configuration ne devrait pas empiéter sur le chemin de fer de Bagdad à Koniah, ni sur son hinterland constitué par les irrigations de la plaine du même nom“.

странных дел (что было принято, по меньшей мере, благосклонно, если не было внушено самим министерством) списка претензий, превысивших к концу отчетного года 25 миллионов франков с указанием, что компания предложила великобританскому правительству получить для нее, в качестве дополнительной компенсации, эксплуатацию, в целом или в части, германских железных дорог в Малой Азии, экспроприация которых, очевидно, должна быть включена в условия трактата европейского мира.

Нельзя не поразиться тем фактом, что по обе стороны Ламанша идеи сошлись в вопросе о компенсациях, которые должны быть получены за счет прав противника.

Но если принять во внимание относительную ценность Айдинской железной дороги, а также тот факт, что большая часть Багдадской железной дороги, построенной или проектируемой, проходящей по Месопотамии, попадет в руки англичан, то Франция, которая уже является действительной совладелицей Багдадской железной дороги и которой следует иметь в виду весьма значительные компенсации за потери, которые она понесет в результате раздела Азиатской Турции между союзниками, имеет, казалось бы, еще большее право позаботиться о себе, по крайней мере, в отношении Анатолийской и Багдадской ж. д., которые окажутся на остающихся оттоманских территориях или в зоне ее влияния и, не выходя из сферы железнодорожного строительства, обеспечить судьбу компаний Черноморской, «Смирна-Кассаба и продолжение» [1]), Сирийской сети, построенной или проектируемой, железной дороги Яффа-Иерусалим, Ливанских трамваев [2]).

CCLXXXIV.

Временно-управляющий великобританским министерством иностранных дел, министр блокады лорд Р. Сесиль, послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1028. 8/21 апреля 1917 г.

Итальянское правительство крайне желает, в своих собственных парламентских расчетах, чтобы ему было разрешено сделать заявление о достижении соглашения относительно Малой Азии.

---

[1]) Первичная концессия на постройку железнодорожной линии Смирна-Кассаба была выдана английской строительной компании в 1863 г. В 1872 г. была выдана дальнейшая концессия на сооружение линии до Алашеира, а в 1888 г. разрешена постройка ветки от Магнезии до Сомы. В 1893 г. турецкое правительство, использовав предоставленное ему концессией право, выкупило дорогу и передало концессию на нее франко-бельгийскому синдикату, которому разрешено было продолжить линию от Алашеира к Афиум-Карахиссару. Разрешение на продолжение ветки Магнезия-Сома до Пандермы было выдано в 1910 г. Этой же концессией предусматривалась постройка порта в Пандерме. Эта последняя линия была открыта для движения в 1912 г.

[2]) Французская трамвайная линия, оконченная в 1908 г.

[3]) Перев. с англ.

Это заявление может, однако, произвести пагубное впечатление в России. Благоволите запросить Вашего французского коллегу и телеграфировать Вашу точку зрения по этому вопросу. Заявление могло бы быть следующего содержания: Три правительства, после крайне тщательного рассмотрения и обсуждения, пришли к временному соглашению относительно размеров их интересов в Малой Азии. Соглашение признает принцип национальности. Что касается вопросов, которыми затрагиваются . . . . [1]) интересы, то переговоры еще продолжаются и не могут быть закончены без всестороннего обсуждения их с нашей союзницей Россией.

CCLXXXV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 256. 8/21 апреля 1917 г.

Лично.—Соннино вернулся с совещания вчера [2]). Увижу его, вероятно, завтра и сообщу, что мне скажет о результате переговоров. Насколько я мог пока узнать из частного, вполне секретного источника, обсуждались вопросы: 1) греческий, 2) об острове Корфу, 3) малоазиатский. Повидимому, по этим трем вопросам пришли к соглашению.

Гирс.

CCLXXXVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 305. 8/21 апреля 1917 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1518 [3]).

Рибо только вчера вернулся из Савойи, где происходило свидание между ним, Ллойд Джорджем, Бозелли и Соннино. Я не успел еще с ним видеться, но, на основании разговоров с его ближайшими сотрудниками, могу сообщить нижеследующее: после переговоров с Ллойд Джорджем в Фолькстоне [4]), где было установлено принципиальное соглашение по греческим делам с лон-

[1]) В подлиннике пропуск 1 слова.

[2]) Имеется в виду союзное совещание в Сен-Жан-де-Морьен (Савойя) 6/19 апреля 1917 г.

[3]) В телеграмме от 7/20 апреля 1917 г. за № 1518 П. Н. Милюков запрашивает А. П. Извольского о вопросах, обсуждавшихся на союзных совещаниях в Фолькстоне и Савойе.

[4]) Имеются в виду англо-французские переговоры, происходившие в Фолькстоне в феврале 1917 года.

донским кабинетом, Рибо считает необходимым прийти к такому же соглашению с римским кабинетом, отношения с коим, особенно на почве сказанных дел, все более обострялись. При этом цель Рибо, осуждающего политику г. Бриана в греческом вопросе, была расширить программу, установленную Римской конференцией, не только стеснившую свободу действий Франции в Греции, но позволившую Италии захватить в Афинах неподобающую ей первенствующую роль [1]). Цель эта, повидимому, достигнута. Рибо категорически заявил совещанию, что французское правительство, в виду явного неисполнения греческим правительством принятых им обязательств, считает державы свободными от данных ими обещаний и требует более энергичной политики по отношению к Греции и к королю Константину. В итоге совещания достигнуто соглашение по следующим двум главным пунктам: 1) Все три кабинета, т.-е. парижский, лондонский и римский, заявляют о неимении у них видов на остров Корфу,—Protocole de désintéressement [2]); 2) За французским правительством признается свобода действий в Греции, при чем не исключается возможность свержения короля Константина. Но, допуская перемену лица на греческом престоле, Италия возражает против учреждения в Греции республики, видя в этом ослабление для Италии. Со своей стороны, французское правительство не имеет в виду способствовать победе республиканского движения в Греции, считая, что это привело бы страну к анархии. На совещании, кроме того, был затронут вопрос об итальянских вожделениях в Малой Азии, при чем итальянские министры настаивали на предоставлении Италии всего Конийского вилайета и Смирны. Им было отвечено, что вопрос этот должен быть разрешен по соглашению между 4-мя державами, но что ни Франция, ни Англия не имеют видов на Смирну. Обо всем вышеизложенном Рибо доложит сегодня совету министров и подробно поставит Вас в известность через Палеолога. Считаю долгом в заключение оговорить, что я не могу вполне ручаться за достоверность настоящего изложения, которое я не премину проверить в личной беседе с Рибо.

Извольский.

---

1) На союзной конференции в Риме в декабре-январе 1916/17 г. представителями Англии, Франции, России и Италии был выработан текст коллективного ответа держав Согласия на ноту греческого правительства от 24 декабря/6 января 1916/17 г. Устанавливая основными пунктами своих требований эвакуацию греческих войск и военного имущества в Пелопонесс и учреждение специальной комиссии для наблюдения за выполнением принимаемых Грецией обязательств, союзники гарантировали греческому правительству локализацию революционного движения и снятие блокады (ультимативная нота от 26 декабря/8 января 1916/17 г.). Греция приняла эти требования союзников 29 декабря/11 января 1916/17 г. „Неподобающая Италии первенствующая роль в Афинах“ сводилась к постоянному уклонению ее от участия в коллективных выступлениях союзников и в скрытой поддержке греческого правительства. (См. „Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны“ изд. Наркоминдела, Москва, 1922 г., стр. 163 и сл.).

2) Как известно, на остров Корфу была эвакуирована сербская армия после катастрофы 1915 г. Сам остров в декабре/январе 1915/16 г. был занят французами, а позднее англичанами и итальянцами, что привело к ряду междусоюзных конфликтов (дело архива б. министерства иностранных дел „Справка о занятии союзниками греческих островов во время войны“).

CCLXXXVII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 307. 9/22 апреля 1917 г.

Дополнение к моей телеграмме № 305.

На свидании в Савойе обсуждались также недавние косвенные мирные предложения Австро-Венгрии по адресу России. Участники свидания единодушно признали, что было бы крайне нежелательно и даже опасно пойти навстречу этим предложениям. Касательно Смирны, Рибо и (Ллойд Джордж) высказались лишь от собственного имени и под условием одобрения их заявления обоими правительствами. Вопрос о военном положении на итальянском фронте, за отсутствием генерала Кадорна, был лишь затронут мимоходом.

Извольский.

CCLXXXVIII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 261. 9/22 апреля 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 260 [1]).

По вопросу о Малой Азии, Ллойд Джордж предложил новую линию разграничения итальянской зоны, отличающуюся от линии Бальфура тем, что она включает в итальянскую сферу Смирну и исключает Конию. Соннино ответил, что он не может принять последнего исключения. Он согласен на линию Бальфура со включением в нее Смирны. Он считает, однако, этот вопрос нерешенным окончательно, так как, несмотря на принципиальное согласие с ним Ллойд Джорджа и Рибо, оба они сделали оговорки: первый предоставляет себе право предварительно проверить, действительно ли по проекту Бальфура Кония отходит к Италии; второй желает ознакомиться предварительно со значением для Франции той полосы земли, которая по англо-французскому соглашению должна предназначаться Франции, а по проекту Бальфура—уступается последнею Италии.

Гирс.

---

[1]) Телеграммой от 9/22 апреля 1917 г. за № 260 М. Н. Гирс сообщает о согласии А. Рибо и Д. Ллойд Джорджа на предложение бар. С. Соннино „условиться, для избежания трений между союзниками, чтобы их отряды на острове Корфу не вмешивались в дело внутреннего управления островом“.

CCLXXXIX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 264. 10/23 апреля 1917 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 261.

Хотя Соннино мне этого не говорил, по личному моему впечатлению, речь идет не только о городе Смирне, но о всем Смирнском вилайете.

Гирс.

CCXC.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 312. 11/24 апреля 1917 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 305 [1]).

Только что виделся с Рибо, который прочел мне полностью протокол совещания с Ллойд Джорджем и Соннино в Савойе. Содержание протокола в общем совпадает со сведениями, полученными мною от сотрудников Рибо, хотя в последних имелось несколько неточностей. Так, Соннино требовал не только Смирны, но и всего Смирнского вилайета, а Рибо и Ллойд Джордж ответили на его настояния лишь обещанием довести о них до сведения своих правительств. Впрочем, Рибо сказал мне, что он уже передал Палеологу по телеграфу подробное извлечение из сказанного протокола, с поручением сообщить Вам оное. Полный текст протокола будет сообщен Вам дополнительно. Рибо присовокупил, что он крайне сожалеет, что условия... (не) позволили Вам участвовать в совещании, которое поэтому не могло принять никаких окончательных решений по настоящим вопросам. Таковые ре-

---

[1]) См. стр. 318.

шения могут последовать лишь по установлении соглашения с Вами, о чем Палеологу предписано Вам заявить. Продолжение следует [1]).

Извольский.

CCXCI.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков послу в Париже А. П. Извольскому и поверенным в делах в Лондоне и Вашингтоне, К. Д. Набокову и К. М. Ону.

Телеграмма.

№ 1638. 13/26 апреля 1917 г.

В беседе с послами о недавних свиданиях государственных деятелей Франции, Великобритании и Италии в Фолькстоне и С. Жане я выразил им мое крайнее недоумение по поводу того обстоятельства, что русское правительство не было предупреждено ни о предстоявшем съезде, ни о предмете совещания, и только лишь впоследствии было поставлено в известность о состоявшихся уже решениях. Между тем, на вышеуказанных совещаниях обсуждались не только текущие дела, но и вопросы первостепенной политической важности, в которых, как в малоазиатском, Россия непосредственно заинтересована.

Ныне, повидимому, предстоят переговоры такой же важности в Вашингтоне между правительствами Франции, Великобритании и Соединенных Штатов, на которых предполагается затронуть вопросы, касающиеся мировой политики, о чем уже имеются сведения и указания в печати [2]).

Наше неучастие в этих переговорах и даже неосведомленность о предмете предстоящих совещаний могут произвести у нас крайне неблагоприятное впечатление на наше общественное мнение и даже подать повод к нежелательным толкам о трениях и несогласиях между союзниками.

Благоволите в доверительной и дружественной форме объясниться в вышеуказанном смысле с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Милюков.

---

[1]) Телеграмма А. П. Извольского от 11/24 апреля 1917 г. за № 313, являющаяся продолжением телеграммы № 312, касается действий экспедиционных войск в Салониках.

[2]) Имеется в виду поездка в Вашингтон маршала Жоффра, Р. Вивиани и А. Бальфура для выражения признательности американскому народу в связи со вступлением С. А. С. Штатов в войну.

CCXCII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 272. 13/26 апреля 1917 г.

Совершенно доверительно.—Я имел сегодня продолжительную беседу с лордом Мильнером по его инициативе. В числе вопросов, по которым мы обменялись мнениями, при чем я высказывал лишь свои личные взгляды, был вопрос о периодических совещаниях глав союзных кабинетов. Мильнер сказал мне, что в протоколах петроградской конференции имеется по этому поводу предположительная резолюция, которая подлежит обсуждению кабинетов, и что он намерен ныне воздействовать на лондонский кабинет с целью провести в жизнь эту резолюцию. Фактически уже состоялись на днях совещания трех премьеров в Савойе, и присутствие в Вашингтоне Бальфура и французских представителей носит тот же характер. На этих совещаниях русского представителя не было. Отвечая Мильнеру, я был в некотором затруднении, вследствие полного неведения о том, когда предполагается приезд в Лондон нового посла. Я высказал ему свое личное мнение, что присутствие русского представителя, который имел бы полномочия говорить от имени временного правительства, было бы весьма желательно. Позволяю себе лично Вам выразить, что при настоящем политическом положении мне представляется необходимым, чтобы голос России на совещаниях союзников раздавался в противовес влияниям, стремящимся использовать его отсутствие в своих эгоистических видах. На-днях сюда ожидается приезд Соннино. Из телеграммы Извольского Вам известны притязания Италии. Мне представляется несомненным, что Соннино будет и здесь настаивать на своем. Если наше внутреннее положение дает к тому возможность, мне казалось бы чрезвычайно важным, чтобы князь Львов, или один из министров, хотя бы на краткий срок прибыл сюда. В противном случае идея «периодических совещаний премьеров» практически осуществится без участия России. В течение разговора Мильнер выразил сожаление, разделяемое кабинетом, о невозможности в настоящее время, судя по донесениям военных экспертов, нашего наступления в Малой Азии, без которого войскам генерала Мода угрожает серьезный натиск со стороны турок. Из беседы с Мильнером я вынес впечатление, что он является в кабинете элементом, строящим свое отношение к России на основании строго утилитарном, то-есть оценивает положение с точки зрения участия России в общем деле, и что в этом смысле влияние Мильнера может быть до некоторой степени предвзятым, отнюдь не по соображениям личным или по узости кругозора, а лишь потому, что фактически задача Англии в этой войне усложняется с каждым днем. Думаю, что присутствие здесь государственного деятеля, способного

дать Англии должную перспективу и внушить правительству более широкую точку зрения,—важно не только в интересах данной минуты, но и для всего будущего. Само собой разумеется, соображения эти отчасти теряют свое значение, если в ближайшие дни предстоит приезд Сазонова.

Набоков.

CCXCIII.

Временно управляющий великобританским министерством иностранных дел, министр блокады лорд Р. Сесиль, послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 832. 15/28 апреля 1917 г.

Малоазиатское соглашение.

На Ваше благоусмотрение предоставляется выбрать наиболее подходящий момент для сообщения текста российскому правительству, так как наше согласие на итальянское предложение зависит от его согласия.

CCXCIV.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 1699. 16/29 апреля 1917 г.

Последние известия о действиях англичан в Палестине дают возможность предполагать о занятии в ближайшем будущем Иерусалима. По имеющимся у нас сведениям, французское правительство уже распорядилось об отправлении особого отряда для участия в совместном с англичанами занятии названного города. С подобною же просьбою к высшему английскому командованию обратилась и Италия.

В виду этого мы считаем необходимым и участие нашего отряда в международной оккупации Иерусалима и Святых Мест, где у нас имеются интересы первостепенной важности. Этот отряд мог бы быть выделен из состава наших войск, находящихся на Македонском театре войны.

Благоволите по этому поводу переговорить с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Милюков.

---

[1]) Перев. с англ.

CCXCV.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 334. 16/29 апреля 1917 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1638 [1]).

С Рибо я могу увидеться не ранее понедельника. Поэтому я сегодня же доверительно и дружески переговорил с Камбоном, который дал мне следующие разъяснения: свидание в Фолькстоне не имело определенной программы, и Рибо имел, главным образом, целью войти там в личные сношения с Ллойд Джорджем, в качестве председателя совета министров. На свидание с Соннино Рибо поехал, дабы путем личных переговоров устранить постоянные затруднения, чинимые Италией в греческом вопросе. На совещании Соннино неожиданно поставил малоазиатский вопрос; что Рибо не был к этому подготовлен, явствует уже из того, что при нем не было никого из сведущих в этом вопросе чиновников министерства иностранных дел. При этом Камбон подтвердил мне слова, сказанные мне г. Рибо,—телеграмма моя № 312 [2]),—а именно, что французский председатель совета крайне сожалел о Вашем отсутствии на совещании, которое поэтому не могло принять никаких окончательных решений по затронутым вопросам, и что Палеологу было поручено заявить Вам, что таковые решения могут последовать лишь по установлении согласия с Вами. Что касается слухов о предстоящих, будто бы, в Вашингтоне переговорах между правительствами Франции, Великобритании и С. А. С. Штатов, то, по словам Камбона, слухи эти ни на чем не основаны; миссия же г. Вивиани и маршала Жоффра имеет отчасти финансовый характер, отчасти же военно-технические цели, и им не поручено абсолютно никаких политических переговоров. О разговоре моем с Рибо сообщу дополнительно.

Извольский.

CCXCVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 341. 17/30 апреля 1917 г.

Копии в Лондон и Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 334.

Видел сегодня (Рибо) и сообщил ему в доверительной и дружеской форме содержание Вашей телеграммы № 1638. Он подтвердил мне в общем разъяснения, полученные мною от Кам-

---

[1]) См. стр. 322.

[2]) См. стр. 321.

бона, а именно, что свидание в Фолькстоне имело целью вступить в личные отношения с Ллойд Джорджем и переговорить с ним о непосредственно интересующих Францию и Англию греческих делах; что поездка в Савойю имела предметом те же греческие дела, в которых Соннино оказывал Франции прямое противодействие, и что вопрос о Малой Азии был затронут итальянцами совершенно неожиданным для него образом; наконец, что поэтому вопросу на совещании не было принято никаких окончательных решений. Палеологу было поручено заявить Вам, что таковые могут последовать лишь по соглашению с Вами. Что касается слухов о предстоящих, будто бы, в Вашингтоне переговорах между французским, великобританским и американским правительствами, то Рибо самым положительным образом уверил меня, что слух этот не имеет никаких оснований и что г. Вивиани не поручено никаких переговоров по политическим вопросам. Рибо прочел мне все полученные им до сегодняшнего утра телеграммы г. Вивиани из Америки и сказал мне, что телеграммы эти будут отправлены им в Петроград для сообщения Вам. В них, действительно, нет следа каких-либо политических переговоров и даже не имеется подтверждения появившихся в печати известий о, будто бы, сделанных президентом С. А. С. Штатов г. Вивиани заявлениях о целях, с коими Америка ведет войну. В заключение Рибо еще раз высказал мне крайнее сожаление, что условия пространства и времени не позволили ему пригласить Вас ни на последнее совещание, ни на то, которое он будет иметь на-днях с Ллойд Джорджем. Предметом этого совещания будут служить, как Вам уже известно, греческие дела, а также вопрос о салоникской армии, которую английское правительство настойчиво старается сократить вследствие трудности ее снабжения.

Извольский.

CCXCVII.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков послу в Париже А. П. Извольскому и поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 1725. 19 апреля/2 мая 1917 г.

Великобританский посол сообщил нам содержание ноты, переданной в Рим, по поводу малоазиатских дел, рассматривавшихся на совещании в С. Жане. Из этого документа, между прочим, видно, что на означенной конференции были «определены» какие то зоны, имеющие отойти к Италии, при чем подробности остаются нам не известными.

Между тем, путем доверительного обмена мнений, имевшего место перед лондонским совещанием, касательно притязаний Ита-

лии в Малой Азии, между правительствами России, Франции и Великобритании было условлено, что все решения по этому вопросу будут приниматься не иначе, как по взаимному предварительному уговору.

Благоволите объясниться по этому поводу с министром иностранных дел и просить его о незамедлительном сообщении нам полного текста состоявшегося соглашения.

Милюков.

CCXCVIII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 286. 19 апреля/2 мая 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1714 [1]).

Лично.—Лорд Гардинг сказал мне, что не замедлит дать послу в Вашингтоне инструкции в желаемом нами смысле. В течение нашей беседы он, совершенно доверительно, показал мне полученную от Бальфура личную секретную телеграмму, в которой Бальфур просит меня рассеять создавшееся у Вас впечатление,—по сведениям американского правительства,—будто бы на вашингтонской конференции обсуждаются политические вопросы и интересы России подвергаются опасности не быть достаточно охраненными. Гардинг сказал мне: «Вы знаете, что это не так; Вы знаете, что никто, ни французское правительство, ни даже сам король, не знали об отъезде Бальфура заранее, так как опасность разглашения была так велика, что мы вынуждены были принять самые строгие меры предосторожности». О телеграмме Бальфура он просил . . . Вам лично и в самой строгой тайне. Далее он заверил меня, что на совещании в Савойе было заявлено Франции и Италии, что никакое соглашение по малоазиатским делам не может быть и не будет заключено «за спиною» России и без ее санкции. Он (сказал . . . . . что) известие о приезде сюда Соннино неверно. По этому поводу я не скрыл от него, что предупредил Вас о моих опасениях, что итальянское правительство постарается использовать настоящую политическую минуту для своекорыстного давления на Англию и Францию. В малоазиатском вопросе между Гардингом и мною полное единомыслие, и я могу поручиться за искренность его намерений. . . . ., что не наступила пора делить Турцию между Италией и Францией. Что касается положения дел в Вашингтоне, (то) полученная мною сегодня

---

[1]) Телеграммой от 17/30 апреля 1917 г. за № 1714, на имя К. Д. Набокова, П. Н. Милюков просил великобританское правительство дать инструкции великобританскому послу в Вашингтоне сэру С. Спринг-Райсу о привлечении русского военно-морского агента в Америке к переговорам А. Бальфура с вашингтонским правительством в виду необходимости „урегулировать вопрос о содействии англичан в деле охраны подходов к Белому морю“.

Ваша инструкция свидетельствует о том плачевном состоянии, в котором пребывает ныне наше представительство в Америке. Сделанное по этому поводу Гермониусом сообщение военному министру подтверждается полученными мною из Вашингтона из вполне компетентного источника сведениями.

Сущность их сводится к тому, что наше посольство в состоянии инерции и «забастовки». Считаю долгом совести не скрыть от Вас, что отсутствие в данный момент в Вашингтоне во главе посольства энергичного руководителя, знакомого с обстановкой, способного руководить прессой и осведомленного о политических и финансовых взаимоотношениях России, Америки и Англии, производит и на самих американцев впечатление зла, помочь которому желательно в возможно скорейшем времени. Прошу простить мне это вторжение в сферу, мне не принадлежащую, продиктованное полученными мною здесь данными.

Набоков.

CCXCIX.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 284. 20 апреля/3 мая 1917 г.

Сюда прибыл представитель еврейского союза, Соколов, выяснить отношение итальянского правительства к еврейским пожеланиям, вызвавшим, по словам его, полное сочувствие английского правительства и французского правительства. Пожелания сводятся к признанию еврейской национальности в Палестине, предоставлению ей самоуправления, не касаясь политического положения Палестины и других национальностей, и разрешению еврейской иммиграции. Вопрос этот известен временному правительству по докладу доктора Базарова председателю совета министров кн. Львову. Не откажите сообщить мне наше отношение к этому вопросу.

Гирс.

CCC.

Российский посол в Риме М. Н Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 297. 21 апреля/4 мая 1917 г.

Срочно.

Ссылаясь на Вашу телеграмму № 1725 [1])

Доверительно.—В частной беседе Соннино сообщил мне, что им была получена нота английского правительства, принимаю-

[1]) См. стр. 326.

щая итальянские пожелания, но настаивающая на признании Смирны порто-франко и в неясных выражениях обусловливающая английское признание участием Италии в военных действиях против Турции. Соннино ответил, что он ничего не имеет против объявления Смирны порто-франко, но никаких побочных условий не принимает, тем более, что он неоднократно уже подтверждал обязательство Италии всеми мерами содействовать успешному ведению войны. Затем английский посол объяснял ему, что английская нота неверно им понята и что в сущности Англия никаких новых условий не ставит. В ноте шла речь исключительно об Англии, а о согласии Франции не упоминалось. Соннино считает, что принципиально она согласна и что остается только сговориться с ней относительно того пункта на западе Мерсины, откуда должна быть проведена линия итальянской зоны. В Савойе Рибо и Ллойд Джордж оговаривали, что личное согласие должно быть подтверждено их правительствами. В Савойе было оговорено, что всякое соглашение должно быть представлено на утверждение России. Моя беседа с Соннино имела частный характер, и я не говорил ему о содержании Вашей телеграммы № 1725, так как Ваша просьба о сообщении соглашения относится к Англии и к Франции.

Гирс.

CCCI.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен временно-управляющему министерством иностранных дел, министру блокады лорду Р. Сесилю.

Шифрованная телеграмма. [1]).

№ 631. 22 апреля/5 мая 1917 г.

Ваша телеграмма № 832 [2]).

Я вчера сообщил министру иностранных дел телеграмму [великобританского] министерства иностранных дел за № 7 в Рим. Он не считает возможным входить во всестороннее обсуждение ее содержания, но заявил, что она поставила новое правительство в несколько затруднительное положение и имеет все шансы встретить отказ. Не имея еще возможности утверждать это в данный момент, он все же дал мне понять, что правительство не может согласиться на итальянское предложение и предпочло бы быть запрошенным нами на этот счет в более ранней стадии переговоров.

---

1) Перев. с англ.
2) См. стр. 324.

CCCII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 370. 23 апреля/6 мая 1917 г.

Сегодня, вместе с итальянским послом, я участвовал на совещании по греческим делам. Открывая совещание, Рибо напомнил, что в Савойе (еще ранее) было условлено, что окончательное решение вопроса о занятии Ларисcы и Фессалии состоится при свидании между французским и английским председателями совета министров. Заявление это вызвало со стороны итальянского посла попытку поставить решение сказанного вопроса в зависимость от удовлетворения вожделений Италии на Смирну и другие малоазиатские области. Рибо самым категорическим образом отклонил эту попытку. Ллойд Джордж со своей стороны заявил, что, хотя лондонский кабинет не возражает против приобретения Италией Смирны на известных условиях, окончательное решение этого вопроса может последовать лишь по соглашению с Россией. Вслед за сим состоялось решение о занятии Фессалии с Ларисcою, а эвентуально с Воло; занятие это имеет, главным образом, целью овладение тамошним урожаем, который предполагается распределить между областями, занятыми венизелистами, и Старой Грецией. Занятие Фессалии вряд-ли вызовет какое-либо местное противодействие и будет осуществлено, по возможности, мирным образом войсками генерала Саррайля. Переданную здесь агентом Венизелоса просьбу последнего предоставить ему занять Фессалию и Акарнанию своими войсками совещание отклонило, но, если в занятых областях возникнет движение в пользу салоникского правительства [1]), решено этому движению не препятствовать; впоследствии можно будет допустить введение туда и венизелистских войск.

Извольский.

CCCIII.

Временно-управляющий великобританским министерством иностранных дел, министр блокады лорд Р. Сесиль, послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 908. 25 апреля/8 мая 1917 г.

Ваша телеграмма № 631 [3]).

Невозможно было запросить российское правительство ранее, так как этот вопрос был решен в Сен-Жан-де-Мориене, но все союзные правительства старались поставить эти переговоры в зависимость от согласия России.

---

[1]) Правительство, образованное Э. Венизелосом в сентябре 1916 г. и имевшее свое местопребывание в Салониках.

[2]) Перев. с англ.

[3]) См. стр. 329.

CCCIV.

Российский министр иностранных дел П. Н. Милюков послу в Париже А. П. Извольскому и поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 1871. 26 апреля/9 мая 1917 г.

Сообщается в Рим.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1735 [1]) и на телеграмму Извольского № 370 [2]).

В вопросе о Смирне мы продолжаем оставаться на прежней точке зрения. Упоминаемые в телеграммах из Парижа постановления, принятые на последних совещаниях в С.-Жане и Фолькстоне, нам до сих пор еще в точности неизвестны, и окончательное суждение о них мы можем высказать лишь по получении текстов упомянутых документов.

Милюков.

CCCV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 316. 26 апреля/9 мая 1917 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 315 [3]).

В сегодняшней беседе по поводу событий в Петрограде Соннино коснулся малоазиатского вопроса. Он сказал, что внутреннее положение Италии побуждает его настаивать на скорейшем его разрешении и закреплении каким-либо актом. Он вполне понимает, что согласие и участие России необходимы для этого. Он опасается, однако, что события в Петрограде не дадут нам в достаточной степени необходимой свободы действий. Я возразил ему, что, на мой взгляд, дело стоит иначе. Малоазиатский вопрос обсуждался на конференции в Лондоне. Мы сперва предложили отложить ее заседания до приезда в Лондон Сазонова, но, уступая просьбе Италии, мы дали необходимые полномочия нашему

---

[1]) В подлиннике, очевидно, ошибка в номере. Телеграмма № 1735 от 19 апреля/2 мая 1917 г. подписана директором правового департамента МИД А. И. Доливо-Добровольским и говорит о порядке выдачи паспортов для возвращения в Россию. Следует читать: № 1725 (см. стр. 326).

[2]) См. стр. 330.

[3]) Телеграмма от 25 апреля/8 мая 1917 г. о впечатлении, произведенном в Риме сведениями о демонстрациях против временного правительства в Петрограде и донесениями итальянских военных агентов о понижении боеспособности русской армии.

поверенному в делах. Если заседания были прерваны, то не по нашей воле, а исключительно по вине итальянского посла, отказавшегося приступить к рассмотрению переданного ему меморандума. После этого вопрос вновь возникал на конференции в Сен-Жане уже без нашего ведома и участия. Это обстоятельство не могло не вызвать замечания с Вашей стороны. Соннино сознался, что в этом отношении Вы были совершенно правы. Он просил меня считать наш разговор совершенно частным обменом личных мнений и спросил, известно ли мне, когда Сазонов прибудет в Лондон. Весьма вероятно, что он обратился к Англии, желая возобновления заседаний лондонской конференции.

Гирс.

CCCVI.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 392. 27 апреля / 10 мая 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1725 [1]).

На переданную мною третьего мая нового стиля памятную записку по затронутому в ней вопросу Рибо только что дал мне нижеследующий письменный ответ: [2]) «В ответ на сообщение, г. Рибо имеет честь просить г. Извольского не отказать в подтверждении г. Милюкову заявления, которое он поручил французскому послу в Петрограде сделать ему уже 22 апреля. По этим заявлениям, в Сен-Жан-де-Мориен произошло не соглашение, а обмен мнений по некоторым вопросам, непосредственно касающимся отношений между четырьмя союзниками на Средиземном море. Так как дальность расстояния помешала участию г. Милюкова на конференции в Сен-Жан-де-Мориен, французскому послу поручено было незамедлительно поставить министра иностранных дел временного правительства в известность о заключениях, к которым привел обмен мнений в Сен-Жан-де-Мориен: именно, относительно эвентуального раздела Малой Азии и зоны, предоставляемой Италии. Г. Палеологу поручено представить эти заключения на благоусмотрение г. Милюкова и указать самым ясным образом, что окончательное соглашение может произойти только тогда, когда временное правительство сообщит своим союзникам о своем с ними согласии.

Г. Рибо полагает своим долгом прибавить, что как только закончилась конференция, на которой 5 сего мая присутствовал г. Извольский, при участии г. Ллойд Джорджа и итальянского посла, французский посол в Петрограде получил распоряжение возобновить вышеизложенные заявления г. Милюкову. Ни в Сен-Жан-де-Мориен, ни в Париже не было «соглашения» между французским, английским и итальянским министрами, и вопросы, в

---

[1]) См. стр. 326.

[2]) В подлиннике текст ответа на французском языке.

подробностях известные г. Милюкову с 22 апреля, остаются в зависимости от его согласия. С этой точки зрения, председатель совета министров—министр иностранных дел—был весьма обязан российскому послу, если бы он соблаговолил настоять в Петрограде перед временным правительством, чтобы оно, согласно просьбе, переданной через французского посла, сообщило нам свое мнение. Так как формальные переговоры, касающиеся этого вопроса, вследствие предшествовавшего соглашения четырех союзников, были поручены министру иностранных дел его британского величества и послам Франции, Италии и России в Лондоне, само собой разумеется, что, как только соглашение будет принципиально установлено, последним предстоит и установить окончательный текст договора и подписать после утверждения его четырьмя правительствами».

Извольский.

CCCVII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 329. 28 апреля / 11 мая 1917 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 370 [1]).

По поручению своего правительства французский посол заявил Соннино, что никогда Рибо не думал ставить в Савойе решение греческого вопроса в зависимость от удовлетворения итальянских вожделений в Малой Азии. Соннино ответил, что, по его мнению, такая зависимость была до некоторой степени установлена, но в виду возражений Рибо и Ллойд Джорджа он не настаивает на своей точке зрения.

Гирс.

CCCVIII.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел М. И. Терещенко [2]).

Телеграмма.

№ 339. 6/19 мая 1917 г.

Ссылаюсь на мой № 284 [3]).

Соколов был принят папою и председателем совета министров. По его словам, как в Ватикане, так и в консульте ему было высказано сочувствие к еврейским пожеланиям в Палестине.

Гирс.

---

[1]) См. стр. 330.

[2]) 5/18-го мая 1917 г. произошли перемены в составе временного правительства, при чем на пост министра иностранных дел был назначен М. И. Терещенко.

[3]) См. стр. 328.

CCCIX.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послу в Париже А. П. Извольскому и поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 2163. 13/26 мая 1917 г.

Мы узнаем, что итальянское правительство добивается в настоящее время согласия Франции и Великобритании на то, чтобы сделать в парламенте краткое сообщение о временном состоявшемся между этими державами и Италией соглашении по малоазиатским делам, с указанием, что окончательные результаты будут достигнуты после переговоров с Россией.

Я очень опасаюсь, что такое заявление итальянского правительства поднимет у нас нежелательный шум около этого вопроса и снова вызовет в социал-демократических кругах сильное возбуждение и страстные споры об аннексиях. В то же время упоминание о том, что Италия уже сговорилась с Францией и Англией, помимо России, поведет к нежелательным нареканиям на союзников и набросит тень на их к нам отношения.

Все это, вместе взятое, затруднит, по моему мнению, выполнение в настоящую минуту нашей главной задачи—возвращение армии ее боеспособности и приведение ее к наступлению.

Благоволите в осторожной и доверительной форме переговорить по этому поводу с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Терещенко.

CCCX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 358. 13/26 мая 1917 г.

Получил Ваш № 2082 [1]).

Из еврейских организаций международного характера в Англии действует только одна — сионистская. Она представлена двумя союзами «Английской сионистской федерацией» и «Орденом древних Маккавеев». Руководство политическими делами сионизма сосредоточено, главным образом, в руках федерации. За

[1]) В циркулярной телеграмме от 9/22 мая 1917 г. за № 2082 М. И. Терещенко просит сообщить ему сведения о деятельности различных еврейских организаций международного характера и „в особенности тех из них, которые стремятся к созданию самостоятельного еврейского государства в Палестине“.

время войны влияние сионистов здесь сильно возросло. Кроме эмигрантов, к ним примкнули представители высшего еврейского круга, как лорд Ротшильд, Роберт Самуэль [1]), главный раввин империи и другие. Английская печать относится к сионизму серьезно и трактует его, как существенный фактор восточного вопроса, подлежащий решению на мирной конференции. Некоторые органы, с самого начала войны, активно настаивают на энергичной кампании в Палестине и на создании там особого еврейского государства. Сионисты поддерживают оживленные сношения с английским правительством и имеют доступ к высшим его представителям. Цель этого движения—добиться от мирной конференции передачи управления Палестины в руки еврейской компании, снабженной особой хартией (чартерд) для колонизации края и воссоздания в нем еврейского национального центра. Компания по этой программе должна быть организована на демократических началах, представляя собой как бы парламент евреев всего мира. Сионисты признают, что права местного населения должны быть обеспечены международною гарантиею, а Святые Места вообще интернационализированы. В случае, если бы мирная конференция нашла необходимым, одновременно с учреждением еврейской компании, установить над Палестиною протекторат какой-либо великой державы, здешние сионисты решительно выскажутся за Англию. Они будут всеми силами противиться протекторату Франции, опасаясь духа католизации, навязывания французской культуры. Они также против идеи кондоминиума и, в особенности, против раздела Палестины на две сферы влияния—французскую и английскую. Представитель здешних сионистов, Соколов, в течение апреля и мая посетил (Париж) и Рим, где был, при посредничестве английских властей и дома Ротшильда, принят Маржери, Пико, Бозелли, Ди-Дартино [2]) и папою. В некоторых кругах английского еврейства замечается оппозиция против сионизма. Судя, однако, по недавним выступлениям этих кругов,—газета «Таймс» от 24-го мая,—эта оппозиция не касается существа вопроса, так как и она заявляет себя сторонником воссоздания еврейской национальности в Палестине, но, расходясь с сионистами в вопросе о компании, повидимому, предпочитает простую английскую или французскую аннексию. В связи с сионистским движением стоит вопрос о сформировании еврейского легиона в составе английской армии для участия в завоевании Палестины. Проект этот пользуется поддержкой здешнего министерства иностранных дел и военного министерства, но не может быть окончательно решен впредь до разрешения общего вопроса о соглашении с Россией о военнообязанных, большинство коих евреи. Когда этот вопрос решится, сформирование легиона поступит на обсуждение военного кабинета. Лично я отношусь с полнейшим сочувствием к этому проекту и поддерживаю его в здешних министерствах.

Набоков.

---

[1]) Герберт Самуэль?
[2]) Де-Мартино?

CCCXI.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послам в Париже и Риме А. П. Извольскому и М. Н. Гирсу и поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 2199. 14/27 мая 1917 г.

При последнем свидании со мною итальянский посол коснулся вопроса относительно возобновления в Лондоне прерванных переговоров по малоазиатским делам. Я ему ответил, что в принципе ничего не имею против продолжения совещаний, но высказал пожелание, чтобы в них принял участие наш новый посол, относительно назначения которого у нас еще не принято окончательного решения.

Терещенко.

CCCXII.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 440. 16/29 мая 1917 г.

Ссылаюсь на Ваш № 2163 [1].

За отсутствием г. Рибо, не вернувшегося еще из Лондона, переговорил по ее содержанию с Камбоном, который самым категорическим образом заявил мне, что итальянское правительство не предпринимало здесь никаких шагов в указанном Вами смысле и что ему, Камбону, вообще ничего неизвестно о намерении Соннино сделать сообщение в итальянском парламенте о малоазиатских делах. Подобное сообщение, по убеждению Камбона, в настоящую минуту невозможно уже потому, что русское правительство заявило о своем намерении подвергнуть пересмотру весь вопрос о состоявшихся между союзниками соглашениях. Кроме того, присовокупил Камбон, никакого «временного соглашения» по малоазиатским делам между Францией, Великобританией и Италией не существует, ибо в С.-Жане было установлено, что вопрос этот будет разрешен в Лондоне при участии России; в последнее время итальянское правительство добивается здесь точного определения, по крайней мере, границы между будущими французской и итальянской зонами в Малой Азии, но и по этому частному вопросу ему не дано никакого ответа. В заключение Камбон показал мне телеграмму из Рима, в коей Баррер, замечая, что вообще Соннино весьма энергично высказывается против всякого пересмотра вопроса «о целях войны», не упоминает о намерении его сделать какое-либо сообщение в парламенте о малоазиатских делах. Рибо ожидается здесь завтра или послезавтра, и я не премину тотчас переговорить с ним по настоящему вопросу.

Извольский.

---

[1] См. стр. 334.

CCCXIII.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 361. 17/30 мая 1917 г.

Ссылаюсь на Ваш № 2199.

Завтра буду иметь разговор с лордом Сесилем по содержанию телеграммы. Думаю, что до возвращения Бальфура о возобновлении заседаний не может быть и речи. Из моих телеграмм по малоазиатскому вопросу явствует, что Италия во что бы то ни стало хочет добиться Смирны и что она приветствовала бы участие в этой конференции другого русского представителя, так как здешний итальянский посол сумел убедить Соннино, что личная моя обструкция—причина неуспеха попыток Италии добиться этой уступки. В настоящее время положение коренным образом изменилось, и я стою более, чем когда-либо, на той точке зрения, что соглашение между союзниками и Италией не имеет под собой никакой почвы,—ни элементарной справедливости, ни политической целесообразности. Предоставление Италии той зоны, которой она добивается, шло бы в разрез с принципом, в силу которого мы стоим против насильственного отторжения территории, и в оправдание этого положения никаких аргументов привести нельзя. Для Италии настоящий момент наиболее благоприятен. В то время, как на русском фронте боев мало, на Карсо Италия одерживает успехи, она раздувает их значение в общем ходе борьбы с центральными империями и надеется, что благоприятная обстановка поможет ей преодолеть возражения России. Лично я полагаю, что вопрос о разделе Малой Азии должен бы быть ныне отложен на неопределенное время; пока победа союзников не будет достигнута, все эти бумажные разделы не стоят бумаги, на которой они написаны, и способны лишь породить между союзниками прения [1]). После разговора моего с Сесилем буду телеграфировать дополнительно.

Набоков.

CCCXIV.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 369. 18/31 мая 1917 г.

Копии в Париж и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму №.... [2]).

Лорд Роберт Сесиль показал мне формулу соглашения, которую английский посол обсуждал с Вами. Согласно сообщения сэра Джорджа [Бьюкенена], Вы сделали некоторые возражения,

[1]) Трения?

[2]) В подлиннике номер отсутствует. Вероятно следует читать: № 2163, см. стр. 334

которые были приняты во внимание, и Вы затем согласились, что нет препятствий к сообщению о состоявшемся между Францией, Англией и Италией «временном» соглашении в таком виде. При этих условиях высказанные Вами в телеграмме ко мне опасения явились для лорда Роберта неожиданными, и он просил меня выяснить Ваш окончательный взгляд. Мне представляется, что формула составлена в выражениях настолько туманных, что она вряд ли может вызвать возражения, тем более, что в ней содержится определенное указание на необходимость соглашения с Россией предварительно придания уговору между тремя державами окончательного характера. Лорд Роберт вполне согласился с моими взглядами, что возобновление совещаний в Лондоне, при настоящих условиях, бесцельно и всецело присоединился к высказанным мною опасениям, как бы дальнейшие попытки точного определения «зон» не вызвали трений и излишних затруднений. Но, с другой стороны, какая-нибудь формула—в общих выражениях—необходима для того, чтобы парализовать в Италии агитацию против Соннино. Мне кажется, что возбуждение у нас против такой глухой формулы может быть улажено указанием на то, что никакие формулы не будут осуществлены без согласия России и что все разговоры об «интересах держав» в Азиатской Турции пока носят чисто академический характер, и их осуществление, кроме согласия России, зависит еще от одержания победы над центральными империями.—Прошу срочно телеграфного ответа.

Набоков.

CCCXV.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 369. 19 мая/1 июня 1917 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 440 [1]) и Набокова № 364 [2]).

Соннино действительно не говорил французскому послу о каком-либо сообщении итальянскому парламенту о малоазиатских делах. О таком сообщении ведет переговоры английский посол, стремящийся упрочить этим положение Соннино. Родд говорил мне о формуле, предложенной Англией и встретившей, будто бы, одобрение в нашем министерстве. Как личное мнение, я высказал ему, что не вижу для преследуемой им цели необходимости упоминать о Малой Азии и полагал бы достаточным глухую

[1]) См. стр. 336.
[2]) Телеграмма К. Д. Набокова за № 364 в деле отсутствует.

формулу, указывающую, что интересы Италии обеспечены в той же степени, как и интересы других союзников. Родд лично склонен, повидимому, удовлетвориться этой формулой. Не знаю, однако, мнения по этому поводу самого Соннино, так как за последнее время он не говорил и мне о намерении сообщить что-либо парламенту о Малой Азии.

Гирс.

CCCXVI.

Временно-управляющий великобританским министерством иностранных дел, министр блокады лорд Р. Сесиль послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1116. 20 мая/2 июня 1917 г.

Для Рима № 960.

Российский посол [2]) заявил, что его правительство теперь противится опубликованию какой бы то ни было ноты по малоазиатскому вопросу. Я заявил, что все было уже установлено между нами и российским правительством и что ему следует снова запросить свое правительство. Поэтому я не могу ничего сказать относительно дальнейших шагов.

CCCXVII.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 2355. 24 мая/6 июня 1917 г.

Сообщается в Париж и Рим.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 369 [3]) и на мою телеграмму № 2163 [4]).

В разговоре с английским послом по поводу предположенного итальянским правительством заявления в парламенте о малоазиатских делах, я высказался принципиально против такого выступления. При этом я прибавил, что если Соннино, по соображениям внутренней политики, тем не менее находил бы необходимым сказать по этому вопросу несколько слов с трибуны, то для нас наиболее приемлемой при настоящих обстоятельствах была бы какая-нибудь формула самого общего и неопределенного характера, в которой упоминалось бы лишь об обсуждении вопроса о равноправном положении держав в Малой Азии и соответствующих гарантиях.

Терещенко.

---

1) Перев. с англ.
2) Поверенный в делах?
3) См. стр. 337.
4) См. стр. 334.

CCCXVIII.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову.

Телеграмма.

№ 2460. 28 мая/10 июня 1917 г.

Лично. Прошу расшифровать лично.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 2163 [1]).

Итальянский посол в Лондоне передал в Рим о разговоре с Вами по малоазиатским делам, из которого видно, что Вы сообщили ему содержание вышеозначенной доверительной телеграммы, предназначавшейся только для обмена мнений с великобританским правительством.

Это обстоятельство вызвало уже запрос итальянского правительства через здешнего посла и поставило нас в несколько неловкое положение по отношению к итальянцам.

Во избежание недоразумений, всегда возможных в настоящее время, прошу Вас избегать дипломатических выступлений по принципиальным вопросам без особого каждый раз на то поручения министерства.

Терещенко.

CCCXIX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 426. 30 мая / 12 июня 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 2460.

Совершенно личная.—Малоазиатские дела.—С самого моего вступления в управление посольством я не имел с итальянским послом ни одного разговора по малоазиатским делам и, само собою разумеется, не имея от Вас на то указаний, у меня не могло возникнуть и мысли сообщать ему содержание Вашей телеграммы. Итальянский посол считает лично меня ответственным за то, что Смирна не была уступлена, и прилагает все усилия к тому, чтобы подорвать доверие ко мне русского правительства, чему в телеграммах по малоазиатским делам имеются доказательства. Хотя я (не) питаю доверия к Империали, все же не могу себе представить, чтобы он прибег к сознательному извращению истины с целью вызвать с Вашей стороны сомнение в моем умении вести дела.—Так как вопрос о декларации в итальянском парламенте обсуждался Вами с великобританским послом, я доверительно переговорил с Сесилем по содержанию Вашей телеграммы № 2163 [1]) и оставил ему «доверительную» записку, как это принято здесь

[1]) См. стр. 334.

по самым секретным делам. Полагаю, поэтому, что Сесиль слишком много сказал Империали в расчете на его такт и дискретность и что передача этого разговора в Рим вызвала происшедшее недоразумение, за которое не могу принять на себя ответственности. Прошу Вас верить, что я никогда не выступаю по принципиальным вопросам без особого полномочия. Позвольте строго доверительно прибавить следующее: наш посол в Риме, всегда сугубо осторожный в выборе выражений, обмолвился однажды по поводу малоазиатских дел, в применении к Италии, словом «шантаж». В той же оценке сходятся лорд Гардинг и французский посол Камбон, не раз в дружеских и откровенных беседах со мною выражавшие это мнение: «Италия», сказал мне Камбон, «исходит из убеждения, что треть Малой Азии уже принадлежит ей,—что явно нелепо». Таковы его подлинные слова. Англия и Франция встречают в сношениях с Италией непомерно бо́льшие трудности, чем мы; поверьте мне, что моя оценка приемов Италии и, в особенности, ее представителя в Лондоне, гораздо мягче, чем то, что думают здесь, но что высказывается в осторожной форме ради общего принципа сохранения дружного согласия между всеми союзниками.

Набоков.

CCCXX.

Российский поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 474. 13/26 июня 1917 г.

Меккский шериф издал вторую прокламацию, в которой говорит, что если турецкие мусульмане не отрекутся от своего «Туранского» правительства, он прикажет исключить имя турецкого султана из молитв, читаемых по пятницам в меккской мечети. Желательно ли нам иметь сто экземпляров этой прокламации на персидском языке?

Набоков.

CCCXXI.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Париже М. М. Севастопуло [1]).

Телеграмма.

№ 2880. 23 июня / 6 июля 1917 г.

Наш консул в Александрии донес, что недавно через означенный город проехал бывший французский генеральный консул в Бейруте Пико, на которого, повидимому, возложена фран-

[1]) В середине мая 1917 г. российский посол в Париже А. П. Извольский был уволен от занимаемой им должности. До назначения нового посла управление посольством было возложено на советника того же посольства М. М. Севастопуло с присвоением ему наименования поверенного в делах.

цузским правительством какая то особая миссия в Сирии. По сведениям нашего консула, в Александрии, при особом приеме сирийской и армянской колоний, Пико выступал официально в качестве «верховного комиссара республики», при чем место его назначения тщательно замалчивалось.

Благоволите осведомиться доверительно, какого рода миссия возложена на Пико, и о последующем телеграфировать.

Терещенко.

CCCXXII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 623. 26 июня / 9 июля 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму за № 2880.

Как мне объяснили в министерстве иностранных дел,—когда англичане предприняли сирийскую экспедицию, Франция поставлена была в затруднительное положение, потому что, с одной стороны, ей невозможно было не принимать участия в военных операциях в области, где у нее столь значительные интересы, с другой,—потому что не представлялось никакой возможности выделить мало-мальски значительные воинские части для участия в походе. Франция ограничилась отправлением туда нескольких батальонов и, кроме того, месяц тому назад командирован для следования за экспедицией Пико, в сопровождении небольшой свиты, для того, чтобы, в случае успеха похода и проникновения в Сирию, при этом был бы французский представитель; звание верховного комиссара ему не присваивалось. Со стороны Англии при экспедиции был также гражданский чиновник сэр Марк Сайкс.—Когда выяснилось, что на успех в близком будущем рассчитывать нельзя, Пико вернулся в Европу и ныне находится в Лондоне. Он будет здесь через неделю и, если бы Вам угодно было иметь дополнительные сведения, я мог бы с ним переговорить.

Севастопуло.

CCCXXIII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 643. 1/14 июля 1917 г.

Ваша телеграмма № 2082 [1]) получена.

По ее содержанию было немедленно запрошено здешнее министерство иностранных дел, которое, однако, до сих пор не доставило просимых сведений. Повидимому, к идее основания еврейского государства в Палестине значительно охладели. Насколько

---

[1]) См. прим. на стр. 334.

посольству удалось установить, единственно практическим осуществлением сионизма в настоящее время является деятельность Общества еврейской колонизации (правление в Лондоне, отделение в Париже). Оно обладает капиталом 300.000.000 франков и занимается колонизацией Южной Америки и Палестины, однако, без стремления устроить там особое еврейское государство.

Севастопуло.

CCCXXIV.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде маркизу А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [1]).

28 июля / 10 августа 1917 г.

Ваше превосходительство получит с английским курьером от королевского посольства в Лондоне протокол, утверждающий с некоторыми позднейшими добавлениями соглашение в Сен-Жан-де-Мориене относительно Малой Азии. [2]) Этот протокол составит предмет сообщения, подписанного Италией, Францией и Великобританией, но содержащиеся в нем постановления «действительны только в случае одобрения их российским правительством». Последняя часть этого протокола имеет следующее содержание: «установлено, что настоящий протокол будет сообщен российскому правительству, чтобы дать ему возможность высказаться по поводу его содержания».

Я буду телеграфировать вашему превосходительству, как только будет подписан окончательный акт сообщения означенного протокола, подписанного Италией, Францией и Великобританией. Прошу ваше превосходительство телеграфировать мне Ваше мнение относительно времени и способа, которые Вы сочли бы наиболее подходящими для передачи означенного документа российскому правительству. Для нас крайне важно избежать русского ответа, неблагоприятного нашим территориальным стремлениям, установленным в указанном протоколе. Для нас выгоднее не получать никакого русского ответа, чем получить ответ неблагоприятный итальянским стремлениям в Малой Азии.

CCCXXV.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко послу в Вашингтоне Б. А. Бахметеву.

Телеграмма.

№ 3571. 5/18 августа 1917 г.

Итальянское правительство обнаруживает в последнее время настойчивое стремление добиться от нас признания за Италией, в случае успешного окончания войны, прав на некоторые области Малой Азии.

---

[1]) В подлиннике французский текст с пометкой: „перевод с итальянского“.
[2]) См. стр. 348.

Как Вам небезызвестно, переговоры относительно распределения между союзниками различных частей Малой Азии возникали неоднократно во время войны. Однако, как я имел случай разъяснить это Руту в бытность его в России, я нахожу при нынешних политических обстоятельствах совершенно несвоевременным и нецелесообразным входить в какие бы то ни было обсуждения этого вопроса, с чьей бы стороны ни исходила к тому инициатива.

В таком смысле был дан министерством ответ здешнему итальянскому послу при неоднократных попытках его получить от нас согласие на новые итальянские притязания.

Благоволите доверительно объясниться с министром иностранных дел и склонить его к усвоению нашей точки зрения на случай, если бы итальянцами или кем-нибудь другим из союзников были предприняты в Вашингтоне какие-либо переговоры о предполагаемых территориальных приобретениях в связи с настоящей войной.

Имея основания предполагать, что общее направление политики Соединенных Штатов в вопросе о Турции и ее будущем приближается к принципам, положенным нами ныне в основу международного общения, мы придаем большое значение при решении упомянутого вопроса голосу Америки, пользующейся при том несомненным авторитетом в Турции. В виду этого мы находим своевременным, чтобы Вы вошли в доверительный обмен мнений с вашингтонским кабинетом по турецким делам, держа нас в курсе, в целях достижения возможной согласованности действий России и Америки при ликвидации войны.

Терещенко.

CCCXXVI.

Российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 501. 18/31 августа 1917 г.

Личная.

Итальянцы до настоящего времени не обращались к американскому правительству по поводу территориальных преобразований [1]). Из объяснений с министром иностранных дел выяснилось, что подобное стремление не встречает сочувствия американского правительства. Устанавливающееся за последнее время все более и более близкое взаимное понимание наше с американским правительством позволило мне в осторожной форме приступить к исполнению Вашего поручения по вопросу о Турции. При этом, опасаясь неловкости и последствий, которые могли бы получиться, в случае, если бы этим переговорам придали сколько нибудь официальный характер, я считал необходимым начать с разговоров в совершенно частной форме, привлекая к этому, помимо

---

[1]) Приобретений?

министра иностранных дел, влиятельного Мак Аду. Из бесед обнаружилась близость направления мыслей здешних государственных людей к нашим принципам. При этом у американских государственных людей зарождается, повидимому, мысль о желательности, в связи с участием Америки в войне, оказываемой ею финансовой помощью, определенно выяснить конкретные цели войны и взгляды на основы будущего мира, при чем, в связи с этим, возникает мысль о возможности известного давления на союзников, дабы побудить их отказаться от завоевательных стремлений в Турции, что могло бы послужить к выпадению Турции из войны и тем облегчить окончание последней и торжество демократических задач. Такая же мысль зарождается, повидимому, и по отношению к Балканам, в частности Болгарии. Считая, что в дальнейшем это устанавливающееся понимание возможно развить, был бы Вам признателен, в случае, если Вы нашли [бы] необходимым продолжать подобные переговоры, дать мне конкретные указания по этому вопросу. Считаю нужным прибавить при этом, что, при современном положении России, представлялось бы целесообразным в этих вопросах выдвигать Америку на первенствующую роль, а нам поддерживать ее выступления.

Бахметев.

CCCXXVII.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 947. 7/20 сентября 1917 г.

Судя по некоторым указаниям, если мы, чтобы выйти из неловкого положения [1]), предложим французам опубликовать все наши соглашения как заключенные до войны, так и февральское [2]), с оговоркой при этом, что сие последнее должно считаться не действительным, то такое предложение имело бы шансы на успех. Действительно, мысль о присоединении левого берега Рейна особого сочувствия в широких слоях французской публики не встречает; социалисты же категорически высказываются против нее. Члены правительства в душе, насколько можно судить, совсем отказались от нее; они, однако, поставлены несколько в не-

[1]) Имеется в виду запрос, сделанный в палате депутатов председателю французского совета министров и министру иностранных дел А. Рибо по поводу данного им обещания опубликовать документы касательно соглашений. В ответе А. Рибо указал, что в этом вопросе приходится считаться с возражениями союзников и, главным образом, России (телеграмма М. М. Севастопуло от 6/19 сентября 1917 г. № 943).

[2]) Обмен нот, состоявшийся между российским и французским правительствами в феврале 1917 г.: Россия соглашалась признать за Францией Эльзас-Лотарингию, а также особое положение в долине реки Саар, и содействовать отделению от Германии ее зарейнских областей. Взамен Франция обязалась предоставить России полную свободу в деле определения ее западных границ. (Справка об этом соглашении опубликована в № 3 „Сборника секретных документов из архива б. министерства иностранных дел", изд. Наркоминдела 1917 г., стр. 106).

ловкое положение тем, что главные из них состояли в феврале членами кабинета Бриана. Я должен присовокупить, что вопрос о малоазиатском соглашении стоит особо и, как мне известно, Рибо считает, что оно, как еще не законченное, находится в области переговоров и не подлежит поэтому ни оглашению, ни отмене. Надеюсь через один или два дня телеграфировать дополнительно по этому поводу.

Севастопуло.

CCCXXVIII.

Российский министр иностранных дел М. И. Терещенко поверенному в делах в Париже М. М. Севастопуло.

Телеграмма.

№ 4239. 12/25 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на Ваш № 947.

С точки зрения русских интересов, малоазийское соглашение не может считаться стоящим особо. Выполнение его зависит от выполнения соглашения о проливах. Мысль эта ясно выражена в первой телеграмме о наших видах на Константинополь от 19 февраля 1915 года, № 937 [1]), в заключительной фразе, и повторена в меморандуме о малоазийском соглашении, врученном английскому и французскому послам в Петрограде 4 марта 1916 года, за № 205 [2]). В последнем документе сказано: il va sans dire que le consentement de la Russie aux points précédents reste subordonné à la réalisation de son entente avec la France et l'Angleterre relative à Constantinople et aux Détroits. [3]). Так как упомянутые наши заявления были приняты французским правительством без возражений, то отсюда следует, что малоазийское соглашение не может быть рассматриваемо отдельно от соглашения о Константинополе и проливах и, обратно, какие-либо изменения в последнем неизбежно так или иначе должны отразиться на первом.

При этом, если, согласно Рибо, считать малоазийское соглашение еще незаконченным, то тем менее у него обязательной силы.

Такой точки зрения благоволите неуклонно держаться в случае дальнейшего обмена мнений с французским правительством.

Копия в Лондон.

Конец только для Лондона:

Текст телеграммы Севастопуло за № 947 сообщается Вам отдельно.

Терещенко.

---

[1]) См. стр. 118.

[2]) См. стр. 163.

[3]) „Само-собой разумеется, что согласие России на предыдущие пункты остается обусловленным осуществлением ее соглашения с Францией и Англией относительно Константинополя и проливов“.

CCCXXIX.

Российский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 969. 15/28 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 947.

Боюсь, что я в своей телеграмме не совсем ясно выразился. Говоря, что соглашение по малоазиатским делам стоит, по мнению Рибо, «особо», Камбон имел в виду, что оно, как не окончательное, стоит особо именно с точки зрения вопроса об опубликовании,— о том же, что оно могло бы рассматриваться вне связи с константинопольским, разумеется, не было и речи.

Севастопуло.

CCCXXX.

Министерство Иностранных Дел.

Департамент политических и торговых дел.

АЗИЯ.

№ 708.

Малая Азия.

Французская Республика.

Париж, 3 октября 1917 г.

Министр иностранных дел [А. Рибо][1]) г. Нулансу [2]), послу французской республики в Петрограде [3]).

Секретно.

В ответ на пожелание, которое Вы мне высказали в Вашей телеграмме за № 1440, имею честь препроводить Вам при сем копии:

1) письма от 21 августа, которым итальянский посол передал мне копию меморандума относительно Малой Азии, составленного в Лондоне 8 прошлого августа;

2) ответа, с которым я обратился к нему 22 августа;

3) письма, которым французский поверенный в делах в Лондоне передал мне копию письма г. Бальфура, сообщавшего ему, что он обменялся 18 августа тем же меморандумом с итальянским послом;

4) ответа, с которым я обратился 20 сего месяца к Полю Камбону.

Вы найдете при сем также экземпляр карты, указанной в меморандуме [4]).

За министра и по его поручению,
полномочный министр, вице-директор
(*подпись неразборчива*).

---

[1]) 25 августа / 7 сентября 1917 г. произошла смена французского кабинета. В новом кабинете П. Пенлевэ А. Рибо сохранил пост министра иностранных дел.

[2]) В мае 1917 г. французский посол в Петрограде М. Палеолог был заменен Э. Нулансом.

[3]) Документ из дела французского посольства в Петрограде. Перев. с фр. Сохраняем заголовок подлинника.

[4]) Прилагаемая нами карта перечерчена с имеющейся в деле французского посольства карты, приложенной к этим документам.

CCCXXXI.

Итальянский посол [маркиз Сальваго-Раджи] г. Рибо, председателю совета министров, министру иностранных дел [1]).

21 августа 1917 г.

Копия.

Секретно.

Согласно нашему условию, имею честь ниже сообщить вашему превосходительству текст меморандума, воспроизводящего результаты переговоров между французским, великобританским и итальянским правительствами в Сен-Жан-де-Мориен и в последующих конференциях касательно Малой Азии:

Меморандум о результатах переговоров между французским, великобританским и итальянским правительствами в Сен-Жан-де-Мориен и в последующих конференциях касательно Малой Азии, при условии согласия российского правительства.

1) Итальянское правительство дает свое согласие на постановления, содержащиеся в статьях 1 и 2 франко-британских соглашений от 9 и 16 мая 1916 г. [2]). Со своей стороны, французское и великобританское правительства признают за Италией, на тех же самых условиях в отношении управления и интересов, зоны зеленую и (С), указанные в прилагаемой при сем карте.

2) Италия обязуется учредить в Смирне порто-франко, поскольку это касается торговли Франции, ее колоний и ее протекторатов, а также торговли Великобритании и зависящих от нее областей [3]). Италия будет пользоваться правами и привилегиями, которые Франция и Великобритания взаимно обеспечили себе в портах Александретты, Кайфы и Сен-Жан Д'Акр, согласно ст. 5 [4]) вышеупомянутых соглашений. Мерсина будет порто-франко, поскольку это касается торговли Италии, ее колоний и ее протекторатов, и в ней не будет ни различия в условиях пользования портом, ни привилегий в отношении портовых сборов, в которых может быть отказано итальянскому флоту и товарам. Будет установлена свобода транзита через Мерсину и по жел. дороге, пересекающей Аданский вилайет, для итальянских товаров, пред-

---

[1]) Перев. с фр. Сохраняем заголовок подлинника.

[2]) Как указывалось выше, эти документы в деле отсутствуют. Ср. ст.ст. 1 и 2 франко-английского проекта соглашения об образовании независимого арабского государства (см. стр. 154).

[3]) Смирна и хинтерланд по Севрскому договору от 10 августа 1920 г. (ст.ст. 65—83) номинально были признаны входящими в состав Оттоманской империи, но фактически переданы в руки не итальянцев, а греков. В сентябре 1922 г. Смирна и ее окрестности снова были заняты турками после разгрома греческой армии в сражении при Афиум-Карахиссаре.

[4]) Ср. ст. 5 проекта соглашения (стр. 155).

назначенных в итальянскую зону или из нее идущих. Не будет никакого различия в режиме (прямом или косвенном) в ущерб итальянским товарам на какой бы то ни было железной дороге, равно как и в ущерб итальянским товарам и судам в каком бы то ни было порте на протяжении Киликийского берега, обслуживающего итальянскую зону.

3) Форма международного управления в желтой зоне, о которой идет речь в статье 3[1]) вышеупомянутого соглашения от 9 и 16 мая 1916 года, будет установлена в согласии с Италией.

4) Италия, поскольку это ее касается, дает свое согласие на постановления, содержащиеся в 4 статье тех же соглашений относительно портов Кайфы и Акры [2]).

5) Италия дает свое согласие, поскольку это касается зеленой зоны и зоны (С), на два параграфа ст. 8 франко-английских соглашений относительно таможенного режима, который будет сохранен в синей и красной зонах, а также и в зонах (А) и (В) [3]).

6) Решено, что интересы, которые каждая держава имеет в зонах, отходящих к другим державам, будут тщательно охраняться, но что державы, которых касаются эти интересы, не будут пользоваться ими, как средством для политических действий.

7) Постановления, содержащиеся в статьях 10, 11 и 12 [4]) франко-английских соглашений касательно Аравийского полуострова и Красного моря, будут рассматриваться, как относящиеся равным образом и к Италии, как если бы эта держава была упомянута в этих статьях вместе с Францией и Англией, в качестве договаривающейся стороны.

8) Решено, что в случае, если при заключении мира преимущества, предусматриваемые соглашениями, состоявшимися между союзными державами, касательно признания за каждой из них части Оттоманской империи, не смогут быть обеспечены полностью в пользу одной или нескольких из названных держав, то при каждом изменении или переустройстве провинций Оттоманской империи, являющемся следствием войны, сохранение равновесия в Средиземном море будет должным образом принято в соображение, сообразно со ст. 9 Лондонского соглашения от 26 апреля 1915 г.[5]).

9) Решено, что настоящий меморандум будет сообщен российскому правительству, для того, чтобы оно могло высказать свою точку зрения.—

Буду очень признателен вашему превосходительству, если Вы сообщите мне, согласны ли Вы с текстом меморандума, который должен оставаться секретным.

---

[1]) Ср. ст. 3 проекта франко-английского соглашения об образовании независимого арабского государства (см. стр. 155).

[2]) Ср. ст. 4 того же соглашения (см. стр. 155).

[3]) Ср. ст. 8 того же соглашения (см. стр. 156).

[4]) Ср. ст. ст. 9, 10 и 11 того же соглашения (см. стр. 156—157).

[5]) См. прил. № 2.

CCCXXXII.

Г. Рибо, председатель совета министров, министр иностранных дел, маркизу Сальваго-Раджи, итальянскому послу в Париже [1]).

Париж, 22 августа 1917 г.

Копия.

Секретно.

Письмом от 21 сего месяца ваше превосходительство соблаговолили сообщить мне, с приложением карты, текст нижеприведенного меморандума, воспроизводящего результаты переговоров между Францией, Великобританией и итальянским правительством в Сен-Жан и в последующих конференциях, касательно Малой Азии:

[Воспроизведение текста меморандума в том виде, как он представлен в письме итальянского посла от 21 августа].

В ответ на высказанное вашим превосходительством пожелание спешу довести до Вашего сведения, что я согласен с его превосходительством бароном Соннино относительно текста означенного меморандума, который должен остаться секретным.

CCCXXXIII.

Министерство Иностранных Дел.

Департамент политических и торговых дел.

№ 962.

Малая Азия.

Копия.

Секретно.

Французская Республика.

Лондон, 24 августа 1917 г.

Г. Флерио, французский поверенный в делах в Лондоне, г. Рибо, председателю совета министров, министру иностранных дел [1]).

Как я уже довел до сведения вашего превосходительства телеграммой за №1311, статс-секретарь по иностранным делам и итальянский посол обменялись 18 сего месяца сообщением меморандума относительно Малой Азии, составленного в Лондоне 8 августа текущего года.

Г. Бальфур осведомил меня об этом обмене нотами письмом, копию которого при сем прилагаю.

Я уведомлю его о получении этого письма только на основании инструкции вашего превосходительства, после обмена нотами в Париже.

---

[1]) Перев. с фр. Сохраняем заголовок подлинника.

CCCXXXIV.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам А. Бальфур французскому поверенному в делах в Лондоне А. Флерио [1]).

(*С копии письма*).

18 августа 1917 г.

Милостивый Государь,

Честь имею довести до Вашего сведения, что в ответ на ноту, адресованную мне итальянским послом в Лондоне 18 сего месяца, я официально уведомил его превосходительство, что правительство его величества согласно с тем, что следующие пункты воспроизводят результаты переговоров между французским, великобританским и итальянским правительствами в Сен-Жан-де-Мориен и в последующих конференциях, касательно Малой Азии.

В то же время я сообщил маркизу Империали, что эти пункты должны остаться секретными.

[**Приводится текст меморандума, см. стр 348**].

Примите и проч.

Бальфур.

CCCXXXV.

Министерство
Иностранных Дел.

Департамент политических и торговых дел.

№ 3314.
Малая Азия.

Французская Республика.

Париж, 20 сентября 1917 г.

Министр иностранных дел [А. Рибо] г. Полю Камбону, французскому послу в Лондоне [2]).

Копия.

Секретно.

Письмом от 24 минувшего августа г. Флерио препроводил мне письмо от 18 августа, которым статс-секретарь его британского величества уведомил его, что он обменялся с итальянским послом 18 августа меморандумом относительно Малой Азии, составленным в Лондоне 8 августа с. г.

Вы найдете при сем копию писем, которыми я равным образом обменялся с маркизом Сальваго Раджи по этому вопросу 21 и 22 прошлого августа.

Я буду признателен, если Вы просто уведомите г. Бальфура о получении сообщения, которое он сделал Вам со своей стороны.

---

1) Перев. с англ.
2) Перев. с фр. Сохраняем заголовок подлинника.

Приложения

Приложение № 1.

Итальянский министр иностранных дел Т. Титтони российскому министру иностранных дел А. П. Извольскому.

Письмо [1]).

Министр иностранных дел. Замок Раккониджи, 24 октября 1909 г.

Господин министр,

В беседе, которую я имел удовольствие вести с вашим превосходительством, и в течение которой счастливо обнаружилось происшедшее сближение интересов между нашими двумя странами, а также полное тождество во взглядах обоих правительств, мы признали полезным зафиксировать основные пункты, по которым мы пришли к полному соглашению.

Как Вы, так и я установили:

1) Что Италия и Россия должны в первую очередь стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове;

2) Что в случае каких-либо событий, могущих произойти на Балканах, они должны настаивать на применении принципа национальности путем развития балканских государств, исключая возможность всякого иностранного господства;

3) Что они должны сообща противиться всяким действиям, противоположным вышеуказанным целям. Под «действиями сообща» следует понимать дипломатические шаги; всякое же действие другого порядка, естественно, должно быть отложено до позднейшего соглашения;

4) Что если Италия и Россия пожелают заключить с третьей державой новые соглашения относительно европейского Востока, кроме тех, которые существуют в настоящее время, каждая из них не сделает этого без соучастия другой;

5) Что Италия и Россия обязуются относиться благожелательно, первая—к русским интересам в вопросе о проливах, вторая—к интересам Италии в Триполитании и Киренаике [2]).

Признается установленным, что настоящий обмен писем остается секретным и не может быть доведен до сведения третьей державы иначе, как с обоюдного согласия.

Его величество, король, мой августейший повелитель, одобряет линию поведения своего правительства, отвечающую вышеуказанным принципам.

Примите, г. министр, уверение в моем совершенном к Вам уважении.

Титтони.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Текст этого соглашения опубликован в „Материалах по истории франко-русских отношений 1910—1914 г.г.", Москва, 1922 г., стр. 298.

Российский министр иностранных дел А. П. Извольский итальянскому министру иностранных дел Т. Титтони.

Проект письма [1]).

В письме от сего дня вашему превосходительству угодно было отметить счастливо происшедшее сближение интересов между нашими двумя странами, а также полное тождество во взглядах обоих правительств; признавая вместе с вашим превосходительством полезным зафиксировать основные пункты, по которым мы пришли к полному соглашению, спешу со своей стороны установить:

1) Что Россия и Италия должны в первую очередь стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове;

2) Что в случае каких-либо событий, могущих произойти на Балканах, они должны настаивать на применении принципа национальности путем развития балканских государств, исключая возможность всякого иностранного господства;

3) Что они должны сообща противиться всяким действиям, противоположным вышеуказанным целям. Под «действиями сообща» следует понимать дипломатические шаги; всякое же действие другого порядка, естественно, должно быть отложено до позднейшего соглашения;

4) Что если Россия и Италия пожелают заключить с третьей державой новые соглашения относительно европейского Востока, кроме тех, которые существуют в настоящее время, каждая из них не сделает этого без соучастия другой;

5) Что Италия и Россия обязуются относиться благожелательно, первая—к русским интересам в вопросе о проливах, вторая—к интересам Италии в Триполитании и Киренаике.

Признается установленным, что настоящий обмен писем остается секретным и не может быть доведен до сведения третьей державы иначе, как с обоюдного согласия.

Его величество, император, мой августейший повелитель, одобряет линию поведения своего правительства, отвечающую вышеуказанным принципам.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: „Съ". Замок Раккониджи, 11 октября 1909 г.

Приложение № 2.

Лондонское соглашение держав Согласия с Италией 13/26 апреля 1915 г. [2]).

По распоряжению своего правительства, итальянский посол в Лондоне маркиз Империали имеет честь сообщить статс-секретарю по иностранным делам, достопочтенному сэру Эд. Грею, и их превосходительствам французскому послу г. П. Камбону и рос-

[1]) Перев. с фр.

[2]) Перев. с фр.; текст соглашения опубликован в „History of the peace conference of Paris", ed. by H. W. V. Temperley, London, 1920, т. V, стр. 384—391.

сийскому послу графу Бенкендорфу следующую памятную записку:

Статья I. Французский, великобританский, российский и итальянский генеральные штабы незамедлительно заключат военную конвенцию; эта конвенция установит минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австрии с целью воспрепятствовать этой державе сосредоточить все свои усилия против Италии, в случае, если Россия решила бы направить свои главные усилия против Германии. Военная конвенция урегулирует вопрос о перемириях, зависящих по существу от главного командования армиями.

Статья II. Италия, со своей стороны, обязуется использовать все средства для ведения войны совместно с Францией, Великобританией и Россией против всех их врагов.

Статья III. Французский и английский флоты окажут активную и постоянную помощь Италии вплоть до уничтожения австрийского флота или до заключения мира. Франция, Великобритания и Италия незамедлительно заключат морскую конвенцию.

Статья IV. По мирному договору Италия получит Трентино, Цизальпинский Тироль, с его географической и естественной границей, границей Бреннера, а также Триест, графства Горицу и Градиску, всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску и Истрийские острова Керсо, Луссин, а также малые острова Плавник, Униэ, Канидолэ, Палаццуоли, Сан-Пьетро-ди-Немби, Азинелло, Груику и соседние островки.

Примечание I. Граница, необходимая для выполнения ст. IV, будет намечена следующим образом: от вершины Пиц-Умбрайль до пункта к северу от Стельвио она пройдет по хребту Ретийских Альп до источников Адиджэ и Эйзака, проходя по горам Решен, по Бреннеру и по возвышенностям Этца и Циллера. Граница затем направится на юг, пересечет гору Тоблак и сольется с нынешней границей Карнийских Альп. Она пойдет по этой границе до горы Тарвиз и дальше по водоразделу Юлианских Альп, через перевал Предиль, гору Мангард, Трикорно [Триглав] и по водоразделу Подбердо, Подланискам и Идрии. От этого пункта граница пойдет в юго-восточном направлении к Шнебергу, оставляя вне пределов итальянской территории весь бассейн Савы и ее притоков, текущих с Шнеберга; граница спустится к берегу, включая Кастуа, Матулью и Волоску в итальянскую территорию.

Статья V. Италия получит также провинцию Далмацию в ее нынешних административных пределах, на севере включая Лисарику и Трибанию и на юге до линии, идущей от мыса Планка на побережьи на восток по вершинам возвышенностей, образующих водораздел, таким образом, что все долины и потоки, спускающиеся к Себенико, как Чикола, Керка, Бутисника и их притоки, остаются в пределах итальянской территории. Она получит также все острова, расположенные к северу и к западу от Далма-

ции, от Премуды, Сельве, Ульбо, Скерда, Маон, Паго и Пантадуры на севере—до Меледы на юге, включая Сант-Андреа, Бузи, Лиссу, Лессину, Терколу, Курцолу, Кацну и Лагосту, а также окрестные скалы и островки и Пелагозу, за исключением только островов Большой и Малой Зироны, Буа, Сольта и Брацца. Нейтрализованы будут: 1) Весь берег от мыса Планка на севере до южного основания полуострова Сабиончелло, на юге, охватывая таким образом весь этот полуостров; 2) Часть побережья, начиная на севере от точки, расположенной на 10 километров к югу от мыса Рагуза Веккиа и вниз на юг до реки Воюссы, так, чтобы охватить залив и порты Катарро, Антивари, Дульцинио, Сен-Жан-де-Медуа, Дураццо, не нарушая прав Черногории, вытекающих из деклараций, которыми державы обменялись в апреле и мае 1909 г. Эти права, распространяющиеся только на черногорские в настоящее время территории, не могут быть распространены на территории и порты, которые могут быть предоставлены Черногории. Вследствие этого ни одна часть побережья, ныне принадлежащего Черногории, не может быть нейтрализована. Остается в силе ограничительное условие для порта Антивари, на которое сама Черногория согласилась в 1909 г.; 3) и наконец острова, которые не будут предоставлены Италии.

Примечание 2. Перечисленные ниже территории Адриатики будут четырьмя союзными державами предоставлены Кроации, Сербии и Черногории: в верхней Адриатике весь берег от бухты Волоски на границе Истрии до северной границы Далмации, охватывая венгерское ныне побережье и весь берег Кроации с портом Фиуме и малыми портами Нови, Карлопаго, а также острова Велию, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбэ. В нижней Адриатике, в области, в которой заинтересованы Сербия и Черногория, весь берег от мыса Планка до реки Дрина с важными портами Спалато, Рагуза, Катарро, Антивари, Дульцинио и Сен-Жан-де-Медуа и острова Большой и Малой Зироны, Буа, Сольта, Брацца, Жаклиан и Каламота, порт Дураццо предоставляются независимому мусульманскому Албанскому государству.

Статья VI. Италия получает в полное владение Валону, острова Сасено и территорию, достаточно обширную, чтобы обеспечить защиту этих пунктов между Воюссой на севере и на востоке, и приблизительно до северной границы округа Кимара на юге.

Статья VII. Если Италия получит Трентино и Истрию, согласно ст. IV, Далмацию и острова Адриатики в пределах, указанных в ст. V, и Валонскую бухту и если центральная часть Албании сохранится для создания небольшого автономного нейтрального государства, она не будет противиться разделу северных и южных частей Албании между Черногорией, Сербией и Грецией, если таково желание Франции, Великобритании и России. Побережье от южной границы итальянского владения Валоны—см. ст. VI—до мыса Стилос будет нейтрализовано. Италии будет поручено представлять албанское государство в его внешних сно-

шениях. Италия соглашается, с другой стороны, во всяком случае оставить на восток от Албании территорию, достаточную для обеспечения существования общей границы Сербии и Греции к западу от Охридского озера.

Статья VIII. Италия получит в полное владение острова Додеканеза, которые она занимает в настоящее время.

Статья IX. Франция, Великобритания и Россия вообще признают, что Италия заинтересована в сохранении равновесия на Средиземном море и что, в случае полного раздела Азиатской Турции, она [Италия] должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалии, где Италия уже приобрела права и интересы, которые послужили предметом итало-британской конвенции. Зона, которая будет эвентуально предоставлена Италии, будет в свое время разграничена, при чем будут учтены существенные интересы Франции и Великобритании. Интересы Италии будут равным образом приняты во внимание в случае, если территориальная неприкосновенность Азиатской Турции будет сохранена и если будут сделаны изменения в зонах и в интересах держав. Если Франция, Великобритания и Россия заняли бы во время войны территории Азиатской Турции, то область, смежная с провинцией Адалии в пределах, указанных выше, будет предоставлена Италии, которая получит право занять ее.

Статья X. Италии будут предоставлены в Ливии права и привилегии, принадлежащие в настоящее время султану в силу Лозаннского договора.

Статья XI. При возмещении военных издержек настоящей войны Италия получит долю, соответствующую ее усилиям и жертвам.

Статья XII. Италия заявляет о своем присоединении к декларации, сделанной Францией, Великобританией и Россией с целью оставить Аравию и мусульманские священные места в Аравии под властью независимой мусульманской державы.

Статья XIII. В случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и колоний, смежных с французскими и английскими.

Статья XIV. Англия обязуется облегчить немедленное заключение на справедливых условиях займа не менее 50.000.000 ф. ст. к выпуску на лондонском рынке.

Статья XV. Франция, Великобритания и Россия будут поддерживать сопротивление, которое Италия будет оказывать всякому предложению, клонящемуся к привлечению представителя Святейшего Престола к участию во всех переговорах о мире и об урегулировании вопросов, выдвигаемых настоящей войной.

Статья XVI. Настоящее соглашение будет храниться в тайне. Только присоединение Италии к декларации 5-го сентября 1914 г.

будет опубликовано немедленно после объявления войны Италией или Италии.

Ознакомившись с вышеизложенной памятной запиской, представители Франции, Великобритании и России, должным образом на то уполномоченные, заключили с представителем Италии, равным образом уполномоченным своим правительством, следующее соглашение: Франция, Великобритания и Россия изъявляют полное согласие с представленной итальянским правительством памятной запиской.

Ссылаясь на статьи I, II, III записки, предусматривающие военное и морское сотрудничество 4-х держав, Италия заявляет, что она вступит в войну как можно скорее и в срок, не превышающий одного месяца со дня подписания настоящего [соглашения].

В удостоверение изложенного нижеподписавшиеся подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои печати.

Составлено в Лондоне в 4-х экземплярах 26 апреля 1915 г.

Приложение № 3.

Главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

28 февраля 1915 г.

Главноуправляющий
Землеустройством и Земледелием.

№ 132. *Доверительно.*

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич,

Успешные результаты наших военных операций на турецком фронте дают основание предполагать, что в более или менее близком будущем окажется возможность исправления кавказской границы и округления наших владений в Малой Азии и Армении. В настоящее время трудно, конечно, предвидеть характер и размер возможных здесь территориальных приобретений России, так как таковые будут зависеть не только от хода кампании на этом фронте, но и от общих политических обстоятельств. Надо полагать, однако, что присоединение к Закавказью некоторых пограничных частей Турции, важных для нас по тем или другим причинам, не представит особых затруднений.

По этим соображениям позволяю себе обратить внимание вашего высокопревосходительства теперь же на те из означенных областей, которые имеют для сельскохозяйственного ведомства существенное значение.

Первая из них представляет побережье Черного моря от теперешней нашей границы до Самсуна (Трапезондский вилайет).

По климату и растительности побережье это является непосредственным продолжением Батумской ривьеры, но еще несколько теплее. Оно производит апельсины, лимоны, орехи, табак, богато лесом и представляет исключительно благоприятные условия для дачных поселений и климатических курортов. Производительность побережья может быть во много раз увеличена, при чем к числу растений, культура коих получит здесь развитие, принадлежит, кроме перечисленных, еще и чай. Расположенные к югу от побережья нагорные районы подняты сравнительно высоко и вполне пригодны для широкого развития переселения.

Другой областью, лежащей к юго-востоку от первой, является бассейн верхнего течения Аракса и Ефрата, обыкновенно называемый Арменией (Эрзерумский и Ванский вилайеты и часть Битлисского вилайета). Большая часть этой области приподнята высоко над уровнем моря, отличается сравнительно суровым здоровым климатом и вполне пригодна для русских переселенцев. Пустующие земли занимают здесь обширные пространства. В особенности важным районом этой области являются верховья Аракса, нижнее течение коего находится в наших пределах и служит источником для орошения обширных степных пространств восточного Закавказья. Часть этих степей уже орошена, но полное использование пустующих земель в данном бассейне для нужд переселения и хлопководства возможно лишь при условии устройства в верховьях реки водохранилищ для сбережения зимних вод и пополнения таковыми недостатка воды в летнее время. В этих целях, а также и для умножения рыбных богатств в Араксе, обладание районом его верховьев имеет для нас весьма существенное значение.

Не менее важные для нас области расположены и вдоль персидской границы, в виду чего, в случае общего пересмотра политического устройства передней Азии, вероятного при грядущих событиях, на эти области необходимо также обратить особое внимание.

Одна из этих областей представляет так называемую персидскую Мугань, прилегающую с юга к нашей Муганской степи. Заканчиваемое ныне орошение русской Мугани не может быть распространено по условиям рельефа на южный ее район, обладающий хорошей почвой и заключающий до 40 тыс. дес. Орошение этого района, а также пограничной части персидской Мугани возможно лишь при условии выведения канала на правый берег Аракса в пределах Персии. В видах орошения этого района возникло предположение испросить у персидского правительства концессию на имя Учетно-ссудного банка Персии; проект концессии выработан и вашему высокопревосходительству угодно было поручить это дело особому вниманию императорской миссии в Тегеране. Приобщение персидской Мугани, помимо разрешения вопроса об орошении южной части русской Мугани, дало бы возможность оградить наши муганские поселки от большого ущерба, наносимого им грабежом и угоном скота кочующими в пределах Персии шахсеванами. Кроме того, перенесение русской

границы на юг до гребня первых значительных возвышенностей весьма желательно и в видах успешной борьбы с бичем данного района—саранчей.

Всем этим целям отвечало бы такое спрямление границы, при котором вся вдающаяся на север между Ленкоранским и Карягинским уездами часть Персии отошла бы к нам. Еще более желательным явилось бы присоединение всего северного Азербейджана, так как в таком случае к нам отошел бы весь правый берег Аракса и были бы устранены существенные неудобства, проистекающие, при устройстве в бассейне реки орошения, из пограничного положения последней.

К данной области с востока прилегает не менее важное для нас южное побережье Каспийского моря—Гилян и Мазандеран. Оно отличается мягким климатом, богато строевым лесом и вполне пригодно для подтропических культур до хлопка, апельсинов и лимонов включительно. Устья впадающих в море рек изобилуют рыбой. Наконец, еще восточнее лежит Астрабадская провинция, занятая бассейном р. Гюргена и других мелких речек. В последнее время здесь образовался ряд русских поселков (10, с населением до $2^1/_2$ тысяч), имеется много участков, приобретенных или арендованных русскими предпринимателями, и заявлены ходатайства об оросительных концессиях, в целях культуры хлопчатника. Присоединение этого района дало бы возможность упорядочить крайне запутанные здесь земельные отношения и укрепить положение наших переселенцев и предпринимателей, которое пока является довольно шатким и ненадежным.

Как видно из этих данных, приобщение названных областей, расширив на юг пределы империи, разрешило бы в то же время ряд давно назревших хозяйственных вопросов первостепенной важности.

Сообщая об изложенном, долгом считаю обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой принять во внимание приведенные соображения при предстоящих, после завершения военных действий, мирных переговорах и возможном, в результате таковых, исправлении нашей турецко-персидской границы.

Благоволите, милостивый государь, принять уверение в моем совершенном уважении и искренней преданности.

А. Кривошеин.

Предметный указатель к дипломатической переписке.

Именной указатель к дипломатической переписке [1]).

---

[1]) Даты по новому стилю.

Коппола — итальянский журналист. Стр. 240.

Корнилов В. А.—вице-адмирал, 1806—1854 г., герой севастопольской обороны. Стр. 177.

Кривошеин А. В.—род. в 1858 г., тов. упр. землеустройством и земледелием 1905—1908 г.; управл. землеустройством и земледелием с 1908 г. по ноябрь 1915 г.; скончался в 1922 г. Стр. 360, 362.

Крупенский В. Н.—русский дипломат, служил в Константинополе, Пекине, Берлине; советник посольства в Вашингтоне 1906—1910 г. и в Вене 1910—1912 г.; посланник в Пекине 1912—1916 г.; посол в Токио 1916—1917 г. Стр. 308.

Крю маркиз Р.—английский политич. деятель, род. в 1858 г., личный секретарь лорда Гренвиля 1883—1884 г.; ген.-губерн. Ирландии 1892—1895 г.; лорд-председатель совета 1905 — 1908 г. и 1915 — 1916 г.; лорд-хранитель печати 1908 — 1911 г. и 1912 — 1915 г.; министр колоний 1908 — 1910 г.; министр по делам Индии 1910 — 1915 г.; министр народного просвещения в 1916 г.; посол в Париже с 1922 г. Стр. 136, 137, 221.

Кудашев кн. Н. А.—русский дипломат, служил в Константинополе и Токио; 1-й секретарь, а затем советник посольства в Вашингтоне 1906—1912 г. и в Вене 1912 — 1914 г.; директор дипломатической канцелярии при штабе верховн. главнокомандующ. 1914 — 1916 г.; с марта 1916 по 1917 г. посланник в Пекине. Стр. 127, 128.

Ладыженский И. Н.—помощник управляющего делами совета министров 1910—1914 г.; управляющий 1914—1917 г. Стр. 172.

Леонтьев М. Н.—ген., помощник русского военного агента в Константинополе в 1901 г., военный агент в Румынии 1901 — 1903 г. и Болгарии 1905 — 1911 г.; к-дир 85 пех. Выборгск. полка 1911 — 1913 г.; военный агент в Турции 1913 — 1914 г.; и. д. генерал-квартирмейстера главн. управ. генер. штаба 1915—1916 г. Стр. 172.

Ллойд Джордж Д.—английский государственный деятель, род. в 1863 г.; министр торговли и промышленности 1905—1908 г.; канцлер казначейства 1908 — 1915 г.; министр снабжения с мая 1915 г. по июль 1916 г.; после смерти лорда Китченера в июне 1916 г. занял пост военного министра. С декабря 1916 г. по октябрь 1922 г. премьер-министр. Стр. 318, 320, 321, 325, 326, 329, 330, 332, 333.

Львов кн. Г. Е.—род. 1861 г., член 1-ой государственной думы; во время войны главноуполномоченный всероссийского земского союза; с марта по июль 1917 г. председатель совета министров временного правительства. Стр. 323, 328.

Магомет-Риза—член турецкой партии „Единение и Прогресс". Стр. 234.

Мак Аду. В.—американский полит. деятель, секретарь финансового департамента в кабинете президента Вильсона 1913—1918 г. Стр. 345.

Маллет сэр Л.—английский дипломат, служил в Бразилии, Риме и Каире; личный секретарь при сэре Эд. Грее 1905 — 1907 г.; помощ. статс-секретаря по иностранным делам 1907 — 1913 г.; посол в Константинополе 1913—1914 г. Стр. 286.

Мандельштам А. Н. — русский дипломат, проф. международного права; 3-й, а затем 2-й драгоман посольства в Константинополе 1897—1911 г.; первый драгоман 1911 — 1914 г.; в марте 1916 г. был командирован в Берн для наблюдения за деятельностью турецких эмиссаров в Швейцарии и ведения негласных переговоров с представителями турецких оппозиционных кругов. С апреля 1917 года директор правового департамента м. ин. д. Стр. 198, 199, 205, 207, 218, 234, 245.

Маржери (Жакэн-де) П.—французский дипломат, служил в Пекине и Мадриде; посланник в Пекине 1909 — 1912 г.; вице-директор департамента политических и торговых дел 1912 — 1914 г.; директор того же департамента 1914 — 1919 г.; посланник в Брюсселе в 1919 г.; с 1922 г. посол в Берлине. Стр. 220, 335.

1894—1895 г.; посланник в Марокко 1895—1904 г.; посол в Мадриде 1904—1905 г.; посол в Петрограде 1906—1910 г.; помощ. статс-секретаря по иностр. делам 1910—1916 г.; в 1916 г. вышел в отставку. Стр. 134, 135, 137, 139, 147, 151, 166, 202, 203.

Нубар-паша, см. Богос-Нубар-паша.

Нуланс Э. — французский политический деятель, военный министр 1913—1914 г.; посол в Петрограде с мая 1917 г. по 1918 г. Стр. 347.

Обейдулла — представитель арабских интересов в Берлине. Стр. 235.

Ону К. М. — русский дипломат; 3-й, а затем 2-й секретарь посольства в Константинополе 1901—1910 г., первый секретарь посольства в Гааге 1910—1916 г.; советник посольства в Вашингтоне 1916—1917 г. Стр. 322.

Орлов кн. В. Н. — ген., начал службу в лейб-гвардии конном полку; флиг.-адъют. с 1903 г.; ген.-майор свиты с 1909 г.; пом. нач. военно-походной канцелярии имп. Николая II 1901—1906 г., нач. канцелярии 1906—1915 г.; с сентября 1915 г. пом. наместника на Кавказе по гражданской части до 1917 г. Стр. 215, 216.

Палеолог М. — французский дипломат, род. в 1859 г.; служил в Танжере, Риме, Пекине, Сеуле, а также в департаменте полит. и торговых дел; посланник в Софии 1907—1912 г., директор деп-та полит. и торг. дел 1912—1914 г., посол в Петрограде с февр. 1914 по май 1917 г.; генер. секретарь мин-ва ин. дел 1919—1920 г. Стр. 117, 118, 127—129, 149, 152, 153, 163, 166, 169, 185, 188, 193, 203, 257, 319, 321, 322, 325, 326, 332.

Пашич Н. — сербский государственный деятель, руссофил, вождь радикальной партии; в 1883 г. за заговор против короля приговорен к смертной казни, но бежал; после амнистии 1886 г. вернулся в Сербию и в том же году был избран председателем скупщины. Председатель совета министров в 1891 г., посланник в Петрограде 1892—1894 г.; в 1899 г. вновь привлечен по подозрению в заговоре, приговорен к тюремному заключению, но почти тотчас же помилован. При короле Петре министр иностр. дел 1904—1905 г., председатель совета министров 1906—1908, 1909—1911 г.г. и с 1913 г. по настоящее время; министр иностр. дел с 1913 г.; неоднократно состоял председателем госуд. совета. После мировой войны принимал участие в мирных переговорах в качестве первого представителя Сербии. Один из главных создателей юго-славского королевства. Стр. 106, 112.

Петряев А. М. — русский дипломат, служил в Константинополе и Харпуте; консул в Битоли 1910—1913 г., генеральный консул и комиссар в европейской контрольной комиссии в Албании 1914—1916 г., советник II политического отд. м-ва ин. д. с марта 1916 г. по июль 1917 г., с июля по октябрь 1917 г. товарищ министра иностр. дел. Стр. 172, 174, 178, 183, 184.

Пико Ж. Ф. — французский дипломат, служил в Копенгагене, I-й секретарь миссии в Китае 1909—1913 г. и в Рио-де-Жанейро 1913—1914 г., ген. консул в Бейруте в 1914 г. В феврале-марте 1916 г. вел переговоры с английским и русским правительствами о создании независимого арабского государства и разделе Азиатской Турции. С апреля 1917 г. по сентябрь 1919 г. ген. комиссар в Сирии; посланник в Софии с 1920 г. Стр 152, 153, 157, 160, 164—166, 171, 172, 179, 183, 185, 309, 335, 341, 342.

Поклевский С. А. — русский дипломат, I-й секретарь посольства в Токио 1897—1901 г., в Лондоне 1901—1906 г., советник посольства в Лондоне 1906—1909 г., посланник в Тегеране 1909—1913 г., посланник в Бухаресте 1913—1917 г. Стр. 141—144.

Покровский Н. Н. — русский государственный деятель, директор деп-та окладных сборов 1904—1906 г., товарищ министра финансов 1906—1916 г., министр финансов и государственный контролер в 1916 г., с сентября 1916 г. по март 1917 г. министр иностранн. дел. Стр. 277—285, 287—291, 297—300, 302—307.

Рибо А. — французский государственный деятель, род. в 1842 г.; министр иностр. дел 1890—1893 г., председатель совета министров в 1893 и 1895 г., министр финансов 1914—1917 г., премьер-министр и министр иностр. дел с марта по сентябрь 1917 г., с сентября по ноябрь 1917 г. министр иностр. дел в кабинете Пенлевэ. Скончался в 1923 г. Один из главных основателей франко-русского союза. Стр. 309, 319, 320, 321, 325, 326, 329, 330, 332, 333, 336, 346—348, 350, 351.

Родд сэр Дж. — английский дипломат, служил в Берлине, Риме, Афинах, Париже, Занзибаре и Каире. Специальный уполномоченный в Аддис-Абебе в 1897 г.; советник посольства в Риме 1901—1904 г., посланник в Стокгольме 1904—1908 г., посол в Риме 1908—1919 г., в 1920 г. сопровождал лорда Мильнера в Египет. Стр. 197, 237 299, 338, 339.

Ротшильд, лорд Н.—глава еврейских общин в Англии; один из вождей сионизма. Стр. 335.

Русин, А И. — русский морской агент в Японии 1899—1905 г., начальник николаевской морской академии и директор морского корпуса 1908—1913 г., начальник главного морского штаба 1913—1914 г., начальн. морского генерального штаба 1914—1917 г., одновременно с этим с 1915 г. состоял первым пом. морского министра и завед. морским отд. при штабе верх. главнокомандующего. Стр. 174.

Рут Э. — американский политический деятель, род. в 1845 г., военный министр в кабинете президента Мак-Кинлея 1899—1904 г., министр иностр. дел в кабинете президента Рузвельта 1905—1909 г.г., сенатор 1909—1919 г.; стоял во главе специальной дипломатической миссии, посетившей Россию в 1917 г. Стр. 344.

Саббах-Эдин — турецкий принц, эмигрант. Стр. 198.

Сазонов С. Д. — русский государственный деятель, род. в 1861 г., секретарь миссии при свят. престоле 1894—1904 г., советник посольства в Лондоне 1904—1906 г., представитель России при свят. престоле 1906—1910 г., министр иностр. дел с 1910 г. по июль 1916 г.; 12 января 1917 г. был назначен послом в Лондон. Стр. 105—125, 128—154, 157, 158, 160, 161, 163—172, 174, 182—189, 191—207, 210, 211, 213, 215, 216, 243, 257, 324, 331, 332, 360.

Сайкс, сэр М. — полковник, английский военный агент в Константинополе в 1905 г. В марте 1916 г. вел переговоры с русским правительством о создании независимого арабского государства и разделе Азиатской Турции, в 1917 г. был назначен гражданским чиновником при экспедиционном корпусе в Сирии. Скончался в 1919 г. Стр. 152, 157—160, 164, 165, 179, 342.

Сальваго-Раджи Дж.—итальянский дипломат, посол в Париже с 1916—1917 г. Стр. 348, 350, 351.

Саррайль — французский генерал, командующий 3 армией с сентября 1914 г. по июль 1915 г.; команд. франц., а затем союзными силами на Ближнем Востоке (Салоникская армия) с июля 1915 г. по декабрь 1917 г.; в 1918 г. уволен в запас. Стр. 244, 245, 330.

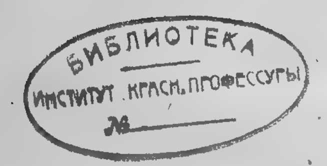
Севастопуло М. М. — русский дипломат, служил в Бухаресте, Брюсселе и Лондоне; І-й секретарь посольства в Лондоне 1908—1912 г., советник посольства в Париже 1912—1917 г. Стр. 341—343, 345—347.

Сесиль лорд Р. — английский политический деятель, род. в 1864 г., сын лорда Сольсбери. Помощн. статс-секретаря по иностр. делам 1915—1916 г., министр блокады 1916—1918 г., замещал статс-секретаря по иностр. делам А. Бальфура в 1916—1918 г., помощн. статс-секретаря по иностр. делам в 1918—1919 г., лорд-хранитель печати с мая 1923 г. Стр. 279, 281, 317, 324, 329, 330, 337—341.

Энвер-паша — младотурок, зять султана Мехмеда-Решада V, один из главных руководителей младотурецкого переворота, военный агент в Берлине 1909 — 1913 г., с января 1914 г. военный министр.; во время мировой войны главнокомандующий турецкой армией; на этом посту оставался до 1918 г., когда в связи с поражением Турции бежал в Германию, а затем в Россию; в 1919 г. приговорен заочно к смертной казни, в 1922 г. поднял восстание в Туркестане объявил себя эмиром, но вскоре был убит. Стр. 234, 245.

Юссуф-Рассих — турецкий эмигрант, бывший в оппозиции к младо-турецкому правительству. Стр. 207.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Карта раздела Азиатской Турции
/перечерчена с карты из дела французского посольства в Петрограде/.

